

Ана Сокоа

Манблшка

— У вас тут адекватные не служат, что ли? — спрашивает она, но в ответе не нуждается. — Хотя, о чем это я, — закатывает красавица глазки. — Ты сиськи свои еще больше оголи и подол повыше задери, тогда вокруг тебя одни адекваты соберутся, — отрезаю я, взяв себя в руки. Нет, с наездом на ее наряд я, конечно, переборщил, просто нужно же было оправдать свою ненормальную реакцию на эту страстную малышку. — О, а у этого индивида еще и функция связывания двух слов имеется, — ехидничает она. Она безумно красивая, но ядовита, как змея. Влезла мне под кожу, так глубоко, что ничем ее теперь не вытравить. Моя Малышка. Он наглый хам и грубиян. Так отчего же его поцелуи заставляют сердце биться чаще? Разве я могу ему довериться?

Глава 1

Сава

— Ты видел, какая у этой крошки задница? — восторженный голос Гарика отвлекает меня от мыслей о недавнем задании.

Я только вернулся и должен сейчас идти к Прохорову на ковер.

Все прошло не слишком гладко, и я жду как минимум выволочку.

— Я бы к ней прицелился, — продолжает мечтательно Гарик.

— Ты прицеливаешься к любой заднице, если у нее есть сиськи, — смеясь, отрезает Паша.

О ком они?

У нас тут в части баб — раз, два и обчелся, да и те замужем.

Смываю с лица и волос шампунь и, обмотавшись полотенцем, выхожу из общей душевой, но парней уже и след простыл.

Черт, нашел, о чем думать!

Даю себе мысленно затрещину. Меня там Виктор ждет, а я тут глупостями страдаю.

— Она его так отделала, видел? — слышу голос Кира, и опять «она».

— Да уж нехило так зарядила, — смеется Миша. — Я к ней, если что, ни ногой.

— А я счастья все же попытаю, — возражает Кир.

— Смертник.

О ком они, черт возьми?

Быстро натягиваю штаны.

— Парни, вы о чем? — спрашиваю, выглянув из-за двери в коридор.

— Блин, точно, ты же не в курсе, — как-то слишком подозрительно обрадовался Мишка. — У нас тут такая красотка нарисовалась, — выдал он мечтательно, — закачаешься. Правда, бойкая очень. Дерется.

— Парней так отделала, что мама не горюй, — встречается Кир, — двое в больничке.

— Если ты решил подставиться, видать, не так сильно они и пострадали, — усмехаюсь я, застегиваясь. — Красивая?

— Сава, так нечестно, если ты встрянешь, то нам с ней уже ничего не светит, — ноет Кир.

— Вам с ней и так ничего не светит, — отбрасываю я его возмущение.

— А что, поспорим, что он не сможет ее усмирить? — встречается уже Мишка.

В этот момент открывается дверь и в раздевалку входит Сеня.

— Тебя там к Прохорову вызывают, — напоминает он.

— Да подожди ты, — отмахивается Мишка, — мы тут спорим, сможет наш красавец дикую кошечку усмирить или нет.

— Да не, — с сомнением тянет Сеня, — ее только топор усмирит, ну или пуля, — он незаметно потирает ногу.

— Что, уже и тебя приласкала? — спрашивает Кир.

— Остался кто-то, по ком она еще не прошла? — возмущенно интересуется Сеня.

— Он и остался, — кивает Мишка и смотрит при этом на меня таким взглядом, что впору начать беспокоиться о своей чести.

— Если что, я по бабам, — предупреждаю я, смеясь.

— То-то и оно, — он смешно играет бровями. — Я ставлю на тебя десятку, не подведи меня.

— Согласен, — быстро кивает Сеня.

— Ладно, так уж и быть, — соглашается Кир. — Эй, кто спорит, что Сава нашу птичку подомнет? — орет он в коридор, откуда сразу начинается гомон.

— Вы сдурели? — спрашиваю я. — Смотрю, у вас тут слишком много свободного времени. Сейчас намекну Прохорову, чтобы ситуацию исправил. Думаю, марш-бросок будет в самый раз, — выдаю я задумчиво.

Не успеваю я закончить, как раздевалку заполняют парни, наперебой делая ставки. Которые спешно принимает Мишка.

Мои угрозы им по барабану. Знают, что я за них и в огонь и в воду.

Вот придурки!

Отмахиваюсь от пошлых наставлений и, наконец застегнув все пуговицы на парадном кителе, направляюсь к полковнику. Вот любит Виктор всю эту кутерьму с одеждой. Так не о том думаю!

Скорее всего, после этого задания нам придется затаиться. И дернул нас черт сунуться в их логово! Нет бы забрать объект и уйти по-тихому.

А все Марат со своим «там что-то есть». Есть-то есть, только что теперь со всем этим делать?

За своим мыслями и не заметил, как дошел до приемной.

На полной скорости заехал в стену. Ощущение именно такое. Дыхание перехватило, и в голове ни одной адекватной мысли.

Чистый грех, похоть и все мои горячие, влажные фантазии вместе взятые стояли в приемной Прохорова, задумчиво прикусывая пухлыми губками кончик карандаша.

О да!

Она была всем, о чем может мечтать здоровый мужик.

Маленькая, но с такими изгибами, что я сглотнул собравшуюся во рту слюну. Так бы и сожрал.

Парни однозначно правы. Я в деле.

Тут эта малышка поднимает глаза — и в меня будто снарядам зарядили. Кажется, я умер.

— Вам назначено? — спрашивает она, а я только шевеление ее соблазнительных губ и вижу. Так бы и... не успеваю закончить мысль.

— Еще один тупой баран, — бурчит она под нос своим сексуальным голоском. Но ее слова наконец доставляют в мой мозг здравую мысль.

Что я, мать ее, творю? Как сопляк какой-то.

— У вас тут адекватные не служат, что ли? — спрашивает она, но в ответе не нуждается. — Хотя, о чем это я, — закатывает красавица глазки.

— Ты сиськи свои еще больше оголи и подол повыше задери, тогда вокруг тебя одни адекватны соберутся, — отрезаю я, взяв себя в руки. Нет, с наездом на ее наряд я, конечно, переборщил, просто нужно же было оправдать свою ненормальную реакцию на эту страстную малышку.

— О, а у этого индивида еще и функция связывания двух слов имеется, — ехидничает она.

— Этот индивид согласен поделиться зачатками мозга и с тобой, только, боюсь, тебе

это уже не поможет.

Нет, что она себе там думает? Что лучше нас? Мы, вообще-то, за таких, как она, воюем и умираем. Молоко на губах не обсохло, а все туда же, дай поумничать.

— Боюсь, если поделитесь, то самому не останется, быть тебе тогда таким же тупым, как и остальные, — продолжает эта малявка.

— Я смотрю у тебя ум короткий, зато язык длинный.

— У меня хоть что-то длинное, а у вас — только грабли, — окидывает меня пренебрежительным взглядом.

Это она что, сейчас на мой член намекает? Вот засранка.

— Ты, кроме как гавкать как маленькая собачонка, что-нибудь умеешь? Гадить где попало не в счет.

Ее соблазнительные губки открывались и закрывались, как у выброшенной на сушу рыбки. Наконец-то дара речи лишилась.

— Как это низко говорить о...

— Низко — это скорее к тебе, чем ко мне, — вернул ей ее же взгляд. — Если ты закончила поливать меня грязью с порога, то сообщи уже Виктору, что пришел Савелий.

— Я тебе не секретарша, — шипит малышка.

А у меня от ее вида веселье смешивается с гневом, образуя непонятную, неведомую до этого эйфорию. До чего же хороша стерва!

— А, да, забыл, — махнул ей в уголок рукой, — думаю, Виктор не обидится, если ты свои дела там сделаешь.

— Придурок.

— Стерва.

— Хам.

— Дура.

В этот момент дверь в кабинет открывается и оттуда выглядывает удивленный Виктор собственной персоной.

— Дети, что тут происходит? — переводит он насмешливый взгляд между нами.

Тут до меня доходит, чем только что я занимался.

Стою и спорю с малолеткой, как последний... Как она там меня назвала? Придурок? Он и есть.

— К вам пришел Савелий, — мое имя в ее устах как острый кинжал.

— Зайди, — кивает Виктор мне. — Ты что там учудил? — возмущается он, как только за нами закрывается дверь.

— Да она сама начала, — оправдываюсь я. — С виду милашка, а по факту — змея. Причем гремучая. На нее табличку повесить надо, что ядовитая, а то не ровен час, у тебя в приемной гора трупов появится.

Резко затыкаюсь, наткнувшись на насмешливый взгляд друга.

— Что?

— Я вообще-то о задании спрашивал, — смеется он, — но, раз ты хочешь поговорить о ней... — кивает он в сторону приемной.

— Нет уж, чур меня, — отрицательно качаю головой. — Насчет задания ты прав, но у нас не оставалось выбора.

— Какого, к черту, выбора? — переходит он на серьезный лад. — Всего-то надо было забрать объект и свалить по-тихому. По-тихому, Сава. А вы там что устроили? Решили

Третью мировую открыть?

— Ты преувеличиваешь, — не соглашаюсь я. — Всего-то один маленький взрыв, зато сколько проблем на будущее решено.

— Вы меня по-крупному подставили. Надеюсь, ты это понимаешь? — устало откидывается он на спинку своего кресла.

— Думаю, отдых пойдет тебе на пользу, — поддакиваю я. — Выглядишь, мягко говоря, не очень. Отправляйся на рыбалку, глядишь, они тут и поостынут к твоему возвращению.

— Ты еще места мне порекомендуй, — возмущается Виктор, но я уже вижу, что он раздумывает над моим предложением.

— Конечно, все что захочешь, — соглашаюсь я.

— Ты не исправим, — качает он головой. — Так, ладно, эту проблему я решу. Что касается Киры, на тебе ее охрана. Головой за нее отвечаешь.

— Киры? — не могу понять, о ком он.

— Ты только что с ней подружился, — его ехидное выражение лица не сулит ничего хорошего.

— Если это та, о ком я думаю, я согласен идти под трибунал, — киваю я на дверь.

— Именно туда ты и отправишься, если с ее головы упадет хоть один волосок.

— Что? Я не смогу ее убить, если что?

— Очень смешно.

— С каких пор мы защищаем гражданских?

— С того момента, как сунули свой нос, куда не просили, — отрезает Виктор. — Она внучка Лебедева, большего тебе знать не нужно.

— Ты шутишь? Бросил гранату в толпу — и в кусты? Это то, о чем я думаю?

— Ты слишком много думаешь.

— Серьезно?

— Он копал не под тех людей, в итоге они пойдут на что угодно, чтобы его заткнуть.

— Просто убить его им в голову не приходило?

— Зато тебе пришло, умник. Им нужно, чтобы он официально их сторону принял. Думаешь, Лебедев идиот? Он слил все, что нужно было и куда нужно, теперь, только если он сам же не признает, что был не прав, так сказать, публично сам себя не линчует, те отмыться не смогут.

Вот черт!

— Это что же получается, что мы теперь потенциально под прицелом? Какого черта мы?

— Пока никто не знает, что она здесь. Он мой друг, и я не смог отказать ему в помощи.

— Мы что, сейчас задницу свою подставим, потому что ты когда-то вместе с ним пил, что ли? — возмущаюсь я. — Если они генерала заметут, мы следующие пойдем всем скопом. Ты это понимаешь?

— Я в курсе. Вот и поручаю тебе позаботиться о том, чтобы до этого не дошло. Она под твоей ответственностью, понял?

— Вот черт. Запрем ее в подвале, — подкидываю я идею, — тогда точно никто не узнает.

— Издеваешься?

— Ты в курсе, что уже вся часть о ней судачит? Парни там ставки делают, кто ее завалит, а она тут у тебя в развратном костюме соблазнительницы щеголяет.

— Что? — возмущается Виктор.

— Чуть больше удивления, и я бы поверил, что ты не в курсе, — сообщаю я.

— Черт возьми. Что поделать, она не захотела оставаться у себя в комнате. Сказала, что не хочет быть обузой.

— Я прям удивился! Такую только кляпом в рот и можно успокоить. Да еще и покрепче связать, чтобы не брыкалась. Обуза.

От собственных слов воображение нарисовало совсем другие, более горячие картинки. Где я затыкал ее соблазнительный ротик своим членом, намотав ее волосы на кулак. Черт!

Хорошо хоть, мундир скрывает реакцию тела. Но, судя по ехидной ухмылке, Виктор и так понял, о чем я подумал.

— Он не обрадуется, если ты оприходуешь его внучку, — предупреждает он меня.

— Да я лучше с настоящей змеей лягу, чем с этой крикливой собачкой, — возражаю я.

И тут же оглянулся в сторону открывшейся входной двери, у которой с чашкой горячего напитка стоит сам объект нашего разговора.

Ярость, написанная на ее лице, и смертоносный взгляд, что она в меня вперила, ясно свидетельствуют о том, что девчонка все прекрасно расслышала.

— Я пойду, — решительно поднимаюсь, увидев, как она уверенно входит в кабинет. Лучше вовремя ретироваться с поля боя. Тем более что у нее горячее в руках.

— Трус, — слышу за спиной смешок Виктора.

Ну и пусть это выглядит как побег, зато лицо целое, а не в ожогах.

Я видел, как она примеривается к нему.

И я ее должен защищать? От кого?

А кто защитит остальных от нее?

Кира

А все дед со своим «я должен тебя защитить».

От кого? Этого он мне так и не объяснил. Вот всегда так: скажет что-нибудь, а ты думай.

Засунул меня в эту дыру с дикарями.

Нет, я не избалованная фифа, но элементарного уважения никто не отменял. Я понимаю, что в военной части, даже суперсекретной, нехватка женского персонала, но попросить потрогать мою грудь или, еще хуже, попытаться пощупать мою попу — это уж совсем за гранью.

Да, я в курсе, что у меня слишком женственная фигура. Об этом трудно не догадаться, глядя на себя в зеркало. В школе, когда появились первые признаки того, что у меня будет грудь, я, смущенная вниманием мальчиков к этой моей части, стала сутулиться, что потом пришлось исправлять потом и слезами.

Со временем я научилась давать отпор. Трудно было вмазать первому, потому как на тренировках — это одно, а ударить живого человека — совсем другое. Но когда мальчик нагло протянул руку и пощупал мою грудь, и это при всех, будто так и надо, я от ярости просто ничего не соображала, сжала руку в кулак и врезала ему по носу так, что он отлетел на парту и свалился за нее, а потом наслаждалась видом его загипсованной рожи. Дедушка тогда, выйдя из кабинета директрисы, меня отругал, сказал, удар нужно предупреждать, а не наказывать потом. И он был прав.

И эти не отличались ни умом, ни сообразительностью, ни даже элементарным воспитанием. Будто накачанные гормонами мальчишки.

Моя фигура ведь не повод так себя распускать по отношению ко мне.

За кого они меня принимают? Хотя о чем это я? И так понятно за кого.

И это меня, обладательницу двух красных дипломов, которые я, к слову сказать, не купила, а сама своим умом получила.

Ну, дедушка, удружил.

Остается только сжать зубы и использовать то, чему меня долгие годы учил дед. И все бы ничего, я прекрасно спровадила почти всю часть, да так, чтобы остальным nepовaдно было, пока не появился он. Хам.

Как он сказал? Оголить грудь? Да у меня комбез по самый подбородок застегнут! Задрать подол? У меня его вообще нет. Невоспитанный мужлан.

Нет, я себя не оправдываю, но зачем паяться на меня, как в голодный год на кусок мяса?

Можно подумать, они здесь никогда женщин не видели. А я и так целый день занималась только тем, что отшивала, иногда даже с рукоприкладством, если «ухажер» вообще не воспринимал человеческую речь. Так что, извините, я была зла и расстроена.

Возможно, я бы и попросила прощения, если бы он не назвал меня собачкой.

В школе я была самой маленькой в классе, и все звали меня Чибби. Потому что напоминала одноклассникам чихуахуа нашего учителя математики. Лохматая мелочь отличалась невероятной гавкучестью.

Вот я и озверела. Разодетый павлин.

Когда за ними закрылась дверь, я, конечно, пожалела о своей вспышке гнева. Дядя Виктор пошел на поводу у деда и взял меня под опеку, и даже от помощи моей отказывался, а я ему такое представление устроила прямо под дверями его кабинета. Короче, стыдно.

Решила извиниться и приготовила кофе, на двоих. Постучала, но никто не ответил, так что я со спокойной совестью открыла дверь и... онемела от гнева.

«Да я лучше с настоящей змеей лягу, чем с этой крикливой собачкой».

Что я там хотела сделать? Извиниться?

Я ему сейчас эту чашку на голову надену, прямо натяну, чтобы неповадно было вообще рот в мою сторону открывать.

Нет, он, конечно, хамло редкостное, но инстинкт самосохранения у него работает что надо. Вон как резво поскакал к выходу. Прямо газель, нет, в его случае явно козел.

— Я смотрю, ты с моим майором подружилась, — со смешком выдает дядя Витя, как только за этим парнокопытным индивидом закрывается дверь.

— Хотела извиниться, — честно отвечаю я, — но, видать, слишком поспешила с этим. У вас тут люди водятся или все как эти? — спрашиваю я, продолжая сверлить закрывшуюся дверь злым взглядом.

Громкий смех дяди Вити привлекает мое внимание.

— Ну что поделатъ, раз ты у нас выросла такая красавица? От одного взгляда на тебя мои парни мозги потеряли, как сопливые юнцы себя ведут. Даже моего лучшего человека эта участь, походу, не миновала, — объясняет он мне то, что я и так поняла. — Ты на него не обижайся, он не плохой, — кивает он в сторону двери. — Посидела бы ты у себя, все было бы намного проще.

— Дядь Вить, мы это уже обсуждали, я так не могу, — качаю я головой, сажусь в кресло напротив его стола. — Мало того что меня дед с работы вытянул и к вам на шею повесил, так еще и я буду лежать и пылиться. Да я же с ума сойду в четырех стенах, думая о том, что с дедом.

— Да что с ним будет, — отмахивается он, — и не такое проходил. — Но за его словами я слышу отзвук тревоги. Все не так просто, как он хочет показать. — Вкусно пахнет, — принохивается он к чашке с моим фирменным латте.

— Попробуйте, — предложила я, наблюдая за тем, как он пригубил, а потом и отхлебнул почти полчашки разом.

— Ого, вкусно, — он залпом допил остатки. — Что это?

— Кофе, — отвечаю я, улыбаясь.

Прежде чем я успела взять вторую чашку, лапища дяди Вити ее уже приватизировала, и эту порцию кофе постигла участь первой.

— Кофе — это то, что моя секретарша готовит, а это как называется? — усмехнулся он, с сожалением заглянув на дно чашки.

— Латте, — поясню название. — Его просто нужно уметь готовить, — улыбаюсь я. — Если вам понравилось, то сделаю еще.

— Вот спасибочки, — обрадовался он.

— Деда не звонил? — спрашиваю я, переживая за единственного родного человека. Мои родители погибли в аварии, когда я была маленькой, и дедушка вырастил меня сам.

— Нет пока, — отвечает дядя Витя, и по его голосу я понимаю, что вряд ли дед в ближайшее время позвонит.

— Это настолько серьезно? — спрашиваю, хоть и не надеюсь на честный ответ.

Ну почему мужчины, да и вообще все вокруг, считают, что если блондинка, то круглая дура и пустышка?

— Нет, конечно, ты же знаешь своего деда, — ожидаемо отмахивается он. — Мнительный просто. Еще бы, единственная внучка.

В одном он точно прав: я хорошо знаю деда. И из нас мнительностью страдаю больше я.

— Хорошо, тогда я за кофе, — решаю не спорить. Попробую связаться с дедом по-другому.

На письма в почте он не отвечает, телефон отключён. Все намного серьезнее, чем мне говорят. Поэтому решаюсь на крайнюю меру.

Радую дядю Витю еще двумя чашками своего фирменного напитка. Хорошо, что в нем больше молока, чем кофе.

Заканчиваю приводить в порядок таблицы. И наконец, предоставленная сама себе, приступаю к тому, что мне действительно интересно.

Я хороший программист, так что вскрыть любую систему для меня не проблема. Уже не раз так делала, чтобы узнать, где на данный момент дедушка. Иногда я просто хотела убедиться, что с ним все в порядке. И этот раз не стал исключением.

Но сигнал его телефона был отключен. А это значит, он сам его отключил.

От нехорошего предчувствия сворачивает внутренности. Что же такое происходит?

Я знаю, что дед перешел дорогу не тем людям, точнее, это я помогла ему это сделать. Но в той информации, что я вытащила, не было ничего сверхстрашного, хоть они и попытались информацию спрятать так, будто это коды от запуска ракет. Подумаешь, что-то украли, и не раз. Кто сейчас у власти не ворует?

Но деда словно подменили после этого. Он стал тем генералом, которого знали все, но я до этого никогда не видела.

Со мной он всегда был мягким и добрым, даже когда гонял на плацу до потери сознания. Желая получить его одобрение, я изматывала себя что на тренировках, что в учебе и везде преуспела.

После ухода дяди Вити я еще некоторое время продолжала сидеть в кабинете, не имея возможности унести компьютер с собой, мониторила сигнал мобильного деда. Он мелькнул только раз, и, если бы я не ожидала этого, могла бы и не заметить. Это давало шанс на то, что с ним все в порядке.

Телефон дедушки был моей гордостью, я сама его переделала и внесла в него много своих задумок. Я сделала так, что его невозможно было отследить, так что была уверена, что другие его точно не найдут. А еще моей любимой примочкой было то, что только дед и я могли его включить. Эту разработку я хотела запатентовать, но по настоянию деда продала ее разведке, правда, даже дедушка знает, что не всю. Распознавание кровного родства я оставила себе.

Так что если сигнал мелькнул, то только потому, что дед его активировал. Ни отключить, ни включить телефон, а тем более его вскрыть у других не получится.

Я уже привыкла переживать за деда, и сейчас главное, что он подает признаки жизни. Что-то мне не дает покоя та информация и то, что последовало за этим. Немного успокоившись, решила, что пора баиньки, за окном уже стемнело. Выключила компьютер, конечно, предварительно все подчистив. Привычка, которая у меня еще с универа.

Хоть я и морщила нос, но мне здесь нравилось. На многие километры хвойные леса, из-за чего воздух такой, что в первое время тебя шатает от перенасыщения кислородом.

Никогда не любила шумные тесные города, они напоминали мне муравейники. Из-за работы дедушки приходилось терпеть. Но я все не оставляла надежду уговорить его переехать из хрущевки в центре города в пригород. Даже тайком от него прикупила домик. Конечно, сделка еще не оформлена до конца, но дело за малым. Вся эта возня совсем не вовремя.

Сделав ежевечерние упражнения, приняла душ, легла. Сон долго не шел, так что я проворочалась полночи, а когда наконец забылась беспокойным сном, мне приснился... как вы думаете кто?

Козел.

Он был огромный, рога немного загибались и гордо торчали вверх. И все бы ничего, если бы я не тьякала на него, как собака, в ответ на его бляние.

Утром я, конечно же, проснулась в «отличном» расположении духа.

Намотала пару кругов от «радости» на свежем воздухе, что помогло хоть и немного, но прийти в себя.

Все мысли были о дедушке, каюсь, иногда они неизменно опускались к моему сну, точнее, к тому, кто был в нем непосредственным участником. И злость снова взвивалась до небес. Слава богу, что видеться нам придется не часто, а то я за себя бы не поручилась.

Напряжение не позволяло рационально думать, а потому, пока никого нет, решила занять себя делом и направилась в зал.

Несмотря на то, что причину радиомолчания, как называл это дед, я знала, она меня нехило так напрягала. Так надолго мы еще не замолкали.

Прошло уже четыре дня, и ничего.

За собственными мыслями не заметила, как в зале появился наблюдатель.

«Твой внешний вид — твоё оружие, никто не воспримет тебя как угрозу, — говорил дед. — Глупо показывать и кричать о нём».

Так что я расслабилась, сделала пару шлепков по груше для приличия и решила, что на сегодня концерта хватит.

— Если хочешь, красавица, я могу преподать тебе пару уроков, — предложил мне высокий вполне симпатичный шатен. Нос с горбинкой и едва заметный акцент выдавали его кавказское происхождение. — Девушке полезно знать несколько приемов.

Кажется, раньше я его не видела.

И столько пренебрежения в голосе. Наподдать бы ему.

— Я поняла, что это не мое, — бросаю я, прежде чем максимально неудобно снять с себя перчатки.

— Уверен, ты передумаешь, когда я тебя займу, — ну началось.

— Я сказала — нет, — отвечаю холодно, — но спасибо.

Прежде чем успеваю дойти до выхода, меня за талию перехватывают огромные лапы и твердая грудь прижимается ко мне сзади. К сожалению для его обладателя, у него еще кое-что слишком твердое, чем он тыкает мне в поясницу.

Вот же идиот.

Расслабляю тело, и в тот момент, когда он подумал, что я сдалась, делаю выпад, и со всей силы врезаю ему затылком по носу. Получив немного свободы, просовываю ногу под его лодыжку и, вывернувшись, заезжаю ему между ног. Непонятливый мальчик завывает белугой и, сжав свое некогда достоинство, оседает на маты.

— Когда девушка говорит «нет», это означает «нет», — смотрю на него сверху вниз. — Поспешит приложить лед, тогда обойдется, — советуя, уходя.

Ну почему мужчины думают, что могут решить за женщину, что она хочет, а что нет?
Деда бы развеселила эта ситуация.

Он часто сам подсылал ко мне мужчин и следил за моими действиями. После своего бывшего я могла в нос дать счастливчику и между ног заехать несчастному, и только. Мягко говоря, неприятно узнать, что тебя используют, чтобы подняться по карьерной лестнице. И что вся любовь, в которой ты купалась и от которой млела все это время, просто игра для доверчивой дуры. Так что в последующих ухажерах я видела только корысть и обходила их стороной.

Приняв душ и быстро натянув приглянувшийся комбез, я чуть ли не бегом направилась в приемную дяди Вити. Если его секретарша и сегодня отвлечётся на своих деток, то я смогу узнать, был ли дедушка в сети и все ли с ним в порядке.

К моей радости, Маруси на месте не было. Вчера у ее маленького резались зубки, так что, когда я предложила помощь, она с радостью согласилась и умчалась домой. Благо дом ее был в соседнем здании. Наверное, это очень удобно жить и работать практически в одном месте.

Так, в это время дядю Витю можно еще не ждать, а потому приступим.

Но стоило только компьютеру включиться, как дверь кабинета раскрылась настежь и на пороге появился мой ночной кошмар.

— Ты что здесь делаешь? — вытаращила я глаза.

— Я здесь работаю, — был его ответ. А на лице ехидная улыбка.

Мне не нравится взгляд, которым он меня окидывает.

Собственнический.

Куда делся тот, кто вчера от меня сбежал?

Глава 3

Сава

— Ну как тебе наша пташка? — кажется, все это время Гарик ждал меня, намереваясь убедиться, что у меня на эту малышку будет такая же реакция, как и у парней.

— Пташка? — усмехаюсь я. — Она как маленькая собачка, все время что-то тьякает, — отмахиваюсь я.

— Не верю, что она тебе не приглянулась, — с сомнением тянет Кир. — Такая сочная крошка не может не привлечь.

Его слова почему-то мне неприятны. С чего бы это?

— У этой, как ты выразился, собачки очень острые зубки, — встречается Миша. — Или ты ее испугался?

На самом деле она меня влекла нехило так, и даже то, как она со мной препиралась, заставляло мой член еще больше твердеть. Хотелось ее подмять под себя, заставить прогнуться, принять себя, усмирить. Увидеть, как изменится выражение ее глаз, когда страсть закружит ее, затянет в свои сети. Услышать, как она сдается и стонет под моим напором. Как покоряется мне. Именно этого я захотел — покорить ее.

Откуда такие эмоции, не знаю, но я такого еще не испытывал. И мне это нравилось. С этой малышкой у нас все будет быстро и жарко.

— Ну все, — голос Марата вырывает меня из моих фантазий, — судя по его лицу, охота уже началась, — смеется он. Отчего Кир разочарованно стонет, а Миша как придурок улюлюкает.

— Так, — решаю я оставить разговоры о моей малышке и перехожу на серьезный лад, — сейчас не расслабляемся, тренировки возобновляем в штатном режиме. Думаю, на месяц мы в тени.

— Что так долго? — удивленно тянет Миша. — Думал, нас после крайнего задания на неделю где-то отстранят.

— Я тоже, но приказ есть приказ, — отрезаю я.

— А что полковник? — спрашивает Кир. — Лютует?

— Собирается на рыбалку, — усмехаюсь, — так что лучшие рыбные места мне списком на лапу.

— Да не вопрос, — усмехается Сеня. Он у нас был спецом в этом плане, и когда только успевал?

— Так, на боковую, — приказываю я, прежде чем подняться.

Парни недовольно стонут, но ранний подъем заставит их роптать уже по-другому.

Проходя мимо седьмого блока, замечаю силуэт в окне второго этажа. Чутьё подсказывает, что эта спальня Малышки. Замираю, не имея сил отвести взгляд.

Что она делает?

Да она же упражняется! Вот это поворот. А Малышка-то полна сюрпризов.

Что еще скрывает ее миленькое личико и соблазнительное тело?

Черт возьми, что я делаю? Подсматриваю за понравившейся девушкой и пускаю слюни на ее тень, как подросток.

Эта девушка выбивает меня из колеи, и мне, как ни странно, новизна ощущений вполне по нутру.

«Возьми себя в руки», — даю себе мысленно подзатыльник, покидая свой пост.

Сказать легче, чем сделать!

Всю ночь эта невозможная женщина изводила меня своими сияющими глазами. Странно, но тела я ее не видел, только личико с пухлыми губками и глаза, что блестели ярче алмазов.

Под утро, проснувшись со стояком, передернул, вспоминая ее сладкую фигурку и то, с каким азартом она со мной препиралась.

Какая она будет? Громкая или тихоня?

Нет, эта птичка вряд ли молчалива. Слишком страстная. Скорее всего, открыта для экспериментов и незастенчива. Член от таких мыслей снова встал по стойке смирно. Я понял, что мучить себя дальше смысла нет. Лучше провести это время с пользой. А потому заставил себя встать и пойти в зал на тренировку.

Я много часов проводил, отрабатывая боевые приемы, потому как во время операций жизни парней зависели от того, насколько быстро и правильно я приму решение.

Физическая подготовка была вторым показателем после умственной. Ведь если ты не можешь унести свою задницу с места действия, ты не жилец, а потому на тренировках парней я не жалел, ровно как и себя.

Каково было мое удивление, когда во время разминки на свежем воздухе я заметил Малышку.

Господи, я имя свое забыл! Как она бежала!

Если б я только мог, то замедлил бы этот момент и прокручивал бы его постоянно. Ее грудь в этот раз была обтянута легкой футболкой и, к моему сожалению, стянута спортивным лифчиком, что не мешало ей все-таки подпрыгивать вместе с ней. Я не мог оторвать взгляда от ее красавиц, ровно до того момента, пока она не повернулась спиной. Господи, да у нее задница как адский грех!

Она, прости господи, заставила меня представить, как ее попа будет колыхаться, когда я ее отшлепаю. Малышке понравится.

И я ее точно отражаю. И очень скоро. Уже невтерпеж.

Скрытый в полумраке деревьев, куда я отошел, как только мелькнула ее фигурка, я остался ею не замечен. О чем-то задумавшись, она хмурила бровки и прикусывала пухлую нижнюю губку, заставляя мой член реагировать в ответ на ее действия.

Сам не понял, как последовал за ней в зал. Спрятался за стопкой матов и, как долбаный вуайерист, наблюдал за ее отточенными движениями. Боже, как же я хотел разложить ее прямо тут.

За своими фантазиями поздно заметил, что Гарик наблюдает за ней от двери. Точнее, его я заметил после того, как Малышка изменила силу и точность ударов. Не наблюдай я за ней ранее, подумал бы, что девочка просто решила повыпендриваться, надев перчатки.

К такому же выводу пришел и Гарик. С каждым его словом мое раздражение росло.

Я же сказал, что в деле, какого черта он лезет?!

Прежде чем я ринулся на помощь Малышке, она разложила моего бойца и гордо зашагала прочь. Мне пришлось пару минут выждать, так как твердый член отдавался болью в паху, не позволяя сделать и шагу. Я ее определенно хочу и возьму. Эта девочка точно огонь, и мне не терпится опалиться в ее пламени.

Раздражающие стоны Гарика заставили наконец прийти немного в себя.

— Она бешеная сука, — говорит он, увидев меня, продолжая зажимать свое хозяйство.

— Завтра, как оклемаешься, на этом самом месте, — бросаю я, уходя.

— Что? Ты же это не серьезно? — слышу его приглушенный голос за спиной.

Еще как серьезно.

Только успеваю дойти до своей комнаты, как на телефон приходит СМС.

«Меня нет. Ты на замене. Сам разгребай за собой дерьмо. Кира на твоём попечении».

Губы сами растягиваются в улыбке.

— Кира, — смакую её имя. Не то. — Малышка Кира, — звучит лучше.

Настроение взлетает до небес. Спасибо Виктору за возможность. И даже то, что мне по шапке прилетит, не особо напрягает. Главное, что Малышку я разложу на столе раньше, чем она произнесёт моё имя.

Десять минут, и я уже у кабинета Виктора, жду появления моей огневой девочки. Черт, как же медленно движется время!

— Доброе утро, — совсем не её я ожидал здесь увидеть. Хотя приемная — это её законное место.

— Доброе утро, Марусь. — Черт, не хочу, чтобы она ошивалась под моими ногами. Свидетели мне абсолютно ни к чему. — Сегодня Виктора не будет, так что ты можешь отдохнуть, не думаю, что будет что-то срочное, — сообщаю я ей, судя по радостно заблестевшим глазкам, хорошую новость.

— Тогда я пойду? — получив от меня кивок, Маруся быстро скрывается за дверью.

Отсчитываю секунды до прихода моей строптивой девочки.

Услышав задолго до того, как она переступила порог приемной, её шаги, быстро захожу в кабинет и прикрываю дверь.

Зачем я это сделал?

Прислушиваюсь. Она определенно включает компьютер. Зачем?

Открываю дверь, и девчонка меня не разочаровывает.

— Ты что здесь делаешь? — и такие удивленные глазки. Что, девочка, не ожидала?

— Я здесь работаю, — выдаю я, ухмыляясь, окидываю её жарким взглядом. Ничего не могу с собой поделать, даже несмотря на то, что она опять в этом закрытом комбинезоне. Я помню другой её наряд, и у меня только от одних воспоминаний встает. — А вот что ты тут собралась делать, мне интересно узнать? — киваю в сторону включенного компьютера.

— Где дядя Витя? — игнорирует она мой вопрос.

— Я за него, — отвечаю, как в старом фильме. — И ты не ответила на мой вопрос.

— Я обязана отвечать? — приподнимает свою изящную бровку, складывая руки на груди.

О, вот это ты зря, Малышка! Я и так еле себя в руках держу.

Интересно, если её сейчас скрутить, как долго она будет сопротивляться?

Отгоняю от себя видение разложенной на столе Малышки с раскинутыми ножками. Еще не время.

Делаю шаг к ней, давя своим ростом.

Низко? Да. Подло? Определенно. Но так она действует на меня. Заставляет плевать на все, кроме неё.

— Пока ты находишься на моем попечении, ты обязана делать все, что я скажу, — знаю, звучит двусмысленно.

— А что еще пожелает ваша царственная задница? — с ходу вскипает огненная девочка.

Определенно, с ней в постели не соскучишься.

— Я смотрю, ты ко мне равнодушна, — кидаю я искру в нее, делая шаг в ее направлении, — то к члену моему прицеливаешься, то задница моя тебе покоя не дает.

— Что? — на секунду выдает она свое удивление. — Ну у вас и фантазия! — восклицает Кира, сияя глазками. — У вас глюки или белочка? Пора врача вызывать?

Вот же змейка моя ядовитая!

— Думаю, после тебя мне ни один врач не поможет, — медленно выговариваю я, следя за ее эмоциями. Их столько, и они такие живые, что я в них, как наркоман, просто купаюсь. Какая же она все-таки горячая. — Интересно, — делаю специально паузу, заставляя ее нервничать и гадать, — а собачки ядовитыми бывают?

Если бы глаза убивали, я был бы уже мертв. Да ты ж моя прелесть!

— Не смей больше так меня называть! — цедит она сквозь зубы. О, как я ее достал! — Никогда!

Так, здесь что-то кроется. Интересно, что?

Я уже стою так близко к ней, что могу ощущать ее запах. Что-то теплое и одновременно холодное.

Втягиваю ее аромат, как маньяк свою дозу.

— Плохие воспоминания? — спрашиваю, сам не понимая что.

— Не твое дело, — отрезает Кира, делая шаг назад. — Где дядь Витя? Что-то случилось?

— Вот это уже не твое дело, — повторяю я ее слова.

Если не попробую ее губы, то сойду с ума.

— Если что-то случилось с бабушкой, я должна знать, — говорит она, и я понимаю, что девушка действительно переживает.

— Это с ним никак не связано, можешь успокоиться, — пытаюсь ее утихомирить.

— И я должна тебе поверить? — возмущается она, задевая во мне непонятную струну. Никогда не думал о том, что мои слова могут поставить под сомнение. Тем более женщина, которая сводит меня с ума. И тут что-то перемкнуло во мне.

Сам не понял, как сделал к ней шаг и схватил за плечи, заставляя ее запрокинуть голову и посмотреть мне в глаза.

— Если я говорю, что все в порядке, значит, все в порядке, — цежу сквозь зубы. Чего я так завелся?

Но прежде чем я взял себя в руки и отпустил ее, она атаковала.

Едва успеваю отражать ее удары. Вот же!

Я ее нехило разозлил, как и она меня. Позволил ей взять верх и зажать меня.

— Не смей мне приказывать, а тем более трогать меня, — шипит моя змейка.

Ах так!

Быстро выворачиваюсь и пришилаваю ее к стене. Блокирую удар и зажимаю ее руки над головой, уворачиваюсь от замаха ногой и, насильно всунув свое колено между ее ног, будто насаживая ее, приподнимаю девчонку повыше. Она обездвижена.

Мы смотрим друг другу в глаза и тяжело дышим.

Глазки Малышки расширены и выражают изумление. Что ж, она такого явно не ожидала.

— Что же нам с тобой делать? — спрашиваю ее шепотом, приближая к ней свое лицо. — Я ведь тебя не просто трону, — веду кончиком носа по ее щеке, она отворачивает лицо, но я не могу остановиться и уже касаюсь ее кожи губами. Такая нежная и

ароматная! — Я тебя, Малышка, очень качественно оттрахаю, — ее дыхание прерывается, как и мое, — тебе понравится, обещаю.

Кира

Дыхание сбивается, и сердце, кажется, стучит так громко, что его с улицы слышно. Его слова меня злят и возбуждают. Какого черта?!

Я никогда так не реагировала на мужчин. Никогда!

Даже с бывшим, как он ни старался меня возбудить, я всегда имитировала. Еще в самом начале наших отношений я пыталась получить удовольствие от секса, и мне даже было приятно, но с каждым разом он все меньше времени уделял предварительным ласкам, и я сдалась. Поцеловал в губы, потискал грудь — и он уже готов к дальнейшему, так что я чаще избегала его сексуального внимания.

Потом, когда узнала о его предательстве, мне хотелось верить, что чисто интуитивно я чувствовала, что он не мой человек.

И вот сейчас я зла как черт на этого козла, а мое тело решило меня предать?

Я чувствую, как моя грудь тяжелеет и между ног становится тепло.

И это только оттого, что он прижался ко мне и шепчет пошлости своим сексуальным голосом?

А я даже его имени не знаю! Только звание — майор!

— Какая же ты горячая, Малышка, — его голос заставляет мое тело трепетать.

Тут до меня доходит, что он может говорить вполне себе конкретно, потому как мое стратегически важное место прижимается к его бедру.

Делаю рывок головой и слышу приятный хруст.

— Черт, — ругается он, но, вопреки моим ожиданиям, не отпускает. Наоборот, сжимает еще сильнее. Я чувствую его твердые мышцы своей грудью.

Кровь капает из его носа. Поднимаю голову, встречаюсь взглядом. Темнота в глубине его глаз пугает до жути. Похоть смотрит на меня из них.

— Теперь уж точно трахну, — шипит он, вытирая кровь о свое предплечье. Делает резкий выпад, и я не успеваю отвернуться, как он хватает меня за подбородок и его губы накрывают мои.

Сказать, что я в шоке, — ничего не сказать.

Это поцелуй?

То, что творит его рот с моим, этим словом никак не назовешь. Он меня просто пожирает, медленно и неотвратно. Будто он мой хозяин и имеет законное право на мое тело. Чувствую привкус его крови во рту.

Что я творю? Я не отвечаю, но и не отталкиваю.

Пытаюсь прикусить его зык или губу, но он предугадывает мои действия.

— Если не хочешь, чтобы все закончилось тем, что ты примешь меня у этой стены, тебе лучше прекратить, — его голос врывается в мое сознание как торпеда.

Интуиция кричит, что он на грани. Замираю.

— Умница, — шепчет, ведя своим влажным носом по моей щеке к шее.

— Отпусти, — хотела сказать громко и четко, а получилось шепотом и с придыханием.

— Поцелуешь — отпущу, — слышу улыбку в его голосе.

— Взрослый мужчина, а ведешь себя как подросток, — пытаюсь достучаться до его разума.

— Что делать, если у твоего яда такой эффект, — смеется он. — Хочу еще.

Его рот так близко от моего.

— Отпусти, — шепчу еще тише.

— Ты знаешь цену своей свободы, — настаивает он.

— Я не хочу, — прикрываю глаза.

Его взгляд слишком затягивает и пугает.

— Чувствую, как ты увлажнилась для меня, — говорит он, вводя меня в ступор своей прямоотой. — Горячая Малышка. Поцелуй меня. Ну же.

Он что думает, что я так легко сдамся?

Поднимаю ногу повыше, будто хочу обхватить его талию, одновременно откидываясь назад. Его глаза — два темных колодца. В тот момент, когда почувствовала, как его твердый член прошелся по моему клитору, чуть не дала слабинку, но тут же сжала зубы и со всего размаха снова проехала по его носу. В этот раз он немного ослабил свою хватку, и я смогла ударить его под ребра коленом. Руки немного онемели и плохо слушались, но все-таки мне удалось вывернуться и отскочить от него.

— Девочка, ты точно теперь попала, — яростно выплевывает он, а меня от его тона начинает трясти.

Сжимаю ладони в кулаки. Никому не позволю себя запугивать.

— Только посмей прикоснуться ко мне еще раз, — шиплю ему, — одним носом не обойдешься, — угрожаю.

— Малышка, я выпорю тебя за это, — говорит он, поднимаясь, а я делаю шаг назад, — и возьму так жестко, что ходить не сможешь.

Он слишком большой и, самое главное, странно на меня влияет. Еще один шаг.

— Не смей от меня убежать, — его окрик заставляет замереть.

— Не смей мне указывать, — возмущаюсь я, но все-таки останавливаюсь, хоть и задираю подбородок. — Выпорешь? Не много ли на себя берешь? — остальную часть его монолога я делаю вид, что не слышала. Такое разве можно комментировать?

— Тебе понравится, — обещает этот придурок, облизываясь.

— А вот тебе точно нет, — угрожаю я.

— Ты больше никогда не будешь меня бить, — утирает он снова капли крови. Во второй раз ее совсем мало.

— Не заблуждайся на мой счет, — начинаю злиться, и в первую очередь на себя.

Что я творю? Какого черта так на него реагирую? А этот тоже хорош.

— О, я тебя уже оценил, — продолжает он в шуточной манере, но его глаза смотрят так, что у меня коленки дрожат. Будто он маньяк, а я его следующая жертва. Позволь я, он бы меня, как и сказал, у этой стены взял бы.

Между ног становится еще горячее. Черт возьми.

— Прежде чем пытаться взять девушку силой, ты в следующий раз хоть представься для начала, — говорю, поднимая подбородок, чтобы казаться выше, — чтобы она знала, на кого заявление в полицию писать, — добиваю в конце.

— Обязательно скажу, — ухмыляется он, — ты же должна знать, чье имя будешь кричать, кончая.

— Озабоченный.

— Гадюка.

— Придурок.

— Стерва.

Вот и обменялись любезностями. Разворачиваюсь и выбегаю из кабинета дяди Вити. Ожидаю услышать шаги за спиной, но, к моему облегчению, их нет.

Завернув за угол здания, останавливаюсь. Пытаюсь отдышаться.

«Ну и чего ты так ломанулась?» — выговариваю мысленно. Не могу даже себе признаться, что захотела кого-то. Нет, захотела его.

«Дура! Он такой же, как и все, — убеждаю себя. — Он прекрасно знает, кто ты такая. Думаешь, за твои красивые глазки к тебе липнет?»

Правда, этот козел действует совсем по-другому. Я привыкла к тому, что мужики вначале цветы дарят и на ужин зовут. А этот нахрапом и сразу в койку решил затащить. Какой быстрый.

Жалею, что не заехала ему между ног.

Захожу в комнату и сползаю по стенке прямо у двери.

Что на меня нашло? Не могу понять.

Что, меня до него никто не целовал, что ли? Целовали, и даже очень умело. Чего я как тряпка там размякла? Даже позволила языком у себя во рту орудовать. Ну, позволила — это грубо говоря, он и не спрашивал, просто взял.

И что, мне именно этого не хватало? Чтобы грубо было? Ну, насчет грубости я соврала. Скажем, он был напорист, но все-таки нежен.

Прикоснулась к губам, которые после его поцелуя немного болели.

Воспоминания о его требовательности заставили сжать ноги. Он будто хотел меня заставить согласиться на все, что он даст.

«Но все-таки сдержался», — поняла я, подумав.

Да уж, он ведет себя как дикарь. А эти прямолинейные пошлые разговорчики?

Тряхнув головой, отгоняю воспоминания.

Очередной придурок, желающий взобраться по карьерной лестнице за мой счет.

Поднимаюсь и иду умываться. Не хватало еще надумать себе бог знает чего.

Спустя время ловлю себя на том, что сижу и пялюсь на пустую стену.

И чем себя занять?

Сегодня о том, чтобы вернуться в офис дяди Вити, и разговора нет. С этим придурком встречаться нужно только прилюдно, и никак иначе. Так что в офис только вместе с Марусей. Береженого Бог бережет.

Но как тогда узнать, как там дедушка?

Ночью у компьютера никого не будет. И я точно знаю, что офис не запирается. Здесь, в части, почти ничего не запирается, кроме оружейного, наверное, и еще нескольких складских помещений.

Мысленно потираю руки. Так лежать долго не могу, поэтому решаю, что парни менее опасны. С ними я хоть сладить могу.

Иду на завтрак. С утра только и могла, что о дедушке думать, пока этот индивид не нарисовался со своими непристойными предложениями.

В столовой народу не так много, но и те, кто здесь есть, сразу оборачиваются в мою сторону. Вот что за дикари?!

Прохожу к Валиду, он сегодня на раздаче.

— Доброе утро, — здороваюсь и даже немного улыбаюсь.

Он единственный из парней, кто ко мне не приставал, ну кроме еще двоих, чьих имен я

не знаю.

— Доброе утро, — кивает он.

— Почему так мало сегодня людей? — решаю поинтересоваться.

— Так Сава же их на полигоне гоняет, — пожимает плечами.

Хотела узнать, что за Сава, но решила, что меньше знаю — крепче сплю.

— Гоняет? — раздается сзади голос Миши. — Нет, он сегодня решил их просто-напросто добить, — сверлит меня недобрый взглядом. — Вышел с утра весь такой разукрашенный и злой, и пошло-поехало. Интересно, из-за кого?

— Ты про его сломанный нос? — смеется Валид, а у меня от нехорошего предчувствия сердце сжимается. Они ведь не о нем?! — Какая прелесть. Я так давно к нему примерялся, и все никак, — продолжает Валид, не замечая моего состояния, зато Миша все прекрасно заметил, судя по еще более злому взгляду. — Пожать бы руку тому, кто его разукрасил. А то все он да он всем налево и направо раздает.

Прикусываю губу. Да уж.

Не глядя беру себе поесть и решаю ретироваться за дальний столик. Миша садится рядом.

— Чего тебе? — решаю отвадить его грубостью.

— Что там между вами случилось? — спрашивает он.

— Между нами? — делаю удивленное лицо.

— Ты не настолько глупа, — усмехается он, — Между тобой и Савой, — все-таки поясняет. — Чего он как маньяк улыбается и гоняет всех до седьмого пота?

— Ну откуда же мне знать, что там с вашим Савой случилось? И, судя по тому, что ты здесь, не всех он и гоняет, — намекаю на то, что он не на полигоне.

— Это ты его разукрасила? — спрашивает Миша напрямую, устав ходить вокруг да около.

Вот вроде мужик красивый, и высокий, и мускулистый, и все при нем. Да и на лицо смазливый, но ничего в груди не екает. Он подкатил, слава богу, только словесно и, получив от ворот поворот, сразу отвалил, что говорит и о наличии ума, ну в крайнем случае о наличии чувства самосохранения.

— Я многих тут разукрасила, всех уже и не упомяну, — качаю я головой. Еда в горло не лезет. — Чего вы все как с цепи сорвавшиеся? — спрашиваю, хоть и знаю ответ.

Он немного опешивает от моего вопроса.

— Ну это... — задумчиво чешет затылок, — ты женщина, причем красивая, вот мы и...

— Что, вы до меня женщин красивых не видели?

— Нет, ну это... — он опять мнетя, — я это... пойду.

Убегает. Вот тебе и красавица, от которой все бегут.

Не успеваешь улыбка расползтись по моему лицу, как у меня дыхание перехватывает. У входа стоит он. Ну, здесь мне вряд ли что-то угрожает.

Господи, о чем я думаю?

Тут замечаю того, кто пришел вместе с ним. Сашка стоит и смотрит на меня во все глаза.

— Кира, ты ли это? — восклицает он, радостно улыбаясь.

— Саша? — не могу поверить, что вот так встретила его.

Едва успеваю встать, как меня уже сжимают в медвежьих объятиях.

— Сколько лет, сколько зим! — радуется Саша.

Он служил под началом моего деда, когда тот еще не был генералом. Совсем молодой, сразу после детдома. Мы подружались как-то сразу.

Он, как старший брат, всегда меня опекал. А потом деда повысили, нас перевели, Сашу тоже.

В самом начале мы еще списывались, но расстояние делает свое дело. Мы стали реже звонить, потом писать, так и потеряли друг друга.

Как же все-таки приятно вот так встретиться!

В момент, когда Сашка поставил меня наконец на пол, встречаюсь с почерневшим взглядом.

Ничего хорошего он мне не сулит. Так почему же мне хочется улыбаться?!

Сава

Когда мой друг кинулся обнимать Малышку, у меня в глазах потемнело от ярости.

А как она восхищенно окидывает его взглядом! Вот стерва.

— Господи, Сашка, как же ты вымахал! — восклицает она, а мне хочется удавиться или ее удавить. И что еще за «Сашка»?

— Да, гля, какие мускулы, — этот придурок показывает ей свои бицепсы, крутясь так и эдак. — Все потом и кровью.

Именно о ней я подумал, когда Малышка протянула руку и дотронулась до его руки. Сжимаю кулаки, чтобы сдержаться и не врезать другу в нос.

— Ты возмужал, такой красавчик, — мне показалось или в ее голосе проскользнуло ехидство?

— Я бы сказал, что ты выросла, но ты все такая же, — выдает этот смертник, окинув ее взглядом. Мне хочется проткнуть ему чем-нибудь глаза. — Ох, — сгибается он, получив от моей Малышки под дых, — а рука все такая же тяжелая, — мычит.

По мне, так мало, я бы еще наподдал.

— Пойдем к нам, — предлагает он, обнимая Киру за плечи.

Какого черта он к ней так прижался? И эта тоже хороша: всех спроваживала, а этому позволяет себя под подмышку засовывать.

Делаю шаг к нему.

— Ох, — Сашка снова сгибается, но уже от моего удара. «За что?» — кричат его глаза.

Киваю в сторону Малышки, которая ошивается вокруг него, бросая на меня недовольные взгляды. А у «Сашки» поднимаются брови от удивления.

«Серьезно»? — спрашивает он опять только глазами.

«Не трогай ее», — требую я, тоже взглядом.

— Я в порядке, — сипло выдает он наконец и отходит от Малышки Киры.

Та удивленно смотрит на него, не понимая причины смены его поведения. Потом переводит подозрительный взгляд на меня. А я что? А я ничего.

— Ладно, ты, наверное, занята, — говорит друг, пытаюсь спровадить Киру.

Она вначале отрицательно качает головой, но потом переводит взгляд на меня и согласно кивает.

Что бы это значило?

— Еще увидимся, — говорит она и тянет свои губы к «Сашкиной» щеке. Тот, увидев мой взгляд, резко ее обнимает и отступает назад.

Глядя на то, как быстро она уходит, я могу точно сказать, что она идет в кабинет Виктора. Только вот Малышку ждет разочарование, ведь я его запер.

Усмехаюсь и встречаюсь с изумленным взглядом Александра.

— Сашка? — поднимаю я брови.

— Ты серьезно? — спрашивает он в ответ.

— Очень даже. Не трогай ее, не смотри на нее, не подходи к ней, — рекомендую я другу.

Мне абсолютно не понравились те ощущения, которые возникли, когда они обнимались, шутили и смеялись вместе.

— С чего вдруг? Мы практически выросли вместе, — возмущается он.

— Я не буду повторять, — бросаю я изумленному другу, направляясь к столу.

— Она хорошая, — говорит он, садясь напротив, — не обижай ее.

— Тебя это не касается, — почему-то злюсь.

— Сав, я ее еще мелкой знал, она не твоего уровня девушка, — настаивает он. —

Снаружи может показаться, что она сильная, иногда даже стержневая, но это только видимость, — качает он головой. — Повторяю, не обижай ее. Она мне как младшая сестра.

Это серьезное заявление. Для детдомовских породниться с кем-то значит намного больше, чем для всех остальных. Значит быть верными друг другу до конца. Мне ли не знать.

— Я тебе понял, — киваю ему, и тот свободно выдыхает, доказывая мне, что действительно за нее заступится и пойдет даже против меня.

Мы поговорили о работе и прошедшем задании. Несмотря ни на что, мои мысли возвращались к тому, как подозрительно сияли глаза Киры, когда она уходила из столовой. Она явно что-то задумала. И это точно связано с компьютером, что находится в приемной Виктора. В нем нет ничего секретного. Тогда зачем?

Проходя мимо седьмого корпуса, вижу, как Малышка зло пинает камешек на пути и что-то сердито бормочет себе под нос, направляясь к себе. Она явно недовольна.

Не могу себя остановить и не позлить ее еще больше, а заодно и проверить свою догадку.

Встаю на углу, и, ожидаемо, она в меня на скорости врезается. Черт.

Это как разряд получить. Тот, кого током никогда не било, не поймет. Тебе больно и щекотно одновременно. От груди расходятся маленькие разряды, заставляя тело трепетать.

Хватаю ее за плечи, не столько, чтобы уберечь от падения, сколько желая продлить этот момент.

— Ох, — она поднимает голову и, встретившись со мной взглядом, тут же пытается вырваться.

— И откуда ты идешь такая злая? — отпускаю ее, давая мнимое чувство свободы.

Сделав пару шагов назад, как я и предполагал, она сразу выпускает свои шипы:

— Тебе какое дело? — возмущается, снова задирая свой острый подбородочек. Сжимаю кулаки, чтобы не последовать своему желанию и не заставить эти губки снова опухнуть от моих поцелуев. Член, и так готовый к действиям, от воспоминаний твердеет, еще больше доставляя неудобство.

— Малышка, мы это уже проходили, — усмехаюсь я, напоминая ей о нашем утреннем разговоре. И, судя по тому, как она отводит взгляд и прикусывает губу, я своего добился. — Ну так и где же ты гуляла?

— Майор, у вас, кажется, слишком много свободного времени, займите себя чем-нибудь, а меня оставьте в покое, — шипит Кира, пытаясь меня обогнуть.

— Я уже занят, — отвечаю я в ее уходящую спину. — Тобой, — добавляю и по тому, как напряглась ее тело, понимаю, что послание доставлено.

Что-то она мутит, не понятно пока что. Но я обязательно выясню.

Настроение улучшилось. С ней как на американских горках: то вниз, то вверх. Аж дух захватывает.

На обеде она не появляется, и я поздно осознаю, что и Алекса нет.

Что-то темное поднимается внутри меня, разливается, опалает, застилает глаза.

Они вместе? Я же предупредил.

Срываюсь с места. В комнате его нет, бегу к ней. У самой двери останавливаюсь. Упираюсь в деревянную поверхность лбом, пытаюсь взять себя в руки. Ни черта. Открываю, не постучав, и захожу, ожидая увидеться что угодно, но только не спящую Киру. Замираю. Прикрываю тихо дверь.

Меня как магнитом тянет к ней. И я прихожу в себя уже рядом с кроватью.

Малышка спит, подложив ладошку под щеку. Длинные ресницы трепещут, ей что-то снится. Мой взгляд скользит по ее телу. От тонкой шеи к закрытой от глаз уже знакомой мне футболкой груди. Сглатываю слюну. Она без белья. Под тканью заметны очертания ее сосков.

Сжимаю руки в кулаки, от желания нагнуться и вобрать один из них в рот, заставив отвердеть и выступить еще сильнее. К моему сожалению, остальное ее тело прикрыто и нет ни одного оголенного участка кожи, но это абсолютно не мешает моей фантазии, наоборот, позволяет додумать.

С тихим вздохом Кира поджимает ноги и пытается во сне свернуться в калачик. Кажется, ей холодно.

Наконец сбрасываю морок похоти и оглядываюсь. Видно, она не собиралась спать, наверное, просто прилегла. Нахожу в шкафу одело и накрываю ее.

Смотрю долго на ее лицо.

Что же в тебе такого, что меня так корежит?

Нет, без сомнения, она самая страстная крошка, что я видел, но только ли в этом дело?

Мою реакцию несколько минут назад только на предположение, что они с Алексом вместе, нормальной никак не назовешь.

Да и сцена в столовой, что это вообще такое было?

Впиваюсь взглядом в ее губы. Нужно поскорее ее трахнуть.

Но, вопреки своим мыслям и намерениям моего каменного члена, торчащего в ее сторону, поднимаюсь и иду на выход.

Нужно взять себя в руки. Отшпилить Малышку как следует и забыть. Точно. Так и сделаю.

До конца дня ее не видел. Надеюсь, она не заболела?

Узнал в столовой, что она одной из первых пришла на ужин. Надо думать, проголодалась, обед-то пропустила. И опять скрылась.

Где она?

Мои мысли, несмотря на то, что я был занят то парнями, то сообщениями из штаба, неизменно возвращались к ней.

Уже поздно ночью пришел в себя под ее окнами. Темно.

Она уже легла спать? После обеденного сна? Не может быть.

Компьютер. Вечером уходя, я и не вспомнил о том, что нужно что-то запирать. Быстро бегу в сторону офиса и не разочаровываюсь.

С маленьким фонариком в зубах Малышка ерзает под столом. Я знаю, что она там ищет. Я сам забрал кабель, чтобы компьютер невозможно было включить. Его-то Малышка и ищет.

— Хм, хм, — привлек я ее внимание, — и что, позволь спросить, ты забыла под столом в это время?

Малышка, пытаясь выбраться, стукнулась головой и, бормоча проклятия на мою голову, наконец вылезла. Растерянная и злая. Вот как в нее вмещаются две абсолютно разные эмоции?

— Что ты ту делаешь? — снова за свое.

Надвигаюсь на нее. Она же отступает, не сводя с меня своего колдовского взгляда. Неужели не понимает, что так она меня еще больше привлекает?

— Целый день где-то пропадала, а сейчас рыщешь в темноте и что-то разнюхиваешь. Впору подумать, что ты засланная шпионка, — утрирую, конечно, но так хочется снова увидеть, как ее глаза заблестят вызовом. Вызовом, который хочется принять.

— Пф, — скорчивает рожицу. — В этом компьютере из секретной информации только фотографии детишек Маруси, да пара электронных журналов, — качает она головой. — Эту рухлядь уже давно пора выбросить на помойку.

— Однако какая осведомленность, — усмехаюсь. Попалась. — Так, если тебе все известно, зачем тогда сюда пролезла?

— Вот тебе все нужно знать, — у самой глазки бегают, а все пытается хорохориться. Что же она скрывает?

— Малыш, мне нравится твоя позиция, — мой голос становится ниже, и ее глаза распахиваются шире. — Тогда я могу сделать так.

Не нужно было ее предупреждать, понял сразу. Кира махнула через стол и пролезла под ним, пока я следовал за ней. Миг — я только и заметил ее спину у двери. Какая прыткая!

В этот раз ты не сбежишь. Она быстрая, но я быстрее. Уже на улице хватаю ее за шкурку. И, притянув в свои объятия, падаю на землю. Стараюсь, чтобы сила удара пришлась по мне, но, судя по ее тихому «ох», ей тоже достается.

Переворачиваюсь и зажимаю ее под собой, так как она быстро пришла в себя и уже пытается выбраться, применив захват запястья. Нет, моя девочка. Я уже применял эти приемчики, когда ты только пешком под стол ходила. Так что блокирую и ложусь всем весом на нее. Обхватывает мои бедра своими ножками, пытаюсь меня приподнять. Ее действия меня еще больше возбуждают, тем более что членом я упираюсь туда, где хотел бы оказаться. Если бы только не преграда. Не отказываю себе в удовольствии потереться об ее мягкость. Кира замирает подо мной. Даже в темноте вижу, как блестят ее глаза.

— Не надо, — шепчет она, упираясь ладонками в мою грудь.

— Поздно, — отвечаю я.

Но одинокая слеза, скатывающаяся по щеке, резко меня отрезвляет.

— Я сделал тебе больно? — спрашиваю, поднимаясь, она молчит, продолжая лежать на земле.

Что на меня нашло? Как хищник побежал за своей добычей. Догнал, подмял и взял бы, если бы не ее слезы.

— Кира, где болит? — уже более твердо требую я. Она поднимает глаза. В них страх и еще что-то, что я не могу различить. — Тебе больно? Где?

Она отрицательно качает головой и наконец начинает отталкивать мои руки.

В этот момент шестым чувством чую неладное. Схватив сопротивляющуюся девушку, резко притягиваю обратно.

В то место, где только что была Кира, со свистом врезается пуля.

Снайпер?!

Сава

Моментально определяю траекторию пули. Стрелок на дереве за пределами части. Хорошо хоть, девушка перестала сопротивляться. Твою мать.

Смысла прятаться нет, он нас явно видит. Но сейчас, по идее, должен менять дислокацию, а это значит, у нас есть пара минут. Так что без промедления тяну Киру за собой, заставляю бежать быстро, и резко останавливаться, и все время менять направление.

К моему удивлению, она профессионально следует за мной и делает все в точности как нужно. Добираемся до шестого блока. Быстро затаскиваю ее внутрь и толкаю в угол.

Вспоминаю слова Виктора о том, что никто не знает, что девушка здесь.

Как же не знают! А она еще свободно по части разгуливает.

Оглядываюсь на шокированную девушку, ее нужно срочно отсюда убрать. А то из-за нее нас всех тут порешат.

— Сиди здесь и не высовывайся, — приказываю.

Она вскидывает голову, но не возражает. Да, это тебе не кино, а самая что ни на есть реальность.

Иду к себе, собираю сумку.

— Ответь же ты, — возмущаюсь, когда Виктор не поднимает трубку. На повторном наборе слышу его сонное «Алло».

— Ее нашли, — бросаю, зная, что он поймет.

— Как ты понял? — быстро просыпается полковник.

— Пыгались снять снайпером.

— Увози ее оттуда, — приказывает он, — не жди утра. Если нашли, значит, утром официально за ней придут.

— Уже понял, — огрызаюсь я. — Я же предупреждал.

— Она не виновата в том, что случилось, Сав, и ей не за что платить, — повышает он голос. — Кира — самое важное сейчас. С этой минуты ты вне связи, звони только в крайнем случае. Ты и сам знаешь, что делать.

— И сколько мне ее так таскать? — спрашиваю и оборачиваюсь на шум.

Кира стоит у двери и смотрит с печальной улыбкой.

— Осталось недолго, — слышу голос Виктора. — Сам поймешь, следи за новостями, — продолжает он. — И береги ее.

Она разворачивается и идет на выход. Подхватываю рюкзак и бегу за ней.

— Тебя выследили, — сообщаю ей, но она резко оборачивается, заставляя меня притормозить.

— Это я уже поняла, — рычит она. — Спасибо за помощь. Дальше я сама.

Опешиваю от ее выпада. Это что за реакция?

К моему удивлению, она идет в хозблок в подвальном этаже. Следую за ней. Она достает рюкзак и точно так же, как и я, собирает все необходимое. Молча наблюдаю за тем, как она примеряет армейские ботинки на несколько пар носков, что надела до этого. Где она этому научилась?

— Это был снайпер, — зачем-то поясню я.

— Я это тоже уже поняла, — кивает Малышка. — Сейчас он следит за тем, чтобы я не

сбежала. К утру, скорее всего, появятся по мою душу, — повторяет она слова Виктора. — Скорее всего, обвинят в чем-нибудь и линчуют показательно, чтобы заставить деда сделать, как им нужно.

Я с ней абсолютно согласен.

— Откуда такая уверенность? — все же решаю спросить.

— Кому принадлежит мотоцикл? — игнорирует она мой вопрос.

— Откуда ты о нем знаешь? — вот тут она меня удивила.

Это была моя блажь, которую Виктор мне позволил в ответ на личную услугу. О нем никто не знает. Точнее, я думал, что не знает.

— Видела в ведомостях счет за его доставку, — сообщает Малышка с усмешкой. — Что, это была тайна?

— Как оказалось, нет, — бормочу себе под нос.

— Я возьму его ненадолго? — говорит она так, будто каждый день на байке рассекает, — он ведь твой?

Она наконец закидывает рюкзак на плечо и выпрямляется.

— Ты права, он мой, но я его тебе не дам, — отвечаю и, прежде чем она вставит слово, добавляю: — Нам нужна машина, потому что это даст фору.

— Разумно, но он в любом случае будет следить за мной, — на этом слове она делает акцент. Думает, что я ее одну отпущу. — А на мотоцикле уйти легче.

— Думаю, он там один, максимум двое, — предполагаю я. — Если будет несколько машин, то ему придется выбирать, за какой следовать, и тут, как говорится, пятьдесят на пятьдесят.

— На территории части всего три машины, не считая военной, но на ней вряд ли можно будет скрыться в городе, — заявляет Кира.

Эта малышка меня все больше удивляет.

— Нам хватит и трех, — киваю ей на выход.

Пока поднимаемся наверх, набираю Гарика:

— Гони ко мне.

— Э, если это из-за девчонки... — начинает он.

— И Мишу прихвати, — бросаю трубку.

Минут через пять они оба входят в здание. Сразу закрываю за ними дверь.

Встретив Киру, парни резко оглядываются на меня.

— У нас новое задание, она клиент, — киваю им в сторону девушки.

— Цель? — сразу переходит на серьезный лад Гарик.

— Вывезти живой.

— План? — уже Миша. — Угроза?

— Угроза — снайпер, — отвечаю. — Думаю, не один. План — вывезти на машине. Три в разных направлениях.

— Тогда чего мы ждем? — усмехается Гарик. — Поехали, — потирает он руки.

Миша приносит огромные сумки, пока Гарик сообщает остальным план и действия. Наполняем две сумки всяким барахлом.

— Залезай, — киваю Кире на третью сумку.

— Что? — удивляется она.

Подтаскиваю ее к себе.

— Хочешь жить, тогда делай, как говорю, и быстро, — шиплю ей сквозь зубы. —

Хватит и того, что я парней из-за тебя подставляю.

Рывком выдергивает свою руку, точнее, я ей позволяю это сделать. Испепеляя меня своим яростным взглядом, молча залезает в сумку, и я начинаю обкладывать ее по кругу старыми вещами. К тому моменту, как Миха подъезжает к порогу, три одинаковые огромные сумки стоят посреди комнаты, и, не зная я, в какой из них сидит Кира, догадаться было бы невозможно.

Кубинец, еще один из наших парней, вместе с Гариком остаются грузить багаж, в то время как я бегу за руль одной из тачек. Парни без напряжения закидывают сумку в мою машину. Выезжаем все вместе, чтобы у них не было возможности вызвать подмогу. Все-таки сценарий этой операции был рассчитан как минимум на пять машин, а у нас всего три.

Я не стал посвящать парней в дальнейший план. Меньше знают — крепче спят.

Наверное, еще и потому, что сам не знал, что мне с ней делать. Уберечь. Как? Я не вернусь в часть, так что они поймут, за кем следовать, а это значит, что все известное и знакомое таит в себе потенциальную угрозу. Машину пробьют сразу, поэтому ее нужно бросить, и желательно быстро. Долгое время кружу, но хвоста за собой не замечаю. Повезло.

Останавливаюсь и помогаю возмущенной Кире вылезти. Глазки зло блестят.

— Ты же это специально, да? — сопит она. — Если бы мог, вообще бы всю дорогу меня в этой вонючей сумке продержал?

Не в бровь, а в глаз.

— Если бы ты в части сидела тише воды и ниже травы, то нам бы не пришлось сейчас вот так срываться, — осаждаю я ее.

— Да я, кроме как до офиса и обратно до своей спальни, никуда и не ходила, — продолжает она возмущаться, садясь на переднее сиденье.

— А больше никуда и не надо было, главное, что парни тебя увидели, — заявляю я, злясь еще больше. — На заднее давай, — грубо требую я.

— Сам давай, — не слушается она. — И что такого, что меня увидели? Они же все под командованием...

— Виктора? И что? — взрываюсь я. — Да вся часть на тебя ставки делала, кто тебя завалит первым, — ору я на нее. — Молва о тебе далеко за пределы части прошла. Обязательно нужно было жопой своей перед столькими мужиками крутить?

— А что, вам так трудно было людьми быть?! — рычит она в ответ. — Или хотя бы немного профессионалами? Вы же элитная часть. Нет, конечно, в первую очередь вы мужики, — ехидничает она, — которые, кроме задницы, ничего и не видят. Озабоченные, — слышу слезы в ее голосе. — А я еще и виновата.

Она резко отворачивается и замолкает.

Сожаление, что вспылит, накатывает тут же. Она права, и это делает ситуацию еще хуже. Черт. Где моя хваленая выдержка?

Выезжаю на дорогу. Дел по горло, а я тут с девчонкой ор устроил. И чего добился?

Она на меня плохо влияет, однозначно.

— Ты тоже в этом участвовал? — спрашивает Кира вдруг, все так же продолжая смотреть в окно. — И Саша?

Ее спина напрягается, и ладошки в кулачки сжимаются до белых костяшек.

— Я... — не успеваю ничего сказать, как она включает радио и делает звук погромче.

Что ей ответить? Ничего и не говорю.

Дальше едем молча.

В ближайшем городе сдаю машину на утилизацию, доплачиваю, чтобы без очереди взяли. Это даст нам еще немного форы.

У меня здесь есть квартира, на левого мужика оформленная. Рискованно, но придется зайти за деньгами. Иначе никак.

Проверяю, чтобы не было хвоста или засады.

— Можешь искупаться, непонятно, когда еще выпадет такой шанс, — предлагаю Кире, как только вваливаемся в квартиру.

Она все это время молчит, и меня это уже начинает напрягать.

Но и изменить ситуацию я не в силах.

Сам же себя и подставил.

Спускаюсь в подвал здания. Тут я себе замутил тайник. Их несколько в разных городах. В нашей профессии бывают вот такие вот случаи, когда тебе нужно укрыться и залечь на дно, так что приходится быть готовым, не ко всему, конечно, но ко многому.

К тому моменту, как поднимаюсь снова в квартиру, слышу шум в ванной. Все-таки решила последовать совету.

Перепроверяю вещи, распределяю наличку. Чтобы все не в одном месте было. Только успеваю закрыть рюкзак, как Малышка появляется в дверях ванной комнаты.

Замираю на секунду.

Моему члену плевать на то, что мы в опасности и что наши преследователи могли уже выследить нас. Он больно упирается в ширинку, причиняя дискомфорт.

Тряхнув головой, пытаюсь прояснить мысли, но это ничуть не помогает.

Малышка слишком соблазнительна. Она раздумянулась, волосы влажными колечками обрамляют ее лицо, кожа сияет свежестью. У меня зудят кончики пальцев от воспоминания, какая она у нее нежная.

— Я готова, — мое воображение рисует очень красочную эротическую картинку, где она говорит то же самое, но лежа подо мной.

Черт возьми, я как подросток под натиском собственных гормонов. Нужно убираться отсюда и подумать, где мы будем укрываться, а у меня только одно на уме.

Хочу ее под себя, на себе и вокруг себя.

— Тогда пошли, — откашливаюсь под ее подозрительным взглядом.

— Куда? — спрашивает, а сама смотрит так, будто для себя уже все решила.

— Для начала нам нужна машина, — поднимаю рюкзак и протягиваю ей, — а дальше мы должны убраться из города.

— Я думала, что в большом городе легче всего скрыться? — удивляется она. Берет рюкзак, и на секунду наши руки соприкасаются, заставляя мое тело вибрировать от желания. Краем глаза замечаю, как она неосознанно потирает руку о свое бедро. Значит, не только меня колбасит от накопившегося между нами напряжения.

— Наоборот, там слишком много камер и возможностей отследить человека, — жестом приглашаю ее на выход. — В нашем случае они, скорее всего, будут ждать, что именно в город мы и ринемся, но мы поступим немного по-другому, — отвечаю, наблюдая за тем, как двигается ее сексуальная попка. — Я пойду впереди, — заставляю себя оторваться от соблазнительного зрелища и пройти вперед.

Все-таки я подготовлен к неожиданностям, в отличие от нее.

Окидывая взглядом улицу, вспоминаю об одном месте, где нас уж точно никто искать не будет.

Я знаю, куда мы поедem.

Сава

Оставив Киру в кафе, иду покупать машину. Старый таксист с удовольствием отдает свою колымагу за наличку. По возвращении не застаю Малышку на месте. Черт возьми, и на секунду ее одну не оставишь.

— Куда подевалась девушка, что здесь сидела? — спрашиваю у работницы, указывая на место, где оставил эту дуру.

— Она спросила про компьютер, — блеет официантка, — тут интернет-кафе недалеко. Узнав адрес, срываюсь за глупой девкой, обзывая ее на чем свет стоит.

Врываюсь в подвальное помещение, которое сложно назвать кафе, здесь темно, только несколько неоновых светящихся надписей и экраны включенных мониторов освещают зал. Быстро нахожу взглядом ее склонившуюся над клавиатурой голову, несмотря на то, что пользователи отделены друг от друга перегородками, что мешает обзору.

Убедившись, что ничего подозрительного нет, крадучись, подхожу к ней со спины.

Я просто в ярости.

Как, позвольте спросить, обеспечивать ее защиту, если она будет делать то, что вздумается. Сказано было ждать в кафе, даже в туалет не отлучаться. Чтобы на виду была.

Резко обхватываю ее за горло, прижимая к спинке кресла.

— Теперь ты труп, — сообщаю зловещим шепотом, сжимая сильнее.

Ее локоть ожидаемо таранит меня в грудь, и я позволяю ему пройти по косой. Второй рукой обвиваю ее за талию и без труда поднимаю. Сажусь сам, опуская ее сверху и зажимая ее ноги между своих бедер. Попка малышки аккурат на моем члене, который очень рад этой встрече. Наклоняю ее, заставляя опереться на стол грудью, и зажимаю ее руки за спиной, между нами, чтобы неповадно было меня царапать.

— Ты... — начинает она, но я второй рукой зажимаю ей рот.

— Давай, покричи, — шепчу ей в ушко, — привлеки внимание, и наши преследователи нас быстренько отыщут.

Кира замирает, и я пользуюсь ее заминкой.

Отпускаю ее рот и накрываю ладонью ее грудь. Идеальная. Вписалась, будто родная. Еле сдерживаю стон.

Малышка дергается, позволяя моим бедрам следовать за ней, из-за чего член еще сильнее прижимается к ее заднице. Делаю еще одно поступательное движение, чтобы точно поняла, на чем именно она сидит.

— Извращенец, — шипит она еле слышно.

С сожалением отрываюсь от ее манящей груди, зажимаю ее волосы в кулаке, поворачиваю голову и впиваюсь поцелуем в губы. Сразу толкаюсь в ее сладкий рот языком.

Мне кажется, что если не возьму ее хоть каким-нибудь способом, то умру на месте.

Жар окутывает тело, и мне мало. Ее мало. Пространства мало. Всего мало.

Еле отрываюсь от ее рта. Тяжело дышу. И не я один.

Ее тело дрожит в моих руках.

Что же ты со мной делаешь, Малышка?

Пытаюсь взять себя в руки, но не могу остановиться и не трогать ее. Снова нахожу ее торчащие колом даже сквозь белье сосочки и перекаत्याю их поочередно между пальцами.

Краем глаза вижу, как она прикусывает нижнюю губу.

Хочу, чтобы не сдерживалась, стонала в голос, показывая, как ей хорошо.

Но сейчас, сука, не время.

Вопреки своим мыслям прикусываю мочку ее ушка, наслаждаюсь тем, как замирает ее дыхание, как трепещет тело. Обвожу языком и всасываю. Она издает еле слышный вскрик, и я снова резко закрываю ее рот рукой.

— Еще раз сбежишь или посмеешь сделать то, что мне не понравится, клянусь Богом, я тебя выебу, — шиплю я.

Зачем я так сказал?

Я ее все равно возьму, этого не избежать. Не после того, как попробовал.

Тогда к чему это дурацкое условие?

Захотелось стукнуться лбом обо что-нибудь твердое.

— Отпусти, — шепчет Кира, дергается.

— Ты меня поняла? — не могу удержаться и не потереться об ее попку членом еще раз. Как жаль, что мы не наедине. Иначе ни за что бы не отпустил.

Малышка кивает, и я с великим сожалением отпускаю ее руки и тут же перехватываю ее локоть у своего лица.

— Об этом мы еще поговорим, позже, — угрожаю я, погладив напоследок ее попку, и выпускаю свою строптивую птичку на волю.

Она, как ошпаренная, подскакивает и двигается на выход, не оглядываясь. Вот же зараза.

Спешу за ней, забыв посмотреть на экран монитора, а ведь хотел узнать, что именно она хотела найти в сети.

— Никогда больше меня не трогай, — шипит она, резко развернувшись, как только мы оказываемся на улице.

— А не то что? — приподнимаю брови, продолжая надвигаться на нее.

— Иначе я за себя не ручаюсь, — ее голос звучит тихо и серьезно.

Малышка не шутит, но и мне сейчас, неудовлетворенному и с твердым, как кол, членом, не до смеха.

— Садись в машину, — кидаю я, обходя колымагу, которую купил.

Кира на миг замирает, то ли от вида нашего транспортного средства, то ли от смены темы, но все же следует за мной.

— Благодаря тебе мы и так привлекли слишком много внимания, — чеканю, дождавшись, когда она закроет дверь, и тут же срываюсь с места. — Могла бы просто встать на дороге и орать, что ты тут.

— Я ничего такого не сделала, — продолжает она.

— Я сказал тебе быть на виду и ждать в кафе, — повышаю я голос. — А ты что сделала?

— Это все из-за тебя, — возмущается она, — не смей ко мне больше прикасаться.

Мы как раз выехали на трассу, но я тут же выруливаю на обочину и, схватив девчонку за затылок, привлекаю к себе.

Целую жестко и отчаянно.

На миг опешившая девушка быстро приходит в себя, но, прежде чем она начинает сопротивляться, отпускаю ее губы.

— Я тебя трахну, Малышка, и очень скоро, — цежу ей в лицо. — Так что не проси тебя не трогать, — не удержавшись, кусаю ее за нижнюю губку. — Я возьму тебя тысячей и

одним способом, о которых ты даже не подозревала, — шепчу уже более нежно, — и буду брать, пока мне не надоеет, — облизываю раненную мной плоть. — Одно могу обещать, — смотрю в ее распахнутые от шока глазки, — тебе понравится. Так же быстро ее отпускаю и, стараясь не обращать на нее больше внимания, снова выкруливаю на дорогу.

Нам нужно быстрее добраться до следующего города.

Кира молчит, и я рад этому. Потому как не уверен, что, начни она спорить, смогу удержаться и не разложить ее прямо на заднем сидении этой развалюхи.

Картинки, одна пошлее другой, калейдоскопом сменяются в мыслях.

— Ты сказал, что сделаешь это, если я попробую сбежать, — в первую секунду даже опешил, когда она нарушила мои страстные видения. Точнее, не сразу разобрал, что ее голос не из моих фантазий, а вполне реален.

— Что? — слишком хрипло прозвучало даже для меня.

Малышка кидает в мою сторону косой взгляд, но тут же его отводит.

— Ты сказал...

— Я знаю, что сказал, — перебиваю ее, — к чему ты это?

— Я не сбегу, — говорит она тихо.

Тут до меня, опьяненного собственными видениями, наконец доходит, что она про мою угрозу ее трахнуть.

— Малышка, это не обсуждается, — качаю я головой. — Все, о чем я сейчас могу думать, — это как не разложить тебя по дороге, а доехать до более или менее безопасного места.

— Но ты сказал... — в ее голосе слышится возмущение вместе с неверием.

Неужели она и вправду думает, что сможет изменить мое мнение?

— Ты же сама хочешь? — возмущаюсь уже я. — Я чувствую, как ты на меня реагируешь. Тогда к чему весь этот разговор?

— Но ты сказал, что сделаешь это, если только я сбегу, — продолжает она гнуть свое. — Я не буду этого делать.

— Я сейчас пытаюсь поставить твою безопасность выше собственного желания. Нашего желания, — пытаюсь я донести до нее свою мысль. — Но это случится, и очень скоро.

— Я не хочу, — качает Малышка головой.

В другой ситуации, не будь я так возбужден и зол, я, возможно, попытался бы ее понять, но сейчас она просто сводила меня с ума и возводила мою ярость на новый уровень.

— О, ты захочешь, потечешь, как полноводная река, — сарказм вырывается из меня, как гейзер из недр земли. — Орать будешь белугой на всю округу.

Пытаюсь отбросить вызванные собственными словами видения. Кира молчит.

— Я даже имени твоего не знаю, — говорит она, и я понимаю, что так и есть.

Я как бешенный рядом с ней. Что в ней такого, что выводит меня из себя? Можно сказать, стоит на нее круглосуточно, отчего в голове ни одной здравой мысли. Удивительно, что нас еще не поймали.

— Савелий, — наконец знакомлюсь с ней. — Но все зову Сава.

Не знаю, чего ожидал, но точно не того, что последовало дальше.

— Я устала, — говорит она, откидываясь назад и закрывая глаза.

— А как же «приятно познакомиться»?! — усмехаюсь в ответ на ее детское желание отгородиться. Я не вижу — значит, и меня не видят.

— Было бы приятно — сказала бы, — огрызается она.

Не знал, что мне может понравиться такая, как она. Пока она делает вид, что спит, я ее рассматриваю.

Она действительно красивая. Брови вразлет, пушистые реснички веером лежат на щечках, маленький носик и губки, которые хочется одновременно и укусить, и облизать.

Взгляд опускается вниз по ее тонкой длинной шее, где бешено пульсирует венка. «Не хочу», говоришь, ага, как же, поверил.

Высокая полная грудь заставляет рот наполниться слюной от желания попробовать на вкус ее нежные сосочки, смять все это богатство в руках, ощутить полноту и упругость. Сглатываю. Черт возьми, да я, кажется, просто от одного вида ее голых сисек кончу.

— Хватит поедать меня глазами, — прерывает она меня, когда я только открываю рот, чтобы попросить оголить для меня ее красавиц. Хоть и знаю, куда она меня пошлет.

Усмехаюсь. Ее слова сказали мне больше, чем она рассчитывала.

Малышка меня хочет. Чувствует напряжение между нами и, кажется, не понимает, что это.

Мысль, что приходит в голову, кажется, из рода фантастики.

Да нет. Не может быть.

Окидываю ее неверящим взглядом. При ее внешности быть девственницей просто невозможно.

Таких сексуальных бомбочек еще в школе срывают. Слишком соблазнительные.

Почему-то в груди от этих мыслей становится тесно. Настроение падает ниже плинтуса.

Как много у нее было мужиков?

Снова окидываю ее взглядом. Судя по моей реакции, каждый хочет ее трахнуть. Так сколько?

— Куда мы едем? — снова перебивает, прежде чем я успеваю задать свой глупый вопрос.

— Есть одно место, о котором никто не знает, — пытаюсь с собой совладать.

Хоть и глупый, но все же вопрос вертится на языке.

— Как же никто, — усмехается Кира, — ты же о нем знаешь, — поясняет она. — Это далеко?

— Нет, — то, что она пытается вести светский разговор начинает меня раздражать. Тем более что мои мысли далеки от разговоров о погоде.

Не помню, чтобы я раньше о таком задумывался, но сейчас изнутри словно кошка скребется, противно так.

Зачем мне эта информация?

Но сколько себя ни уговариваю, отбросить эти мысли не могу.

— Может, на заправке остановимся, — предлагает Кира, в то время как я прикусываю язык.

Отрицательно качаю головой. А может, ей в туалет надо?

Открываю рот и...

— Сколько у тебя было мужиков?

Кира

С того момента, как он спас меня от пули, единственным моим желанием было узнать о дедушке.

Тон майора, когда он разговаривал обо мне с дядей Витей, словно я какая-то обуза, задел за живое.

После смерти родителей в день знакомства с моим дедом его первые слова были о том, что я стану для него невыносимой ношей.

Он не пытался меня обидеть, просто высказал свои опасения, но для меня, до смерти боявшейся остаться одной, это было просто смертным приговором.

Все свое детство я старалась не стать для деда бременем. Училась упорно что в школе, что на полигоне. Никогда даже не помышляла о том, что что-то не смогу или отступлю. А тут... будто ножом в сердце.

Но, как бы ни задели меня его слова, разум все-таки победил. Я понимала, что с его помощью сбежать у меня шансов больше. Так что, сжав покрепче зубы, я молча согласилась. Немного потерпеть — не большая цена для свободы, а там я узнаю, где дедушка и почему началась такая кутерьма вокруг этой с виду ничем не примечательной информации.

Я чуть не задохнулась в этой чертовой сумке, пока он, кажется, наезжал на все ухабы, которые только можно было найти на дороге.

Он сделал это специально, и секунды не сомневалась. Придурок.

А его обвинения, что я специально мужиков в части соблазняла, были вообще за гранью. От возмущения у меня слезы на глазах выступили, но я смогла себя сдержать и позорно не разрыдаться. Потом сама себе поразились. С чего вдруг такая реакция? Тоже мне, буду я лить слезы из-за слов какого-то козла.

Естественно, что как только я осталась одна, я сбежала.

Первая моя задача — узнать, что там с дедом, потом — попытаться понять, что скрывается за той информацией, что я нашла, а уже затем — решать, куда двигаться дальше. Представила, как майор обрадовался, когда меня не застал. Баба с возу — кобыле легче.

Выясняю, что сигнал от телефона дедушки поступает, хоть и изредка. Закрыв системное окно, не успеваю спокойно выдохнуть, как мое горло обвивает чужая ладонь. Его злой шепот приводит в ярость. Но он снова предугадывает мои действия и, к моему великому стыду, скручивает, как фаршированного гуся.

Он определенно неправильно на меня влияет. От его близости мое тело плавится. Это пугает меня до дрожи, и то, что я не могу ему сопротивляться, делу не помогает.

Немного пошлых угроз, произнесенных хриплым шёпотом, и я расплавилась. Ощущение того, как его твердый и очень даже большой член трется о мою попу, заставляет меня увлажниться от желания.

Я хотела этого, хотела возбудиться и почувствовать наконец страсть, узнать, что есть такого в этом сексе, из-за чего многие сходят по нему с ума. Столько разговоров ни о чем.

Но не так. Не с тем, кого даже толком не знаю. Это несправедливо — желать того, кто угрожает и манипулирует тобой. Кто начинает меня пугать, потому что противопоставить мне ему нечего.

Его слова делают свое дело, и мне безумно хочется сейчас сбежать. Как посмотреть в

глаза тому, кто лапал тебя секунду назад в темноте, будто ты какая-то...

Призываю к себе всю злость, на которую способна.

Но он не уступает ни на миллиметр, надвигается, как огромная волна. И все, что я могу, — это затаить дыхание и надеяться, что мне удастся от него сбежать.

Внезапная вспышка гнева, и наказание поцелуем. Нет, так это действие не называется. Он будто пытается меня иссушить, просто выпить меня до самого последнего глоточка, до самого дна.

Хватаюсь за его слова как за соломинку. Он сказал, что не сделает этого со мной, если я не сбегу.

Савелий. Такое простое имя для такого, как он. Слишком простое. Но предложи мне назвать его по-другому, я бы не смогла.

Он злится, потому что я попала в точку, предположив, что он, как и мой дедушка, следует старым традициям и чтит свое слово. Было такое среди военных старой закалки. Дедушка часто жаловался, что среди молодежи это качество вымирает.

Потом он попытался убедить меня в неизбежности нашего слишком тесного знакомства, заставляя меня сжимать ладони в кулаки. Я не хочу.

Даже то, как он описывает, что хочет со мной сейчас сделать, возбуждает меня, но и безумно пугает. Точно. Не хочу.

Пытаюсь развеять напряжение между нами, но Сава сопротивляется.

— Сколько у тебя было мужиков? — этого вопроса я точно не ожидала.

Да что с ним такое?

— Ты у всех знакомых женщин об этом спрашиваешь?

— Только у тех, кого собираюсь отыметь, — бессовестно выдает он.

И так спокойно, будто это нормально — разговаривать на такие темы.

— А у тебя сколько было женщин? — спрашиваю я, перенимая его тон.

— Ну, несколько десятков где-то, не считал, — выдает задумчиво. Вот же придурок.

— Вот когда считаешь и сдашь анализы, тогда и поговорим, — бросаю я с уверенностью, которой не ощущаю.

— Что, уже не так боишься? — спрашивает, скосив глаза.

— С чего мне бояться? — огрызаюсь я.

— Тогда чего же ты так сильно испугалась? — не отстает он. Смотрит слишком пристально. А он ведь ведет машину.

— Далеко еще? — перевожу я тему.

— Так и сколько же их было? — спрашивает он снова.

— Не твое дело, — чеканю я, закатывая глаза.

— Мы можем остановиться, и ты все мне расскажешь, — зловеще шепчет он.

— Прекрати мне угрожать, — возмущаюсь я, — и без тебя хватает причин для страха.

Вопреки моему предположению, что он продолжит свои расспросы, Сава наконец затыкается. Но если вы думаете, что меня это успокоило, то напрасно. Случилась совершенно обратная реакция. Напряжение между нами, стало почти осязаемым. Я чувствовала его взгляд на себе так, будто мы все еще в том зале, где он бесстыдно меня трогал.

Хочется выскочить из машины на ходу, лишь бы перестать ощущать это давление.

Мы снова меняем машину. В этот раз он приезжает на еще более старой модели. Я даже не знала, что такие вообще есть. Кажется, она вот-вот развалится. Сев на переднее сидение я

вдруг вижу, что под моими ногами прямо через дырку в полу видна земля.

— Ты ведь шутишь, да?

— Это единственное, что я нашел, — убивает он мою надежду, — ну, если не считать бричку, запряженную лошадьми, — добивает он.

Я согласна на машину. Цепляюсь обеими руками за салонную рукоятку, молясь, чтобы она не отвалилась под моим весом, и поджимаю ноги. Такого я еще не переживала. Лучше пробежаться с сорока килограммами на спине в горку, чем сидеть в таком напряжении, боясь, что вывалишься прямо на дорогу и тебя задавит собственная же машина.

Что за люди ездят на таком? — Давно ты служишь? — спрашиваю я, чтобы отвлечься и хоть как-то нарушить напряженную тишину.

— Зачем тебе компьютер? — игнорирует Сава мой вопрос.

— Просто хотела узнать, что говорят в новостях, — выдаю первое пришедшее на ум.

— Малышка, — ненавижу, когда он меня так называет, — давай договоримся не врать друг другу. От этого зависит наша жизнь, — он снова бросает на меня косой взгляд, но в этот раз более долгий. — Я на твоей стороне.

— Я в этом пока не уверена, — вырывается у меня.

— Иначе стал бы я рисковать своей жизнью? — спрашивает он, будто это должно все объяснить.

— А действительно, — цепляюсь я за его слова, — почему ты мне помогаешь? Зачем рискуешь?

— Виктор поручил твою безопасность мне, — выдает он, и я закатываю глаза.

— Как предсказуемо.

— Что именно?

— Твоя великая жертвенность. Я прекрасно знаю, какого ты обо мне мнения.

— И какого же я о тебе мнения? — перебивает он меня.

— Ты считаешь, что я обуза, — выдаю возмущенно, хоть и не собиралась этого говорить.

Почему, когда он рядом, я начинаю вести себя как полная дура?

— Потому что ты и есть обуза.

Слезы наворачиваются на глаза, и я отворачиваю голову, чтобы он не увидел, насколько сильно меня ранили его слова.

— Останови машину, — требую я, хоть и понимаю, что это неразумно. Но здесь и сейчас во мне кричит обида. — Останови, и я освобожу тебя от своего присутствия.

— Прекрати нести чушь, — выговаривает он мне, как неразумному ребенку.

— Останови, — кричу я, и мне плевать, что именно так я себя и веду.

— Хватить истерить, — орет Сава, — посмотри на себя, чего ты так взбеленилась?! Ведешь себя неуравновешенно и удивляешься, что говорю тебе правду?

Он прав, и я сжимаю зубы, как и кулаки. Дышу, пытаясь взять себя в руки. В нос забивается его запах. Сигареты и натуральная кожа вместе с каким-то странным, но таким притягательным ароматом мускуса.

— Любишь говорить правду? — выдавливаю сквозь зубы. — Тогда скажи-ка мне, какого черта тебе хочется залезть ко мне в трусы?

Он на секунду впивается в меня взглядом, но потом противная усмешка расплзается у него на губах.

— Я не хочу в них залезть, — отвечает мне этот обманщик, — хочу их с тебя стащить и

добраться до того, что под ними, Малышка.

— Зачем? — решаю не отступать.

Думает снова смутить меня своими пошлыми разговорами? Не выйдет.

— Мы почти приехали, и я с удовольствием тебе покажу зачем, — угрожает Сава.

— Ничего ты мне не покажешь, — отрезаю. — У тебя скудный словарный запас, и ты не можешь ответить на простой вопрос?

— Я хочу тебя трахнуть, — говорит он, поглядывая на меня как на дуру.

Впрочем, именно она я и есть.

— Зачем? — снова повторяю я.

— А зачем люди хотят заниматься сексом? — спрашивает уже он у меня, снова ехидно улыбаясь.

— Не знаю, ты ответь, — качаю головой.

Я ведь действительно не понимаю.

— Ты девственница? — шокировано.

— Почему ты отвечаешь вопросом на вопрос? — возмущаюсь я.

— Просто скажи мне, наконец, — орет Сава.

— Не твое дело, — повышаю я голос в ответ. — Почему тебя это так интересует? Хотя, знаешь, можешь не отвечать, я уже получила свой ответ.

— Что ты там получила? — возмущается он.

Тут за окном я замечаю, что мы едем по какому-то глухому лесу. Ничего, кроме леса. Огромные деревья поднимаются над нами так высоко, что неба не видно.

— Где мы? — спрашиваю шокировано, перебивая его. — Не знала, что у нас есть такие места.

— Мы почти приехали, — снова игнорирует мой вопрос.

Но, прежде чем успеваю возмутиться, вижу вдалеке гору со снежной вершиной и тоненькую нитку горной реки, что вьётся и извивается по долине.

— Ого, — только и успеваю сказать, когда машина останавливается.

Вылезаю из машины и перевожу восхищенный взгляд на Саву.

— Рад, что тебе нравится, ведь именно здесь мы собираемся отсидеться, — говорит он.

— Ты же шутишь, да? Мы что, в лесу будем жить? Ты про это говорил, как про деревню? — вопросы сыплются из меня, как из рога изобилия.

— Глаза разуй, — бросает он, вытаскивая из машины наши рюкзаки и кидая их мне под ноги.

Пока я их поднимала, он уже отъехал на этой рухляди куда-то в лес. За густой зеленью не видно куда, но, судя по звуку, не так далеко.

Хотя эта консервная банка тарахтит так, что даже за этой горой небось слышно.

Оглядываюсь, следуя его грубому указанию, и натываюсь взглядом на... господи, только не это.

Сава

— Что, уже заценила? — усмехаюсь, наблюдая за ее реакцией. Если бы взглядом можно было убить, то я бы уже лежал бездыханный.

— Это же... сарай, — наконец выдавливают она из себя.

— Не преувеличивай, — улыбаюсь как дурак.

— Так я еще приуменьшила, — возмущается она.

Забираю у нее сумки и направляюсь, как она мягко выразилась, к «сараяю».

Малышка, конечно, права. Здесь всего четыре стены и потолок, вместо пола утоптанная земля. Это она еще не знает, что здесь и света нет, а вода — в колодце, что за этим строением.

Кира идет за мной несмелыми шагами.

— Нет, — возражает, как только переступает порог, — нет, нет. Это место не подходит.

Оглядываюсь на нее и понимаю, что причиной такой реакции стала кровать, от которой она не может оторвать взгляд. Да и не кровать то вовсе, а дверь, поставленная на опоры из кирпичей. Матрас на ней из старых вещей собранный. Но думается мне, что не качество матраса на ее реакцию повлияло, а то, что она узкая и, кроме нее, здесь лечь негде. Здесь вообще, кроме этой самодельной кровати, маленького стола, одного стула и железного стеллажа с вещами, ничего нет. Если не считать по мелочи, типа табуретки.

— Я уверен, здесь нас точно искать не станут, — озвучиваю я плюс, усмехаясь в ответ на ее реакцию.

Малышка резко разворачивается и несётся к выходу.

— Черт, — бросаюсь за ней. Я, конечно, предполагал, что она будет возмущена, но не знал, что настолько.

Перехватываю ее за талию и поднимаю, лишая возможности двигаться. Кира, как всегда, пытается меня достать, но я ей этого не позволяю.

— Это сейчас лучшее место для нас, — пытаюсь до нее донести. — Здесь на многие мили никого нет, и это последнее место, где нас будут искать. Тем более о нем никто не знает.

— Здесь невозможно жить, — не слушает она. — Здесь ничего нет.

— Поэтому-то это и идеальное место, — настаиваю я. — Просто переждем здесь пару дней и посмотрим, что там дальше будет.

— Я не хочу, — шепчет она, слышу слезы в ее голосе.

Опускаю ее и поворачиваю лицом к себе. Малышка отводит взгляд, но я настойчиво заставляю ее посмотреть на меня.

Товарный поезд врывается в грудь. Огромные озера, наполненные слезами.

— Все будет хорошо, — пытаюсь ее успокоить, — тебе не о чем волноваться.

— Как же не о чем, — ехидно выдает она, а глазки сверкают яростью, — всю дорогу мне угрожал и пошлостями сыпал. Привез в дремучий лес в лачугу, где меня никто не найдет, и я должна спокойно все принять?

— Я не угрожал, — только и могу выдавить.

— Нет, конечно, — снова ехидничает она, но за всей этой бравадой теперь я вижу, что Малышка не на шутку напугана.

Хватаю ее за подбородок и приближаю к ней свое лицо.

— Я никому не позволю причинить тебе вред, — говорю четко, чтобы поняла и приняла.

— Я тебе не верю, — шепчет она. — Кто защитит меня от тебя?

Замираю. Так это она меня так испугалась?

Дожил, напугал женщину тем, что ее хочу!

Такого со мной никогда еще не случилось.

— Если только это тебя пугает, то зря, — сообщаю. — Я не насильник, — злость прорывается в голосе. Нет, ну что она там себе надумала, в самом деле? — Я, так сказать, сторонник добровольных отношений.

— А мне так не показалось, — задирает она подбородок.

За ее сексуальным телом я и не заметил, что она совсем еще девчонка.

— Малышка, я не буду повторять это вновь, но если ты и будешь подо мной, то только потому, что сама ко мне придешь, — чеканю я уверенно.

Как же она меня злит сейчас.

Отпускаю ее и делаю шаг назад. Смотрит на меня так, будто я сейчас на нее нападу и съем. Именно это мне и хотелось сделать, но я не настолько конченный, чтобы идти напролом и пугать ее еще больше.

А вот соблазнить... Окидываю ее взглядом. Пожалуй, именно так я и поступлю.

Посмотрим, на сколько ее хватит?

Но вначале нужно раскрыть ей свой обман и наконец дойти до цели нашего путешествия.

— Заберем рюкзаки, прежде чем двинемся, — бросаю я, поворачиваясь к ней спиной, — они нам еще понадобятся. И, девочка, в лесу водятся волки, так что не самая умная идея — бежать туда сломя голову.

Слышу через секунду, что она таки направилась за мной.

Вот чертовка. Но не глупая.

Выхожу из землянки с рюкзаками, но, вопреки своим словам, не отдаю ей ничего. Проигнорировав ее протянутые руки, шагаю мимо нее в лес.

— Мы не к машине? — догоняет меня ее голос.

— Мы идем туда, куда направлялись, — бросаю за спину и слышу, как она замирает, но не останавливаюсь.

— Кира, волки, — напоминаю я и слышу, как она снова начинает движение.

Идем дальше в тишине.

Хочу увидеть лицо Малышки, когда она увидит дом, поэтому резко оборачиваюсь.

Кира идет, опустив голову и глядя себе под ноги, но вот она поднимает взгляд и застывает с открытым ртом.

Да, именно это я и хотел увидеть. Этот дом принадлежит одному отставному полковнику. Мне довелось с ним познакомиться на похоронах его сына, тот был убит во время одного секретного задания. Я не был знаком с ними обоими, но не смог не остановиться и не принести соболезнования. Спустя несколько дней он мне позвонил. Мы встретились, разговорились, подружились.

Для меня до сих пор остается тайной, почему он тогда связался со мной. Но теплые отношения мы с ним сохраняем до сих пор.

Дом Игорь построил из прихоти, как он говорит. Но по мне такое просто так не строят.

— Наверное, не толкни меня судьба и не стань я военным, стал бы строителем, — смеялся Мартынов, когда я точно с таким же выражением лица наблюдал за тем, что стояло посреди непроходимой чащи. Домом это назвать тогда язык не поворачивался.

Прямо на склоне, у подножия горы, между двумя громадными валунами, которые служили ему стенами, был построен дом. Точнее, он просто был вписан между ними. Из-за того, что построен он был из таких же валунов, но поменьше, его практически невозможно было обнаружить, если не знать, где искать. А сверху из-за травяной крыши казалось, что местность вообще не тронута людьми. Вся эта территория принадлежала Мартынову, и он охранял эту гору и лес, как заповедник.

— Люди глупы и алчны, — говорил он, печально наблюдая за огнем, — уничтожают все вокруг себя, думая, что смогут построить лучше. Но все, что они могут, — это разрушать. К счастью, или к несчастью, мы не все такие.

— Что это? — шокированный голос Киры заставляет отбросить воспоминания и снова к ней обернуться.

— Это наш конечный пункт, — сообщаю я. — Пойдем, рассмотришь все поближе, — усмехаюсь я на то, как она, не глядя под ноги, спотыкается. Успеваю ее поймать до того, как Малышка упадет.

— Осторожно, здесь крутой склон, — предупреждаю я ее.

Она не спешит освободиться, чем я и пользуюсь, прижимая ее к себе.

Мое тело слишком остро на нее реагирует. Несколько невинных касаний — и я уже готов на стенку лезть от желания ее поцеловать.

Пытаюсь отвлечься созерцанием родных мест.

Как же давно я здесь не был. Знаю, что, будь Игорь дома, встретил бы нас еще у сторожки, где я чуть не довел до истерики Малышку. Но его нет, и это значит, что он уехал по «делам», как он объясняет свое отсутствие.

Я прекрасно понимаю, что он не на рыбалку ездит, но не расспрашиваю его ни о чем. Сам расскажет, если захочет.

Дом не запирается, так что захожу спокойно и открываю шторы, чтобы впустить немного света.

Малышка стоит у порога, рассматривая стены и купол. Здесь два уровня: на первом этаже гостиная и кухня, на втором две спальни.

Это, на мой взгляд, просто идеальное место, чтобы скрыться от лишних глаз, если появилась необходимость.

— Господи, какая красота, — шепчет Кира себе под нос. Кажется, даже не понимая этого.

— Как быстро меняется реакция человека на одни и те же условия, если немного облагородить вид, — делаю я замечание. Она резко оборачивается ко мне, не понимая, к чему это я. — Здесь все то же, что и в сторожке, — поясняю я, — нет воды, света и интернета, и все те же два на два, но этим местом ты восхищаешься, а от того убегала в истерике, — усмехаюсь.

— Если ты намекаешь на то, что я недалекая, то да, в связи с последними событиями, могу с тобой согласиться, — зло чеканит она, разворачиваясь к выходу. — Только такая могла тебе довериться, — бурчит она себе под нос.

Зачем я так сказал? Почему мне так хочется ее задеть? Эта девушка просто выводит меня из себя.

— Я вовсе не это имел в виду, — кричу ей вслед и понимаю, что она не остановится. Догоняю ее. — Ты куда?

— Подальше отсюда, — бросает она, продолжая идти.

— Я же предупреждал, что в лесу волки, — напоминаю я.

— За все время нашего пути нам никто не встретился, — отвечает она, бросая на меня злой взгляд, так как я не отстаю от нее ни на шаг, — так что я рискну.

— Мы шли днем, а сейчас вечер, — указываю я ей на очевидные вещи, — они только выходят на охоту. Ты не успеешь дойти до сторожки.

— Тебе-то что? — спрашивает она, уже по-настоящему меня зля.

— Так, хватит, — бросаю я, прежде чем встать у нее на пути, и тут же приседаю, из-за чего она по инерции, конечно же, спотыкается об меня и наклоняется, пытаюсь удержать баланс и не свалиться. Поднимаюсь уже с ней на плече.

В первые секунды она не сопротивляется, но вот потом, как дикая кошка, попавшая в капкан, начинает дергаться и шипеть. Еле удерживаю ее на плече. Ощущаю, как ее ногти впиваются в мою спину. Шлепаю по ее шикарной заднице, чтобы неповадно было.

— Запомни, Малышка, ты метишь меня, значит, я мечу тебя в ответ, — поглаживаю ее мягкую попку. Отчего она замирает.

— Меня тошнит, — предупреждает она, но я в это не особо верю, потому как слишком яростно звучит ее голос. Да и мы уже дошли.

— Не заставляй меня запирать тебя в подвале, — угрожаю я, поставив ее на пол и заглядывая в ее красное личико.

— Ты всегда используешь силу, если не можешь победить словами? — спрашивает она, пытаюсь выровнять дыхание.

— Всегда, — смеюсь над ее усилиями.

— Мужлан.

— Глупышка, — губы растягиваются в улыбке. — Что бы там ни было, не самая лучшая идея — бежать на ночь глядя, — перехожу на серьезный лад. — Здесь быстро темнеет, так что нужно подготовиться. А то останемся в темноте без тепла и света.

— Ты серьезно говорил насчет отсутствия электричества? — кажется, она посчитала, что я ее просто пугаю.

— Шутил, конечно, — смеюсь. — Найдешь выключатель — врубай, — открываю дверь, — а я пока дрова натаскаю и керосин притащу.

— Зачем дрова, лето на дворе? — спрашивает Кира, следуя за мной.

— Ты удивишься, как здесь по ночам холодно. Тут тебе не город.

Мы как раз дошли до землянки, которую, как и дом, просто так не обнаружишь, судя по тому, как Кира прошла мимо нее, не заметив.

— Вот тут, — привлекаю я ее внимание.

Она оглядывается, и снова у нее на лице то самое шокированное выражение.

— Кому принадлежит этот дом? — спрашивает Кира, пока я вытаскиваю все необходимое.

— Почему ты думаешь, что он не мой? — удивляюсь уже я.

— Потому что хозяин такого места мне точно будет симпатичен, — отрезает она, задирая свой подбородок. — В отличие от тебя.

Уверен, что и она Игорю понравится. Он уж точно оценит ее норовистый характер.

Почему от этого предположения у меня в груди печет, настроение портится и садануть

хочется во что-нибудь со всей силы? Желательно в лицо. И я знаю в чье.
Я, кажется, сошел с ума.

Кира

Господи, как же мне понравился этот дом!

Даже то, что в нем нет света, меня не испугало.

Такое чудо природы. Как можно было придумать что-либо подобное? Уму непостижимо.

Я видела, что Сава наслаждается моим шокированным видом, специально все так подстроил. Чего стоило только то, что он угрожал, будто мы в том сарайчике жить будем. До сих пор мурашки по спине. Но я не могу скрыть свои эмоции. Дом просто обалденный.

Конечно, он утрировал, что тут ничего нет. Вода тут была, потому что на кухне я заметила мойку со смесителем. Не думаю что она для красоты.

— Зачем мойка без воды? — спросила я, когда он начал разводить огонь.

О камине нужно сказать отдельно, потому как ничего подобного я в жизни не видела. Вроде старая печка, но с современным декором. А когда в нем весело заплясал огонь, без дыма и гари, я перевела взгляд на Саву и приподняла брови в ожидании его ответа.

— Тут сложная система отопления, дым идет по трубам под пол, — объяснил он.

— А вода? — напомнила я, садясь у огня. В желудке заурчало. Кроме печенок в машине, мы так ничего и не поели.

— Вода тут в основном дождевая, — усмехается он, поднимаясь. — Так что если экономить, то можно и искупаться. Сейчас нужно поесть, пока не стемнело.

— А свет? — продолжаю настаивать.

— Свет только от свечек, которых, к сожалению, нет, и с помощью вот этого, — он указал на то, что принес из той землянки в лесу.

Что-то похожее на железную банку, снизу толстую, сверху зауженную и с торчащим изнутри черным язычком. Сверху этот язычок закрывал стеклянный вытянутый колпак.

— Это керосиновая лампа, и, судя по твоему лицу, ты о таком не слышала, — смеется Сава.

— Конечно слышала, — возражаю я, не желая признавать свое незнание, — просто впервые вижу такую модель.

— Разнообразием моделей они не отличаются, — его смех становится громче, раздражая меня. Ну и где я должна была с таким столкнуться?

— Не вижу ничего смешного, — отрезаю, поднимаясь. Невыносимый тип. Только и знает, что издеваться и подкалывать. Да с таким серьезным лицом, что не поймешь, шутит он или нет.

— Подожди, я там из запасов Игоря вытащил банку тушёнки и пару картох, — привлекает он снова мое внимание, — сейчас суп сварганим.

Представила себе эту бурду и передёрнулась.

— Чего ты носик свой морщишь? — смеется он опять. — Ты же еще не пробовала.

— Просто представила, — возмущаюсь я. — И прекрати надо мной издеваться.

— Насчет моей готовки ты не права, — качает он головой, — будет вкусно, обещаю, — он облизывается слишком сексуально, на мой взгляд, так что мне хочется его стукнуть. — А что касается второго, то уж прости, но ты сама прям напрашиваешься.

Не отвечаю этому хаму, поднимаюсь и иду к своему рюкзаку.

— Я лучше приведу себя в порядок, чем продолжу тебя тут развлекать, — шиплю себе под нос и поднимаюсь наверх.

Осматриваю комнаты. Первая явно хозяйская, ничего лишнего, только кровать и тумбочка. Две двери. Заглядываю внутрь. Первая — маленькая гардеробная, вторая — ванная. И судя по тому, что во второй спальне я обнаруживаю такую же чашу, как и в хозяйской ванной, купаться здесь принято в деревянном чане. Вторая спальня практически ничем не отличается от первой, просто здесь в гардеробной нет вещей. Зато есть полотенце. Выдохнув с облегчением, привожу себя в порядок. Не рискую залезть в чашу, потому как просто не могу разобраться, как тут все работает. Поэтому, набрав немного прохладной воды в небольшую чашку, что стоит здесь же, моюсь. Холодно. Через минуту зубы начинают стучать. Так что я, быстро обтеревшись, переодеваюсь. От голода начинает мутить.

Подумав, накидываю свитер, который почему-то умудрилась засунуть в рюкзак. Утопаю в нем, как в мешке, но делать нечего, и я, закатывая рукава, иду вниз. Ароматный запах еды разносится по дому. Сава был прав, к тому моменту, как я управилась со своими делами, уже так стемнело, что я не могла увидеть, куда ступаю. Пришлось прощупывать все руками и ногами, чтобы не свалиться и не свернуть себе шею.

В тот момент, когда я в очередной раз протянула руку, пытаюсь нащупать стену, наткнулась ладонью на что-то теплое. На секунду мне захотелось прижаться к этому теплу, чисто по-человечески, но я тут же себя одернула.

— Тебя долго не было, — почему-то шепотом говорит Сава.

— Я купалась, — выдаю я, стуча зубами.

— Ты что, сдурела? — тут же громко возмущается он, и я чувствую, как взлетаю и оказываюсь у него на руках. — Кто в это время суток купается?

Мы спускаемся вниз так быстро, что мне кажется, мы летим.

И как только он может что-то видеть в этой крошечной тьме?

В один миг меня закутывают в огромное, пахнущее шерстью одеяло и сажают у камина. Здесь уже можно разглядеть хоть что-то.

— Пей, — приказывает он, всучив мне в руки деревянную чашку с ручкой-мишуткой, которую я рассматриваю, пока грею руки. Только сейчас я понимаю, насколько действительно замерзла.

На удивление запах соответствует вкусу. Зажмурив глаза, наслаждаюсь непонятной бурдой, приготовленной Савой, и теплом огня.

Мне кажется или здесь пол теплее? Тут я вспомнила, что он говорил что-то про отопление.

— Ну как тебе? — спрашивает Сава, сядя напротив с такой же чашкой, но, в отличие от меня, он не укутан по самый нос в одеяло.

— Съедобно, — хитрю я.

— Да ладно, поэтому ты уже все вылакала? — смеется этот негодник.

Перевожу взгляд на чашку — и правда все выпила.

— Давай еще налью «съедобного», — протягивает он руку.

От тепла меня немного разморило, и я расслабилась.

— Так и где он? — спрашиваю я. — Хозяин дома, — уточняю увидев недовольное лицо Савы.

— Уехал по делам, — отвечает он, нехотя.

— И кто он? — продолжаю спрашивать.

— Тебе зачем? — майор окидывает меня недовольным взглядом.

— Ну, хотелось бы знать, в чей именно дом я ввалилась по твоей милости, — удивляюсь я его реакции.

— Ему ни холодно ни жарко от того, что ты тут погостишь вместе со мной, — отрезает он. Грубиян.

Но, блин, тут так тепло, что не хочется двигаться. Меня все еще знобит, так что я сильнее укутываюсь в одеяло.

Не буду больше с ним разговаривать. Хам. — Не знаю, как ты, но я буду здесь спать, — вопреки своим же мыслям решаю сразу застолбить себе местечко.

— Спешу тебя обрадовать, но мы оба будем спать здесь, — возражает он.

— Что? С чего это? Ты иди спать наверх, — возмущаюсь я.

— С того, что ночью станет еще холодней, — чеканит он недовольно.

— И что? — возмущаюсь я, забыв, что только что куталась и стучала зубами. — Здесь места мало.

Я развожу рукой, мол, сам посмотри.

— Почему ты так упираешься? — делает он удивленное лицо, будто действительно не понимает. — Я знаю, о чем говорю.

— Вы что же, с хозяином дома тоже друг дружку здесь грели? — вырывается у меня.

Сама не ожидала от себя такого ехидства. Судя по его блеснувшим яростью глазам, это я зря.

— Не думаешь же ты, что я настолько наивна?

— Теперь я знаю, что ты настолько глупа, — кидает он, направляясь ко мне.

Я непроизвольно вся сжимаюсь от страха. Но, вопреки моим фантазиям, он только отбирает у меня пустую чашку. И, судя по грохочущим звукам, он, стоя спиной ко мне, моет посуду. И да, Сава в ярости.

— Спасибо, — решаю я немного смягчить свои слова и сменить тему. — И как долго мы тут пробудем?

— Пока, думаю, неделю, а там посмотрим.

— Ты же шутишь? Неделю? Мне нужно вернуться в город, — возмущаюсь я, забыв все свои благие намерения.

— Здесь ты в безопасности, — отрицательно качает он головой и, не оглядываясь, выходит в ночь. Вот так, без ничего, в полную темень.

Я тут же вскакиваю, но замираю. Я не думала, что боюсь темноты, но только боюсь, что до этого я ее и не видела. Здесь, в отличие от города и воинской части, света нет нигде, ни одного слабого огонечка.

— Сава, — зову я с порога. Мой голос возвращается ко мне эхом, и странные звуки ночи вместе с ним. — Сава.

— Я здесь, — он появляется из ниоткуда. — Зачем тебе в город?

Его вопрос застает меня врасплох.

— Просто надо, — отвечаю, пропуская его в дом.

Он принес какие-то странные черные кругляшки. Весь измазавшись при этом. Я неосознанно протягиваю руку и вытираю черную полосу с его подбородка. Вскинув голову, встречаюсь с его довольным взглядом и, резко отдернув руку, прячу ту за спину. Что я творю?

— Ты же понимаешь, что в нашем случае «просто надо» или «просто хочу»

невозможно? — прерывает он мои внутренние метания.

— Твоя жизнь зависит от моей, равно как и моя от твоей, — он кладет кругляшки рядом с камином-печкой и открывает его дверцу. — Тебе понравится, если я буду скрывать что-то от тебя и делать все на свое усмотрение? — спрашивает Сава, укладывая два кругляшка прямо в огонь.

Я настолько засматриваюсь на то, как огонь жадно начинает их лизать, что не сразу осознаю, что он имеет в виду.

— Можно подумать, ты все это время делал не это? — возмущаюсь я. — Не сказал мне, что происходит, и велел залезть в сумку, — загнула я палец. — Проехал по всем ухабам, зная, что меня может укачать, — загибаю второй. — Оставил меня одну в кафе со словами «жди меня здесь» и укатил, не сказав куда, — уже третий.

— Все, все, я понял, — отмахивается он.

— Напал на меня и неподобающе трогал, — загибаю четвертый палец. — Вез, не сказав куда, будто я мешок какой-то, смеялся надо мной и дурацки подшучивал, — я уже не загибаю пальцы, просто высказываю ему все свое недовольство. — Даже сейчас пытаешься все провернуть в свою пользу. Ничего мне не рассказываешь, но хочешь, чтобы я тебе доверяла, — под конец я уже практически ору. Нужно взять себя в руки. — Я даже сейчас не знаю, где я, и, если что-нибудь с тобой случится, что тогда мне делать и куда идти? — говорю я уже более спокойным голосом.

Сава смотрит на меня своим колдовским и абсолютно нечитаемым взглядом.

— Для того, кто не доверяет сам, ты слишком много просишь, — наконец выдыхаюсь я.

Мы стоим друг напротив друга. По воле судьбы связанные и незнакомые люди. Напряжение между нами можно резать ножом. Я понимаю, что без него не знаю, где была бы, но также осознаю, что не понимаю, зачем он это делает — помогает мне.

— Дело не в доверии, — вдруг произносит Сава, отвлекая меня от собственных мыслей.

— А в чем тогда? — не понимаю я. — В том, что я женщина? Думаешь, не осилю?

— Дело в том, что в тот момент нам было не до того, чтобы объяснять тебе, что происходит и как мы будем решать эту проблему, — отвечает он. — Я не привык рассказывать, что, как и почему делаю, — качает он головой. — Я просто это делаю.

Вроде бы логично. Но я так не могу.

— Если ты потрудишься рассказать, я пойму, — пытаюсь я ему объяснить.

— Просто выполняй, что говорю, и все закончится хорошо, — отвечает Сава. Он действительно не понимает.

— Я не солдат и не твоя подчиненная, — снова пробую пробиться. — Если нам предстоит пройти это вместе, то тебе придется все мне рассказать, — говорю я, но он отрицательно качает головой. — Не оставляй меня с закрытыми глазами, — прошу я, — иначе как мне тебе доверять?

Сава

Малышка права.

Я это понимаю, но пересилить себя и все рассказать не могу. Я никогда не делился всем планом даже с ребятами. Он у меня в голове. Я отдаю приказ — парни выполняют. Все.

Интуиция говорит, что она не просто так желает вернуться в город. И получить доступ в сеть ей тоже хочется неспроста. И генерал ее не зря спрятал. Хотел уберечь.

И конечно, я все про нее раскопал. Она и не внучка ему вовсе. Из-за чего возникает другой вопрос, а что их вообще связывает и почему он о ней так печется? Здесь определенно есть что-то большее. Я это чувствую.

— Я постараюсь, — отвечаю ей, но облегчения на ее лице от моих слов не вижу. Не верит. — Начнем с того, что это дом моего старого друга, его зовут Игорь, — вижу проблеск интереса в ее глазах. Сажусь, показывая, что можно расслабиться. — Не знаю, где он сейчас, — говорю я правду. — Он редко так пропадает, но иногда бывает.

Малышка тоже опускается рядом. Сейчас на полу теплее, чем на диване.

— А чем он занимается? — спрашивает она, снова кутаясь в одеяло.

— Я не знаю, — отвечаю я и понимаю, что как бы странно это ни звучало, но это правда. Никогда об этом не задумывался. Просто он мой друг, и этого всегда было достаточно. — Знаю, что он отставной офицер. Ушел, когда его сына убили.

— Господи, — шепчет Кира, прикрывая рот ладошкой. — И давно?

— Лет восемь назад, — вспоминаю я. — Мы как раз на похоронах и познакомились. Он говорил, что строит дом, но показал мне его недавно, — сообщаю я, чтобы сменить тему. — У меня было точно такое же выражение лица, как и у тебя, — усмехаюсь я своим воспоминаниям.

— Думаю, что и розыгрыш с сараем тоже не новый, — качает Малышка головой и улыбается.

— О-о-о, — тяну я, — я все же был чуть более сдержан, — смеюсь, но вижу, что Кира отводит взгляд. — Прости, я не хотел тебя там обидеть, — признаюсь я, — просто ляпнул не подумав.

— Игорь тебе так же сделал? — она будто подглядела.

— Ага, — уже я отвожу взгляд. Потому что стыдно.

— Жестоко, — она не обвиняет, просто констатирует факт. — Что мы будем дальше делать?

— Это будет зависеть от того, что именно ты мне расскажешь, — пробую я.

Кира минуту смотрит на меня внимательным взглядом.

— Сейчас я хочу лечь спать, — разочаровывает она меня. — День был трудным и долгим. А потому спокойной ночи.

Она поднимается и ложится на диван. Он широкий и удобный, Игорь сам частенько зимой ночует на нем.

Я не соврал ей. Несмотря на то, что подкинул торфяных шайб в печку, тепло исчезнет под утро и станет очень холодно. Единственный минус этого дома заключается именно в этом. Он вроде бы должен прогреваться и держать тепло, но не тут-то было. Возможно, это из-за того, что он расположен прямо у подножия. Игорь все пытается понять и решить эту

проблему.

— Спокойной ночи, — отвечаю, ложась на полу. Он будет дольше сохранять тепло, так что к тому моменту, как я проснусь, не успею окоченеть, а вот насчет нее не уверен. Но сказать об этом ей сейчас не вариант, она подумает, что я хочу воспользоваться положением. И отчасти будет права.

Все-таки она устала, я вижу это по кругам под ее глазками и осунувшемуся личику. Кира, без сомнения, молодец. Не каждая так смогла бы: без единого возмущения, не считая некоторых моментов, но там я сам приложил для этого немало усилий, пережить покушение и всю эту дорогу не роптать и не быть обузой. Следовать, хоть и не всегда, указаниям. Благодаря этому мы смогли уйти быстрее, чем преследователи опомнились.

Мне приходилось спасать людей из более легких условий, и мне есть с чем сравнить. Некоторые из спасаемых иногда, казалось, сами просто напрашивались на пулю. Так что я действительно восхищался Малышкой, хоть этого ей и не сказал.

Она долго ворочалась, не давая мне расслабиться. Потому как мое тело реагировало на любые ее телодвижения. Но в конце концов тихо засопела. Принес ей дополнительное одеяло, укрыл и сам улегся поудобней.

Да, ночь будет длинной.

«Рано же она замерзла», — усмехнулся я, услышав, как застучали от холода ее зубы.

Добавил в огонь еще пару шайб и перенес спящую, но очень замерзшую девушку на свое место, поближе к печке. Обнял и укрыл нас обоих всем, чем смог. Ощувив ее ледяные ладошки на коже, понял, что не смогу так долго выдержать, и перевернул ее спиной к себе. Но не учел, что ее попка будет ерзать в поисках тепла прямо по моему члену, показывая мне одновременно и рай, и ад на земле.

В такой ситуации говорить о сне не приходилось.

Спеленал ее в своих объятьях, заставляя замереть и прекратить свои метания. Наконец, когда она согрелась и расслабилась, я смог немного выдохнуть. Но от напряжения в собственном теле только и оставалось, что в каменный потолок пялиться.

И как только смог уснуть?

Меня разбудила ее попытка выбраться из моих объятий, в которых я инстинктивно продолжал ее держать.

Открыл глаза, но тут же закрыл их обратно. Посмотрим, что она будет делать?

Да это подло. Но то, что она заставила меня пережить этой ночью, практически ничем не отличается, хоть она и спала в это время.

Кира вертела своей юркой попкой, снова заставляя меня ее желать, а сейчас к тому же еще и утро, так что понятно, на что именно Малышка напоролась своей сексуальной задницей.

Чуть не рассмеялся в голос, когда она в первый раз застыла, ощутив прикосновение моего члена.

Проклиная все на свете, особенно «озабоченного козла», она, как змея, пыталась вывернуться из моих объятий.

Не желая расставаться с такой желанной подушкой, я закинул на нее ногу, подтаскивая ее еще ближе к себе.

Дыхание Малышки прервалось, и она на целую минуту замерла в моих руках. Ощутив дрожь ее тела, непроизвольно сжал руки сильнее.

Как бы она ни артачилась и ни отрицала очевидное, я ее волную.

Захотелось улыбнуться от этой мысли.

Еще немного, и я ее точно подомну под себя и не отпущу, пока не получу желаемое. —

Сава, — позвала она очень тихо, когда поняла, что не сможет сама освободиться.

— М-м, — мычу в ответ, продолжая обнимать ее.

— Отпусти, пожалуйста, — просит так мило, едва сдерживая гнев.

— Мне и так нравится, — подтаскиваю девчонку ближе, вдыхая аромат ее кожи.

— А мне нет, — шепот.

— Врушка, — пресекаю ее новую попытку удрать.

— Отпусти, — несмотря на просьбу, она не двигается.

Начни она сейчас сопротивляться, я бы точно не сдержался. Обхватываю ее затылок, заставляя запрокинуть голову и встретиться со мной глазами. В глазах испуг, но и желание тоже.

Малышка, тебе точно не сбежать.

Накрываю ее губы своими. Она не отвечает, как и в прошлый раз, но и не отталкивает. Будто прислушивается к своим ощущениям.

Нежно провожу по ее нижней губе и слегка прикусываю ее. Тихий вздох становится для меня сигналом для продолжения. Поцелуй становится жарче. Наше дыхание сбивается, и ритм сердца все быстрее и громче. Кира все так же не отвечает, только позволяет ее целовать.

Желание получить от нее реакцию становится практически невыносимым.

Только ощутив ее упирающиеся мне в грудь ладошки, понимаю, что практически навалился на нее сверху.

— Не надо, — отворачивает она лицо, но я все равно заставляю ее посмотреть на меня. Не могу отодвинуться от нее и продолжаю соприкасаться с ней лбами. Наше дыхание смешивается и согревает нас.

— Почему? — спрашиваю и жду ответа, практически не дыша. Малышка, без сомнения, меня хочет, но тогда зачем сопротивляться?

Она не отвечает, только снова легонько толкает в грудь.

— Я знаю, что ты тоже хочешь, — шепчу ей. — Реагируешь на меня как никто, но почему-то это отрицаешь, — не понимаю я. — К чему все эти игры? Если мы заранее знаем, чем все кончится?

Ее толчки становятся сильнее.

— Ничем не кончится, — выдыхает она. — Отпусти.

— Мы можем перешагнуть все эти ненужные разговоры и ломку на пустом месте, — уговариваю я. — Я знаю, кто ты, ты знаешь, кто я. Мы можем наслаждаться друг другом, пока хотим, — разъясняю я все плюсы. — Так к чему все эти танцы с бубном у костра? Зачем строить из себя тех, кем мы не являемся?

Секунда. Вот я ее обнимаю и сжимаю в объятиях, а вот я лежу на спине и ошарашенно смотрю в потолок. Боль, идущая от копчика к голове, не дает возможности вздохнуть.

Она меня перекинула?! Она? Меня?!

Взваливаюсь на бок и нахожу ее напряженную фигурку взглядом.

— Ты знаешь, кто я? — Малышка в ярости. Теперь понятно, как ей удалось повернуть этот прием со мной. — Строить из себя того, кем не являюсь? — хорошо, что взглядом нельзя убить. — Ты не знаешь меня, — чеканит она, носясь из стороны в сторону, продолжая окидывать меня яростным взглядом. — Ничего не знаешь! Наслаждаться, пока можем? Что

ты там себе напридумал? Никаких наслаждаться. Если это цена твоей защиты, то, запомни, мне она не нужна, — она тыкает в мою сторону своим тонким пальчиком. — Я не настолько себя не уважаю, чтобы «наслаждаться, пока могу» с каждым встречным, — ехидно выдает Кира.

Я хотел встать и показать, что именно я имел в виду, этой строптивнице, когда заметил, что ее глаза влажно заблестели, хоть она и пыталась это скрыть.

— Еще раз повторяю для особо одаренных, — зато голос резкий, — не смей ко мне больше прикасаться.

Кира разворачивается и уходит наверх, в то время как я изумленно пялюсь в потолок и остаюсь лежать на полу.

Что это только что сейчас было?

С чего она так взвилась? Я же всего-то предложил наслаждаться жизнью, пока можем. И причем тут уважение к себе?

Прокрутив в голове наш разговор снова, понял одно: я ее нехило так задел. Но чем — так и не понял. Поднялся и направился в ванную.

Холодная вода немного остудила мое желание, и я наконец смог начать думать.

Что-то произошло с ней в прошлом, наконец осознал я.

Что-то, что напугало ее настолько, что Малышка до сих пор трясется в страхе.

Решаю вскрыть эту рану, пока не поздно.

Зачем мне это надо? Не знаю. Не хочу об этом размышлять. Просто хочу понять, и все.

Поднимаюсь наверх и замираю у двери в спальню. Кира стоит топлес. Меня при виде ее мягких округлостей перемыкает. Забываю, зачем сюда шел, о чем хотел с ней поговорить. Хочу только одного: чтобы она опустила руки и повернулась ко мне лицом, позволяя вдоволь насладиться прекрасным видом.

— Ой, — дверь с громким хлопком закрывается у меня перед носом. И когда только успел подойти так близко?

Громкий звук что-то во мне ломает, будто преграда упала или стена. Да и пофиг на это. Толкаю дверь и застаю ее уже застегивающей рубашку на груди.

— Тебе не говорили, что подсматривать не...

Не даю ей закончить.

В этот раз я заставляю ее откликнуться на мой зов.

Какая же эта бестия вкусная!

Кира

Какой же он придурок.

Снимаю рубашку, желая смыть с себя его прикосновения и поцелуи, которые заставили мое тело дрожать для него. Желать его.

Ужас накрывает с головой, когда понимаю, что, начни он действовать, а не болтать, то, скорее всего, сейчас он получил бы то, чего так бесстыдно добивался.

Какая же я дура! О чем только думаю.

По моей коже до сих пор бегут мурашки, и я точно знаю, что это не от холода. Будто он продолжает смотреть на меня своими темными глазами, полными похоти. Да, именно это я в них и видела.

Тряхнув головой, поворачиваюсь и натываюсь на вполне реальный алчный взгляд. Он пугает меня.

Резко захлопываю дверь. Руки не слушаются, и я еле успеваю накинуть на себя рубашку, когда Сава вламывается в ванную комнату.

— Тебе не говорили, что подсматривать не... — не успеваю закончить, когда его тело как таран врывается в меня и его губы накрывают мои.

Стон вырывается из моего рта вопреки моей воле. Руки живут своей жизнью, зарываясь в его короткую шевелюру на затылке. Страсть, что я так отчаянно пыталась сейчас заглушить, вспыхивает, как сухая трава, к которой поднесли спичку. Я горю в его руках.

Его язык владеет моим ртом, заставляет меня покориться. Его ладони обхватывают мою задницу и поднимают, заставляя обвить ноги вокруг его бедер. Он трется членом у меня между ног, прямо там, где я, сама того не понимая, этого хочу. Стону ему в рот от желания большего.

Никогда так не горела. Никогда так не хотела. Мое тело меня предает. Грудь налилась и от его движений трется отвердевшими сосками о его каменное тело, сводя еще больше с ума.

Его губы везде, его руки повсюду. Он, будто воздух, окутывает меня, заставляя желать. Я мечусь в агонии, сама не зная, чего хочу.

— О да, вот так, — еле разбираю его слова, но так четко чувствую движения его твердого члена по моему клитору, даже сквозь одежду.

Это выше моих сил, выгибаюсь.

Напрягаюсь, почувствовав прикосновение воздуха к моей груди, ровно до того момента, как его губы вбирают мой сосок.

Боже, как от этого может быть так хорошо?

Почему я считала, что моя грудь нечувствительна?

Я то притягиваю его голову к себе, то пытаюсь оттолкнуть, боясь, что не смогу больше перенести столько удовольствия.

Его хриплый шепот как дополнительная ласка проходит прямо по нервам, заставляя еще больше поддаваться этой безумной страсти.

— Я знал, что ты будешь такой, — шепчет Сава, ведя языком по моему животу. — Страстная маленькая крошка. Как же я хочу тебя трахнуть.

Его слова почему-то больше не пугают, наоборот, заставляют кровь в венах бежать еще быстрее. Хотя куда уж быстрее?

— Запах твоего желания сводит меня с ума, — его дыхание касается моего живота, а руки накрывают грудь, пощипывая соски.

От его действий мое тело плавится будто воск. Разряды тепла разбегаются от груди по всему телу и собираются у меня между ног, заставляя меня истекать. Зажмуриваю глаза и запрокидываю голову.

Где-то на задворках сознания стучится мысль, что все это неправильно, что нужно остановиться, но я не нахожу в себе сил отказаться от этого удовольствия сейчас.

Только когда ощущаю прикосновение прохладного воздуха к своим влажным складочкам, прихожу в себя.

Господи!

— Что ты... — не успеваю зажать ноги и закончить предложение, как его губы накрывают меня прямо там. — О-о, — только и могу простонать.

Мне было больно от удовольствия. Меня рвало на части от страсти. И я умирала от страха, что все это сейчас закончится, оставив меня ни с чем.

Я уже сама подавалась навстречу его губам, но его руки, обхватившие мои бедра, пресекали мои попытки самой получить удовольствие.

— Этим балом правлю я, Малышка, — отрезает он, овевая мою горящую от его ласк плоть своим дыханием. Его зрачки расширились настолько, что глаза кажутся огромными черными омутами. — Попроси меня, — требует он, облизывая мой клитор по кругу.

И я прошу. Умоляю его. Я и не знала, что могу быть такой. Я не владею собой, теряюсь в том вихре, в который он меня затянул.

— Хорошая девочка, — хвалит он меня. — Мне нравится, когда ты такая послушная, — еще одно касание его языка, и я завываю от неудовлетворенности. Именно в этот момент он наконец позволяет мне... нет, толкает меня в пропасть, к которой так умело подводил.

Я умерла, причем в великих муках. Все мои кости растворились в огне, что меня накрыл. И я распалась на маленькие частички, которые исчезли в бесконечности.

— Сука, какая же ты, блять, сладкая, — не его слова, а новое облизывание его языка приводит меня в чувство.

Смотрю в потолок, не находя в себе сил поднять голову и посмотреть на того, кто подарил мне мой первый оргазм.

Не считая, конечно, тех, что я дарила себе сама, но они не шли ни в какое сравнение с тем, что сделал со мной он.

Чувствую боль в руках от напряжения, но не могу разжать пальцы и наконец отпустить простыню, в которую вцепилась. Хриплый стон мольбы вырывается из моего горла.

Секунда, и лицо Савы появляется прямо передо мной. Не успеваю зажмурить глаза и встречаюсь с его наполненным черной похотью взглядом. Он меня пугает и в то же время манит так сильно, заставляя стремиться к нему. Чувствую прикосновение его горячей плоти у себя между ног и непроизвольно сжимаюсь. Несмотря на то, что мое тело до сих пор дрожит от экстаза, мой разум уже пришел в себя.

Внутренне сопротивляюсь тому, что сейчас должно произойти. Он не мальчик, которому я могу отказать. Тем более сейчас, когда он в таком состоянии. Тем более когда он заставил меня увидеть звезды. Как слабо это подходит для описания того, что я видела.

Сама виновата. Поддалась его притяжению, довела его до этого состояния. Начни я сопротивляться, не уверена, что он остановится. Слишком возбужден. Смирюсь.

Зажмуриваю глаза в ожидании и, что греха таить, в желании его проникновения.

Странный звук врывается в сознание. Сава замирает на несколько секунд, а потом слетает с меня как ветер.

— Оденься, — бросает он и как есть, голый, выбегает из спальни.

Мне приходится еще пару секунд собирать себя в одно целое, прежде чем я понимаю, что происходит что-то важное, раз Сава так быстро сорвался, тем более в его состоянии. Отгоняю от себя эту мысль. Быстро натягиваю одежду, которую он с меня снял. Кроме белья, которое он порвал. Как я могла такое не почувствовать?

Так, не время об этом думать!

Быстро спускаюсь вниз, но Савы нигде нет. Сигнал пропал так же резко, как и появился. Но это заставляет нервничать еще больше. Возвращаюсь и надеваю обувь, потом быстро собираю рюкзаки, на случай если придется бежать. Снова спускаюсь вниз и выглядываю в окно. Где он? С ним ведь ничего не случилось?

Черт, у меня даже оружия нет, чтобы защититься если что.

Неужели у отставного полковника не найдется в жилище хотя бы пистолета? Думай, Кира, думай. Куда бы дедушка спрятал оружие?

Мой взгляд скользит по комнате. Шкафы и полки... Все не то. Может, в спальне? Но тут мой взгляд натывается на... камин. Над ним есть небольшой выступ. Протягиваю руку, не особо надеясь и продолжая скользить по комнате взглядом. Пальцами нащупываю холодный металл. В этот момент вижу, как в замедленной съемке, что ручка входной двери поворачивается. Хватаю ружье, вскидываю его на плечо и направляю дуло в сторону двери.

— Тише, тише, — слышу незнакомый голос.

— Кира, — голос Савы заставляет мои руки дрожать, но я не опускаю ствол, силясь его удержать, — все хорошо, это я.

В дверном проеме появляется Сава, а за ним незнакомый мне мужчина.

Он почти возраста моего деда, может старше. Сухая поджарая фигура, рубленые черты лица и пронизательный взгляд из-под кустистых седых бровей. Тонкие сухие губы растягиваются в подобии улыбки.

— Я смотрю, ты девушку себе под стать выбрал, — усмехается он. — Какая боевая, — его голос звучит восхищенно. — И арсенал мой нашла?!

— Кира, познакомься, это Игорь, — знакомит нас Сава, отбирая у меня ружье. — Хозяин дома и мой друг.

— Очень приятно познакомиться, барышня, — Игорь протягивает руку, и мне не остается ничего другого, как преодолеть смущение и протянуть ему свою дрожащую ладонь.

Хват у него крепкий, да и руки слишком мозолистые для отставного, отмечаю про себя. У тех, кто оружие давно не держал в руках, ладони совсем другие. Вот даже у дяди Вити ладони мягче стали. Да и взгляд у Игоря слишком пристальный. Или, может, он просто много работает? Кто еще из моих знакомых мог бы построить такой дом?

— Откуда ты его достала? — вопрос Савы отвлекает меня от моих подозрений.

— Там это... — немного заминаюсь, слишком много на меня сегодня свалилось, — выступ был, — указываю в сторону камина.

— Даже ты не догадался, — смеется Игорь, хлопая Саву по плечу.

— Всегда думал, что он для всякой мелочи вроде статуэток, — отвечает Сава, осматривая оружие. — Ничего себе ты раритет хранишь.

— Он слишком узкий для этого, — бездумно отмечаю я.

— Умница, девочка, — хвалит меня Игорь. Его взгляд на меня уже не так напрягает. —

Ты хоть покормил мою гостью? — спрашивает Игорь немного суровым тоном.

Сава поднимает голову, и наши взгляды пересекаются. Меня словно током шибает. К моему ужасу, мое тело откликается на его жадный взгляд уже знакомым напряжением и томлением внизу живота.

— Еще не успел.

И почему мне кажется, что его слова звучат слишком двусмысленно?

— Обед скоро, — шутливо возмущается хозяин. — Ты, что же, решил ее голодом заморить?

— Она сама кого хочешь заморит, — выдает Сава, продолжая сверлить меня взглядом.

— Кира, ты пока приведи себя в порядок, а мы как мужчины займемся мясом.

Слова Игоря заставляют меня отвести взгляд от Савы и осмотреть себя. Господи, у меня пуговицы неправильно застегнуты. Бегом направляюсь наверх.

— Мясо?

— Да, я привез с собой.

Не обращаю больше внимания на их разговор за спиной, врываюсь в спальню. Взглядом спотыкаюсь о смятую постель. Разум, который молчал тогда, сейчас подкидывает мне отчётливую картинку, как я на этих простынях выгибалась навстречу его губам.

Между ног до сих пор влажно, и становится еще теплее.

Да что со мной такое? Он мне что-то подмешал, что ли? С чего я, как озабоченная, сейчас только от одних воспоминаний теку?

Шлепаю себя по лбу. Больно.

Иду в ванную и привожу себя в порядок.

Нужно просто признаться и принять, что я получила оргазм и что я не фригидная, как боялась. Это значит, что смогу получить удовольствие с любым другим мужчиной.

И на этом все! Больше ничего.

Освежившись, спускаюсь вниз. Вкусный запах распространяется по дому, привлекая внимание моего желудка, который, будто только проснулся, начинает неистово урчать.

Делаю глубокий вдох, прежде чем войти на кухню. Я не такая. Я не ведусь на таких, как он. Он просто хочет получить теплое местечко за мой счет, как и многие другие до него. Ничего не изменилось.

Открываю дверь и захожу.

Но стоит только нашим взглядам встретиться, как я понимаю, что все, что я только что себе наговорила, — полная чушь. Меня знобит от того, как он смотрит. Хищно и голодно. Будто зверь на свою добычу.

Мне нельзя с ним оставаться наедине. Ясно как божий день. Хорошо, что хозяин дома вернулся.

— Проходи, Кира, мясо уже почти готово, — приглашает меня Игорь к столу.

Преодолевая желание развернуться и убежать, как велят мне инстинкты, направляюсь к столу.

Остро ощущаю взгляд Савы, скользящий по мне, но сама избегаю на него смотреть.

Интересно, если бы у меня была такая реакция на бывшего, то смогла бы я стерпеть то, что он со мной из-за повышения?

Меня аж передергивает от такой перспективы.

Нет.

Только этот невозможный заставляет меня такое чувствовать.

Сава

— Я смотрю, нашла-таки коса на камень, — смеется Игорь, как только Кира скрывается наверху. — Не думал, что доживу, с твоим-то отношением.

Что ему ответить?

Еще вчера я бы сказал, что она просто задание. Но сегодня утром все немного изменилось. Сам не пойму, в чем или почему, но знаю, что это так, хоть и неприятно это признавать.

Сколько ни думаю, ничем не могу оправдать свою реакцию на нее.

Никогда не был любителем пробовать своих партнёров, но в тот момент, когда запах ее возбуждения ударил мне в нос, думал, что умру, если не попробую Малышку на вкус. Кира была безумно сладкой. Как спелый персик, сочный и ароматный.

Во рту до сих пор вкус ее оргазма, отчего возбуждение в моем теле никак не желает проходить.

А ведь девочка оказалась даже лучше, чем мне рисовало воображение. Такой отзывчивости я никогда не встречал.

— Расскажешь? — вопрос Игоря заставляет обратить на него внимание.

— Да ничего особенного, — почему-то вру я. — Надеюсь справиться за пару дней.

Зачем соврал? Не знаю, что именно заставило меня это сделать, но как-то само получилось.

— Думаю, она не так проста, как ты считаешь, — странно усмехается Игорь, доставая сковороду.

— Ты о чем? — спрашиваю, наблюдая за ним. Сам же продолжаю думать о том, зачем соврал.

— Она напомнила мне мою жену, — от его слов что-то темное вскипает во мне. — Не так, как ты подумал, — в открытую смеется надо мной Игорь.

Мне не стыдно, я вообще это чувство контролировать не могу. Темнота от его слов ни черта не отступает.

— Каждый мужчина понимает, когда встречает особенную женщину, — продолжает он, ухмыляясь. — С ней все не так, как с другими. Она переворачивает твою жизнь с ног на голову и заставляет усомниться в своем здравомыслии. Она заставляет тебя любить себя и так же сильно ненавидеть. И именно ее ты никогда не сможешь отпустить, — заканчивает он, но тут же добавляет: — А если отпустишь, никогда себе этого не простишь.

Меня немного напрягают его слова, больше похожие на пророчество.

— Ты зря распинаешься, — отмахиваюсь я, — это всего лишь...

— Не разочаровывай меня, — перебивает Игорь, — не заставляй усомниться в твоих умственных способностях, — ехидная ухмылка растягивается на его лице. — Хотя о чем это я? Ты явно думаешь не тем местом. — Но тут же друг наклоняется через стол и, впери в меня серьезный взгляд, добавляет: — В нашей профессии умение, вопреки чувствам, трезво оценивать ситуацию может спасти тебе жизнь. Так что смотри, не оплошай.

Он отстраняется, и в этот момент я слышу тихие шаги Киры. Замираю в ожидании ее появления.

Легкий румянец алеет на ее щеках, несколько влажных волосков прилипли к ее лбу,

глаза сияют. Как жаль, что Игорь вернулся так не вовремя.

Смутно различаю слова Игоря, а сам продолжаю следить как коршун за Малышкой.

Отводит взгляд, пытается сглотнуть, нервничает.

Желание схватить ее и унести в спальню становится практически непреодолимым.

— Не принесешь дров? — голос Игоря врывается в мое сознание. — Заодно и остудишься, — шепчет он одними губами, когда Кира не видит.

Ехидная улыбка на его лице меня напрягает, как и то, что я должен оставить Малышку с ним наедине.

Никакие рациональные увещевания не помогают. Нехотя иду на выход.

В одном мой друг прав: мне нужно успокоиться и взять себя в руки.

Сказать легче, чем сделать.

Возвращаюсь так быстро, как могу, и понимающий взгляд Игоря совершенно не помогает мне успокоиться. Я веду себя странно и сам это понимаю.

Неужели он прав?

Нет, отгоняю от себя такую возможность. Просто я ее еще не трахнул, вот и лезет в голову всякая фигня.

Когда замечаю улыбку Киры, направленную на моего друга, меня перемыкает. Так и хочется взорваться на месте, нет, крушить и ломать — вот чего хочется. Мне она ни разу так не улыбнулась.

— Я тут рассказывал Кире, как мы познакомились, — сообщает Игорь, ставя передо мной тарелку с завтраком. — Оказывается, ты ей не все поведал.

— Думаю, все, что нужно ей знать, она уже узнала, — сухо выдаю я. Оба удивленно на меня смотрят. — Ты не забыла, что должна мне кое-что рассказать? — смотрю на нее пристально. Знаю, что мой тон оставляет желать лучшего, но она сама виновата. Не за чем, только успев вылезти из-под меня, лыбиться другому.

— Не забыла, — чеканит она. — Ничего не изменилось. Мне нечего рассказывать.

Вот опять в ней стерва проснулась. А только что так сладко улыбалась.

— Это тебе не игра, — злюсь еще больше. — Из-за твоих тайн могут пострадать люди.

— Или только ты. — Она переводит взгляд на Игоря: — Спасибо за завтрак, но я уже наелась. И за гостеприимство, — благодарит она его нежным голоском. — А ты можешь не страдать, — шипит она уже на меня, — я уйду.

Кира обходит меня быстрее, чем до меня доходит смысл ее слов.

Она это что, серьезно?

Перевожу взгляд на друга, который осуждающе хмурит брови и качает головой.

— Ну ты и придурок, — сообщает мне Игорь.

Никуда она не пойдет. Несусь следом и сталкиваюсь с ней в коридоре. Она тащит на плече рюкзак, утирая щеку.

Она что, плачет?

— Ты никуда не пойдешь? — чеканю я, вставая перед ней.

— Это не тебе решать, — на удивление она не вскидывает голову и не встречается со мной взглядом. — Спасибо за помощь, но дальше я сама.

Одним движением отбираю у нее рюкзак.

— Я сказал, что ты остаешься, — настаиваю я.

Минуту она смотрит на отобранный мной трофей, а потом обходит меня и идет на выход.

— Куда ты идешь? В лесу ты без провизии и защиты и часа не протянешь.

— Это твой выбор — оставить меня без рюкзака. Все-таки он принадлежит тебе, — отвечает она, не оглядываясь.

Бросаю рюкзак на пол и иду за ней. Настигаю уже во дворе. На секунду замираю, залюбовавшись на ее задницу.

Хватаю Малышку за шею и резко разворачиваю к себе, заставляя уткнуться носом в мою грудь. Ее нога уже летит в мою сторону и даже успевает задеть, прежде чем я выставлю блок.

— Мы не закончили, — шепчу я ей, предотвращая ее новые попытки освободиться. — Ты мне должна, не забыла?

После моих слов она замирает. Смотрит так, будто ее только что жестоко предали.

— Так ты поэтому... — она не договаривает, прикрывая глаза. — Мне жаль, но мы и не закончим.

— Ты явно подумала не о том, — шиплю сквозь зубы. — Что ты там себе опять напридумала?

— О чем я должна была подумать?! — кричит она. — Отпусти.

Она так и будет хранить свои тайны от меня, а времени у нас, чувствую, практически не осталось. Нужно что-то делать, да поскорее.

Толкаю ее от себя. Боюсь, сейчас точно не сдержусь. Иду в дом за рюкзаком, который бросаю ей под ноги.

— Вали, — выдавливаю из себя. — Не стоит рассчитывать, что я и дальше буду рисковать своей незначительной шкурой ради тебя, а тем более подставлять своих парней ради того, чтобы трахнуть такую, как ты.

— Такую, как я? — шепчет она, смотря на рюкзак невидящим взглядом.

— Таких, как ты, — повторяю, — в любом клубе полным-полно, по одному взгляду готовы исполнить любое мое желание, — сплевываю на землю, будто мне противно. — Вали, — киваю в сторону леса. — И деду своему привет передавай. Если, конечно, дойдешь до него.

Разворачиваюсь и ухожу в дом.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — слышу сзади голос Игоря. — По мне, так ты только что совершил самую большую свою ошибку.

— Она слишком упряма, а у меня практически нет времени, — пытаюсь я объяснить. Мое нутро тоже кричит о том, что я облажался. — Мне нужно узнать, что она скрывает. Иначе как понять, с чем я имею дело? — пытаюсь я себя оправдать.

Ненавижу быть жертвой. Пора уже понять, что происходит, и начать действовать. То, что ее дед вляпался по самое не балуй, было понятно с самого начала. Но покушение на Киру меняло всю картину. Им нужна она, и явно не живой. Чем им могла помешать совсем еще девчонка?

И не надо мне втирать, что они хотят приструнить генерала. Для этого есть и другие способы, а не только убийство его внучки как единственного рычага давления на него. Отсюда следует вывод, что именно в Кире все дело.

— Не хочешь поделиться? — Игорь встает рядом, вместе со мной наблюдая за тем, как поникшие плечи Киры подрагивают.

— Она сама не оставила мне выбора, — отвечаю. — Черт, ну давай же, разозлись, — шепчу ей, хоть она меня и не слышит.

— Выбор есть всегда, — отрезает Игорь, — только ты, кажется, выбрал неправильную тактику. Она уходит.

Черт! И еще раз черт. Рюкзак так и остался лежать на земле. Дура она и есть дура. Там ключи от машины.

Продолжаю смотреть в окно. Не знаю, чего жду. Может, того, что она вот-вот прибежит обратно. Хотя бы за рюкзаком. Зная Малышку — это вряд ли.

— Так, ты сам тут за собой кашу разгребай, а я пошел в душ, — бросает Игорь, уходя наверх.

Вот же невозможная женщина!

Иду за ней, по дороге поднимая рюкзак с земли и закидывая его на плечо.

Поняв, что она пошла не в том направлении, прибавляю шаг.

— Кира, — зову ее, не догнав.

Она исчезла. Этого не может быть.

— Кира. Здесь опасно. Кира.

Ее нигде нет. Пытаюсь разглядеть ее следы, как меня учил Игорь. Но я солдат, а не следопыт, и, конечно же, у меня ничего не выходит.

— Малышка, отзовись, — кричу снова, — Кира, здесь действительно опасно!

Здесь в горах темнеет слишком быстро, да и холодает тоже. Бегу обратно в дом.

— Игорь, — зову, бросая рюкзак на пол.

— Чего шумим? — появляется он на лестнице. — Где Кира? — его взгляд становится серьезным.

— Она побежала не в том направлении. Я не смог ее найти.

Он быстро сбегает вниз. Кидает мне куртку из шкафа и сам одевается. Достает ружье и кивает мне в сторону каминной полки.

Без слов беру раритетную игрушку и патроны к ней, что протянул Игорь.

— Надеюсь, мы успеем до того, как ею полакомится местное зверье, — глупо шутит друг.

Бросаю на него злой взгляд и понимаю, что он не шутит.

Черт возьми, что она творит!

Мы искали ее несколько часов. Я почти охрип от того, как часто и громко ее звал. Найду и как следует отшлепаю. Только бы найти.

— Нужно вызывать спасателей, — говорит Игорь.

— Это все равно, что прицепить к ее лбу мишень, — отвечаю не задумываясь.

— Настолько серьезно?

— Серьезнее некуда. За ней охотятся.

— Ты объяснил ей всю серьезность ситуации?

— Хотел, чтобы она рассказала мне все, что знает. Рассчитывал... не знаю, черт возьми, на что я рассчитывал, — злюсь сам на себя, на Киру и на глупую ситуацию.

Но больше всего на себя, за то, что недоглядел.

— Сразу видно, что женщин ты только в горизонтальном состоянии и знаешь, — горько усмехается Игорь. — Глупо было ждать от нее честности, когда сам не был с ней честен. Женщины, знаешь ли, как самые чувствительные радары, за километры чуют ложь и недосказанность.

— Что теперь делать?

— Искать.

И мы искали. Ночь была холодной, и даже я, несмотря на свою злость и активное движение, замерз. Что сейчас происходит с Кирой, и представлять не хотел, а думать о другом вообще не мог. Она жива.

Под утро услышал крик Игоря и сломя голову побежал на его голос.

— Ну, давай же, девочка, — увещевал Игорь, стоя под толстым деревом с запрокинутой головой. — Умница, что додумалась с земли убраться, но теперь тебе нужно спуститься.

Поднимаю голову и замираю, так же, как и мое сердце.

Кира сидит на небольшом суку, руками и ногами обнимая ствол дерева. В темноте белым пятном, как полная луна на небе, выделяется ее личико с огромными наполненными страхом глазами.

Понимаю, что она слишком напугана и просто-напросто не слышит слов Игоря. Поднимаюсь наверх за ней. Это не так легко, как показалось мне с земли, но в конце концов я оказываюсь позади нее. Протянув руку, накрываю ее ледяные пальцы своими. Даже сквозь одежду чувствую, как ее тело замерзло, а зубы стучат. Еле отцепляю ее от дерева. И затаскиваю к себе на колени. Хочется одновременно ее и обнять, и придушить, чтобы не смела меня так больше пугать. Снимаю быстро куртку и натягиваю на нее. Кира не сопротивляется, продолжая наполненными ужасом глазами вглядываться в темноту. В тот момент, когда я попытался ее спустить вниз, она развернулась и вцепилась в меня, как утопающий в спасательный круг.

— Там кто-то... есть, — оттого, как сильно стучат ее зубы, еле разбираю, что она говорит.

— Ничего не бойся, ты в безопасности, — уговариваю я ее.

Несмотря на ее сопротивление, спускаю ее в руки Игоря. Быстро спрыгнув, забираю ее обратно и бегом несу в дом.

— Давай ко мне, — велит Игорь, — там напор сильнее.

Мы без лишних слов понимаем, что делать. Он набирает горячую воду, пока я стаскиваю с Малышки мокрую одежду в спальне. Несмотря на ситуацию и волнение, не желаю, чтобы Игорь видел больше нужного, поэтому закутываю ее в одеяло и несу в ванную. Только дождавшись, когда Игорь, хмыкнув, выйдет за дверь, погружаюсь вместе с Малышкой в горячую воду.

В этот момент в ней будто что-то ломается, и она начинает плакать.

Так плачут, когда действительно больно.

— Прости. Я этого не хотел.

Сава

Сожаление.

Это, наверное, единственное чувство, что может сгрызть тебя изнутри до самого основания. Оно не дает мне спать, есть, даже дышать и то мешает.

План, который мне в ту секунду показался гениальным, теперь виделся настолько глупым и пустым, что я никак не мог понять, как я мог ему последовать?

Никак в тот момент меня черт попутал.

Я думал, Кира разозлится на меня и кинется к машине, а там и в город, чтобы получить доступ к сети. Мне казалось, что это умно — проследить за ней и узнать наверняка, что она ищет и что скрывает.

Но вместо этого Малышка, будто раненый зверь, побежала, не разбирая дороги. Совсем без царя в голове. Выкинула такое.

Уже намного позже, когда она, укутанная в одеяло, лежала внизу у очага, а я наблюдал за тем, как трепещут ее ресницы, меня накрыло непонятное чувство, заставившее сердце в груди бежать галопом, а мысли, одна ужаснее другой, неслись как кометы.

А если бы мы опоздали? Если бы не смогли ее найти? Если бы с ней что-то случилось?!

Ужас того, что могло произойти, накрыл меня с головой. Глупая. Куда она ломанулась? Хорошо хоть, ума хватило на дерево взобраться. Мне хотелось одновременно накричать на нее и утешить. Придушить ее и обнять.

Этот взрыв эмоций вконец меня измотал.

Почему с ней все не так?

А ночью у Малышки поднялась температура и она начала метаться у меня в руках.

Черт возьми!

Игорь с уже привычной ухмылкой вручил мне таблетки и был таков. Снова спрятался в своей комнате.

— Это целиком и полностью твоя вина, — сказал он. — Твоя гостья — твоя обязанность. Уверен, ты справишься.

Если насчет гостьи и ответственности я бы еще согласился, то вина была не только моя. Кира и сама приложила немало усилий, чтобы лежать тут и дрожать. Чего она не пошла к машине? Обзывала меня разными словами, так вот и отделалась бы. Все легко и просто. Так нет, ей, как всегда, нужно было быть не такой, как все.

Я почти насилу заставил ее проглотить таблетку от температуры. На секунду она, кажется, пришла в себя и, встретившись со мной взглядом, стала сопротивляться, но быстро выдохлась и наконец расслабилась.

До утра я почти не спал, температура спадала буквально на полчаса, а потом снова заставляла Киру гореть.

Игорь, как последний предатель, к обеду сообщил, что смотается по делам в город. Но, судя по тому, что он не спросил, что привезти, возвращаться раньше, чем мы с Кирой уедем, он не собирался.

На вторую ночь Малышка забредила уже всерьез. Боже, как же она плакала. Металась в нашей импровизированной постели и звала. Звала какого-то мужчину. Ругала его и умоляла. Имени она не произносила, но мне и этого хватило. Никогда не думал, что захочу убить

человека просто так. Кто бы он ни был, я ненавижу его. Потому что для нее он явно важен, а я — нет.

Кире нужен был врач.

Но, самое главное, где мне его достать?

Стоит только обратиться в больницу, как нас найдут, и если сейчас мы можем еще здесь переждать, то после придется с больной Кирой срываться в срочном порядке и менять место, и желательно подальше отсюда.

Это было слишком рискованно. Мне пришлось вспомнить все, что я знаю о медицине и народных способах лечения, чтобы ей помочь и не подвергнуть опасности. На второй день Малышка наконец открыла глаза.

Я как раз хотел дать ей лекарство и напоить горным чаем, когда ее ресницы распахнулись и наши взгляды встретились.

С минуту Кира просто смотрела, а потом медленно облизала сухие губы. И моему организму было плевать на то, в каком состоянии она находится и что она все еще больна. Одно единственное невинное действие — и у меня на нее снова встал. Точнее, у меня и не опадал.

— Хочешь пить? — спрашиваю я, откашлявшись. Кира кивает, и я протягиваю ей чашку с теплым чаем. — Давай помогу, — приподнимаю ее голову, чтобы ей было удобнее пить.

— Спасибо, — практически шепотом отвечает она, когда я убираю в сторону почти допитый чай.

— Ты заболела и несколько дней металась в бреду из-за высокой температуры, — разъясняю ей. — Мы с Игорем еле смогли найти тебя в лесу, — отвожу от нее взгляд, вспомнив, из-за кого она там оказалась. — Хорошо, что догадалась залезть на дерево, — решаю я ее похвалить, лишь бы перевести тему и что-то сказать.

Бросаю на нее украдкой взгляд. Кира уставилась в потолок.

— Ты как? Чего-нибудь хочешь? — спрашиваю, желая привлечь ее внимание. — Может, покушать? У меня суп есть куриный.

Наконец мое желание исполняется и Малышка снова на меня смотрит. В глубине ее глаз затаилась непонятная мне эмоция.

— Ванная, — шепчет она, покраснев.

Я кладу ладонь ей на лоб, чтобы проверить, не поднимается ли снова температура, от чего она замирает.

— Конечно, я тебе помогу, — быстро встаю и поднимаю ее на руки.

Малышка вся сжимается в маленький комочек, будто хочет тем самым стать незаметной.

Несу ее медленно и, даже зайдя в ванную комнату и поставив на пол свою драгоценную ношу, не спешу уходить.

— Можно мне остаться одной? — она избегает встречаться со мной взглядом.

— Ты слишком слаба и можешь упасть, — отрицательно качаю головой.

Она опускает голову, из-за чего ее спутанные волосы закрывают ее лицо.

— Пожалуйста, — наконец слышу я.

Тут в голову приходит запоздалая мысль.

Ну я и идиот.

— Я подожду тебя за дверью, — говорю я, направляясь на выход. — Только недолго. И если почувствуешь головокружение, лучше сразу ложись, — предупреждаю я ее. — Голову я

лечить еще не умею.

Закрыв дверь, прислоняюсь к ней затылком.

Почему рядом с ней я теряю остатки своих мозгов и превращаюсь в придурка?

Прислушиваюсь к шуму за дверью. Непонятный и неоправданный страх, что с ней еще что-нибудь случится, не дает мне расслабиться.

Как только наконец стих шум воды, стучу в дверь и, не дождавшись разрешения, сразу же вхожу.

— Что ты делаешь? — не могу сдержать возмущения, когда вижу, как она пытается намочить голову, нагнувшись над чаном. — Сдурела совсем?

— Я...

Не даю ей договорить, вытаскиваю ее оттуда. Вода стекает по ее шее за ворот рубашки.

— Мне нужно помыться, я грязная, — выдает она, шокируя меня.

— Я столько времени не спал, выхаживал, чтобы ты, только открыв глаза, ринулась себя гробить? — ору на нее. — Завтра помоешься.

— Но я уже мокрая, — возражает Кира слабо.

Возможно, если бы она в тот момент не заартачилась и не сверкнула на меня своими глазками, я бы и не сделал того, что сделал.

— Давай быстрее, — бросаю я, помогая ей снова нагнуться над чаном и начиная намывать ее волосы.

Никогда такого не делал. Оказалось, что женские волосы намного отличаются от мужских. У меня, сколько себя помню, только ежик на голове, один раз промыл, сполоснул и пошел, а тут целый обряд пришлось совершить. Зачем ей какой-то бальзам? С ума сойти.

Наконец она, изрядно устав и меня измотав, последний раз сполоснув свои волосы, замотала их в самый большой кошмар любого мужика — тюрбан из полотенца.

Не успел я ужаснуться, как Кира, едва выпрямившись, стала падать. Еле успел ее подхватить.

— Вот же упрямая дура, — ругая ее на чем свет стоит, утащил снова вниз, к теплу. Со вчерашнего вечера на улице лило как из ведра, так что дом никак не прогрелся. Заметив мокрые пятна на ее рубашке, привычно потянулся, чтобы ее переодеть. Ее ладошка неожиданно смачно шлепнула меня по руке. Подняв голову, встретился с ее разгневанным взглядом. Черт.

— Было проще, когда ты спала, — выдал я, доставая для нее свою футболку.

— Ты... меня... — ее глаза округлились, а рот открылся в изумлении, но она тут же взяла себя в руки. — Я не хочу это знать, — отрезала Малышка, отворачивая от меня свою голову.

— И переодевал, и купал, — решил я не быть сейчас добрым. — Ничего нового для себя не открыл.

Она как-то странно после моих слов вздрогнула и зажмурила глаза.

— Ты в порядке? — всполошился я. Все-таки ей еще было рано принимать банные процедуры. Она еще слишком слаба. Несмотря на кивок Киры, я был уверен, что она измоталась, и то, как быстро Кира провалилась в сон, тому только подтверждение.

К моему великому облегчению, температура не поднялась, и я наконец-то выпался. Лечение дальше пошло легче. Чего я не мог сказать о наших отношениях.

Кира стала другой. Она больше не огрызалась, не спорила и даже своим яростным взглядом в мою сторону не стреляла. Она все чаще молчала и отводила взгляд. Помощь мою

принимала, сжав зубы, и быстро пыталась от меня избавиться.

Я пытался ее расшевелить, шутил над ней, дразнил. А когда не выходило, даже издевался, пытаюсь задеть, но Кира продолжала молчать, чем выводила меня из себя.

— Я уйду, как только встану на ноги, — услышал я в ответ на свою очередную шутку.

Сжал зубы, попытался взять себя в руки. Чего-то подобного я и ожидал, все указывало на то, что она станет упрямиться, как только придет в себя.

— Только в этот раз попрошу меня проводить до машины. — Это что было? Попытка пошутить? — Как оказалось, я плохо ориентируюсь на местности без улиц.

Попытка Киры улыбнуться только подлила масла в огонь моего гнева.

— Мы останемся здесь еще на одну неделю, — выдавил я из себя под ее пристальным взглядом. — Потом ты останешься здесь и будешь меня ждать.

Она открыла рот, но я не дал ей договорить.

— Я проверю обстановку и вернусь. Игорь за тобой присмотрит, пока меня нет. Дальше по обстановке.

— Это плохая идея, — шепчет Кира. — Я сама о себе позабочусь. Уеду подальше, пока дед не решит свои проблемы.

Она действительно не догоняет или просто притворяется?

— Ты уже позаботилась, — отрезаю я. — И пары часов не продержалась. Посмотри, что из этого вышло.

— Я сделала выводы и больше такой ошибки не совершу, — она отворачивается.

— Расскажи мне, что происходит, — требую я, у меня не осталось больше терпения. — Что такого раскопал твой дед и при чем тут ты?

— Я не знаю, — качает она головой.

Хватаю ее за подбородок и поворачиваю ее лицо к себе. Взгляд загнанного кролика. Ей совершенно не идет.

— Что ты от меня скрываешь? Я искал на тебя информацию, и знаешь что?

Она продолжает поджимать свои губки.

— Ничего. Тебя нет. У генерала Лебедева никогда не было внуки. Только сын, который умер слишком молодым, — замечаю, как расширяются ее зрачки, прежде чем она отводит взгляд. — Так и кто ты? И почему за тобой охотятся?

При этих словах она резко поднимает взгляд. Малышка явно удивлена.

— Не за мной, — шепчет.

— За тобой, Кира, — качаю я головой. — Они пришли именно за тобой.

Она не верит.

— Кто бы это ни был, они явно хотят не поговорить, ведь стреляли они на поражение.

— Но я ничего не знаю, — ее глаза расширяются еще больше. — Ничего.

— Это уже без разницы. Тебе убьют, и знаешь, что самое отвратительное?

Она пытается отрицательно покачать головой, но ей это не удастся, так как я продолжаю ее удерживать. Не могу отказаться от прикосновения к ней.

— Убьют всех, кто с тобой был, или разговаривал, или даже просто стоял рядом.

Ее глаза наполняются слезами.

— Я не вернулся в часть, я познакомил тебя с Игорем, и теперь наша жизнь зависит от того, что ты расскажешь.

— Но я правда ничего не знаю.

Ее слова разрушают последнюю каплю надежды на то, что она доверится и позволит

мне доверять ей.

Кира

Он мне не верит, вижу по тому, как потемнел его взгляд. Его слова о том, что именно я мишень, как гром среди ясного неба.

Но разве это может быть правдой?

Дед не стал бы такое от меня скрывать. Или, наоборот, как раз таки скрыл бы?

Тот факт, что Сава копался в моем досье, неприятно колет душу. Хотя чего я еще ожидала? Было бы странно, если бы он этого не сделал. И когда только успел?

— Я действительно ничего не знаю, — говорю поспешно, когда он, оттолкнув меня, будто я ему противна, собирается подняться. — Затем мне и нужен доступ в сеть, чтобы понять и разобраться.

— Рассказывай, — бросает он резко, нависая надо мной.

Неприятно. Но не так сильно, как его слова перед тем, как я сбежала. Тряхнув головой, отгоняю от себя воспоминания. Нужно все это просто пережить.

— Я программист, — не смотрю на него. — Хороший, — хочется усмехнуться, но я не могу себе этого позволить. — Все началось после того, как я нашла хорошо скрытые файлы с какими-то документами. Я не вчитывалась в них, но, судя по тому, как они были защищены, это оказалось чем-то важным. Стоило деду их увидеть, как он в лице поменялся. Через пару дней, ничего не объясняя, он запихнул меня под бок дяди Вити, а сам скрылся.

— Это ведь не все.

— Мне нужна сеть, чтобы узнать, все ли в порядке с дедом, а также понять, что за документы я раскопала.

Сава уставился на огонь. Его молчание и незнание того, какое он примет решение, заставляют меня нервничать. Во рту пересохло, и голова кружится. Или это из-за того, что я все еще больна?

— Мы не можем двигаться, не зная цели, — вдруг говорит он будто самому себе.

А я от его «мы» немного выдыхаю.

Все-таки перспектива остаться одной на данный момент пугает меня безмерно.

Слышу осуждающую речь деда в голове, но мне плевать. К такому он меня не готовил.

— Тебе нужна только сеть? — спрашивает Сава, все так же не смотря на меня.

— Да.

— Хорошо, — кивает он, — но вначале тебе нужно встать на ноги, — бросает он, уходя.

Каждый раз, когда он покидает комнату, на меня наваливается паника.

Там в лесу, когда до меня наконец дошло, что я заблудилась и не знаю, как мне оттуда выбраться, а вокруг сгущается тьма, да еще и волчий вой послышался вдалеке, на меня накатила настоящий ужас.

Нет, конечно, благодаря тренировкам деда я смогла немного взять себя в руки и предпринять мало-мальские шаги для выживания, но осознание, что моя жизнь может закончиться в одну секунду, было слишком осязаемым, чтобы его игнорировать.

Трогаю пальцами раны на ладони. Я помню, как обдирала их о ствол дерева, пытаюсь на него взобраться. Много позже, в темноте, когда зубы перестали стучать и на меня навалилась странная теплота, я вспомнила миг, когда побежала в лес. Я сама не знаю, почему меня так задело слова Савы.

Нет, безбожно вру. Я знаю.

Но усиленно от себя это знание отгоняю.

Именно в тот момент, когда услышала из его уст «такую, как ты» и почувствовала боль внутри себя, я поняла, что допустила огромную ошибку. Сама себя не понимая, упала там, где меньше всего ожидала.

Не думать об этом — самая лучшая идея.

Сейчас мне нужно выжить и позаботиться о безопасности единственного близкого для меня человека. Черт меня тогда дернул влезть в ту систему, не иначе.

Сколько себя ни уговариваю, а нормально дышать начинаю, только когда Сава наконец появляется в дверях с новой порцией черных кругляшков.

Отвожу взгляд, не желая, чтобы он знал, насколько я сейчас уязвима.

— Ты голодна? — спрашивает Сава снова.

Меня мутит, но откладывать свое выздоровление и становиться для него и дальше проблемой не хочу, поэтому просто киваю.

Нужно перетерпеть.

Пока его не было, я попробовала встать и поняла, что на сегодня явно переоценила свои силы, так что даже не рыпаюсь, когда он идет на кухню и через пару минут приносит мне поднос.

Сжав зубы, сажусь и принимаю то, что он протягивает, пытаюсь на него не смотреть.

— Может, тебя покормить? — его вопрос настолько неожиданный, что я от удивления вскидываю голову и встречаюсь с ним взглядом. Он издевается или нет?

Отрицательно качаю головой и чувствую его недовольство.

Чем он недоволен? Думает, сколько еще ему придется со мной возиться?

Несмотря на ком в горле, вставший от таких мыслей, съедаю все, что лежит на тарелке, не ощущая ни вкуса, ни запаха.

Через пелену слез мало что можно рассмотреть. Быстро убираю в сторону поднос, чтобы не заметил, как у меня дрожат руки, и ложусь. Господи, как же я устала. Разговор и попытка скрыть мое состояние вытянули из меня последние силы. Не успеваю привести свои эмоции в порядок, как тело непроизвольно напрягается из-за того, что Сава ложится у меня за спиной.

Он не касается меня, но расслабиться мне это все равно мешает. Прислушиваюсь к его мерному дыханию. Он не спит, так же, как и я.

Надо думать о бабушке, а глупые мысли отбросить.

— Кто ты? — от его вопроса сердце замирает в груди, прежде чем пуститься вскачь.

— А это имеет значение? — спрашиваю, пытаюсь не разрыдаться. Он ломает меня сейчас своим ответом, а сам и не поймет, что именно сделал.

Проходит минута, а Сава молчит. У меня от напряжения мышцы болят, но он так ничего и не отвечает.

— Жалеешь, что полез к безродной? — не могу удержаться, но под конец прикусываю край одеяла, чтобы заткнуть свой болтливый рот.

Слеза щекочет кожу, стекая по щеке. А чего я, собственно, ждала? Знала, что он такой же, как и все. Сава всего лишь это подтвердил. Успеваю только стереть сырость со щеки, когда вдруг со спины ко мне прижимается его теплое тело.

— Ну ты и дура, — слышу у самого своего уха.

Замираю на секунду, а он уже обнимает меня, и все слова застревают на языке.

— Спи уже, — приказывает Сава.

Как же мне хочется его послать. И я даже делаю некую попытку его оттолкнуть, но быстро сдаюсь.

Несмотря на обиду, что гложет изнутри, засыпаю на удивление быстро.

Утром просыпаюсь одна и долго пялюсь в потолок.

Из меня будто выжали все силы. Никогда не чувствовала себя более разбитой, чем в эти дни.

Даже подколы и издевательства Савы не могут заставить меня встрепнуться.

Я знаю, что это не я. Я никогда не была такой. Проходит несколько дней. Физически я чувствую себя нормально, и мне намного лучше. Чего не скажешь о моих эмоциях.

Внутри то ураган, то полный штиль. Меня мотает из одной крайности в другую.

Сегодня я впервые проснулась раньше Савы. Несколько минут наблюдаю за ним. Во сне он совсем другой. Не скажу, что расслаблен, нет. Все такой же напряженный, но все-таки черты лица немного разгладились, и в нем легко увидеть мальчишку, которым он когда-то был. Мы бы и в детстве с ним точно не поладили.

Треснув себя мысленно по лбу, выползла из-под его тяжелой руки.

Слишком быстро я привыкла к его объятиям и больше не рыпаюсь, когда ночью он ложится и привычно прижимает меня к себе.

Пора братья за ум и наконец решать собственные проблемы.

Я выползаю на улицу и занимаюсь тем, чем пренебрегала столько времени, что, конечно же, не пошло мне на пользу.

Тренировка — наше все. Она позволяет мне собраться с силами, привести мысли в порядок и разобраться с эмоциями. Конечно, не такая интенсивная, какую я делаю обычно, но для начала и так сойдет.

В очередной стойке тело непроизвольно напрягается, и я чувствую взгляд Савы на себе.

Насчет эмоций я, кажется, погорячилась.

— Доброе утро, — киваю я ему, вытирая краем футболки пот с лица.

— Тебе еще рано заниматься, — слишком хрипло звучит его голос.

Вскидываю голову и ловлю его взгляд на своем открывшемся его взору животе. Быстро одергиваю край футболки вниз, что становится еще одной ошибкой, ведь теперь он смотрит мне в глаза.

— Я думаю иначе. Но лучше поздно, чем никогда, — парирую я, пытаюсь не обращать внимания на его недовольный взгляд. Подхватив бутылку воды, иду в сторону дома.

Черт, придется проходить рядом с ним, а он, судя по всему, не собирается уступать мне дорогу.

Остановливаюсь, не доходя.

— Пропустишь?

— Проходи, — а сам продолжает стоять на пути.

Мне либо в кустарник лезть, либо впритык к нему идти.

Отталкиваю от себя колючие кусты, но один из них вырывается из моего захвата и сильно бьет по щеке. Едва сдерживаю крик боли и бегу в сторону дома.

Черт бы его побрал, и мою реакцию на него тоже.

— Настолько противен, что готова себя ранить, лишь бы рядом не проходить? Думаешь, заразный? — настигает меня его голос.

Оборачиваюсь, желая ответить резко, но утыкаюсь носом ему в грудь. Отскакиваю от

него, будто кипятком ошпарилась.

— Ты каждую ночь лежишь рядом, так что твои слова не имеют смысла, — отрезаю я не так резко, как хотела.

— Да, спасибо, я чувствую, как ты меня терпишь, — почему-то злится он.

— А что мне прикажешь делать? — возмущаюсь я. — Радоваться тому, что напрягаю тебя? Что стала обузой, о которой ты все время переживаешь? — тараторю я, практически бегом направляясь в дом. — Осталось недолго. Я уже здорова, так что могу завтра уйти, только проводи меня к машине и можешь быть свободен.

В пылу эмоций я забыла о своем страхе и о том, что мне все еще нужна помощь. Было все равно, лишь бы сейчас оказаться подальше от него.

— Смотрите, как мы теперь заговорили, — Сава от меня не отстаёт. Я захожу в дом, а он залетает за мной. — Что, опять истерику устроишь?

Дверь громко хлопает, проходя током по моим напряженным нервам.

— Зачем ты это делаешь? — разворачиваюсь снова к нему. Я столько раз себя сдерживала, не желая начинать этот разговор, но сейчас дошла до предела. — Почему ты все время пытаешься меня задеть? Зачем ты меня обижаешь? — едва сдерживаю слезы. — Это какой-то твой личный фетиш или это только я достаиваюсь такой чести? — все-таки не могу удержаться, и слезы одна за другой сбегают по щекам.

Как же я ненавижу эту слабость. Стоит только представить, что после такого разговора он ночью снова прижмётся ко мне и обнимет, и мне хочется завыть в голос.

— А знаешь что? Можешь не отвечать, мне все равно. Я ухожу сейчас, — решаюсь я. — И можешь не провожать, просто укажи направление.

Бегу вверх, чтобы остаться хоть на секунду в одиночестве и наконец осознать, что только что натворила и на что решилась. Но это просто выше моих сил.

— Кира, — слышу за спиной его голос.

Господи, почему он не может оставить меня в покое?

Закрываю дверь в ванную в тот самый момент, когда он врывается в спальню.

— Кира, открой дверь, — требует Сава, стуча по преграде между нами. — Думаешь, вылила на меня свою желчь и можешь теперь спрятаться?

Кира? А куда же делась так раздражающая меня «Малышка»?

Вылила желчь?

— Дай мне минуту, — прошу я, сползая по стене. — Всего одну минуту.

Бьюсь тупой головой о стену. Ах, если бы так можно было вернуть свои мозги на место.

Что со мной не так? Раньше не было никаких проблем, тем более с мужиками. Я знала, что они все хотят, и меня это никак не задевало. Что изменилось? И почему с ним? Мне кажется, именно из-за отсутствия ответа меня эта ситуация и напрягает. Если бы я смогла объяснить себе природу того, что чувствую, то было бы легче все это контролировать.

Представляю себе, как бывший говорит мне то же самое, что и Сава, и вообще ничего не чувствую. А ведь я его любила, замуж за него собиралась, планы строила.

А этого без году неделя и то не знаю.

Почему же его пренебрежительный взгляд и любые грубые слова воспринимаются как удар ножом в грудь?

Что в нем такого особенного?

Умение подарить мне оргазм?

Может, в это все дело?

Сава

Она хоть понимает, что мне приходится проходить через ад каждую ночь? Лежать рядом, прикасаться и не иметь возможности сделать ее своей, просто пытка.

Целый день меня игнорирует. Слова ей не скажи, смотрит волком и молчит. И на тебе, как взбеленилась.

На секунду после пробуждения, когда не обнаружил уже ставшее привычным теплое тело рядом, у меня чуть сердце не остановилось. Вспомнил момент, когда бегал как угорелый по лесу в ее поисках. А она решила себе тренировку, видите ли, устроить, и это при том, что на ногах еле стоит. Думает, не вижу, что ее шатает каждый раз, когда она встает.

Дура набитая.

Еще больше разозлился, когда тело привычной возбужденной болью откликнулось на ее движения. Надо признать очевидное: двигалась она профессионально, хоть и невооруженным взглядом видно, что устала.

А когда она, пытаясь избежать соприкосновения со мной, поранилась о ветку, у меня красная пелена перед глазами встала.

Что, настолько противен?

Да каждую ночь держу ее в руках, мысленно уговариваю ее расслабиться, а когда она засыпает, слушаю ее дыхание и вдыхаю ее запах. Он вьется в меня и стал практически частью меня. Что тоже злит невероятно. В течение дня я пытался встать к ней ближе, чтобы унюхать его, а она каждый раз шарахается от меня, как от прокаженного.

От ее вопроса меня бросает в дрожь. Точнее, от того, каким тоном она это сказала. Она и вправду считает, что мне хочется ее задеть, сделать больно?

Насчет задеть — не спорю, но это только чтобы заставить ее очнуться и снова стать той огненной штучкой, которую я впервые встретил в кабинете у Виктора.

Но я никогда не стремился причинить ей боль. Хотя вот сейчас, слыша ее всхлипы за дверью ванной, за которой она снова спряталась от меня, я в этом не совсем уверен. Отшлепать бы ее как следует. Ну или трахнуть. Второе меня привлекает даже больше, чем первый вариант.

Иду в спальню Игоря за запасными ключами.

Меня вполне устроят оба варианта. Вначале отшлепаю, а потом трахну так, чтобы наконец пришла в себя. Чтобы глупости разные в голову не лезли.

Но все мои мысли вылетают в трубу, когда, открыв наконец дверь, вижу, что Малышка лежит без сознания. Черт. Планы откладываются, снова.

Несу ее вниз, кладу на диван. Обтираю лицо.

— Ну ты и стерва, — шепчу ей, пока руки заняты. — Погоди у меня. За все ответишь.

Несколько минут спустя она наконец открывает глаза. Я сжимаю руки в кулаки, боясь не сдержаться.

— Что случилось? — спрашивает Кира слабым голосом.

— Ты упала в обморок, — сообщаю ей.

— Что? — делает она круглые глаза, садясь.

— Свалилась, как кисейная барышня, говорю, — кричу я ей. — Ты прямо нарочно нарываешься, — продолжаю я. — Представь себе, если бы ты снова на эмоциях ринулась в

лес, а не в ванную, а я не смог бы тебя найти, — пытаюсь я до нее достучаться. — Ты понимаешь, что могло с тобой случиться?

Кира смотрит, и по глазам видно, что не понимает.

— Как же ты меня достала, — говорю, прежде чем наклониться и впиться в ее приоткрытый рот поцелуем-наказанием.

Малышка, конечно, тут же приходит в себя и пытается его избежать. Запускаю ладонь в ее волосы на затылке и зажимаю, заставляя ее запрокинуть голову назад. Углубляю поцелуй.

Чувствую ее ладони на груди. Гнев сменяется совсем другим, более глубоким и темным чувством. Обладание. Я хочу ею обладать.

Мне нужно все.

Не отпуская ее губ, другую руку запускаю ей под футболку в поисках ее кожи.

На ней слишком много одежды. Кусаю ее за подбородок, когда она пытается отвернуться.

— Сава, — мое имя в ее устах как дополнительная порция масла в огонь, что сжигает меня, — не надо.

А вот этого я слышать не хочу.

Подминаю ее под себя. Задираю футболку и накрываю ртом ее торчащий сосок прямо через ткань белья.

— Сава, — ее крик становится громче, и уже не так категоричен. Пока ласкаю ее грудь губами, с трудом стаскиваю ее брюки, потому что она мне мешает, сжимая свои восхитительные ножки. Но меня уже не остановить.

Втягиваю в себя ее запах, как маньяк новую дозу. Какая же она вкусная.

— Господи, — шепот Малышки только подталкивает меня вниз. Туда, где я наконец хочу оказаться. Я помню ее вкус, но в этот раз я пойду до самого конца.

Больше всего в Малышке меня завораживает ее реакция на меня и мои действия. Стоит только подуть на ее кожу, как она тут же покрывается мурашками, лизнуть тут и приласкать там, как она устраивает мне целую какофонию таких изумительных звуков, которые я слушал бы и слушал.

Я тоже чувствую ее слишком остро, поэтому за секунду до того, как ее накрывает оргазм, я наконец отрываюсь от ее сладости. Сажусь на колени между ее разведенных ног.

С влажной кожей, с разметавшимися в беспорядке волосами, с лихорадочным блеском в глазах, с разведенными ножками и текущей для меня киской Малышка сводит с ума одним своим видом. Вот так она должна выглядеть всегда.

Закидываю ее ножки на свои бедра и пристраиваюсь у ее входа.

— Сава, — зовет меня напряженным голосом Кира. Но я уже зашел слишком далеко, чтобы что-то могло меня удержать.

Одним плавным движением вхожу в ее гостеприимную киску. Наблюдаю за тем, как мой член заставляет ее плоть подстраиваться под свой размер. — Какая же ты узкая, — хриплю я, наконец оказавшись в ней полностью.

Первые движения пытаюсь делать плавно, позволяя Малышке привыкнуть, но чувствую, как мой разум уплывает, оставляя только страсть.

— Больше не могу, — это единственное предупреждение перед тем, как я начинаю ее таранить.

Кира от моих толчков ходит ходуном и, инстинктивно протянув одну руку вверх, упирается в подлокотник дивана, второй же пытается удержать меня.

Меня накрывает эйфория. Вид ее полных грудей, двигающихся в одном темпе со мной, ее прикушенная в попытке сдержать свои стоны губка доводят меня до белого каления. Наклоняюсь, впиваясь в ее рот, одновременно давая себе волю. Хочу слышать, как она кричит.

И Малышка меня не разочаровывает. Ее стоны вокруг меня, во мне. Малышка кончает так красиво, что я на секунду почти забываю о себе. Только эта заминка спасет меня от того, чтобы тут же не последовать за ней. Но мне ее мало.

Закидываю ее ножки себе на плечи, вбиваясь глубже. В этот раз Кира приходит к финишу почти сразу, тем самым и меня затягивает в этот омут. Напряжение, что скопилось у копчика, взрывается молнией у меня в голове. Заставляя мой мозг потеряться вне времени и пространства.

Вот это взрыв.

Я знал, что с ней у нас все будет по-другому, но настолько. Приподнимаюсь совсем чуть-чуть, не желая покидать такое желанное тело. Черт.

Малышка открывает глаза, и наши взгляды встречаются. Если бы я до этого не кончил, то вот в этот самый момент точно бы опозорился.

Нет ничего прекраснее удовлетворенной Малышки. Ее глаза сияют как тысячи звезд, и легкая загадочная улыбка прячется на ее губах. Член, до сих пор находящийся в тисках ее теплой влажной киски, задорно дергается, давая знать, что ему нравится увиденное.

Делаю легкое поступательное движение. Зрачки Киры расширяются.

Прежде чем она успевает меня остановить, наклонившись, беру ее сосок в рот и попутно зажимаю ее ладонки над ее головой.

— Ты такая вкусная, — шепчу, облизывая ее грудь. Она действительно сладкая как мед.

— Я грязная, — шепчет эта глупышка, чем вызывает у меня тихий смех.

Движения мои становятся более ощутимыми, и нам уже не до разговоров. Как бы странно это ни звучало, хочу быть в ней еще глубже. Заставляю ее обнять себя за шею и, не выходя из нее, приподнимаюсь и сажусь на диван, опуская Киру сверху. Да, так намного лучше.

Малышка упирается в мои плечи, пока я показываю ей, как двигаться. В этот раз я наслаждаюсь ею не спеша, и с каждым ее движением и тихим стоном в меня проникает осознание, что мне ее теперь всегда будет мало. Что слишком глубоко въелась в меня эта девушка.

Долго такого медленного темпа не выдерживаю и, как только Кира, сжав меня в тисках своего лона, начинает пульсировать вокруг моего члена, едва дождавшись, когда утихнет ее дрожь, приподнимаю ее, начинаю вбиваться в нее снизу. Новый виток страсти. Глаза в глаза. Мне сносит крышу. Кусаю ее за нижнюю губку и тяну ее бедра на себя, заставляя двигаться мне навстречу. Да.

Искры из глаз, шум в ушах. Все тело пульсирует, как одно большое сердце. А потом взрыв сверхновой, когда звезда прямо в мозг залетает и образует новый мир. Интуитивно прижимаю к себе обмякшее, но все еще дрожащее тело Малышки.

Оба сползаем на диван, в жутко неудобную позу, но двигаться сил не осталось совсем.

Прижимая к своей груди Киру, смотрю в потолок, прислушиваясь к тому, как ее рваное дыхание приходит в норму, потом успокаивается и становится более глубоким и ровным. Малышка заснула.

Что это, черт возьми, со мной такое было?

Только раз у меня было что-то наподобие. Когда голова перестает соображать. С моей первой любовью, как я тогда думал. Но сейчас я понимаю, что те ощущения лишь очень бледное подобие того, что у меня сейчас было с этой спящей в моих руках девушкой.

Ощувив дрожь Малышки, переносу ее на пол и, закинув несколько шайб в печку, ложусь рядом. Меня как магнитом продолжает тянуть к ней. И это тоже отличается от всего, что было раньше.

Сделал дело — гуляй смело. Никогда не было и смутного желания обнять свою партнершу. А Киру хочется держать, причем не просто, а очень близко к себе. Так, чтобы дыхание ее касалось моей кожи и звук ее сердца был слышен.

Вдруг кирпичом по голове мысль — презервативы. Я в нее кончил. Причем дважды. Даже не вспомнил о защите. А ведь никогда ни с кем не занимался сексом без защиты. А тут об этом даже не подумал.

Я вообще рядом с ней мало о чем могу думать. Все время какую-то чушь несу.

Вот и сегодня сам нарвался, а потом еще взял ее и обидел. Знал же, что сам виноват, так нет, поперся за ней разбираться. Идиот.

Да и Малышка хороша, нет бы стукнуть меня чем-нибудь тяжелым, сразу в слезы.

Если бы это после такого секса было, подумал бы, что она уже беременна.

А если и вправду залетит?

Страх накатило как девятый вал.

Перевел взгляд на Малышку. Личико запрокинула и спит с умиротворённым выражением лица у меня на груди, даже не подозревает, какой ураган во мне подняла.

Вдруг так отчетливо увидел, как на меня смотрит совсем другое личико. Очень похожее на Киру, но с моими глазками и носиком кнопкой, и улыбается во весь свой слюнявый беззубый рот.

Тряхнул головой, отгоняя видение.

Что она со мной творит? Только раз трахнул — уже дети мерещатся.

Ну ладно, два раза. Но это же еще не повод, чтобы общих детей себе представлять.

Может быть, там все обошлось и я зря переживаю?

Потихоньку вылез из кровати. И, несмотря на желание вернуться в постель к ней, заставил себя пойти от греха подальше и потренироваться. С Малышкой, конечно, просто обалденный секс, но больше без презика ни-ни.

Детей я в ближайшем будущем не планирую.

Так гляди и до ЗАГСа недалеко.

А если уже?

Если бы да кабы — отставить.

Проблемы буду решать по мере их поступления.

Кира

Мой мир сломался. Разлетелся на куски. Кажется, я до него не жила, существовала.

И вот всего несколько поцелуев, и я потерялась. Сама себя не узнавала. Зато мое тело прекрасно узнало и рьяно отвечало ему.

Любое его касание — как будто током по оголенным нервам. Разве так может быть?

Я почти разрыдалась, когда он прекратил ласкать меня языком и поднялся. Сава походил на греческого мифического героя, возвышаясь надо мной. Он не просто взял мое тело — присвоил. В каждом его движении, касании сквозила доминантность. Он не пытался это как-то транслировать. Кажется, Сава и сам этого не понимал, но он действительно сделал меня своей. Именно это я чувствовала, кончая под ним.

В детстве я как-то захотела искупаться в море, несмотря на огромные волны. Ужас от надвигающейся волны был ни с чем не сравним до сегодняшнего дня. В этот раз казалось, что сам девятый вал надвигается на меня. Так и оргазмы один за другим нагоняли и накрывали с головой. Заставляя сдаться и покориться стихии по имени Сава. Я охрипла, крича его имя. Он меня просто опустошил, забрал мое дыхание и лишил сил.

Проснулась от холода. Где он?

Сколько ни кутаюсь в одеяло и ни прижимаюсь к теплomu полу, все равно зубы стучат и внутри все замерзает.

Привыкла просыпаться в его объятиях. Слишком ко многому привыкла.

Поднимаюсь, натягиваю одежду, что в пылу страсти с меня стащил Сава. Поднимаюсь наверх, чтобы ополоснуться. Стараюсь ни о чем не думать. Боюсь, сорвусь. Но наш общий запах сводит с ума, поэтому быстро очищаю себя мокрой тряпкой, стараясь не обращать внимания на легкую боль между ног и в сосках.

Переодеваюсь, потому что мне кажется, что его запах я так и не смогла смыть. Но даже после этого я чувствую дискомфорт. Спускаюсь вниз, боясь, что Сава уже пришел, но его нет. С одной стороны, я рада, с другой — меня это безумно напрягает.

Никогда не думала о том, как после секса посмотрю мужчине в глаза.

То есть с бывшим такой проблемы у меня не было, а с ним... Что делать? Что говорить? Господи, как же неудобно.

Все мои глубоко запрятанные страхи вылезли наружу.

Страх быть ненужной всегда был со мной. С того момента, как я попала в детдом. Когда дед объявился и забрал меня, страх только укоренился.

Господи, о чем я думаю. Ну перепихнулись мы с ним и что? Развела тут сопли. Что будет? Ничего не будет. Для него ничего не изменилось. Как и для меня. У него таких, как я, на пути, наверное, сотни встречаются. От этой мысли в груди обожгло неприятие. Черт тебя дери, Кира, возьми себя в руки.

Ты хотела этого не меньше, чем он. Получила. Теперь пора вытащить голову из трусов и заняться насущной проблемой.

Направилась на кухню. Повар из меня, конечно, так себе, но с голоду не умереть моих умений хватит.

Усиленно отгоняя от себя мысли о Саве и о том, что произошло, размышляя о том, как лучше всего подступиться к сети, варю овощной суп и макароны с томатной пастой и

фрикадельками.

Мысли о том, как сделать из куска мяса фарш, без мясорубки, здорово помогают отвлечься.

Ощущение его взгляда настолько неожиданное, что я резко выпрямляюсь, встречаясь с ним глазами. Сава стоит у двери и молча смотрит на меня. Напряжение между нами хоть ножом режь, настолько осязаемо.

— Я приготовила суп и пасту, — откашлявшись, сообщаю я и наконец отвожу взгляд. Дышать становится самую малость легче.

Сава все так же молчит, но подходит к столу и садится. Накрываю на стол. Сажусь. В горло под его взглядом ничего не лезет. Так что просто ковыряюсь в тарелке и, не выдержав напряжения, встаю.

— Ты ничего не поела, — его слова как хлесткая пощечина.

— Перекусила, пока готовила, — вру я и, не оборачиваясь, иду наверх. Только закрывшись в ванной комнате, начинаю дышать нормально.

Это что? Теперь рядом с ним всегда вот так будет? Будто находишься рядом с опасным хищником и не знаешь, что он выкинет в следующую секунду.

Я так долго не выдержу.

Сижу в ванной так долго, как могу. Нет абсолютно никакого желания встречаться с ним снова, хоть тело мое и откликается на него. Всматриваюсь в темноту в маленьком окошке. Видать, я долго проспала, раз уже ночь.

Господи, не могу поверить, что еще утром я тренировалась и настраивала себя на то, что пора делать отсюда ноги. Хорошо, что я об этом вспомнила. Нужно завтра уже уезжать отсюда, желательно подальше. Чтобы никак не смогли понять, где я была все это время.

Не знаю, какая будет реакция на эту новость у Савы, так что решаю сообщить ему об этом завтра утром. А может, это меркантильное желание сохранить немного покоя? Или надежда на то, что удастся испытать этот шквал эмоций снова?

«Лучше выйти самой, а не ждать прихода Савы за мной», — решаю я и открываю дверь.

— Думал, ты там ночевать собралась, — ехидный голос заставляет замереть.

— Господи, ты меня напугал, — хватаюсь я за сердце.

— Это хорошо, — бубнит Сава, — не все мне за тебя бояться.

— Что? — смотрю в темноту и вижу только его темный силуэт.

— Поздно уже, нам завтра рано вставать, — говорит он, проходя мимо меня.

Он что, подслушал мои мысли?

Никогда в более неудобной ситуации не была.

Он вроде любовник, а все такой же... не чужой, но... напрягает меня до боли во всем теле. Я измаялась вся, пока пыталась уснуть.

И вот когда почти уснула, почувствовала привычную тяжесть его руки и теплое тело, прижимающееся ко мне со спины. Только в этот раз еще и кое-что очень твердое упирается мне в поясницу.

— Не могу больше, — шепчет Сава. А я вспоминаю, в какой именно момент он говорил мне эти же слова.

Внутри все сладко сжимается от предвкушения. Грудь становится вдруг слишком чувствительной и тяжелой, соски упираются в ткань рубашки. Между ног уже влажно. Прикрываю глаза. И это он только сказал мне три слова. И совсем не те, которые... А разве я их ждала, эти самые три слова?

Ладонь Савы накрывает изнашивающую грудь, и я вместо возмущения стону.

— Малышка, — шепчет он, целуя мою шею, а у меня сердце галопом поскакало и тело мурашками покрылось.

Я не должна выгибаться ему навстречу. Нужно возмутиться. За кого он меня принимает? И слова не сказал за все это время, только смотрит так...

А за кого должен был? Я же дала ему раз, вот и... Сама же этого хотела, и сейчас хочу.

Не хочу, чтобы он думал, будто я легкодоступная. За всю мою жизнь у меня секс только с бывшим и был. Ни к кому не тянуло, а к Саве тянет, будто он один большой магнит, а я кусок железа.

Пока я пытаюсь в себе разобраться, он переворачивает меня на спину и захватывает в плен мои губы. Мне нравится с ним целоваться. Одним поцелуем он заставляет меня забыть обо всем. Зажигает, будто я сухая солома. И я горю.

Как торнадо Сава налетает, сминает, кружит, до шума в голове, до звездочек в глазах, и выбрасывает, испив тебя досуха. Сбивает с ног, как волна, и я не могу противиться ему. Падая в пучину его страсти, что, как вирус, заражает и меня.

Немного прихожу в себя и обнаруживаю, что одежды на мне уже нет. Сава лежит между моих раскинутых ног и целует грудь. И выглядит при этом настолько довольным, что я невольно усмехаюсь. Он тут же вскидывает голову, не отрываясь от своего занятия. Не объясняю ему причины, просто запрокидываю голову назад и отдаюсь своим чувствам.

Его проникновение, как в первый раз, снова быстро подводит к черте.

Где девушка, что не могла получить удовольствие?

С Савой это происходит слишком быстро, будто мое тело хочет компенсировать то время, когда оставалось бесчувственным. Каждый раз отличается, будто Сава находит во мне что-то новое, заставляя меня реагировать по-другому, и оргазм просто выворачивает в судорогах не только тело, но и душу.

К такому можно привыкнуть?

Меня пугает то, с какой быстротой все у нас закружилось. Но при этом я не чувствую сближения с ним нигде, кроме как в постели.

Согласна ли я на это?

Я ведь думала об этом только так и не поняла себя. Хочу ли я с ним только секса? Подпустить к себе кого-то так близко не в моем характере. Мне нужно, наверное, немного больше, чем просто слияние тел. Хотя то, что происходит между нами, сложно назвать просто сексом.

Если перестану себе врать, то я уже жду от него чего-то кроме его тела. Частичку его сердца. Только вот боюсь, что, дай он мне желаемое, мне этого будет мало.

Так уж я устроена: мне нужно все или ничего.

Вот так, лежа в его объятиях, я прихожу к выводу, что дала ему шанс. Воспользуется ли он им или все-таки безродная не так соблазнительна, как генеральская внучка?

Глаза слипаются, но сон почему-то не идет. Наверное, выспалась во время болезни.

Впервые с нашего прибытия в этот дом я понимаю, что Сава заснул первым. Его рука на моей талии тяжелеет. Медленно переворачиваюсь на спину, чтобы увидеть его лицо.

Что меня в этом мужчине привлекает? Ведь если бы не привлекало, я бы вряд ли с ним сблизилась. Или во мне просто проснулось похотливое начало?

А что его во мне привлекает? Какой интересный вопрос.

С первого нашего знакомства мы только и делали, что сходились в словесных

поединках. Я его явно раздражала. А тут на тебе — захотел.

Или у мужчин все так устроено? Нет, мой бывший за мной долго ухаживал. Хотя нашла я что с чем сравнить. У того-то был мотив.

А у этого что, нет?

Но ведь он думает, что я не родня деду. Тогда что? Под руку подвернулась?

От этой мысли становится реально больно.

Ответов нет — одни вопросы. И это изматывает похлеще тренировок.

Вполне возможно, что и подвернулась. Он здоровый мужик, со своими потребностями, а в последние дни у него не было особого выбора, как говорится. Только я.

И что, он последовал зову тела, несмотря на то, что я его раздражаю? Ведь даже после нашего первого раза он не изменился. Показывал, что я продолжаю ему досаждать.

Сава ведь говорил об этом, предлагал наслаждаться друг другом, пока можем.

Вроде все сходится.

Тогда какого черта я тут лежу и рассуждаю о шансах и о том, что хочу большего?

Мало ли чего я хочу, если он просто хочет перепихнуться, пока есть возможность.

От таких мыслей чувствую себя использованной.

Сава будто читает мои мысли: сжимает мое тело еще сильнее и притягивает ближе к себе, утыкаясь в мое плечо носом. Его дыхание овеивает мою кожу, отчего по ней снова бегут мурашки.

Я ведь и сама его использовала. Разве нет?

После первого раза, когда он довел меня до моего первого оргазма, я хотела, чтобы он показал мне больше. Поэтому и не сопротивлялась, когда он меня поцеловал. Я тоже этого хотела.

Господи, так ведь можно, наверное, и с ума сойти.

Пытаюсь освободить голову от мыслей и поспать. Завтра будет тяжелый день.

Утро наступает очень быстро. Кажется, я только прикрыла веки, а Сава уже поднимается. Не спешу открывать глаза, тем самым даю себе маленькую возможность отложить разговор.

Какая у него будет реакция на то, что я сейчас ему скажу?

«Вали».

Вздрагиваю от воспоминания.

Встаю, как только он выходит из дома.

Перед смертью не надышишься, так что лучше сразу все выяснить. Хотя, наверное, лучше позавтракать, а то мало ли что может случиться.

Пока я решаю, как же поступить, входная дверь открывается, и я, вдохнув поглубже, поворачиваюсь к ней.

И встречаюсь взглядом с хозяином дома.

Кира

— Доброе утро, красавица, — здороваются Игорь, входя внутрь. — Рад, что выздоровела. Не покормишь? А то с голоду умираю, — тараторит он, проходя на кухню.

— Доброе утро, — здороваюсь, следуя за ним и начинаю готовить завтрак, пока он что-то достает из-под дальнего шкафа. Не могу разглядеть, что именно, хоть и бросаю в его сторону косые взгляды.

— А где Сава? — спрашивает Игорь, запыхаясь. Он ведет себя не как обычно. Что-то кажется, случилось.

— Я здесь, — неожиданно раздаётся от двери. — Услышал тебя еще у сторожки.

— Так это ты меня вел? — усмехается Игорь, садясь за стол и подтягивая к себе кружку с чаем, — а я думал, что это медведь, — продолжает он дразнить Саву, отхлебывая чай.

— Да неужели, — тот не остается в долгу, тоже садится рядом. — Поэтому ты, прибежав, стал доставать оружие? — кивает он в сторону, где ранее копошился Игорь.

Так он оружие доставал?

Ставлю перед ними две тарелки с завтраком и решаю сбегать ополоснуться.

— Я узнал, что ее ищут, — слова Игоря заставляют остановиться. — Не знаю, кому Лебедев перешел дорогу, но это точно не простые люди.

Наши с Савой взгляды встречаются. Мы оба понимаем, что это я перешла.

— Сегодня собирались уходить, — сообщает Сава, лишая меня дара речи. Он собирался, сегодня?

— Я надеюсь, что о вашей роли в нашей истории никому не известно? — спрашиваю я Игоря, желая убедиться, что ему не будет грозить опасность из-за того, что он невольно приютил меня.

— Не известно, — кивает он, но я не успеваю выдохнуть, как следующие его слова свержают меня в шок: — Но это неважно, ведь я пойду с вами.

— Это исключено.

— Нет, — наши с Савой возмущенные голоса сливаются вместе, и наши взгляды вновь пересекаются, и я отрицательно качаю головой. Я не хочу подвергать жизнь Игоря еще большей опасности.

— Вам потребуется помощь, — продолжает Игорь, будто и не слышит нас. — Придется вокруг вас поднять такую шумиху, чтобы они побоялись продолжить начатое.

— И ждать, когда же все-таки они решат поставить точку? — спрашивает скептически Сава. — Это не жизнь. Рано или поздно, но с ними обоими покончат. Да и со мной тоже.

— И что ты предлагаешь? — спрашивает хозяин дома, откидываясь на стул и складывая руки на животе.

— Я решу эту проблему радикально, — отвечает Сава, бросая на меня косой взгляд.

Они с Игорем долго смотрят друг на друга, будто ведут мысленный, только им обоим доступный разговор. Я не понимаю, что они решают, но явно это что-то очень опасное и серьезное.

— Я бы тоже хотела понять, о чем вы говорите, — встречаю я. — О чем вы так многозначительно перемигиваетесь?

— Тебе придется ей рассказать, — говорит Игорь так, будто меня нет в комнате.

— Ей не обязательно все знать, — отвечает Сава.

Это становится последней каплей.

— Раз уж на то пошло, то у меня для вас есть новость, — я ставлю с громким стуком стакан на стол, — я ухожу сегодня. И ухожу одна. Это вообще вас не касается.

— Так, кажется, вам стоит поговорить наедине, — Игорь быстро встает и ретируется из кухни.

Сава молчит, так же, как и я. Я сделала свой ход, дело теперь за ним.

— Подойди сюда, — от его приказного тона меня корежит, — пожалуйста, — просит он прежде, чем я успеваю его послать. — Ты ничего не поела, так что поешь, и поговорим.

— Я не могу есть, — качаю я отрицательно головой, садясь напротив него. — И говорить нам не о чем. Я много думала и решила, что рисковать вашими жизнями или просить рискнуть ради моей — это неправильно. Я просто выясню, что именно такого было в тех документах, и решу, что делать со всем этим. Сейчас я хочу убедиться, что с дедом все в порядке.

— Из твоих слов могу сделать один вывод: тебе лучше не думать, — отвечает он пренебрежительно, — это у тебя плохо получается.

— Что? — ярость клубится во мне и ширится, затмевая разум, — С меня достаточно. Хватит твоего пренебрежения и твоих оскорблений, — шиплю я. — Знаешь что? Иди ты к черту. Благодетель нашелся, тоже мне. Не нужна мне твоя помощь, катись в ад, — выплевываю я ему в лицо и вскакиваю на ноги. Но не успеваю сделать и шага, как меня обвивают его руки со спины.

Сволочь.

Завожу ногу назад и делаю подсечку, которую он блокирует, переворачивая нас и заставляя меня облокотиться на стол. Пресекает мою попытку подняться, нажав мне между лопаток, и, раздвинув мне ноги, прижимается ко мне со спины.

— Малышка, а мне нравится этот вид, — шепчет эта скотина мне в ухо, отчего я непроизвольно начинаю дрожать.

Пытаюсь отвернуться и в тот момент, когда он расслабляется, думая, что победил, резким движением откидываю голову.

Приятно слышать его стон боли.

Не успеваю насладиться своим триумфом, как ягодицу обжигает шлепок. Кажется, я задымилась от гнева. Сава наваливается на меня сверху, что мешает мне не только что-то предпринять, но и вообще дышать. Тело невольно обмякает, и я нехотя расслаблюсь.

— Почему с тобой всегда так трудно? — слышу его шепот прежде, чем он приподнимается, позволяя мне сделать вдох. Закашлявшись, пытаюсь отдышаться. — Не нападай на меня больше, иначе привяжу тебя к кровати наверху, — угрожает Сава. — Садись и давай поговорим без истерик. Хотя с тобой по-другому и не получается.

— Да пошел ты, — хриплю я, но опускаюсь на стул. Скорее, падаю, потому что ноги не держат. — Мы вместе поедem в город, — переходит Сава на серьезный лад, сев напротив. — Ты найдешь документы, и мы узнаем, кто именно нам угрожает. Главное — их количество. Потом ты вернешься сюда и будешь...

— Буду сидеть тихо, как мышка, в ожидании, что ты решишь все проблемы, — перебиваю я его. — Не слишком ли много ты на себя берешь? Хотя давай, как ты и сказал, без истерик. Во-первых, как только я выйду в сеть, они поймут, где я, это значит, что ближайший город не подходит, потому что стоит нам сунуться туда, как им не составит

труда прошерстить тут все и узнать, где мы прятались все это время. Это значит, что нужно уехать как можно дальше отсюда. Во-вторых, я не успею вернуться обратно, ну разве что полечу на вертолете, но это практически означает поставить на карте красный флажок с указанием, где искать это место. И да, спасибо, что наконец соизволил поделиться своими планами касательно моей жизни, — шиплю я в конце.

Мы молча упираемся взглядами.

Это со мной без истерик нельзя? Да я в жизни так не срывалась, как рядом с ним. Это все он! Будит во мне все самое плохое.

— Мы связаны, хочешь ты этого или нет, — говорит Сава.

— Тебе стоит напоминать об этом самому себе почаще, — отвечаю я. — Чем раньше начнем, тем быстрее закончим.

«И ты сможешь избавиться от меня и моих проблем», — продолжаю я мысленно.

— Она тебя уделала, парень, — голос хозяина от двери заставляет вздрогнуть.

— В одном она точно права, — соглашается Сава, — отсюда нужно уехать подальше. Собираемся, — встает он, больше ничего не объясняя, и идет на выход.

В возмущении продолжаю следить за ним, пока его широкая спина не скрывается за дверью.

— Ты на него особо не сердись, он просто не привык, — привлекает мое внимание голос Игоря, — так сказать, озвучивать свои мысли, — поясняет он в ответ на мое недоуменное выражение лица. — А вот к его поступкам советую присмотреться. Они говорят больше, чем он готов показать. Так его лучше поймешь.

Что сказать? Я, знаете ли, тоже не привыкла.

Просто качаю головой и иду вслед за Савой. Нужно готовиться, спокойные дни закончились.

Где-то через час после долгого спора между друзьями, в котором побеждал то один, то другой, мы наконец, попрощавшись с Игорем, уходим. Снова пробираемся через лес к сторожке, у которой Сава припрятал машину.

Ночь застает нас в пути. Оба продолжаем хранить молчание, но, как ни странно, в этот раз тишина не напрягает, как раньше. С чего бы это?

— Нам еще долго? — решаю я нарушить нашу идиллию.

— К утру доедем, — отвечает Сава, не отводя взгляда от дороги. — Пока есть возможность, поспи. Я тебя разбужу.

Он прав, и я это понимаю, но сон долго не идет. Продолжаю следить боковым зрением за Савой.

Доверие, как обоюдоострый кинжал, должно быть с обеих сторон. Но открыть ему сейчас все секреты означает стать уязвимой. А я уже поняла, что он может очень легко причинить мне боль. И больше этого не хочу. Никто так легко не проникал за мою стену отчуждения, как он. И не пугал меня так сильно.

За все время нашего знакомства он, конечно, много надо мной издевался и смеялся, а также приставал бессовестно, но когда дело доходило до дела, Сава никогда не отступал, сразу принимал на себя ответственность и действовал.

Не могу этого не признать. Если отбросить мои эмоции и смотреть в корень, он человек чести.

Как мне ни прискорбно это признавать, но Сава сразу предупредил меня, что дядя Витя оставил заботу обо мне ему. И, несмотря на то, что ему это не нравилось, он выполнял свои

обязательства даже вопреки моему желанию.

Слова Игоря о том, что мне нужно присмотреться к делам Савы больше, чем к словам, заставили снова задуматься о причинах его поступков.

Зачем он в тот день высказался именно так? К чему было так бросаться словами? Намеренно? Однозначно. Но зачем?

Кидаю на него косой взгляд. Сосредоточен и собран, впрочем, как всегда.

— Ты дырку во мне скоро просверлишь, — пугает он меня, все так же не отводя взгляда от дороги. — И чего тебе не спится?

— Мысли мешают, — отвечаю не подумав.

— Они и вправду тебе мешают, — усмехается Сава. — Странно, что они у тебя вообще есть.

— Придурок.

— Дурочка.

Уменьшительно-ласкательно? Это что-то новенькое.

— Где ты познакомилась с Александром? — его вопрос удивляет, так что я даже не сразу понимаю, о ком именно он спрашивает.

— Ты о Сашке? — переспрашиваю и слышу скрежет его зубов.

— Его зовут Александр.

Зачем спрашивать, если тебе не нравится об этом говорить?

— Тебе лучше не фамильярничать с ним.

— Что? С какой стати? — удивляюсь я.

— С такой, что я так сказал, — бросает он резко.

— А ты ничего не попутал? — Господи, как же хочется ему врезать. — С какой стати ты решил, что можешь за меня что-то решать?

— Малышка, тебе лучше сменить тон, — Сава серьезен, но я так разозлилась, что не хочу слышать предупреждение в его словах.

— Это тебе следует сменить тон, — кипячусь я. — Ты за кого меня принимаешь? Не смей мне приказывать, — последнее слово я уже пишу, потому как машина резко тормозит посреди пустынной дороги.

Его рука, выставленная мне поперек груди, спасает меня от удара лбом о приборную панель. Но от боли в ребрах она не смогла меня уберечь.

— Ты что творишь? — хотела прокричать, но получилось выдавить только шепотом.

— Ты как? — передо мной появляется озабоченное лицо Савы. — Что-нибудь болит?

— Ты с ума сошел так тормозить на трассе? — отталкиваю я его руки, потому как они ощупывают мои ребра, причиняя тем самым еще большую боль.

— Жаль, ты не прикусила себе язык, — рычит он, откидываясь на свое место и съезжая на обочину. Слава богу, что на дороге никого, кроме нас, нет.

— Я бы тебе кое-что откусила, — отвечаю я на его выпад, — придурок.

Сава бросает на меня странный взгляд.

— Ты можешь заткнуться хоть ненадолго? — спрашивает он устало.

— Это ты стал задавать вопросы и раздавать тупые приказы, — возмущаюсь я.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — напоминает он.

— На какой именно? Ты много их задал за последнее время.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

— Как мы познакомились с Сашкой?

— Малышка, — Сава делает паузу, заставляя меня посмотреть на него, — не называй его так.

— А то что?

— Тебе не понравятся последствия, — угрожает он.

Глава 19

Сава

Она меня просто сводит с ума.

Ее нежелание говорить об Александре меня злит, но еще больше я злюсь, когда она называет его Сашкой.

Кира так и не ответила на мой вопрос. Как они познакомились? Из слов Алекса я понял, что они знакомы с детства. Но какого именно детства? С пеленок или с подросткового возраста? Если уже были подростками, то вряд ли могли остаться друзьями, как они оба говорят. Мысль о том, что у них могло что-то быть, заставляет до скрипа сжать руль.

И как вообще могло случиться, что они встретились?

Почему я об этом думаю?

Вместо того чтобы разрабатывать план, сижу и переживаю о том, что может быть у Малышки с Алексом. Идиот.

Но мысли все равно возвращаются к Кире.

Я ее хочу. Постоянно.

Это вообще нормально — все время желать одну женщину?

Конечно же нет.

Надеюсь, как только вернемся в общество, я наконец приду в себя.

Конечно приду.

Затащу в койку первую попавшуюся, и все колдовство Малышки надо мной наконец закончится.

Бросаю искоса на нее взгляд. Кира недавно заснула, после нашей с ней перепалки она даже не смотрела в мою сторону. Давно она на меня так не огрызалась. Оказывается, я скучал по тому, как горят яростью ее глазки, когда она злится.

Мой взгляд уходит вниз, к ее обтянутой футболкой груди.

Облизываю губы, вспомнив вкус ее сосков. Тряхнув головой, перевожу взгляд на пустую дорогу. Совсем рехнулся уже и мысленно имею только ее. Но, черт возьми, как же хочется остановиться на обочине, разбудить Малышку нежным поцелуем, перетащить к себе на колени и заставить себя оседлать. Наблюдать за тем, как подпрыгивает ее соблазнительная грудь в такт моим движениям. Забыться в ней и наблюдать, как Кира кончает. Черт.

Поправляю член, который, встав по стойке смирно от моих фантазий и упершись в ширинку, причиняет дискомфорт.

Надо взять себя в руки. Скоро уже доедем, нужно продумать дальнейшие действия. Самим нам не справиться. Так что, хочу я того или нет, нам придется попросить помощи.

Парни в части отметаются сразу. За ними будут следить. Остаются те, кто на задании.

По моим подсчетам сейчас за пределами части должны быть Стим и Алекс.

Дай бог, чтобы помощь остальных не понадобилась. При мысли, что Алекс снова будет ворковать с Малышкой, меня корежит. Нужно будет ему втолковать, как нельзя с ней говорить. А особенно нельзя ее трогать. Лучше пусть вообще на нее не смотрит.

Отгоняю такие странные мысли.

Неприметный городок, каких много в нашей стране.

Подъезжаю к ближайшему интернет-кафе. Еще слишком рано, так что, припарковавшись неподалеку, решаю набрать парней. Выхожу из машины и отхожу

подальше, в тень офисного здания, но продолжая держать машину на виду.

— Да, — отвечает сонный голос Алекса на том конце.

— Нужна помощь, — перехожу я сразу к делу.

— Кира с тобой? — его вопрос меня раздражает.

— Да.

— Ты в курсе, что вы в розыске?

— Теперь в курсе.

— Куда подъехать?

— Виктор вернулся?

— Вернулся. Рвет и мечет. Он бессилён. Ты же знаешь.

— Отмажься у него и не возвращайся в часть, — советую я. — Скорее всего, за нами будет погоня.

— Понял. Как она?

— Жди звонка.

Отключаюсь, так и не ответив на его вопрос.

Следующий на очереди Стим. Никто не знает его настоящее имя. Он мало говорит о прошлом, но он один из тех, кому я безоговорочно доверяю.

Стим поднимает трубку, но продолжает хранить молчание.

— Нужна помощь, — объясняю я причину своего звонка. — Со мной объект. Миссия — спасти.

— Когда и где? — Стим, как всегда, немногословен.

— Сегодня вечером. Я без укрытия.

— Уровень?

— Сложный. Гражданский.

Ничего не ответив, он отключается. Я знаю, что он сделает все как надо.

Возвращаюсь в машину. Нужно и самому немного поспать, кто знает, когда еще выпадет такой шанс после того, как мы откроем это ящик Пандоры.

Накрываю Киру своей курткой и прикрываю глаза.

Тренировка, которая стала привычкой, — спать в полусне, отдыхать, когда можешь.

Так что я просыпаюсь намного раньше Киры и даже успеваю прикупить нам поесть в ближайшем кафе. Правда, с утра у них с выбором негусто.

Малышка просыпается, и я едва себя сдерживаю, чтобы ее не поцеловать, когда она начинает сонно протирать глаза. Совсем как ребенок. Она красивая, несмотря на то, что только проснулась и волосы спутались.

— Поешь, — протягиваю ей кофе и пирожок, что купил.

Когда она, просияв, с радостной улыбкой накидывается на еду, у меня в груди разливается странное тепло, смутно напоминающее мне гордость.

Хочется, как орангутанг, бить себя в грудь и кричать, что это я для нее добыл. Интересное и непонятное мне чувство.

— Спасибо, было вкусно, — благодарит Кира, на что я, не удержавшись, наклоняюсь и впиваюсь в ее рот поцелуем. Она отвечает не сразу, но мне и этого достаточно.

— Готова? — спрашиваю я ее, пытаюсь заглянуть в глаза.

Откашлявшись, Кира отводит взгляд и кивает.

— Прежде чем мы приступим, я припаркую машину подальше и найду новую, — объясняю ей наши последующие действия. — Ты подождешь меня внутри зала, но не

приступай, пока я не приду, — предупреждаю я ее, пересиливая себя. — Кира, — заставляю ее посмотреть на меня, — мне очень нужно, чтобы я мог тебе довериться, иначе нам обоим крышка. Ты понимаешь?

Малышка долго смотрит, но потом все-таки кивает. И почему мне от этого не становится спокойней?

— Я могу тебе доверять? — повторяю я свой вопрос. — А я могу тебе доверять? — следует ее вопрос.

— Если ты до этого не поняла, что да, то тебе лучше вернуться в дом к Игорю и подождать меня там, — злюсь я. — Мне нужно знать, что ты сделаешь так, как я сказал. Если сказал лечь, ты ложишься, сказал «беги» — бежишь. Понимаешь? Я должен быть уверен в том, что мои приказы исполняются.

— Я сделаю, как ты просишь, — отвечает Кира после секундного замешательства, глядя мне в глаза.

— Это я и хотел услышать, — киваю ей. — Хорошо, зал открылся, туда уже зашел парень, похоже завсегда, так что ты не будешь одна, — киваю ей в сторону входа в кафе.

Кира бросает на меня и покидает машину. Она идет медленно, будто на прогулке, закидывая себе на спину рюкзак. Со стороны она выглядит как подросток. Слишком соблазнительный подросток.

Избегая камер, паркую машину на заднем дворе многоэтажек и иду окольными путями в сторону кафе, где меня ждет Кира. Не доходя, угоняю другую.

Ничем не приметная, и, самое главное, сразу видно, что давно на стоянке стоит. Скорее всего, хозяин в отъезде. Машина ухоженная и новая по сравнению с нашей предыдущей колымагой.

Кира, как и договорились, ждет меня внутри, она заняла дальний угловой стол у уборной, чем приятно меня удивила. Я бы и сам его выбрал. Потому что, во-первых, виден главный вход и просматривается весь зал, при этом ты никому особо в глаза не бросаешься, а во-вторых, ты ближе всех к запасному выходу.

Подхожу к ней и сажусь рядом, но Кира только бросает на меня косой взгляд, не отрываясь от монитора с черным экраном и каракулями на нем.

Всегда поражался тому, что программисты могут что-то там разобрать. Мой максимум пользования компьютером заканчивался на том, что я могу его включить и поиграть в стрелялки.

— Ты действительно в этом разбираешься? — не могу удержаться от вопроса.

— Конечно, — отвечает Малышка, хмыкнув и бросив на меня насмешливый взгляд.

— Что ты сейчас делаешь? Я думал, ты захочешь узнать новости, — опять встречаю я, устав наблюдать за тем, как она что-то клацает и одни окна сменяют другие.

— Я сейчас пытаюсь выяснить, все ли в порядке с дедушкой, — удивляет она меня своим ответом.

— Как это? Вот здесь? — снова перевожу взгляд на монитор. Все такая же тарабарщина мельтешит перед глазами.

Как здесь вообще что-то можно понять?

— Дедушка выходил на связь позавчера, — отвечает она, будто сама с собой разговаривает.

— Серьезно? И как ты это поняла?

Малышка только пожимает плечами, что меня раздражает. Я не настолько туп, чтобы не

понять.

— Так, с этим потом разберемся, — говорит Кира, разминая пальцы, заставляя их хрустеть. — Если они не идиоты, то защита у них теперь стоит намного серьезнее, а значит, как только просекут меня в их сети, события будут разворачиваться очень быстро. Главное — успеть скопировать информацию, — говорит она, приступая, как я понял, к тому, что она назвала ранее взломом системы.

Кира долго возилась, ругалась тихим шепотом, потом кого-то хвалила за воображение и за ум.

Как я понял, она вскрывала чью-то защиту, попутно восторгаясь ее создателем. Разве это не глупо?

— Да, — вскинула она руку вверх, прежде чем ойкнуть и начать с неистовой силой клацать по клавиатуре. — Мне нужен принтер, — бросает она нервно, не отрываясь от экрана. — Быстрее, пока троян не поразил здесь все.

После ее слов я бегом направился к парню, что сидел на входе. Я видел, что у него нечто подобное было. Тот, конечно, не сразу понял, чем ему аукнется отказ выдать мне желаемое, так что пришлось его успокоить и уложить в сторонке.

К тому моменту, когда я принес «писак», Кира уже волосы на себе рвала. Так что, как только мы в две руки подсоединили его к компьютеру, принтер тут же заработал. Выдавая, к нашему ужасу, листы с не до конца напечатанными словами.

— Черт, черт, черт, — ругается Кира, продолжая что-то писать на компьютере. — Они меня взломали, — предупреждает она меня. — Хорош, чертяка, кто бы он ни был, но я лучше, — хвастается она. — Вот так. Получи, фашист, гранату, — усмехается она, поворачиваясь ко мне.

— Сколько у нас времени? — спрашиваю, пресекая желание ее поцеловать.

— Не знаю, — качает головой. — Сейчас они пробили IP-адрес, это значит, что уже определили, в каком мы городе. Им осталось только выяснить, в каком именно здании. Примерно минут десять. Мы успеть распечатать.

— Ты еще долго? — спрашиваю я, не отводя взгляда от входа. Если нас тут обложат, то сбежать мы не успеем.

— Такими темпами — не знаю, — прикусывает она кончик своего пальца. — Еще пару минут.

— Это слишком долго.

— Но мы должны все распечатать, — настаивает она.

— У тебя три минуты, — предупреждаю я ее. — Я подожду тебя снаружи. Ровно через три минуты, Кира, ты должна выйти в эту дверь, — показываю ей на запасной выход и иду к главному входу. — Что бы ни случилось. Слышишь меня?

Она кивает, и я иду на выход. Лучше осмотреться и узнать заранее, что враг на подходе.

Обхожу здание и залезаю на крышу соседнего дома. Отсюда мне видна вся улица и дверь, в которую должна выйти Кира. Время, как и в любой другой экстремальной ситуации, замедляется. Слышу вдалеке вой сирен, понимаю, что мы опаздываем. Целую минуту сверлю взглядом заднюю дверь кафе, а Киры все нет.

Неужели она ослушается? И мне придется за ней идти?

Чертובה девчонка. Я же предупреждал!

В тот момент, когда я решил, что пора за ней идти, дверь наконец открылась и Кира вывалилась с кипой бумажек в руках на улицу.

Бегом спускаюсь вниз.

— Кира, — окликаю ее, когда вижу, как она оглядывается в поисках меня, — сюда.

Забираю у нее документы и, схватив ее за руку, быстрым шагом направляюсь в сторону нашей новой машины. Закинув бумажки на заднее сидение, сажусь и газую.

— Пристегнись, — приказываю, когда Киру заносит на сиденье при моем резком повороте.

Нам нужно убраться из этого города до того, как закроют выезды.

В тот момент, когда я наконец решил, что все, пронесло, легкий свист рядом предупреждает, что я не все учел.

— Сава, — зовет меня Кира.

Перевожу взгляд на нее и вижу, как алое пятно расплывается на ее футболке.

Сава

Черт.

— Зажми рану, — приказываю Кире.

Она пытается следовать моему приказу, но с каждой минутой ее зажим становится слабее, и кровь обильным ручейком смачивает ее пальцы.

Кто? Откуда он появился так быстро? Как успел занять позицию для такого выстрела?

Черт.

Набираю Стима.

— Она ранена, — сообщаю ему. — Нас преследует профи.

— Учел, — бросает он. — Жду.

Мне нужно оторваться от хвоста, но кружить по району совсем нет времени.

На всех парах несусь к вокзал.

Там у рынка нам нужно поменять машину и оторваться от преследования. Отличное место, многолюдное. Вряд ли здесь он сможет прицелиться, даже если последовал за нами. Стрелки обычно не стремятся к близкому контакту, тянут до конца. Почему-то я стопроцентно уверен, что это наш прошлый снайпер. Машину меняю легко, но в тот момент, когда перетаскиваю Киру на заднее сидение новой тачки, она теряет сознание. Пользуясь возможностью, быстро перевязываю ее своей футболкой и фиксирую ремнем.

Малышка должна дотянуть.

К моему облегчению, пуля прошла навывлет, прошив плечо. Не смертельно, если вовремя оказать помощь.

Стараюсь не нарушать дорожный режим, чтобы не привлекать внимания. С тем же умыслом натягиваю на голову кепку и чужую куртку.

Нашему преследователю нужно будет быть очень внимательным, чтобы меня заметить.

Наконец доезжаю до домиков в горах, где мы ранее договорились встретиться со Стимом.

Не останавливаясь, заезжаю в гараж. Двери которого сразу же за нами закрывает Стим. Здесь мы совсем ненадолго, но пока в безопасности.

— Сюда, — кричу Стому, вытаскивая Киру и неся ее внутрь дома.

— Клади на стол, все готово, — бросает он, проходя за мной. Сделав, как он сказал, дрожащими руками проверяю, есть ли у нее пульс, но никак не могу его нащупать.

— Дай я, — отталкивает меня Стим, бросая на меня странный взгляд. — Помой руки с мылом.

— Она жива, — сообщает он через секунду, и только после этого я наконец могу передвинуть ставшие вдруг безумно тяжелыми ноги.

— Рана сквозная, — предупреждаю я его.

— Вижу. Повезло, — по его голосу этого и не скажешь, — но она теряет слишком много крови. Мне нечем анестезировать. Черт. Давай, помоги мне.

Я старался отогнать от себя мысли. Не думать. Не чувствовать.

Кровотечение с горем пополам мы наконец остановили, нам несказанно повезло, что Малышка так и не пришла в себя.

— Это должно помочь, — Стим ставит ей капельницу, пока я растерянно смотрю на

бессознательное тело Киры.

Такая маленькая. Кто и за что с ней так поступает? Гонит, как дикого зверя. Слишком быстро он смог определить наше местоположение.

— Он был у нас на хвосте. Скорее всего, уже на полпути сюда, — предупреждаю я его.

— Алекс сейчас будет, — бросает Стим, начиная собирать вещи.

Как он смог так быстро нас найти?

Он шел за нами еще до того, как Кира вышла в сеть, иначе это никак не объяснишь. А это значит, что он знал, где нас искать. Но тогда почему не пришел в дом Игоря?

Мысль, что друг мог меня предать, режет по живому. Он не мог. Я в это не верю.

А кроме него, никто не знал, что мы там.

Ключевое здесь: почему он пришел, когда мы появились в городе, а не сцапал нас в тихом месте в горах?

Судя по всему, он не знал точно, где искать.

— Ее нужно проверить на наличие жучков, — рот выдает раньше, чем мысль сформировывается в голове.

Стим без всяких слов достает радиоаппарат. Мы после каждого задания проходим подобный тест, чтобы не притащить в штаб ненужные уши. Он ведет от ее ног и выше, но сигнала нет. Ничего.

Значит, я ошибся?

Писк раздается, когда напарник поворачивает ее голову.

— Он у нее на затылке, — сообщает Стим, откладывая аппарат и доставая скальпель из аптечки.

— Подожди, — отвлекаю я его, — у тебя вообще ничего нет, чтобы обезболить?

В этот раз, боюсь, она придет в себя, и в самый неподходящий момент.

— У нас уже нет на это времени, — говорит Стим очевидное, — даже если бы у меня что-то и было.

Киваю ему и наваливаюсь Кире на грудь. Сжимаю ее ладони и одной рукой удерживаю ее голову. В тот момент, когда Стим делает на ее коже небольшой разрез, Кира ожидаемо приходит в себя. Ее крик навсегда останется у меня в ушах. Стим быстро вытаскивает передатчик и сжимает края ранки.

— Какого черта тут происходит? — ор Алекса на всю округу могли не услышать только мертвые.

— Неси ее, — говорит мне Стим. — У нас нет времени, — бросает он Алексу.

Подняв все еще хнычущую Малышку на руки, несу в машину, на которой приехал Алекс. Он заползает на заднее сидение и тянет руки к Кире. В тот момент, когда я решил его послать, я слышу характерный свист. Нас нашли. Становится не до этого. Сейчас главное — спасти Кире жизнь. Так что я быстро отдаю ее в руки Алекса и залезаю на место водителя.

— Главное, чтобы по колесам не пальнул, — кричу я, вырুলывая на еле заметную тропу.

В этот момент округу заливают ярким светом.

— Учтено, — сообщает Стим. — Парни прикроют.

Несемся на всех парах к лесополосе, за которой я резко выезжаю на дорогу.

— Давай прямо, — инструктирует Стим. — Там пересядем. Эта машина уже засвечена.

Согласен с ним, так что, проехав пару километров по его указке, съезжаю на новую едва заметную дорогу. Пересаживаемся в новый черный джип и, забросав засвеченную машину ветками, едем дальше.

— Куда мы? — спрашивает Алекс с заднего сиденья.

Ничего не могу с собой поделатъ, все время бросаю на них с Кирой взгляды в зеркало заднего вида. Пару раз пересекаюсь с Алексом взглядом, и мне не нравится то, что я вижу в его глазах, когда он смотрит на Киру. — План немного поменялся из-за ее ранения, — отвечаю я, — но в любом случае нужно тихое место, где она сможет прийти в себя, пока я не решу эту проблему, — последние слова я проталкиваю сквозь сжатые зубы.

— У моей бабки была хата недалеко отсюда, — радуется нас Стим.

Хата оказалась добротным домом с огромным забором и хорошей охраной.

— Ничего не хочешь пояснить? — опережая меня, спрашивает Алекс за моей спиной.

Стим же просто пожимает плечами. В этом он весь. Никогда ничего не рассказывает, просто действует.

В этот раз я не позволяю Алексу отнять Малышку у меня и несу ее сам. Друг злится вижу, но не настаивает.

— Наверху две спальни, внизу одна, — сообщает Стим, закидывая наши с Кирой сумки на столик в гостиной.

— Нижняя наша, — сразу решаю забить место и разъяснить некоторым непонятливым, что к чему.

Стим таращит удивленные глаза.

— И что это значит? — спрашивает непонятливый Алекс.

— То, что Малышке пора отдохнуть, ей и так сегодня хватило, — отрезаю я, направляясь в сторону, куда указал Стим. — У тебя здесь есть чем ее обезболить? — бросаю я вопрос за спину.

— Сейчас принесу, — раздается в ответ глухой голос Стима.

Кладу Малышку на кровать. Губы плотно сжаты и с синим отливом, лицо бледное. Кира открывает глаза, и в них столько боли, что меня самого скручивает спазмом.

— Еще совсем чуть-чуть, — шепчу ей, целуя ее в висок. — Прости меня за это.

— Сава, — зовет меня голос Алекса за спиной. Похоже, он пошел за мной и все видел, но мне сейчас все равно. Главное — Малышка.

— Стим, — кричу я, не обращая на Алекса внимания, — где ты, черт тебя дернул?!

— Да здесь я, — отвечает друг, появляясь в дверях. — Ты уколешь или я? — спрашивает он, протягивая мне шприц.

— Я сам, — забираю у него лекарство и киваю им обоим на выход.

Как только за ними закрывается дверь, подхожу к Кире. Делать нечего, придется снова причинить ей боль.

Она даже не плачет, когда я быстро вкалываю ей лекарство, но мне все равно от этого не по себе. Я бы лучше себе вскрыл рану и покопошился в ней, чем вот так с ней.

Малышка прикрывает глаза, но с уголка стекает слеза, которая бьет меня получше, чем самый крутой хук Алекса.

Не могу смотреть на то, как она плачет.

— Прости, — шепчу я, утыкаясь в ее макушку, — прости.

— Ты не виноват, — ее слова вместо облегчения приносят еще больше боли.

Это я недоглядел, не учел. Черт, меня этому обучали. Я должен был ее проверить, как только ее нашли у нас в части. Это же не абы какое место. О его существовании знают немногие, и еще меньше тех, кто мог бы предположить, что девчонку спрячут там. А я слепой идиот, который дальше своего носа не видит. Совсем голову потерял из-за нее.

Никого не видел, ничего не слышал и соображать разучился, как только наткнулся на стену по имени Кира в приемной Виктора.

Да и сейчас переживания за нее не дают мыслям собраться. А ведь я должен сделать все, чтобы ее защитить.

Скорее всего, ее передатчик не мог посылать сигнал из дома Игоря, из-за гор и леса. Сейчас это уже неважно.

Через некоторое время Малышка засыпает, и я облегченно выдыхаю. Обезболивающее сработало.

Поцеловав ее в лоб, проверяю ее рану. Вроде все нормально, натянув на нее одеяло, спускаюсь в низ.

Парни сидят в гостиной и что-то тихо обсуждают.

— Думаю, ты не прав, — слышу голос Стива. — Ты видел, как он на нее смотрел? Так на простую работу не смотрят.

Кажется, это была самая длинная речь, которую я слышал от Стива за все время нашего знакомства.

— Мне плевать, что ты думаешь, — говорю, как только встречаюсь взглядом с Алексом. — Кира моя, — чеканю, сядь напротив него и смотря ему в глаза, — и останется моей.

— Она не вещь, Сав, — возмущается он. — И мне показалось или она была ранена? — ёрничает товарищ. — Так-то ты следишь за той, кого гордо называешь своей? — бросает он мне в лицо.

— Ты прав, — отвечаю я. — Я был идиотом и долго не мог понять, что нашел. Но с этого момента я сделаю все, чтобы она была в безопасности. — Перевожу взгляд на Стива. — И мне нужна будет ваша помощь.

Стив кивает, но Алекс не спешит последовать его примеру.

— Ты уверен в том, что говоришь? — спрашивает он. — Она мне родная, и я не хочу наблюдать за тем, как ей будет больно.

— Я уверен, — я знаю, чего теперь хочу, и сделаю все, чтобы это получить. — Сейчас я должен понять, с чем я имею дело, и разработать наиболее действенный план.

— Мы, — говорит Алекс, а встретившись с мой недоуменным взглядом, продолжает: — Мы должны понять, с чем имеем дело, и разработать план, как спасти Киру.

— Хорошо, — киваю я его словам. — И не смей называть ее так, если тебе дороги твои зубы, — требую я, на что Алекс только усмехается. — И я не шучу.

— Ревность — это хорошо, — говорит Алекс, и я понимаю, что да, я ревную.

Мне не нравится, как он на нее смотрит и как Малышка улыбается ему, в то время как мне она такие улыбки не раздает.

— Алекс, — предупреждающе рычу я, на что он только поднимает руки вверх.

— Я понял, — кивает он. — Так и с чего начнем?

— С документов, которые распечатала Кира, — отвечаю я, подтаскивая к себе рюкзак, в который я запихнул листы, и бросаю их на стол. — Здесь информация, после которой генерал Лебедев бросился в бега и спрятал Киру у нас, — сообщаю я парням. — Только вот ее нашли по передатчику, вшитому в ее шею, который ты обнаружил, — киваю Стиву. — Пока непонятно, откуда на ней этот сюрприз, но главное, что других сюрпризов не ожидается.

— Мог ли генерал пометить свою внучку? — озвучивает Стив вопрос, которым задаюсь

и я.

— Не уверен, — отвечает Алекс. — Он мужик суровый, но не настолько.

— Если это он, то как именно наш стрелок мог отслеживать Киру? Ведь, по идее, только Лебедев мог определить местоположение своей внучки. Не думаю, что он сообщал об этом всем, кому ни попадя, — размышляю я.

— Это однозначно кто-то из его круга, — опережает меня Алекс.

— Согласен, — кивает Стим. — Займемся документами.

К нашему несчастью, из распечатанного понять можно было не так много.

Ничего криминального в них, в общем, обнаружить не удалось. Всего лишь отчеты о списанном оружии. Обычное дело после холодной войны и развала страны. Но что-то явно в них было, если из-за этого готовы были убрать нескольких людей и глазом не моргнуть.

Что же такого в них обнаружил Лебедев? И из-за чего на них с Малышкой объявили охоту?

Чего именно мы не видим?

Кира

Просыпаться тяжело. Открываю глаза и в первую минуту не могу понять, где я. Потом накатывает боль. Черт возьми, в меня стреляли.

Воспоминание об этом заставляет окунуться в первые минуты нападения. Я не могла в это поверить. Мозг просто отказывался это принять. С каждой минутой слабеющее тело подводило меня, и, если бы не Сава, не знаю, что было бы.

Я смутно помню, что кричала, и его успокаивающий меня голос, говорящий, что все будет хорошо. В тот момент я верила ему безоговорочно и готова была все простить. Сейчас, наблюдая за тем, как солнечный зайчик скользит по потолку, не могу понять, что меня настораживает и злит.

«Его нет рядом», — наконец доходит до меня.

Впервые, с момента как мы сбежали из части, я проснулась без него.

Собственная реакция пугает больше всего. Я слишком привыкла к тому, что Сава всегда рядом.

— Ты проснулась? — его голос заставляет сердце забиться чаще.

Стараюсь не смотреть на него, потому как чувствую, что готова расплакаться, по непонятной мне причине.

— Что такое? Болит? — его встревоженный взгляд встречается с моим. — Что такое?

Участие в его голосе не должно меня обмануть. Я ничего для него не значу. Небось, переживает, что чуть не проворонил свое задание.

Хочется послать его куда подальше, но ком в горле не позволяет и слова вымолвить.

— Сейчас, — на секунду он пропадает из поля моего зрения, и в тот же миг мне в бедро впивается иголка.

— Ай, — я больше не могу сдержаться, и слезы текут рекой.

Сава ложится на кровать и обнимает меня, гладит по спине, голове, целует мое заплаканное лицо. А я не могу остановиться.

Зачем он так? Нельзя касаться так нежно, не чувствуя ничего. Нельзя говорить, что все будет хорошо, когда я знаю, что без него уже ничто хорошо не будет.

— Малышка, не плачь, все пройдет, — шепчет Сава, а мне хочется орать, что я не его малышка.

Не заметила, как уснула в его руках. Я призналась себе, что он мне небезразличен, сдалась своим чувствам, несмотря на то, что знаю, что они ни к чему не приведут.

Сава пытается встать, и я просыпаюсь от его попытки спустить мою ногу со своего бедра. Он нежен и старается не причинить мне боли. Но так он делает только хуже. Мне хочется верить, что и я ему небезразлична.

«Наслаждаться, пока можем», — вспоминаю я его предложение.

Наверное, настала пора, когда мы уже не сможем наслаждаться, и следует отпустить его. Дальше мне будет еще больней.

Когда за ним тихо закрывается дверь, я открываю глаза.

Мысли текут рекой, и я насильно направляю их в сторону деда. Где он?

После того что случилось со мной, я осознаю, что он действительно в опасности. Раньше вроде тоже это понимала, но, когда в тебе проделывают дырку, ситуация уже

выглядит совсем по-другому. Это я виновата том, что с нами сейчас происходит.

Ощупываю себя. Да, надо мной потрудились на славу.

Боль простреливает от плеча, когда я пытаюсь встать. Голова кружится, и начинает подташнивать. Падаю без сил обратно на кровать. Кажется, я погорячилась и поспешила. В тот момент, когда я вытерла скатившуюся слезу, на пороге появляется Сава.

— Доброе утро, — здоровается он так, будто действительно рад меня видеть. — Мы в безопасности, по край мере пока. И я принес тебе поесть.

— Я хочу встать, — выходит слишком глухо.

— К сожалению, пока нельзя, — сочувственно произносит он, а меня от этой новости корежит. — Открывай ротик, — не обращает он внимания на мое состояние, — я сам приготовил тебе супчик.

Сава не видит, какими глазами я на него смотрю. Он что, действительно вылез из кровати, чтобы приготовить мне поесть?

Наверное, из-за шока я открываю рот, когда он подносит к нему ложку.

— Ну как? — спрашивает он, явно затаив дыхание, будто ему действительно важно, понравится мне или нет.

— Вкусно, — констатирую я.

От моего ответа у Савы улыбка расплывается на лице.

— Ну вот, а Алекс корчил рожу и говорил, что ты швырнешь тарелку мне в лицо, — чуть ли не смеется он, а я слышу только имя.

— Сашка здесь? — от моего вопроса лицо Савы снова меняется.

— Да, — бросает он раздраженно, — они со Стимом внизу.

— Стимом? — не понимаю я.

— Он наш друг, — поясняет Сава, продолжая меня понемногу подкармливать. — Никто не знает, как его зовут на самом деле.

Станный позывной у этого парня.

— Я наелась, — отказываюсь я от очередной ложки, отворачивая голову.

— Молодец, почти все доела, — хвалит Сава.

«Как маленькую собачонку», — мелькает в голове.

Доешь тут, когда он не слышит слова «нет» и пихает тебе следующую порцию, пока ты еще не проглотила первую. Хочешь не хочешь — поешь.

После завтрака почему-то сильно клонит ко сну. Сколько ни сопротивляюсь, глаза слипаются, а мозг все продолжает работать.

— Спи, Малышка, — очень отчетливо слышу я его шепот у самого уха, — тебе больше никто не навредит.

Едва ощутимое касание его губ к моему лбу.

Так нечестно. Мне снова хочется плакать.

Просыпаюсь от чьего-то пристального взгляда.

Резко открываю глаза и встречаюсь с незнакомым серым взглядом. Прежде чем даже мысленно успеваю поднять тревогу, мужчина поднимает руки вверх и делает шаг назад.

— Я Стим, — говорит он, — Я друг.

Я киваю, но продолжаю настороженно следить за его движениями.

Зачем он здесь?

— Я осмотрел твою рану, — поясняет он, будто подслушав мои мысли.

— Где Сава? — спрашиваю я охрипшим голосом.

— Они с Алексом уехали по делам, — сообщает он.

— По делам? По каким делам? — нехорошее предчувствие сковывает сердце. — Где они? — настаиваю я, когда вижу, что Стим не собирается мне отвечать.

— Не отчитались, — отрезает он и уходит.

Что он скрывает? Куда они подались без меня? Целый день места себе не нахожу, даже не заметила, как смогла подняться, услышав звук подъезжающей машины. Не успела обрадоваться, как в спальню ворвался Стим с перекошенным от ярости лицом. Я не сразу поняла, что что-то не так.

— Нас нашли, — сказал он, и я чуть не спросила — кто?

Стим подхватил меня на руки и понес. Не в сторону выхода, как я подумала, а в сторону ванной комнаты, куда я ранее ходила, ну как ходила... доползла.

Он пронес меня в незамеченную мной внутри дверь, внешне похожую на стену, и оттуда мы спустились в место наподобие гаража. Прислонив меня к капоту припаркованной здесь машины, он потянул цепь, и под моим ногами открылся черный узкий зев с уходящей вниз лестницей.

Сверху послышался неясный шум. Не успеваю испугаться, как Стим уже тащит меня вниз, а люк над нами с тихим щелчком закрывается.

Здесь почти негде развернуться, и мы находимся в опасной близости друг от друга. Я слышу, как бьется сердце Стима — ровно и спокойно, в то время как мое отбивает чечетку.

Как он может оставаться настолько спокойным, когда над нашими головами явно ходят убийцы, желающие нас прикончить. Точнее, меня. Но и ему несдобровать при таком раскладе.

Я пытаюсь всмотреться в темноту, чтобы увидеть хоть что-нибудь, но вокруг только мрак, настолько густой и плотный, что хоть ножом режь.

Прислушиваюсь к шагам наверху и молюсь, чтобы незваные гости наконец ушли.

А если Сава приедет, пока эти еще здесь?

От этой мысли бросает в дрожь. Стим обнимает меня за плечи и накидывает на меня какую-то тряпку. Он думает, что я замерзла?

Наверное, это отчасти и так, у меня внутри все вымораживает, как только представлю, что Сава попадет под их огонь.

Секунду назад было тихо, и я молилась, чтобы все обошлось, как вдруг будто ад развернулся над нами. Чьи-то крики и выстрелы, топот и ругань. А потом все так же быстро затихает. Будто звук выключили. До чертиков страшно.

Что там такое? Спросить язык не поворачивается. А вдруг?.. Нет, не могу. Не хочу даже представлять, что там сейчас находится Сава. Только не он.

Стук над головой заставляет подпрыгнуть на месте. Если бы не Стим, вовремя меня удержавший, я бы, наверное, стукнулась головой.

— Стим, вы в порядке? — раздается голос Сашки сверху.

— Все норм, — отвечает мужчина, поднимаясь.

Он выносит меня из нашего укрытия в разрушенную комнату. Наши с Алексом взгляды пересекаются на секунду. Я рада, что он жив, но мои глаза продолжают искать другого.

— Сава, — шепчу я, не найдя его.

— Он на улице, сейчас придет, — отвечает Сашка. — Ты как?

— Нормально, — несмотря на его слова, перевожу взгляд на входную дверь и облегченно выдыхаю, когда на пороге появляется Сава.

— Наконец-то, а то тут кое-кто уже готов был сам за тобой ринуться, — вдруг выдает мой, кажется, уже бывший друг.

Бросаю на него злой взгляд. Сава за секунду оказывается рядом с нами и, к моему облегчению, не комментирует слова Сашки, но он явно чем-то недоволен.

Сава легко вынимает меня из рук Стива, и только в этот момент я осознаю, что все это время тот держал меня на руках.

Как я могла этого не заметить?

Мысль запнулась на том, что Саву я ощущаю острее, чем Стива. Значит, только он действует на меня так ненормально. Хотя что можно считать нормальным?

— Ты откуда здесь? — спрашиваю Сашу, пытаюсь не обращать внимания на ускорившийся пульс и перевести тему.

— И я тоже рад тебя видеть, Кир... — он как-то странно посмотрел на Саву и запнулся.

— Он решил нам помочь, — отвечает за него Сава недовольно, неся меня на улицу напрямиком в машину.

— У меня, вообще-то, ноги в порядке, и я могу сама идти, — шепотом выдаю я, раздражаясь из-за моей реакции на него.

— А когда на руках у Стива сидела, об этом как-то забыла, да? — чуть ли не рычит Сава, сажая меня внутрь и захлопывая дверь.

И как ему объяснить, что Стива я так ненормально рядом с собой не ощущаю? И надо ли вообще ему что-то объяснять?

— А парни с нами не поедут? — спрашиваю я, когда мы отъезжаем.

— Ты за кого больше боишься, за «Сашку» или за Стива? — ехидничает он, сверля дорогу взглядом.

— Что ты несешь? — возмущаюсь я. Меня порядком начинает бесить его поведение. — Они помогли нам. Кстати, что там произошло?

— Ничего особенного, убрали парочку наемников, — бросает он через несколько минут молчания.

— Они пришли за мной?

— Малышка, давай ты не будешь задавать глупых вопросов, — его холодный тон заставляет меня задрожать от обиды, но я отбрасываю от себя лишние эмоции.

— И куда мы теперь? Или это тоже глупый вопрос? — ехидничаю уже я.

— В самую точку, — не отстает он от меня.

Мы оба замолкаем. С каждой секундой желание огреть его чем-нибудь тяжелым становится просто непреодолимым.

— Мне нужно, чтобы ты осталась в одном месте буквально на несколько дней, — вдруг выдает Сава, когда я почти что справилась со своими эмоциями.

— Так тебе что-то от меня нужно? — усмехаюсь я.

— Малышка, мне от тебя много чего нужно, — Сава говорит это так открыто, что на секунду я опешиваю, — но сейчас нужно, чтобы ты меня дождалась и не высовывалась.

— Знаешь, меня достали твои приказы, как и ты сам, — отвечаю я. — Ты можешь говорить со мной нормально? Это так сложно?

— С тобой, Малышка, ничего не может быть нормально, — серьезно отвечает он.

Как же трудно не реагировать на его слова, когда каждое из них словно острый нож вонзается прямо в грудь.

Сава

— Я ничего не понимаю, — сдается час спустя Алекс, — из-за чего весь кипиш? Все, что я только что прочитал, вполне себе законно. Утилизация пришедшего в негодность оружия — норма.

— Думаю, что под этой утилизацией кроется нечто другое, — выдает Стим, — слишком все просто.

— Почти в этом уверен, — соглашаюсь я с ним, — не зря же за ними охотятся.

— Я никак не могу принять то, что генерал бросил Киру, — восклицает Алекс, — это на него совсем не похоже.

— За ней снова придут, — привлекает внимание Стим.

— Я думал об этом, — согласно киваю я. — Сейчас Кира не готова к тому, чтобы срываться с места и бежать. Да и, честно сказать, я устал бегать.

— Что предлагаешь? — тут же оживляется Алекс.

— Пора посмотреть, на что они способны против нас, — оглашаю я им свои мысли.

— Хочешь сделать Киру приманкой? — спрашивает серьезно Алекс.

— Звучит не очень, но, в принципе, да, — киваю.

— Согласен, — одобряет Стим.

Алекс долго сомневается, но в конце концов и он тоже вливается и кивает.

— Тогда план прост, — решаю сразу приступить к делу. — Стим, останешься с Кирой, мы с Алексом обеспечим прикрытие. Они были слишком близко к нам, так что, уверен, уже напали на след. Отдам голову, если не будут здесь в течение двух суток.

Алекс подозрительно щурит глаза, но не возражает.

После одобрения Стима приступаем к делу.

Было решено засесть на холме, так, чтобы видеть дорогу и всю местность как на ладони.

— Ты уверен? — раздался по рации скрипучий голос Алекса, когда мы заняли позиции.

— Глупый вопрос, — озадачился я, — мы в бесприкрытой позиции.

— Я про Киру, — после секундной заминки послышалось вновь.

— Ты упустил свой шанс, — хватит ходить вокруг да около. — Я своего не упущу.

— Если только она сама не захочет, — бросает он после того, как я уже подумал, что разговор окончен.

И в этот момент я обрадовался тому, что Алекс сейчас не рядом, потому как точно ему врезал бы. А подвергать Малышку опасности мне хочется меньше всего.

— Об этом можешь и не мечтать, — отвечаю я и отключаю рацию.

Вглядываюсь в темноту ночи, но мысли все равно возвращаются к словам Алекса.

В одном я уверен точно: выбора я Малышке не оставлю.

Спит ли она? И что ей снится?

С каких пор я стал о таком думать?

Тряхнув головой, снова включаю рацию.

— Что, оттаяла, красна девица? — раздается тут же ехидный голос Алекса. Не выдержав, снова отключаю в принципе ненужный аппарат.

Интересно, что с генералом? И жив ли он вообще?

Скорее всего, он что-то нарыл и пустился в бега, как надеется Кира. Только вот я

понимаю, что, будь старик жив, он нашел бы способ выйти на связь.

Нужно убедиться в своих подозрениях, но как? Самый простой способ — это отправиться туда и на месте проследить за тем, что и как происходит, но у меня на руках раненая Кира. Оставить с ней Игоря? Парни отметаются сразу. Им пора вернуться в часть, чтобы не было подозрений. И так помогли чем смогли. Нельзя их и дальше подставлять, и слишком навязчивые намеки Алекса тут абсолютно ни при чем.

Остается Игорь, только, боюсь, он с Малышкой не справится.

Тогда придется действовать с другого конца. Судя по документам, компания «ВторМеталл» получает списываемую военную технику. Вот к ним мне и следует наведаться в первую очередь.

Такого рода работа проводится под контролем Министерства обороны, и, конечно, все строго засекречено, так что добыть адрес и информацию о владельце этого предприятия будет непросто.

Но, как говорится, кто ищет, тот найдет.

День клонился к закату, и я уже почти поверил, что ошибся, когда заметил вдалеке машину.

Вот черти, совсем страх потеряли, не скрываются и прутся как таран.

Два тонированных джипа ворвались во двор, снеся на пути ворота. Надеюсь, Стим успел спрятать Киру? Снимаю двоих до того, как те успевают зайти в дом. Но их слишком много, и я упускаю еще двоих. Черт! Подхватив винтовку, несусь в сторону дома. Идиот. Мог бы додуматься, что они захотят взять нас нахрапом, ведь сам же дважды подставился, показал, что я легкая мишень. Боковым зрением вижу движение в той стороне, где укрылся Алекс. И рацию отключил, как дурак.

Тень в окне снимаю легко, но другой прячется, как только его приятель падает. Прислушиваюсь к звукам в доме. Кажется, они все-таки успели спрятаться. Когда я только озвучил свой план, Стим рассказал нам о потайном месте под полом. Слышу звук выстрела Алекса и ответную очередь из автомата. Хорошо вооружились. Надо же, совсем не боятся того, что привлекут внимание.

Вытаскиваю пистолет и, отбросив мысли, приступаю к своей работе. Одного за другим убираю неприятеля. Откуда их тут столько?

— Чисто, — слышу отчет Алекса.

— Чисто, — отвечаю ему, спеша к тому месту, где Стим спрятал Малышку. Но по дороге решаю вытащить трупы на улицу, незачем Кире их видеть.

Алекс меня опережает. Не слышу ничего из того, что он там говорит, вижу только Малышку на руках у Стима. Ревность накрывает с головой. Это ненормально. А мне плевать. Забираю свое и несусь напрямиком в машину.

— У меня, вообще-то, ноги в порядке, и я могу сама идти.

Ее слова добавляют масла в огонь моей ревности, и меня несет. Я груб, я знаю, но те чувства, что она заставляет меня рядом с собой испытывать, выбивают меня из колеи. И думать, что она рядом со мной думает о другом, просто невыносимо. Подъехав к месту встречи с парнями, понимаю одно: мне нужно немного успокоиться, прежде чем мы продолжим.

Есть еще один человек, настолько же нелюдимый и не любящий внимания, как и Игорь, но он не будет рад моему вторжению, как мой друг. Но в том, что Малышка там будет в безопасности, я уверен.

Оставив Киру одну, выхожу из машины и дожидаюсь парней, которые отстали от меня всего на пару минут на улице. Пресекая попытку Алекса сунуться к Малышке, благодарю их за помощь.

— Если нужна будет помощь, Валид вышел на задание два дня назад, — сообщает Стим.

— Спасибо, — не думаю, что дальше потребуется помощь, но знать, что могу ее получить, многого стоит.

Стим утаскивает Алекса за собой, и я провожаю их машину взглядом.

Перевожу дыхание, прежде чем сесть в машину.

— Почему они уехали? — спрашивает Кира. — Они не поедут с нами?

Малышка выглядит усталой. Еще бы, столько всего свалилось на нее за короткое время. Не сопротивляюсь своему желанию и наклоняюсь к ней за поцелуем.

Она моя отравка. Личный наркотик, на который я и сам не понял, как подсел.

После секундного замешательства она отвечает мне. Беру в чашу своих ладоней ее лицо и еле заставляю себя от нее оторваться. Заглядываю в ее глаза.

— Все будет хорошо, — пытаюсь я ее успокоить. — Я обо всем позабочусь, хорошо?

— Меня пугает неизвестность, — отвечает она, всматриваясь в мои глаза. Что именно она там ищет, не знаю, но очень хочу, чтобы нашла.

— Просто доверься мне, — настаиваю я, легко касаясь ее губ в новом поцелуе.

— Хорошо, — наконец сдается она, когда я уже почти потерял надежду.

Дышать становится легко.

— Дорога будет долгой, так что тебе лучше перебраться на заднее сидение и поспать, — предлагаю я.

— Ладно, — соглашается она, и я, быстро выскочив из машины, помогаю ей пересесть.

Вернувшись на свое место, перевожу зеркало заднего вида на нее. Снимаю куртку, что взял у Стима, и, повернувшись, накрываю ее.

— Ни о чем не переживай, — бросаю я, прежде чем завести машину и выехать на автостраду.

Продолжая бросать на Киру взгляды, мыслями возвращаюсь к тому, кто может запросто выгнать меня взащей. Комаров был моим первым командиром и тем, кто спустил меня с небес на землю. Он ушел в запас после того, как потерял на задании ногу. Точнее, он бы не ушел, его выгнали, как он сам говорил.

Не знаю, сколько лет его не видел. Много. Он не был тем, по кому можешь скучать, так что если бы не эта ситуация, то я бы и дальше о нем благополучно не вспоминал.

Предугадать реакцию Комарова сложно. Человек он неоднозначный. Может и обнимать кинуться, а может и солью засадить, так что еду с Малышкой к нему на авось.

В одном уверен: за Кирой он присмотрит, как только узнает, в чем дело. Военную верхушку он на дух не переносит.

Через пять часов, когда уже на горизонте появилась светлая полоса, я наконец вырулил на дорогу, ведущую в его деревню.

Домов здесь было мало, но, несмотря на раннее утро, селяне уже гнали по улице скот на выгул, с интересом поглядывая на нашу машину.

Спросив дорогу у одного такого заинтересованного мужичка, я наконец остановил машину перед деревянными слегка покосившимися воротами. Оглянулся на все еще спящую Малышку и решил, что первую встречу лучше произвести без нее. Тихо вылез из машины и направился к калитке.

Звонка нет, стучать смысла не вижу, захожу и иду к дому.

— Еще шаг — и всажу пулю прямо в затылок, — слышу грозный голос за спиной. Ну что ж, могло быть и хуже.

— Ты ни черта не изменился, — бросаю я, поднимая руки. — Спасибо, хоть предупредил.

— Любопытство, знаешь, — усмехается он. — Скучновато здесь, вот и захотел узнать, кто тот смертник, что под моими воротами паркуется.

— Да, у вас тут мало кто может припарковаться, — отвечаю, продолжая держать руки поднятыми вверх, — разве что только велосипед.

Слышу за спиной его смешок.

— Это да, — соглашается Роман. — Ты чего пожаловал? Не говори, что соскучился. Не поверю.

Опускаю руки и медленно поворачиваюсь лицом к нему. Точно, не изменился, даже безногий он все так же излучает силу и авторитет. Пугал он нас, молокососов, в первое время не на шутку.

— Мы плясали, когда узнали, что ты ушел, так что это вряд ли, — бросаю я, следя за его реакцией. Никакой лжи, не тот он человек, которому можно безнаказанно соврать.

Комаров прожигает долгим внимательным взглядом и наконец усмехается.

— Уж я-то как был рад от вас избавиться, салаги желторотые, — он наконец откладывает ружье к себе на колени.

Комаров подъехал ко мне со спины на коляске, и я ничего не услышал. В этот момент, не зная я Комарова, засомневался бы в своей компетентности. Он был лучшим из лучших, когда я еще пешком под стол ходил. Хотя, не скрою, все равно ударило по самолюбию.

— Чего кривишься? — спрашивает Роман, и я по его ухмылке понимаю, что он знает ответ. — Что, хотел полюбоваться на меня подряхлевшего? Я таких, как ты, даже на смертном одре одной левой сделаю, — бросает он, приподнимая бровь, мол, попробуй возрази.

И, будь я глупцом, последовал бы его призыву. Точнее, не будь у меня на заднем сидении спящей Малышки...

— Не сомневался, что найду тебя в форме, — отвечаю я, заставляя себя не вестись на его провокацию, — потому за помощью к тебе и пришел.

После моих слов у Комарова лицо изменилось и глаза заблестели. Сердце колет чувство вины. Хоть он и пытается скрыть свою реакцию, но я тоже не лыком шит, заметил.

— Что у тебя? — спрашивает он, все так же продолжая сверлить меня взглядом.

— Тебе понравится, — говорю я и оборачиваюсь в сторону калитки, куда вытаращил глаза Комаров. Там стоит Кира, удивленно оглядывающая нас.

Встречаюсь взглядом с бывшим начальником.

— Твоя? — спрашивает он странно смущенно.

— Моя, — отвечаю уверенно.

Кира

Просыпаюсь будто от рывка. Поднимаю взгляд в поисках Савы, но место водителя пусто, и его нигде нет. Тело затекло от неудобной позы, так что я еле приподнимаюсь и оглядываюсь. Мы остановились в какой-то деревне. Одинокое стоящие дома с перекошенными оградами и заросшими участками странно контрастируют с шикарными особняками за высоченными заборами. Где мы? И куда подевался Сава?

Выждав несколько минут, выползаю из машины. Не захлопываю дверь, мало ли что. Вижу приоткрытую калитку, перед которой Сава и припарковал машину, и решаю туда заглянуть.

Сава разговаривает во дворе с мужчиной в инвалидном кресле. Напрягаюсь, увидев на его коленях ружье.

Кто он? Что мы тут вообще делаем?

Вдруг Сава, будто почувствовав меня, резко поднимает голову, встречаясь со мной взглядом.

— Твоя? — слышу отчетливо вопрос незнакомца.

— Моя, — отвечает Сава. Глупое сердце в груди делает кульбит. — Кира, проходи, познакомься, это мой бывший командир — Комаров Роман Васильевич, — кивает он в сторону мужчины.

Несмотря на то, что сидит в кресле, он окидывает меня взглядом сверху вниз. Сразу видно, что военный, по выправке и натренированному телу. Я бы сказала, что даже слишком натренированному для человека в его положении.

— Здравствуйте, — блею я под его строгим взглядом.

Меня явно оценивают. Как строгий отец невесту своего сына.

Откуда появилось это сравнение?

— Это моя Кира, — продолжает Сава, а у меня от его характеристики в горле встает ком.

Так и хочется спросить, что именно он имеет в виду? Что для него значит это его «моя Кира»?

— Не скажу, что мечтал вас увидеть, — бросает Роман Васильевич грубо, — но проходите, раз уж пришли, — развернув кресло, он катится в сторону дома.

В недоумении оглядываюсь на Саву, но тот просто пожимает плечами и подходит ко мне.

— Как ты? — спрашивает, заглядывая в глаза.

— Нормально, — отвечаю я, не желая отвлекать его своими жалобами.

— Не ври мне, Малышка, — отрезает он, но его слова звучат почти нежно. — Тебе больно, — утверждение.

— Терпимо, — настаиваю я. От его темнеющего взгляда смущаюсь и отвожу взгляд.

— Пойдем, я сделаю тебе укол, — бросает он, подхватывая меня на руки.

— Я сама могу... — начинаю я, но тут же замолкаю.

Почему он на меня так действует? Стоит ему только проявить немного заботы, как меня начинает штормить.

Вносит меня в дом и под удивленным взглядом хозяина сажает на длинную скамью у

ближайшей стены. Снаружи дом кажется небольшим, а внутри — еще меньше. Мебель добротная, деревянная, но не старая. У окна стоит огромный стол, на котором разложены всякие незнакомые мне инструменты. Похоже, в свободное время Роман Васильевич увлекается резьбой по дереву. И, судя по тем красивым узорам, что я вижу на деревянном комодe, вполне успешно.

— Она ранена, нужно обезболивающее вколоть, — сообщает Сава.

Хозяин и бровью не ведет, будто каждый день раненые девушки к нему в гости заглядывают, только указывает в сторону шкафа.

— Там на верхней полке все есть.

Сава быстро находит необходимое и набирает в шприц обезболивающее. Мне, конечно, больно, но не настолько, чтобы я тут перед ними булками своими светила.

— Нет, — качаю я головой, поднимаясь, пока Сава идет в мою сторону. Он же не собирается?..

— Похоже, твоя зазноба стесняется, — слышу смешок хозяина из-за спины Савы.

— Ей незачем стесняться, ведь ты отвернешься, — бросает Сава, даже не оглядываясь.

— Уже, — отвечает хозяин, но я, не веря, заглядываю за плечо Савы, отчего тот усмехается.

Хозяин же дома и вправду сидит к нам спиной.

— Я не хочу, — шепчу я. — Нет.

— Тебе нужен укол, — настаивает Сава. — Не заставляй меня насильно это делать.

Он же не рискнет, правда ведь?

— Я это сделаю, — будто прочитав мои мысли, отвечает Сава, — только придется старого человека на улицу выставлять, — кивает он в сторону хозяина.

— За старика ответишь, — вдруг встречает хозяин, выезжая в сторону входной двери.

— Неужели ты думала, что я кому-то позволю увидеть больше, чем твое личико? — спрашивает Сава, стоит только двери хлопнуться за Романом Васильевичем.

— Я сама могу, — предлагаю я неуверенно. Раньше ничего подобного не делала, но раз он может, то и я смогу.

— И не мечтай, — отрезает Сава. — Давай, поворачивай ко мне свою аппетитную попку. Из-за его пошлой ухмылки хочется врезать ему между глаз, но, осознавая свое бессилие, я лишь делаю шаг назад.

Не могу оторвать от него взгляд, но боковым зрением вижу, как Сава кладет шприц на полку.

— Не смей, — продолжаю я, почему-то шепотом.

— Ты сама нарываешься, — шепчет Сава, перестав улыбаться. — Тебя спасает сейчас только то, что за дверью ждет хозяин дома.

— Но я же могу сама, — настаиваю я. — Тем более что ты сам сказал, Роман Васильевич ждет, — киваю в сторону двери.

Через секунду Сава уже нависает надо мной будто скала.

— Мне больно, — тут же напоминаю я ему. Хоть какая-то польза от ранения.

— Я помню, — говорит он, прежде чем развернуть меня спиной к себе и шлепнуть по заднице. Не успеваю возмутиться, как его ладонь накрывает мою попу, оглаживая. — Ты так вкусно пахнешь.

Его шепот проходит по всем моим нервным окончаниям, заставляя непроизвольно задрожать.

— Я грязная, — шепчу я, пытаюсь опровергнуть его слова, и поздно понимаю, как двусмысленно это прозвучало.

Прижимаясь к моей попе своими бедрами, давая мне почувствовать твердость своего члена даже через слои одежды, Сава будто клеймит меня.

— Я бы хотел сделать тебя еще более грязной, — шепчет он, как я и подозревала, неправильно все поняв.

— Я имела в виду, что... — поступательное движение его бедер заставляет меня замолкнуть на полуслове.

Его ладонь накрывает мое горло, из-за чего мне приходится запрокинуть голову на его плечо, а рука на пояснице заставляет прогнуться в позе готового для стрельбы лука. Мои чувства как натянутая тетива, еще одно касание, и я потеряюсь в своих эмоциях, отдаваясь на его милость. Жар его тела, дыхание, что мурашками разбегается по моей коже, сводят с ума. Прикрыв глаза, дышу через раз.

— А ты боялась, — его слова возвращают меня на землю. Сава стоит за спиной, прижимаясь ко мне всем своим телом, потираясь своими твердыми бедрами, будто никак не может перестать касаться меня. Его ладонь ласкает кожу на моей шее, медленно спускаясь к ключицам.

Через секунду до меня доходит, что, пока я теряла себя в его объятиях, он все это время играл со мной, преследуя свою цель. Чувствую себя дурой. Прикрываю глаза, но в этот раз уже по другой причине. Главное сейчас — не расплакаться.

Резко вырываюсь из его рук, и боль простреливает плечо так, что в глазах темнеет. Тело немеет, и я чувствую, как падаю. Судя по тому, что я не ощущаю боли от удара, Сава меня все-таки поймал.

— Что ты творишь? — слышу знакомую злость в его голосе.

— Я думал, ты ее лечить собрался, а ты калечишь, — слышу голос Романа Васильевича, будто находясь под водой.

Заставляю себя открыть глаза, из которых, вопреки моей воле, стекают слезы.

— Ты не говорил, что у нее огнестрел. Это серьезно? — вопрос хозяин дома заставляет тело Савы напрячься. Он не так уж и безмятежен, как хочет казаться.

— Долгая история, — отвечает Сава, прижимая меня к себе сильнее.

— А мы, кажется, никуда не спешим, — отрезает Роман Васильевич. — Положи ее уже на кровать, — приказывает он.

На мое удивление постель пахнет кондиционером для белья. Боль немного утихает, и я наконец могу свободно вздохнуть. Вполуха слушаю рассказ Савы о наших приключениях. Мысли путаются, и мне кажется, что я уже сплю.

— Да уж, — слышу голос Роман Васильевича, — вляпались вы по самое не балуй.

— Ты об этом что-то знаешь? — спрашивает Сава, и я слышу в его голосе настороженность.

— Никто о таком не знает, а если знает, то помалкивает, — отрезает его бывший начальник. — Не думал, что так быстро снова с этим столкнусь.

Они оба замолкают, и в тот момент, когда мне показалось, что я окончательно провалилась в объятия Морфея, почувствовала, как меня укрыли чем-то теплым.

— Что собираешься делать? — вопрос Романа Васильевича заставил засомневаться в том, что это просто сон, но как я ни старалась открыть глаза, так и не смогла.

— Убрать всех, кто может ей навредить, — голос Савы прозвучал настолько холодно и

незнакомо, что я обрадовалась, что сплю и что все это всего лишь глупый сон.

— Ты же понимаешь, что это практически невозможно, — почему-то в тоне хозяина дома звучит восхищение. — Только не в одиночку.

— Я не один.

— У тебя есть на кого положиться? — спрашивает обеспокоенно Роман, — Ты в них уверен?

— Мои парни чисты, — быстро отрезает Сава, а хозяин дома начинает хрипловато смеяться.

— Чего морщишься? Ты уже думал об этом и пришел к тем же выводам, — настаивает он, — Иначе тебя здесь бы не было.

— Они ни при чем, — не соглашается Сава. — Я уже сказал тебе почему к тебе пришел.

— Приму это за чистую монету, — в голосе Романа слышка насмешка, — Так от меня тебе что надо? — спрашивает недобрым тоном хозяин дома. — Чтобы я твою зазницу понячил? — под конец его слова звучат совсем злобно.

— Только тебе я могу ее доверить, — отвечает Сава. — Если они найдут ее раньше, чем я их, я должен быть уверен, что она в руках того, кто сможет позаботиться о ее безопасности.

И снова тишина, что давит на нервы.

— Ты мне в уши-то не заливай, — наконец отвечает Роман Васильевич. — Но ты прав, так легко они не откажутся от своей цели. Для этого они слишком боятся потерять свою власть и свои деньги.

— Ты говоришь так, будто знаешь, кто они, — даже я слышу в голосе Савы незадачный вопрос.

— Мы с ее дедом служили в одном полку, еще до того, как нас стали распределять как отборный скот по разным категориям. Оценивая нас, будто мясо. Тогда мы гордились этим и не знали, что это сравнение не в бровь, а в глаз. Они тогда решали, кто из нас пойдет как пушечное мясо, а кто станет элитным бойцом и будет ценен в будущем.

Роман Васильевич замолкает, и я снова делаю попытку проснуться. Сердцем чувствую, что мне не понравится то, что я услышу.

— Много лет спустя, когда по их приказу положили почти всех моих парней, я наконец прозрел, — продолжает Роман Васильевич. — Но сколько тогда ни пытался убедить Арсения, он не хотел слушать. — Я затаила дыхание. — Только потом я понял, что и он был замешан во всем этом. Кровь наших парней была и на его руках.

Снова гнетущая тишина. Пока я пыталась уложить в голове услышанное, уговаривая себя в том, что все это неправда, разговор продолжился, заставляя меня вынырнуть из полудремы.

— Ты думаешь, что ее дед подставил ее специально? — спрашивает Сава, а у меня сердце спотыкается в груди от его слов.

— Судя по тому, что ты рассказал, — отвечает Роман Васильевич, — ее поместили. И отслеживали ее по этому маячку спецы. И то, что Арсений сбежал, как только раскопали документы, и так и не вышел на связь, говорит не в его пользу, — он снова замолкает на секунду. — Но я могу точно сказать, что по отношению к ней он бы так не поступил. Его сын был единственным, из-за кого он мог пойти на все. Она — единственное, что осталось от него. — Не успеваю я перевести дыхание, как слышу: — Они бы не потерпели угрозы своей власти, так что уверен, что Арсения уже нет в живых.

Рыдание вырывается из меня, как поток воды прорывает плотину. Не могу сдержаться. Нет, не может быть.

— Малышка, — голос Савы проникает сквозь стену моего отчаяния, — прости, — шепчет он, обнимая меня, но его объятия не способны меня сейчас согреть.

— Он жив, — шепчу я сквозь слезы. — Он бы никогда...

— Конечно жив, — соглашается он. — Я обещаю, я его найду.

Почему я ему верю? Только ему.

Сава

Слова Романа меня не удивляют, а рыдания Киры заставляют задуматься о том, что все слишком очевидно, особенно если ты знаешь, кто эти загадочные «они». Я почти уверен в том, что Роман в курсе их личностей.

Обнимаю Киру и осушаю поцелуями ее слезы. Сердце разрывается от того, как горько она плачет. Будто заранее оплакивает свою потерю.

В душе я был согласен со словами Романа, давно это подозревал, но сейчас не мог бы сказать ей ничего подобного. Потому и дал ей свое слово и сделаю все, чтобы выполнить это обещание, ради доверия, что я видел в ее глазах.

Кира засыпает в моих руках, продолжая тяжело вздыхать, как маленький ребенок после долгого плача. Поворачиваю ее так, чтобы меньше тревожить ее раненое плечо. Пересиливаю желание остаться с ней в кровати.

Предстоит решить много проблем, прежде чем смогу позволить себе насладиться своей Малышкой сполна. Оставляю на ее лбу поцелуй.

Как быстро для меня стало нормой укрывать и целовать ее, искать ее взглядом и думать о ней, когда ее нет рядом.

И несмотря на то, что такие эмоции меня немного пугают, мне нравятся чувства, которые она во мне будит. И пусть иногда они как вулкан, заставляют меня взрываться, я бы не отказался от них никогда.

Нашел Романа в соседней комнате. Кира не видела ее, так что не в курсе, что мы находимся практически в крепости. Здесь, в отличие от передней витринной комнаты, была современная техника, в лучших традициях шпионских фильмов. Мой бывший начальник так и не отошел от дел. И не окажись я в такой ситуации, я не был бы уверен в том, что хочу знать, чем именно он занимается. Но на кону жизнь Киры, и я пойду на все, чтобы ее защитить.

— Судя по тому, что ты решил раскрыть мне свое логово, думаю, тебе есть что мне рассказать.

— Можешь быть в этом уверен, — отвечает Комаров. — Садись, — кивает он мне на соседнее кресло.

Я открыл рот от удивления, когда мой бывший начальник, потерявший много лет назад на задании ногу, вдруг встал и сделал несколько шагов твердой походкой.

— Такого я не ожидал, — усмехаюсь я, понимая, что он сделал это специально, чтобы увидеть мою реакцию.

— Не ожидал, но все равно пришел ко мне, когда понадобилась помощь, — Роман усмехнулся, приподняв бровь.

— Я знал, что смогу на тебя положиться, — отвечаю я. — Ты мог быть тем еще козлом и доставать нас во время тренировок, но, когда касалось дела, всегда был на нашей стороне.

— Ты пришел за помощью, и я тебе ее окажу, — отвечает он, после недолгого молчания садясь обратно в свое кресло. — Но одного тебя в дело не пушу. — Прежде чем я успеваю возразить, он поднимает руку, останавливая меня. — Это мое условие. Я обеспечу ей защиту, если ты согласишься на сопровождение.

— Как ты это провернешь, если будешь со мной? — возражаю я. — Одну я ее не

оставлю.

— С тобой пойду не я, — качает он головой, — а мои ребята.

Я выпадаю в осадок от его слов.

— С этого момента поподробней, — предлагаю я. — Что это значит?

Вместо ответа Роман клацает по клавиатуре, и на большом экране появляются фотографии незнакомых парней.

— Это моя команда, — сообщает Роман. — Все спецы. Познакомлю тебя с ними, если согласишься.

— Я положу голову на плаху, если некоторые из них не иностранцы, — говорю, рассматривая фотографии. — Вот этот уж точно не наш, — тыкаю я в фото, с которого улыбается темноволосый молодой парень восточного типа внешности.

— Это уж точно, — усмехается Роман, — но их национальность и этническая принадлежность не важны, — отрезает он, — важно только то, что они знают, как именно пользоваться оружием и, самое главное, зачем.

— И зачем? — я должен быть уверен, что Роман не превратился в фанатика за то время, что я его не видел.

Мой бывший начальник всматривается в мое лицо, будто что-то ищет в моих глазах.

— Почему ты хочешь ее спасти? — спрашивает он вместо ответа. — Если бы она тебе не приглянулась, ты бы точно так же радел за нее? Ушел бы из отряда? Ты же понимал, что для тебя это путь в никуда, но все равно ушел. Ответь мне, ты бы поступил так же, не согревай она твою постель?

— Это не имеет значения, — качаю я головой.

— Только это и имеет, — не соглашается он. — Просто ответь на мой вопрос.

Я задумываюсь на секунду.

— Я ничего не изменил бы, — отвечаю я. — И это правда. Будь на месте Киры ее дел или любой другой, я бы сделал то же самое. Конечно, за исключением некоторых нюансов, — усмехаюсь, — но моего выбора ничто бы не изменило. Я бы встал на защиту того, кто в этом нуждается.

— Вот в этом-то и дело, — улыбается Роман. — Я ушел, потому что не хотел быть под теми, кто служит только себе. Обогащается за счет чужих жизней и никак не может насытиться. Эти парни, — кивает в сторону монитора, — как и ты, сделали выбор спасти чью-то жизнь, и сегодня они здесь, со мной и продолжают работать на благо людей.

— И чем же вы занимаетесь? — задаю я главный вопрос. — Хотя нет, не хочу знать. Меня интересует только то, что касается Киры.

— Мы делаем то же, что собрался сделать ты, — отвечает Роман, — только до этого дня задания были не столь масштабны. В основном убирали дилеров и поставщиков.

О чем он, черт возьми?

— Я расскажу все, что знаю касательно этого дела, если ты согласишься на сопровождение, — напоминает он.

Выбор у меня не большой, и Роман это знает. Я не могу сейчас отступить и не собираюсь, так что мой ответ очевиден. — Я согласен. — Но решаю подстраховаться: — Но это не значит, что я в твоей группе, — предупреждаю я его. — Только эта миссия и только эти цели.

— Я согласен, только потому, что знаю, что в конце ты выберешь правильное направление, — усмехается Роман. — Но вначале немного о тех, с кем тебе придется

работать. Мы не подчиняемся одному начальнику. У нас сеть свободных охотников, — продолжает он, и мне становится интересно. — Некоторые объединяются в группы и избирают себе лидера, скорее, я бы назвал его капитаном. Некоторые остаются одиночками. Принцип работы в том, что мы приходим на помощь друг другу, когда это нужно. На дело идем только после тщательного планирования. Самое главное — безопасность и, конечно же, секретность. Мы не светим своим исподним перед миром.

— Как вы выбираете цели? — задаю я самый важный вопрос. — Кто решает, кого «усыпить»?

— Не всегда приходится, как ты выразился, усыпить, — усмехается Роман. — Иногда хватает внушения или шантажа. Каждая команда работает по-разному. Но и без «усыпления» не обходимся. Как ты решился на то, чтобы спасти эту девушку? — задает он встречный вопрос.

— Я не знаю пока, кто они, — отвечаю, сам не понимая, зачем ему это знать, — но загонять ее как животное на охоте — это уже слишком. С момента, как я вывез ее из укрытия, мы и минуты в покое не сидели. Как итог, она ранена и нам некуда идти, — объясняю я. — Кто бы ни стоял за всем этим, он пытается скрыть свои секреты, уничтожая всех на своем пути. Он заслуживает быть уничтоженным в ответ.

— Согласен, — кивает Роман. — Тот, для кого не имеет ценности чужая жизнь, и на свою может цену не набивать.

— Ты знаешь, кто они, — не спрашиваю — констатирую я.

— Знаю, — соглашается мой бывший начальник, продолжая задумчиво за мной следить, — Те кого ты хочешь убать не просто люди. Это целая сеть раскинувшая свои щупальца на весь мир. И это не метафора чтобы привлечь твое внимание, а факт.

От его слов становится не по себе.

— У кого-то очень длинные руки. Перепродавать списанное оружие — это тебе не в песочнице искать, — присвистываю я. — Кто они?

— В нашей стране их пятеро, — сообщает Роман, выводя на экран новые фотографии, — Покрайней мере те о ком мы знаем. И поверь информация о них на дороге не валялась. Хвосты за собой они подчищают знатно, не подкопаешься.

— Это я уже понял, — вырывается у меня, когда я вижу знакомое лицо. — Подожди-ка, он же брат министра обороны, — доходит до меня.

— Именно, — кивает Роман. — Тут замешаны не только отдельные личности, но и вся верхушка минобороны в целом. Выгоду получают все.

— Остальные кто? — спрашиваю, и Роман начинает знакомить меня с теми, кто охотится за моей Малышкой, точнее, с теми, кто желает ее смерти, а значит, им самим недолго осталось жить.

— Второй — сын начальника генерального штаба, и трое заместителей министра обороны, — сообщает Роман, открывая еще одну фотографию, на которой несколько мужчин в окружении президента. — Об их участии мы знаем точно и их вина доказана.

Слов нет, одни эмоции! Перевожу взгляд на Романа когда он многозначительно замолкает. — Но я уверен в том что сами чиновники погрязли в этом говне не меньше чем их родня и подчиненные, — выдает Роман и это уже совсем не игра. Убрать должностных лиц без сучка и задоринки не получится, — Вот тебе и тема для размышлений. Ты же останешься до утра?

Мысли не дают покоя даже после того, как Роман ушел к себе, а я направился к Кире.

Осознавать, что ты всю жизнь сражался ни за что, все равно, что оказаться вдруг на краю пропасти. Заглянуть в пустоту и понять всю тщетность своих действий.

Я не чувствительный ни разу, но при воспоминании тех, кто положил свою жизнь, друзей, которые остались на задании и больше не вернутся никогда, внутри будто лёд сковывает сердце. Тёмная, бездонная, бесконечная ярость.

Обнимая Малышку, вдыхаю её аромат, и сердце немного успокаивается, но мне ее мало, нужно больше.

Я нуждаюсь в ней, в ее тепле, и даже то, что она ранена, не может остудить моей потребности в этой женщине.

Медленно стягиваю с ее бедер трусики и задираю повыше футболку, чтобы не мешала. Шелковистая кожа обжигает мои ладони.

Через несколько минут настойчивых ласк и поцелуев она наконец с тихим стоном просыпается. Поворачивает ко мне свое сонное личико. Обхватив ее грудь ладонями, делаю поступательное движение бедрами, касаясь ее попки своим членом. Обозначаю, так сказать, свое намерение.

Какая же она красавица.

В который раз поражаюсь тому, как идеально её грудь вписывается в мои руки, будто создана для меня.

— Сава, — не протест, но напоминание.

— Ты мне нужна, — шепчу, пристраиваясь к ней со спины, лаская её шею губами.

Закидываю её ножку на свое бедро, раскрывая её для себя. Одной рукой продолжаю ласкать её грудь, а второй стремлюсь к средоточию её удовольствия. Малышка уже влажная для меня, горячая. Моя.

Её тихие, сдерживаемые стоны заставляют меня стремиться сорвать её скромность, заставить забыть обо всем и гореть для меня, точно так же, как я горю для неё.

Как же я хочу сейчас перевернуть её на спину и оказаться между её трепещущих ног. Окунуться в её сладость и заставить кричать свое имя, ловить её оргазм и кайфовать только от вида получившей бешеное удовольствие Малышки. Но рана на её плече не позволяет мне следовать за своими желаниями, и мне остаётся только ласкать её всюду, куда я могу дотянуться. Она слишком ярко реагирует на мои прикосновения, слишком быстро сдаётся, и это срывает мне крышу напрочь. Стоит только погрузить в её влажную узкую дырочку кончик пальца, как её тело в моих руках напрягается, сообщая мне о том, что она уже у финиша. Отступаю под ее стон-протест, чтобы ворваться в нее своим окаменевшим, жаждущим ее членом. Она настолько узкая, несмотря на то, что течет для меня, что я заставляю ее дырочку растянуться и принять меня полностью. Рай и ад одновременно.

Держу Малышку в крепких объятиях, не позволяя ей двигаться, в то время как сам тараню её в бешеном темпе. Дрожь ее мокрых стенок вокруг моего члена зовет меня в рай, но мне этого мало. Её слишком мало.

После того как Кира откидывает устало свою голову мне на плечо, я немного замедляюсь. Для меня это пытка. Но желание видеть, как она снова и снова сдаётся своей страсти, уступает свое тело и доверяет свое удовольствие мне, заставляет искать, как наркоман свою дозу, все новые и новые возможности толкнуть её через эту грань.

Мое терпение кончилось, и движения становятся хаотичными и быстрыми. Сознание отступает, отдаваясь на волю инстинктам.

Малышка кричит моё имя, забыв о своих страхах и смущении. Вот такой она должна

быть: гореть от страсти в моих руках. Чувствую, что моя девочка снова подошла к краю удовольствия, но в этот раз я хочу упасть в эту пропасть вместе с ней. Ускоряюсь и меняю амплитуду движения, одновременно находя её клитор и нежно его полирую. Секунда, и моя отзывчивая девочка сжимает мой член до искр в глазах. Продолжаю таранить ее дрожащее тело, пока она дугой выгибается в моих руках.

— Сава! — её крик как спусковой крючок, заставляет меня отдаться своему оргазму.

Я умер. Я воскрес.

В глазах белые вспышки, и тело трясёт так, что, кажется, кровать подо мной ходит ходуном. Только с ней так.

Сжимаю ее в своих объятиях. Принимая как дар трепет ее тела, и рваное дыхание, и бешеный стук сердца под моей рукой.

Только с Малышкой секс превращается в нечто, отчего меня выворачивает наизнанку каждый раз.

Возможна, она слишком опасна для меня. Опаснее чем те, кто ей угрожает.

Кира

Просыпаться не хочется, тело приятно ноет, и даже плечо не беспокоит.

Запах Савы окутывает как мягкое облако и уже привычно успокаивает. Вспомнив, как проснулась ночью от его ласк и что он творил, смущенно прячу лицо в подушку.

Как может тело реагировать на него так остро, на грани безумия? Сама себе поражаюсь, но от этих ощущений отказаться не могу.

Открываю глаза, ожидая наткнуться на его спящий силуэт, но встречаю только пустую постель. Какая же я глупая! Будь он в кровати, я бы ощутила его закинутую на меня ногу или руки. Сава не может спать спокойно, даже во сне заявляя на меня права.

Непонятная тревога закрадывается в сердце. Он, наверное, на улице. Чего я так нервничаю, не пойму?

Тело вмиг становится тяжелым и неповоротливым. Теряется ощущение легкости, будто на яркое солнце налетели темные тучи.

Как можно быстрее одеваюсь и иду на выход.

Дверь открывается раньше, чем я успеваю ее коснуться. В комнату вкатывается бывший начальник Савы. Воспоминания о моих криках прошлой ночью как стрела вонзаются в мой мозг, и я не знаю, куда деть глаза, но в следующую секунду впиваюсь в него взглядом.

— Где Сава? — не выдерживаю его молчания я.

— Ты чего встрепенулась так? — улыбается он вместо ответа, отчего плохое предчувствие только усиливается. — Жив-здоров твой красавец.

— Роман Васильевич, где он? — настаиваю я.

— Чего же так официально, — продолжает он гнуть свое, — можно просто Роман, не настолько я и старый. Но под моим взглядом он наконец сдается: — Отбыл он ненадолго, попросил о тебе позаботиться, — подтверждает хозяин дома мои подозрения.

Прикрываю глаза. Чего-то подобного я, наверное, подсознательно и ожидала. Этот негодяй бросил меня тут и ушел. Прошедшая ночь в связи с тем, что он сделал, теперь виделась совсем в другом цвете.

Оттрахал напоследок и ушел. Какая же я глупая дура! На миг мне показалось, что я для него что-то значу. Идиотка. Вот так разбиваются глупые надежды о реалии жизни. Но мне не впервой. Переживу. Ведь переживу же?

— Ты не переживай, он туда и обратно, — говорит Роман, где-то за гранью моего восприятия. — Оглянуться не успеешь, как он будет уже тут.

— Спасибо, что приглядели, — благодарю я, направляясь к скамье, где лежит мой рюкзак. Убеждаюсь, что там все то же, что я собрала в казарменном складе, — но, думаю, мне уже пора.

Не объяснять же ему, что меня банально кинули и даже в лицо попрощаться не захотели. И несмотря на то, что в горле стоит ком и я чувствую, что вот-вот расплачусь, я все-таки сдержусь.

— Ты не горячись, — голос Романа звучит уже более серьезно, без этих покровительственных ноток, — подожди его денек-другой, он вернется.

— Передавайте ему от меня привет, — бросаю я, обуваясь.

Нужно быть сильной, впрочем, как всегда. Слишком я расслабилась, доверилась. По

сути, Сава не давал мне никаких обещаний и ничего мне не должен, так что я сама виновата в собственных ожиданиях и в том, что они не исполнились. Он предлагал наслаждаться жизнью, а я поддалась. Вот и все.

— Кира, не пори чепухи, — вдруг меняет тон Роман, явно начиная злиться. — Он сейчас твою проблему решает, самое малое, что ты можешь сделать, — это подождать его в безопасности.

На секунду от его слов замираю. Вот как все это выглядит со стороны? Я — капризная, неблагодарная девка, а Сава — мой благородный рыцарь? И что значит «твою проблему решает»? Возможно, он решил так все преподнести своему бывшему начальнику, не говорить, что пытается отвязаться от проблемной девки. А я ведь и вправду проблемная. Смотрю на Романа и понимаю, что не могу ранить его чувства таким образом, и решаю пойти другим путем:

— В безопасности? Здесь, что ли? — обвожу я комнатку подбородком, закончив завязывать шнурки. — Нас нашли там, где, по идее, не должны были, — объясняю я ему. — Они шли убивать. И убили бы, если бы со мной не было трех вооруженных и натренированных мужчин. А сейчас здесь только вы и я, — поднимаю я руки. — Самое лучшее в данной ситуации, что я могу сделать, — это просто уйти. И вам советую спрятаться так, чтобы вас не нашли, — говорю я, закидывая на плечо рюкзак. — А лучше всего — уехать к родственникам куда-нибудь подальше. У вас же есть, к кому поехать? — спрашиваю я с надеждой. Сама же раздумываю, что буду делать, если он ответит, что нет. В таком состоянии оставить его одного не смогу, это точно.

— Что ты собралась делать? — спрашивает Роман, выкатываясь в середину комнаты.

— Это уже не важно, — отвечаю я, обходя его и направляясь к двери. — В любом случае вам безопаснее вдали от меня, чем рядом, — говорю скорее себе, чем ему.

— Я и подзабыл уже, какие у нынешней молодежи заскоки, — слышу за спиной. — Все сам. И бабы туда же, — слишком близко звучит его голос.

Резко оборачиваюсь и замираю, от шока вытаращив глаза. Роман стоит на своих двоих. Мало этого, он делает уверенный шаг мне навстречу.

— Ну и чего ты замерла? — усмехается он. — Помоги уже калеке.

— Вы ходите?! — возмущено вырывается у меня.

— И что?

— Но вы... ходите, — я не могу поверить в то, что он солгал об этом. Зачем?

— Это что, законом запрещено кататься в кресле-каталке, если хочется? — спрашивает он так, будто это не он, а я виновата.

— Вы солгали, — говорю я, складывая руки на груди. Не доверяй ему Сава, я бы уже треснула его чем-нибудь, а так только вопросом и ограничусь: — В чем же еще вы солгали?

— Умная девочка, — его улыбка становится шире. — Пойдем, — кивает он мне следовать за собой, но вместо того, чтобы пройти ногами, снова садится в коляску и катится.

Пропускаю его вперед, с удивлением наблюдая за тем, как он подъезжает к двери, которую ранее я приняла за чулан. Вхожу за ним. В комнатке метр на метр отсутствует задняя стена, а вместо нее узкий коридор, уходящий куда-то вглубь. Удивленно таращусь на новые камеры слежения и инфракрасную тревожную нить. Что это?

В конце пути оказываюсь в большой комнате с несколькими дверями, современной маленькой кухней. Но не это удивляет больше всего, а то, что комната обставлена мониторами на всю стену, и, судя по разным мигающим изображениям на них, это пункт

слежения. Определенно, у него тут есть и выход в интернет.

— Вы хакер? — спрашиваю я, не отрывая взгляда от волшебной стены.

— Я бы так не сказал, — отвечает Роман, заставляя меня посмотреть на него, — скорее координатор.

— Можно мне воспользоваться вашей сетью? — спрашиваю я, продолжая оглядываться. Одна стена явно с сюрпризом внутри. — А здесь что?

— А ты, оказывается, очень любопытная, — усмехается Роман, снова поднимаясь на ноги и нажимая на край стены, из-за чего та выходит, открывая взору стеллажи, наполненные оружием, — когда не глупишь.

Бросаю на Романа быстрый взгляд. Кажется, он доволен произведенным на меня эффектом. Никогда не любила оружие, но мне хватает беглого взгляда, чтобы понять, что у него тут имеется даже то, чего пока еще, насколько мне известно, нет в продаже.

— Так можно? — напоминаю я о своей просьбе.

— Что? — он, кажется, надеялся, что я забуду обо всем, увидев его немаленькую коллекцию пугачей.

— Воспользоваться сетью? — настаиваю я. — Мне очень нужно.

Слова Романа о том, что мой дед — предатель, не дают мне покоя. Спрашивать у него о том, что я слышала, не имеет смысла. Мне нужно услышать обо всем от деда. В его смерть я не верю, как и в то, что он бросил меня.

Насчет чипа отслеживания нам с ним еще предстоит побеседовать. И когда только умудрился установить? Или это не он? Тогда кто? И самое главное, как я могла этого не заметить? Это ведь не комарик укусил.

Голова кругом от мечущихся в голове вопросов.

Но прежде всего мне нужно его найти и желательно до того, как с ним что-нибудь случится.

— Можно, — выдавливают он наконец из себя. — Сеть безопасна, так что тебя вряд ли смогут отследить, — говорит он, кажется, сам себя уговаривая.

Я быстро сажусь к монитору, бросая рюкзак под ноги, пока он не передумал. Запускаю свой код. Спиной чувствую, что Роман встал рядом, но мне сейчас не до него. Нужно убедиться, что сигнал дедушки все так же работает.

Ожидание как настоящая пытка. Почти не дышу, пока система выдает одно окно за другим с новыми данными об активности объекта.

— Слава богу, — выдыхаю я, увидев, что дедушкин сигнал сработал всего полчаса назад.

— Что это ты делаешь? — вопрос Романа застаёт врасплох. Совсем о нем забыла. — Ты его отслеживаешь? Это ведь то, о чем я думаю?

— Это мой проект, — отвечаю ему, запуская более детальную проверку. Надеюсь, смогу выяснить состояние его здоровья и где он находится.

Боковым зрением вижу, что Роман опускается в соседнее кресло, но решаю на него не отвлекаться, так что продолжаю под его пристальным взглядом набирать команды. Интеллектуально моя программа адаптирована к обучению, но я так и не успела эту функцию протестировать. Наверное, это и было той тайной причиной, по которой я не стала ее презентовать военным.

Час спустя я наконец убедилась, что с дедушкой все в порядке. Теперь ИИ мог отслеживать колебания его сердечного ритма. Последнее время он чувствовал себя неважно, но показатели в принципе не особо выходили из нормы. Вторая хорошая новость была в том,

что моя программа работала, она обучается, это не могло меня не радовать. А вот местоположение дедушки выяснить не удалось. Что-то тут не то. В следующий раз надо будет это учесть.

— А будет ли он, этот следующий раз? Встретимся ли мы снова? — бормочу себе под нос, но это не ускользает от мужчины, о присутствии которого я уже и забыла.

— Если это тот, о ком я думаю, то встретитесь, — говорит Роман, кладя руку мне на плечо. — Он всегда был упертым старым козлом. Если еще жив, то обязательно тебя найдет.

— Вы сказали, что он был предателем и что он специально меня подставил, — обвиняю я, сбрасывая его руку: не нужна мне его поддержка.

— Я сказал так, как думал, — отвечает Роман, смотря мне в глаза. — Я не лукавлю. В прошлом он был на стороне тех, кто сегодня на тебя охотится.

— У вас есть доказательства? — спрашиваю я, сжимая зубы.

Я не слепая наивная дура, но надежда, что все не так, остается во мне вопреки всему. Если есть доказательства, я их изучу и решу, как мне поступить. Никто не безупречен, и я тоже.

— У меня их нет, — говорит он, а я облегченно выдыхаю, — но все указывало на это.

— Что все? — злюсь я. — То, что он не согласился с вашим мнением? Или то, что не пошел наперекор своему начальству? Вы говорите так, будто знаете моего дедушку, но вы его не знаете, — бросаю я. — Он патриот своей страны, он последний, кто пойдет против системы, которую поклялся защищать! — уже почти кричу я. — Он всегда верен своему слову и знает, что такое честь, — выдыхаю я последние слова, вытирая слезы, что застилают глаза.

— Прости, — Роман встает. Но снова садится обратно. — Возможно, я понял не так, но я сказал о своих подозрениях. Он не захотел меня тогда слушать. Встал горой за тех, кто был замешан в грязных делах. И да, он всегда горой стоял за систему, которая не работает.

— Нельзя вот так просто обвинять человека в смерти других, — качаю я головой.

Мы оба замолкаем, каждый думая о своем.

Я не хочу верить в то, что дедушка способен на такое, но в глубине души я знаю, что он никогда не показывал мне ничего лишнего и всегда пресекал недовольные разговоры. Но все-таки мог ли он знать и ничего не сделать? На этот вопрос я не могла дать категоричный ответ. И именно это меня и тревожило.

Интересно, Сава решил уехать, потому что поверил словам Романа? Но какая разница, что натворил мой дед, если он думает, что я не его внучка? И кстати, а почему он так и не поведал об этом Роману?

— Расскажешь? — кивает мужчина на монитор. — Очень интересно.

— Ничего особенного, — скромничаю я, но понимаю, что погорячилась и смена темы — это то, что нам сейчас нужно, — всего лишь небольшая наработка.

— Но делает она, как я понял, не самую простую вещь, — улыбается он, и я сдаюсь.

Объясняю ему в общих чертах, что делает простой код, если знать, как он работает.

— Я сделала деду новый телефон, — делюсь я. — Точнее, доработала старый. Идея была внедрить механизм в тело человека, но, не зная, как он будет работать, я приняла решение попробовать с тем, что мы всегда носим с собой.

— Ты поставила в телефон жучок? — уточняет Роман.

— Нет, конечно. Это слишком просто, и его легко можно отследить. Скорее, я вшила в аппарат генномодулятор и загрузила ИИ.

— Что это? — ему действительно интересно, судя по тому, как горят его глаза.

Когда я пыталась рассказать о своей работе деду, он всегда отмахивался от меня. Ему было это неинтересно. Наверное, поэтому я поведала Роману больше, чем кому-либо когда-либо с того момента, как начала работать над этим проектом. Он хотел знать, и ему было не все равно.

— Искусственный интеллект, — пояснила я, — это... как бы сказать... электронный мини-мозг. Он обучается на основе команд, которые задает ему человек. А генномодулятор — это то, что не позволяет никому, кроме того, кому принадлежит аппарат, включать и использовать определенные функции вроде местоположения и состояния здоровья носителя.

— Но это же легко можно решить, просто отключив телефон, ну или дождавшись, когда он сам выключится, — напоминает мне Роман.

— В обычном аппарате — да, но я доработала батарею, и даже при выключенном телефоне сигнал будет поступать еще как минимум неделю, — поясняю я. — И, как видите, я не ошиблась, все работает.

— Это просто невозможно, — Роман окидывает меня восхищенным взглядом. — Ты гений.

Мне лестна его реакция, и я даже на несколько минут забываю о том, что сейчас вокруг меня происходит. Но минута славы проходит, и мои мысли снова возвращаются к Саве, хоть я пытаюсь отбросить их и не думать о нем. Боюсь, подобные мысли меня до добра не доведут.

— Кажется, ты устала, — привлекает мое внимание Роман, когда я ловлю себя на том, что необдуманно потираю раненое плечо. — Думаю, тебе нужно отдохнуть. День был... трудный, — выдает Роман, шокируя меня.

Смотрю на часы и не могу поверить, что мы просидели здесь до самого вечера. Как быстро пролетело время.

— Ты сможешь уйти завтра, если не передумаешь, — снова привлекает мое внимание Роман. — Сегодня уже слишком поздно.

— Мне нужно решить, что делать дальше, — делюсь я своими сомнениями, поднимаясь.

— Тебе незачем переживать, он вернется, — настаивает меня голос Романа, заставляя обернуться к нему. — Я о Саве.

Я просто киваю, нет сил объяснять ему, о чем именно я переживаю.

— По глазам вижу, не веришь, — продолжает он. — Я знаю его с того момента, как он пришёл ко мне в часть. Восемнадцатилетний, совсем пацан еще. Но он и тогда знал, чего хочет от жизни, в отличие от своих сверстников.

Услышать историю Савы от того, кто знал его ещё практически ребёнком, стало приятным сюрпризом, и я замерла, желая узнать больше.

— Он был самым упертым в роте и самым перспективным. Всегда добивался поставленных целей. — Слушаю Романа, затаив дыхание. — Во время совместной службы ты видишь людей со всякой стороны, иногда и сказать-то стыдно, что они вытворяют, но таким, как рядом с тобой, я Саву никогда не видел.

Сейчас, после слов Романа, я остро ощутила, что мы друг друга толком и не узнали.

Что между нами было? Ничего, кроме секса. От этого стало ещё грустнее.

— Спасибо, что рассказали, — решаю уйти, пока не проявила слабость.

— Да не за что, — отвечает он. — Только, кажется, это не шибко помогло, — летит вслед, но я делаю вид, что последних его слов не расслышала.

Пустая, разобранная постель, пахнувшая Савой, заставляет горло сжаться от тоски. Слишком близко, слишком тесно. Слишком. С Савой у меня всегда все слишком...

Никого к себе настолько не подпускала, даже своего бывшего жениха держала на более или менее отдалённом расстоянии, поэтому-то и смогла практически безболезненно вычеркнуть его из своей жизни. Но я нутром чувствую, что с Савой будет куда больнее.

Ведь даже сейчас я не могу себя заставить подойти к этой постели без него.

Сажусь на скамью у двери, смотрю в пустоту.

Кира

Ночь казалась бесконечной. Мучимая глупыми снами, утром я чувствую себя еще более разбитой и усталой, чем до этого. Что не преминул заметить мой «охранник».

— Краше в гроб кладут, — высказался, Роман стоило ему только увидеть меня в дверях свой берлоги.

— Спасибо, вы так тактичны, — усмехнулась я, садясь рядом с ним.

— Против правды не попрешь, — улыбнулся он. — Завтрак на столе, поешь и давай к делу.

Я встала, но после его слов села обратно и уставилась на него в недоумении.

— Будешь показывать мне, как ты все это сделала, — обрадовал он меня.

— Я не могу, — не согласилась я, — на это у меня абсолютно нет времени.

Роман откинулся в своем кресле и сложил руки на груди, внимательно меня слушая.

— Мне нужно найти деда, — пояснила я, стушевываясь под его пристальным взглядом.

— Позволь узнать, как ты собралась это сделать? — спросил он серьезно.

И я действительно задумалась. У меня не так уж и много вариантов. Если честно, у меня их практически и нет.

— Я пока не знаю, — ответила я честно.

Бардак в голове и мои душевные метания никак не помогали мне собраться с мыслями и выбрать, что дальше делать и как.

— Ты не оперативник и не солдат, — начал Роман загибать пальцы, — но ты не глупа и понимаешь, что в одиночку, ничего не зная, ты ничего не сможешь сделать, — Роман махнул рукой пресекая мои возражения. — Я предлагаю тебе возможность доработать твой проект. Отсюда ты можешь следить за состоянием Арсения, тем более ты убедилась, что с ним все в порядке. А также дождешься Саву в безопасности, как я ему и обещал. Потом решите, что делать дальше.

— Вы хотите сказать, что он знает больше, чем я? — указываю я на очевидное.

Роман кивает.

— Вы могли бы поделиться своей информацией и со мной, тогда бы и я знала, с чем имею дело и что мне делать.

— Только после того, как ты дашь обещание дождаться Саву, а также не делать глупостей.

Роман серьезен. В его словах есть истина, и я это прекрасно понимаю. Глупостью я вроде никогда не страдала.

Но что будет, когда он вернется? Если, конечно, вернется.

А в принципе, что я теряю?

Если даже Сава не вернется, Роман прав, мне нужна информация, и тут я могу спокойно ее добыть, а также могу следить за состоянием деда. Главное, что он жив.

— Я согласна, но при одном условии, — сообщаю я Роману, прежде чем он обрадуется. — Вы расскажете мне все, что знаете.

— Конечно, — соглашается Роман, — но у меня тоже есть условие.

— Я думала вы их все уже озвучили, — усмехаюсь я, вперивая в него внимательный взгляд.

— Ты поделитесь своими наработками и идеями, — шокирует он меня.

— Вам действительно это интересно? — не могу поверить я.

— Не было бы интересно — не просил бы, — усмехается он. — И еще одно: называй меня Роман и на «ты». А теперь марш кушать, — приказывает он мне, — не зря же я возился с завтраком с раннего утра.

— Спасибо, — благодарю я, — и не только за завтрак.

После завтрака, во время которого Роман, как я поняла, работал, пересмотрел много разной информации и потом, отправив кому-то сообщения, уселся перед развернутым на экране планом какого-то здания. Нацепив наушники, он вел кого-то невидимого по этой карте. Я молча сидела в сторонке, наблюдая за его работой.

Сава так же работает на заданиях? Эта мысль иглой впивается в мой мозг. Конечно так же. Просто Сава по другую сторону. Он тот, кого ведет координатор.

Зачем я о нем думаю?

Отбросив ненужные мысли, решаю занять себя, чем-нибудь полезным.

Примерно через час, когда я успела приготовить обед и убраться в своей комнате, в дверях появляется Роман.

— Ну что, готова? — спрашивает Роман, вкатываясь в комнату. — Прости, проголодался, — сообщает он мне, откусывая от бутерброда солидный кусок.

— А чем вам моя еда не угодила? — спрашиваю я, обидевшись.

— В смысле? — округляет он глаза.

— Я приготовила суп и мясо с овощами, — сообщаю я ему.

— Правда? Я думал, мне вкусный запах от голода мерещится, — усмехнулся Роман. — Давай накладывай, — потребовал он, выезжая в сторону кухни, — да побольше.

Он съел две тарелки супа и две порции мяса и довольно откинулся в своем кресле, поглаживая живот.

— С тобой, оказывается, надо быть поосторожней, — усмехнулся Роман добродушно, — а то закормишь меня до смерти.

— Я, что ли, вам насильно столько в рот пихала! — возмутилась я для проформы. Честно сказать, мне было приятно, что мою стряпню оценили.

— Давно я не ел так вкусно. Не оторваться, — улыбнулся он. — Так, — выпрямился, хлопнув себя по коленям, — пора за работу.

— Но вы же только что закончили? — удивилась я.

— Так это не я работать буду, а ты, — обрадовал меня Роман. — Давай показывай, что ты там умеешь.

Следующие три часа мы с ним разбирали, пусть и в легкой форме, принципы моего проекта. Несмотря на то, что ему вроде было интересно, я думала, что вникать в самую суть он не захочет, и оказалась не права. Он не только вникал, а еще требовал разъяснить мне даже самые незначительные детали.

— Это просто превосходно, — повторил Роман столько раз за все это время, что я сбилась со счета.

— Так, сделай мне прототип, и мы проверим его в поле, — сказал он в конце, тем самым огорошив меня. — Что? — я в ужасе уставилась на него. — Как в поле? Вот так сразу?

— А че тянуть быка за я... — Роман вдруг осекся, — ну ты поняла. Зачем тянуть-то?

— Но это же непроверенная методика и может не сработать, — начала я пояснять. —

Нужно учесть все нюансы и...

— Ну вот и учти, а потом и проверим, — кивает он, будто я уже на все согласилась.

— А если не получится?

— А если бы, а кабы... — отмахнулся Роман от моих сомнений. — Ты это мне брось. Я за разумные сомнения, но только разумные. Идея годная. Ты ее уже проверила, и она работает. Осталось доработать, чтобы сигнал и информация шли от самого объекта, а не от аппарата. Чтобы шансов на выживание было больше. На задании, знаешь ли, все, что может спасти тебе жизнь, бесценно.

Роман был прав, и я была готова перейти на другой уровень, когда с нами случилось все это, но как-то не ожидала что посреди всех этих событий у меня появится шанс продолжить свой эксперимент.

Я была уверена в успехе на девяносто девять процентов, так что мне очень хотелось продолжить.

— Хорошо, — согласилась я раньше, чем смогла все обдумать и испугаться своих мыслей.

— Напиши список того, что тебе нужно, — сразу перешел он к делу. — Возможно, что-то найдется на складе.

Дальше работа закипела.

Как Роман и предвещал, большая часть нужного мне оборудования и деталей нашлась у него в закромах.

Зная принцип и следуя тем же путем, который я уже однажды прошла, тысячу раз все перепроверив, я наконец сделала первый прототип.

— Готово, — обрадовала я Романа через два дня, принеся ему мое творение. — Осталось загрузить ИИ и можно пробовать, — выдохнула я едва слышно.

Неужели то, о чем я так долго мечтала, может вот так исполниться? Мне стало немного страшно.

Я помню день, когда решила рассказать об этом проекте деду. Он отмахнулся от меня, как от надоедливой мухи, но я продолжила настаивать, и только тогда он согласился. Но то, как поспешно, даже недослушав до конца мою идею, он сказал, что я должна продать ее военным, доказало мне, что ему это неинтересно. Я не хотела его расстраивать, хоть мне и было обидно. А вот сейчас абсолютно чужой человек хочет знать о моем проекте все. Мало этого, он предложил мне воплотить его в жизнь.

— Так, нужен подопытный, я правильно понимаю? — уточнил Роман, цепляя наушники.

Я согласно кивнула, а он уже с кем-то разговаривал по телефону.

— Какая разница, который час? — возмутился Роман, поднимая руку и бросая взгляд на часы. — Подумаешь, три утра, — отмахнулся он. — Тащи свою задницу сюда, — потребовал он от невидимого собеседника, — будем из тебя киборга делать. Я не шучу, — бросил он в трубку, прежде чем ее положить. Наши взгляды встретились, и он улыбнулся. — Мы, кажется, совсем забыли о времени, — покачал он головой, — а ты еще и ранена.

— Я в порядке, честно, — решила я пресечь его самобичевания.

— Сава с меня голову снимет, — пробубнил Роман себе под нос. — Так, давай на боковую, — скомандовал он, — утром нас ждут великие дела.

Согласно кивнув, быстро ретировалась к себе. Больше из-за того, что он продолжал верить, что я небезразлична Саве. У меня каждый раз при упоминании о нем ком вставал в

горле.

Глупое сердце спотыкалось и начинало бешено биться, и я не знала, как мне справиться с такой реакцией своего тела. Да и ночами его образ мучил меня, так что я не высыпалась и утром чувствовала себя так, будто по мне поезд проехал. И только работа меня немного спасала, давая возможность думать о чем-то кроме него.

Вот и сегодня я, закрывшись у себя, снова пустилась проверять все по новой.

Вдруг я ошиблась?

Под утро все-таки сон меня сморил.

Горячие ладони скользили по моей коже, оглаживая и лаская. От них по телу разбегались толпы мурашек, превращаясь в лавину, что собиралась у меня в животе.

— Малышка, — страстный шепот. Прикосновение губ. Тихий стон. Безудержная дрожь.

Его губы накрывают мои. Его язык проталкивается сквозь мои зубы, заставляя меня его принять. Звуки поцелуя. Голова кружится от нехватки кислорода.

Потемневшие, полные похоти глаза.

— Какая же ты вкусная, — шепот, что сводит с ума. Заставляет сердце замирать, а дыхание сбиваться.

Сжимаю ноги, желая унять боль.

— Сава.

Просыпаюсь от звука собственного голоса.

Пытаюсь отдышаться и взять себя в руки. Сердце колотится в груди так, что, кажется, сейчас выскочит, воздуха не хватает.

Слеза стекает по виску, щекоча кожу.

Когда это прекратиться? Когда я смогу забыть вкус его губ, его прикосновения, его запах? Когда?

Меня выматывает эта тоска, что не дает днем жить спокойно, а ночью сжимает в тиски так, что я не могу вздохнуть.

Я так устала сражаться сама с собой.

Впервые с момента, как он ушел, я позволила себе заплакать. Оплакать свои чувства, что возникли непонятно как. И, похоже, должны были так же и исчезнуть в никуда.

Наверное, в глубине души я все-таки верила, что он скоро вернется. Хранила маленькую надежду. И врала сама себе.

Но каждый день, наблюдая за работой Романа, я осознавала, что, если бы Сава захотел, он бы мог дать хоть какую-то весточку о себе.

И осознание этого раздавило меня своей тяжестью. Это правда, которую я вроде бы и приняла, но все-таки не до конца.

Я хотела принять эту правду и стать сильнее. Но, Боже, как же это трудно!

Кира

Я проснулась еще до рассвета. Снова все перепроверив, направилась на кухню, где меня ожидал Роман.

— Ты выглядишь просто... — он осекся после моего взгляда. — Ну, знаешь, тебе бы поспать.

— Я в порядке, — отвечаю я, готовя нам завтрак.

— Ты можешь повторять это сколько хочешь, но реальность от этого не изменится, — настаивает Роман, поднимаясь на ноги.

— Я просто боюсь, что ничего не получится, — решаю поделиться с ним своими сомнениями. Под его пристальным взглядом ставлю на стол тарелку с глазуньей и салат, — Это правда, — настаиваю, видя, что Роман мне не верит.

— Все получится, — наконец отстает он от меня, — даже не сомневайся.

Я села напротив мужчины. Аппетита не было, даже, наоборот, меня немного поташнивало, но выслушивать новую волну недовольства от Романа я не хотела, так что насилу поднесла ко рту кусочек помидора.

— Кстати, твой подопытный уже тебя ждет, — сообщает Роман с ухмылкой. — Ему так не терпелось, что он еще ночью приперся.

Я оторопела на секунду. Одно дело думать о том, что это когда-то будет, другое — что вот оно, именно сейчас.

— Пока не доешь, никакого тебе эксперимента, — возмутился Роман, стоило мне подняться. — Сядь и поешь.

— Ты же знаешь, что это невозможно, — возражаю я. — Мне теперь кусок в горло не полезет.

— Тебе и так ничего туда не лезет уже который день, — ничего-то от него не укроется. — Думаешь, не вижу, что ли?

— Даже не мечтала, — бурчу себе под нос, садясь обратно. Спорить с Романом сейчас бесполезно.

Мои мысли возвращаются к работе.

— Ты решила, куда именно будешь вживлять свою пикалку? — спрашивает Роман, пока я давлюсь своим завтраком.

— Нет, — качаю я головой. — Твои предложения?

— Думаю, в голову — самое то, — ни секунды не медля, отвечает Роман.

— Похоже, ты об этом уже размышлял, — улыбнулась я. — Кто-то, кажется, ночью тоже не спал, — поддела я его.

— Всю ночь глаз не сомкнул, — согласился хозяин дома, откинувшись в кресле. — С момента, как на пороге появился наш гость. Ты не думай и не переживай, просто сделай это, — посоветовал Роман, похлопав меня по руке. — Ладно, пойдем, а то устал наблюдать за твоими мучениями, — усмехнулся он.

Нет, он все-таки невыносим.

У меня ноги тряслись, когда отправилась вслед за Романом.

Но, к моему удивлению, в комнате никого не оказалось. Не успела я спросить об этом, как в дверь без стука вошел Валид. Что? Он-то тут откуда?

— Кира, познакомься, это Валид, а это...

— Мы как бы знакомы, — перебил его гость. — Ну что ж, привет, красавица, — заулыбался он мне. — И что ты тут делаешь? Я думал, ты с Савой.

Я в недоумении переводила взгляд с Романа на Валида.

— Ну вот и отличненько, — радостно потер руки Роман, — давайте начинать.

— Вы что, работаете вместе? — задаю я глупый вопрос, но просто не могу не спросить. — А как же...

— Она не в курсе? — Валид устремляет взгляд на Романа, на что тот просто пожимает плечами.

— Мы были немного заняты, не успел, — отвечает Роман, кивая мне на кресло, стоящее рядом с ним. — Мы организация по борьбе с преступностью, — наконец выдает он, дождавшись, когда я сяду.

— И это все? — приподнимаю я брови в ответ на тишину. — Знаешь, это не смешно.

— Ну это как бы упрощенная версия, — поясняет он, откашлявшись.

— По мне, так это совсем уж упрощенно, как ты выразился, — тяну я недовольно.

— Это пока все, что я могу тебе сказать, — настаивает Роман, качая головой. — Мы же договорились, чтождемся Саву.

— Он тоже здесь? — вопрос Валида заставляет меня обратить внимание на него. — Только не говори мне, что теперь он работает с нами, — стонет он, как мне кажется, притворно.

— Я на это очень надеюсь, — отрезает Роман. — Так, у нас много дел, — напоминает он, разворачиваясь к мониторам. — Через два часа у меня работка намечается.

— А тебе обязательно все проконтролировать надо? — смеется Валид.

— Мне понадобится его помощь, — поясняю я ему.

— Так и где мне лечь? — спрашивает Валид, облокотившись о стену.

Его спокойствие нервирует меня еще больше. Мы приготовили каморку в задней части дома для проведения мини-операции по внедрению чипа. Так что в сторону двери я и кивнула.

— Надеюсь, я не потеряю свою красоту после ваших манипуляций? — спросил он со смешком, проходя в комнату и располагаясь на кушетке, которая явно была слишком маленькой для его габаритов.

А правильно ли я всё делаю? — Если попросишь, могу ампутировать тебе ногу, — предложил въезжающий за нами Роман, — но, боюсь, это в будущем может помешать тебе быть эффективным на поле боя.

Все это Роман говорит таким серьезным тоном, что я замираю от ужаса, просто представив себе эту картину.

— Он шутит, — успокаивает меня Валид, заметив мое состояние. — Я полностью тебе доверяю. — Наклонившись поближе ко мне, он продолжает: — Но только тебе, не ему, — кивает он в сторону Романа.

Валид подмигивает мне, прежде чем растянуться на кушетке.

— Как ты можешь быть настолько спокойным? — спрашиваю я пораженно. — Ты хоть знаешь, что именно мы будем делать?

Он просто пожимает плечами в ответ.

— Ну что, в голову? — спрашивает Роман, надевая перчатки, пока я в шоке таращусь на своего пациента.

— Думаю, рука подойдет, — говорю я нерешительно, — я все-таки не врач, — напоминаю на всякий случай.

— Если во время операции что-то пойдет не так и руки будут связаны, то твой передатчик можно будет запросто повредить, — сообщает мне Роман, заставляя задуматься.

— Он прав, док, — вклинивается Валид.

— Господи, — прикрываю глаза. — Хорошо, тогда в затылок, — наконец решаюсь я. Человек доверяет мне свое тело, и меньшее, что я могу сделать, — это взять себя в руки и сделать все как надо. — Ложитесь на живот, — командую я, следуя примеру Романа и натягивая перчатки.

Руки немного дрожат, но я все-таки умудряюсь обезболить его затылок, вначале кремом под смехок Романа, а потом и инъекцией.

Пока ждем действия обезболивающего, я активирую ИИ.

Наверное, по моему загнанному взгляду Роман понимает, что мне нужна помощь. Он делает надрез, и я передаю ему чип, чтобы он мог разместить его. Отхожу подальше, пытаюсь взять под контроль накачивающую тошноту.

— Ну вот и все, — сообщает Роман, снимая перчатки.

— Так быстро? — удивляется Валид, поднимаясь так легко, будто это не его сейчас разрежали. — Эй, что это с тобой? — его взгляд меняется, когда встречается с моим. Сделав шаг мне навстречу, мужчина помогает мне сесть в кресло.

— Со мной все в порядке, — выдавливаю я.

— Знакомая песня, — слышу недовольный голос Романа, а потом вижу и его самого со стаканом воды. — На-ка, попей.

— У вас ничего не болит? — спрашиваю я Валида, отпив глоточек.

— Да что у него там может болеть? — парирует Роман, снова подкатывая к мониторам. — Голова у него крепкая и не такое выдержит. — Он оглядывается на меня. — Возьми себя в руки, ты еще не доделала свою работу, — напоминает он мне.

— Еще не все? — удивляется Валид, переводя взгляд с него на меня.

— Нужно настроит вживленный ИИ на тебя и создать стабильное соединение, чтобы мы могли тебя отслеживать. Еще много чего нужно протестировать, — поясняю я ему, разворачиваясь к монитору. — Ты pomoжешь? — спрашиваю у Романа.

— Думаю, сама справишься, — усмехаясь, отказывается он.

Настройка протекает быстрее и легче, чем внедрение самого чипа.

— Вроде бы все, — сообщаю я, косясь на Валида, который расслабленно развалился в соседнем кресле. — Знаю, что мои слова звучат не очень ободряюще, но получилось или нет, я смогу сказать после тестирования. На данный момент твой сигнал стабилен, как и твои показатели. Мы будем точно знать твое местоположение, и что ты в порядке. А также при повышении твоих показателей до критической метки ИИ отправит сигнал бедствия.

— Ок, тогда я свободен? — спрашивает Валид, поднимаясь. Похоже, ему не так уж и интересно, что именно мы внедрили ему под кожу.

— Будь на связи на всякий случай, — отвечает ему Роман, так и не повернувшись в нашу сторону.

— Как всегда, — усмехается Валид. — Выйдем? — кивает он мне.

Молча следую за ним, гадая, зачем именно он меня позвал.

— Так ты теперь вместе с Савой? — вот этого вопроса я точно не ожидала.

— Что?

— Ну это... — мнется он, протягивая руку к затылку с явным намерением почесать его.

— Не трогайте рану, инфекцию занесете, — вскрикиваю я предупреждая.

— Ладно, — согласно кивает он. — Ну так что?

Кажется, отступать он не собирается. Я вспомнила о том, что парни в части спорили на меня. Как ни странно, обиды на них у меня нет.

— А ты видишь здесь кого-то, кроме нас? — отвечаю я вопросом на вопрос. Но Валида не так легко пронять.

— Так между вами ничего нет? — спрашивает он, сложив руки на груди и вперив в меня внимательный взгляд.

Я отрицательно качаю головой, не рискуя ответить словами.

— Понял, — медленно тянет Валид, так что мне хочется спросить, что именно он понял, но вместо этого я просто прикусываю щеку изнутри.

Долго еще после его ухода пляжусь в никуда. Кажется, что своим вопросом Валид легко вскрыл мою заживающую рану. Но черт меня возьми, если позволю этому меня сломить. Тряхнув головой, чтобы отбросить от себя глупые мысли, направляюсь обратно к Роману. Он уже работает, и я, не отвлекая его, сажусь за свою работу. На данном этапе мне нужно убедиться, что я смогу стабильно получать информацию о... Валиде.

— Есть хочу как волк, — раздавшийся под ухом голос Романа наконец отвлекает меня от программы, где информация меняется каждые пять секунд. — Ну как ты? — спрашивает он, всматриваясь в данные.

— Думаю, интервал в пять секунд слишком короткий, — сообщаю я ему свои наблюдения. — Можно растянуть на тридцать секунд.

— Или даже на минуту, — усмехается Роман. — Что это за скачки? — спрашивает он, тыкая в монитор пальцем.

— Пока не знаю, — качаю я головой, — нужно попросить его вести дневник своей активности, чтобы быть уверенными в том, что именно означает тот или иной сигнал.

— Боюсь, мне будет легче бегать за ним самому, с блокнотом наперевес, — засмеялся Роман. — Ну да ладно, что-нибудь придумаем. А сейчас давай-ка обедать или, вернее будет сказать, ужинать.

Но не успели мы добраться до кухни, как телефон Романа зазвонил.

— Да.

Я направилась к выходу, не желая ему мешать.

— Я уж думал, ты про нас забыл, — усмехнулся Роман. — Да, она здесь.

Я замерла, не имея сил сделать хоть один шаг. Это он?

— Не хочешь рассказать, как там все прошло? — спрашивает Роман, подкатывая ко мне. — Понятно. Тогда и ты узнаешь обо всем, когда приедешь, — чеканит он. Смотрит на меня вопросительно. Отрицательно качаю головой, делая шаг назад.

— Она не хочет с тобой говорить, — сообщает Роман собеседнику, а потом, отодвинув телефон от уха, включает громкую связь.

Разворачиваюсь, намереваясь бежать, когда голос Савы настигает меня:

— Не чуди, дай мне с ней поговорить, — требует он у Романа, не догадываясь, что я все слышу. — Мне необходимо ее услышать, — таким тоном, что у меня дыхание перехватывает в очередной раз. От тоски. От боли. — Дай ей трубку, — настаивает Сава.

Повернувшись, встречаюсь взглядом с Романом. Он пожимает плечами.

Главное сейчас — не разрыдаться.

Сава

Неделя.

Прошла уже чёртова неделя с тех пор, как я крайний раз видел свою Малышку.

Я скучал. Скучал безумно. Парни уже надо мной в открытую посмеивались.

— Как меня только ни называли, — тяжело вздохнул Павел, — чего я в свой адрес только ни наслушался, — закатив глаза и выждав паузу, продолжил он, — но вот Малышкой ещё ни разу.

Парни разразились смехом после его слов, а мне оставалось только мысленно чертыхаться, хоть руки и чесались захватить ему в нос.

— Да ещё и так нежно, — не собирался угомониться этот смертник. — Ох, — захлебнулся он своими следующими словами, получив под дых от Марата. — Ты чего? — возмутился Павел, посмотрев возмущённо на друга.

— А что, тебе подходит, — парировал Марат с кривой усмешкой. — Малыш, — противным тоном протянул он, погладив Павла по руке, отчего тот, как ошпаренный, отпрыгнул от него с вытаращенными глазами.

— Сдурел? — закричал он на Марата, а тот только ещё больше оскалился.

— Тебе что-то не нравится, Малыш? — продолжил свою игру Марат.

— Придурок, — прошипел Павел, обходя Марата, как ядовитую змею.

— Ну куда же ты? — возмутился Марат. — Нужно отпраздновать твой новый позывной, — предложил Марат.

Засмеялись все, кроме Павла. В чем-то он был прав. В короткие промежутки, когда я мог поспать, я неизменно просыпался с её именем на устах. Сны замучили. Меня преследовал запах моей девочки, её стоны все ещё звучали у меня в ушах, вкус её губ ощущался на моих губах. Руки зудели, помня шелковистость её кожи. Её смех и яростью блестящие глаза, бросающие мне вызов, который невозможно не принять, не давали покоя.

Я безумно хотел вернуться к ней.

— Что там с нашим информатором? — решил я вернуть парней и, самое главное, себя в деловое русло.

Я был им благодарен за попытку меня защитить, но сейчас я хотел одного: убрать этих ублюдков и вернуться к Малышке. Я её как минимум неделю из-под себя не выпущу, дайте только добраться. Информация, которую раскопала Кира, и даже та, что знал Роман, оказалась лишь верхушкой айсберга. Точнее, я бы сказал, что болото оказалось глубже, чем мы все могли предположить.

Очень сложная по структуре, но очень хорошо организованная сеть. И именно из-за сложности ее устройства так нелегко было обнаружить и соотнести с этой организацией события, вместе вроде бы ничем на первый взгляд не связанные.

И то, что мы вчера столкнулись с американской группой нос к носу на задании, лучше всего подтверждало, что эта сеть давно уже раскинулась за пределы нашей страны.

Сколько человек замешано в ней, неизвестно. Но во главе этой организованной и бесспорно криминальной сети стоит не только верхушка нашего Минобороны, но также и спецслужбы европейских стран и их чиновники. Как уничтожить врага, у которого тысячи лиц?

Нужно узнать у Романа, знаком ли он с кем-нибудь из Штатов, кто бы помог убрать или, на худой конец, вернуть нам наших беглецов.

— Лисичкин спрятался в подвале собственного дома, — подал голос Керчь. — Никто, кроме него, туда не спускается, а значит, мы слепы и не знаем, что именно у него там. Да, это проблема. Нас может встретить неприятный сюрприз в виде бронированной двери или бойцов с оружием, которых мы не учли.

— Он себе там вроде как бункер соорудил, — последовал его примеру Марат, уже нормальным голосом.

— Вряд ли он в ближайшее время добровольно вылезет наружу, — добавил Павел.

— Нужна диверсия, — предложил Алекс. — Может, взрыв? Или пожар?

— Павел, узнай, что там у него с поставками на дом, — попросил я. — Керчь, что там насчет Краснова?

Еще одна наша проблема, сбежавшая за границу.

Марат и Алекс присоединились ко мне после своего задания, Павел же с Керчью были парнями Романа. Я бы сказал, что дело они свое знали.

О роде своей деятельности никто из нас не распространялся, но, кто во что горазд, было заметно сразу.

Убрать двоих заместителей министра обороны, подстроив так, чтобы их смерть выглядела несчастным случаем, труда не составило. Мы слишком хорошо знали свою работу. В отличие от общественности, которая не на шутку всколыхнулась. Их подельники, судя по тому, что один из них бежал за границу, а остальные попрятались по домам, прекрасно поняли наше «сообщение».

Что не мешало им продолжить свою незаконную деятельность и дальше.

— У Краснова есть племянница, — рапортует Керчь, — но вряд ли он ради нее выползет на свет божий, — с сомнением тянет он.

— Что ничуть не мешает нам это проверить, — усмехается Алекс.

— Завтра вы должны вернуться в часть, — возражаю я ему.

— Мы можем задержаться еще на два дня, — подает голос Марат.

— Тогда решено, — подхватывает Алекс. По мне, так слишком радостно.

— Что насчет бывшей жены Лисичкина?

— Глухо, — отвечает Павел. — Она уже дважды замужем после него была. Видать, он ее не очень впечатлил, раз она так быстро под другого легла, — засмеялся он.

— Думаю, он только рад будет, если мы ее грохнем, — усмехнулся Марат.

Я тоже не верю, что для таких, как Краснов или Лисичкин, чья-то жизнь может иметь значение. Краснов был вообще отдельной темой. За ним числилось немало грехов, стоило только копнуть поглубже. Как с таким братом Краснов-старший смог занять кресло министра обороны, для меня останется секретом. Лисичкин пестрил не менее интересным прошлым, но, в отличие от Краснова, для которого криминал и убийство — рутинная жизнь, этот промышлял больше шантажом и финансовыми махинациями.

— Девчонка работает в международной корпорации РотерСтар, — сообщил Керчь, — живет неподалеку от работы, охраны нет.

— Плевое дело, — усмехнулся Алекс, и я в очередной раз подумал, что он немного не в себе. — Керчь, пойдете с Маратом, — решился наконец я.

Марат застонал, в то время как Керчь все так же оставался спокойным.

— Что? — больше всех, как я и ожидал, возмутился Алекс. — Почему не я?

— Потому что ты должен провести разведку местности вокруг дома Лисичкина. После того как проверим историю доставок, боюсь, придется брать его штурмом. И присмотри там возможность предложенных тобой диверсий, — пояснил я, зная, что Алекс нехотя, но поймет.

— Ок, — согласился он через минуту. — Павел со мной? — спросил Алекс, скалясь в сторону одного.

— На нем информация по нашему сбежавшему, напомнил я. — Переговорю с Романом, узнаю, смогут ли нам помочь с ним наши недавние знакомые.

— Баба с возу — кобыле легче, — отмахнулся Алекс, направляясь на выход.

— Эй, — окликнул я его, — только осмотр. Не влезай там ни во что.

— Понял я, — бросил он, не оглядываясь.

— Что с ним происходит? Дёрганный он какой-то, — спросил Марат. — После задания сам не свой.

— Думал, ты объяснишь, — усмехнулся я. — Надеюсь, там все прошло без эксцессов? — спросил я, мысленно с ним соглашаясь.

— Да, как всегда, — отмахнулся он. — Ничего нового. Странно все это.

Марат был прав: Алекс никогда так себя не вел. Его явно что-то тревожило.

— Ладно, поговорим после задания, — я решил подумать об этом позже.

Проводив Керча с Маратом и оставив Павла возиться с компьютером, я направился во вторую спальню, чтобы набрать Романа.

Тот долго не поднимал трубку и в тот момент, когда я почти озверел, наконец ответил:

— Да.

— Это я.

— Это я уже понял, — в тоне Романа была слышна издевка.

— Позови Киру, — попросил я вместо того, что собирался спросить. — Она там?

Просто именно в этот момент я должен был услышать ее голос. Хотя бы голос.

— Я уж думал, ты про нас забыл, — ответил Роман. — Да, она здесь. Не хочешь рассказать, как там все прошло?

— Узнаешь, когда вернусь, — отрезаю я. — Дай мне Киру.

— Понятно. Тогда и ты узнаешь обо всем, когда приедешь, — усмехается Роман, но мне не до смеха. — Она не хочет с тобой говорить, — как гром среди ясного неба.

— Что ты несешь? — ору я в трубку. — Не чуди, дай мне с ней поговорить, — настаиваю я. — Мне нужно ее услышать.

«Чтобы прожить еще один день вдали от нее», — продолжаю я мысленно.

Роман молчит.

— Дай ей трубку, — требую я, замирая.

А если он не шутил? Не может быть?!

— Алло, — ее тихий голос как электрический ток проходит по всем моим нервам, заставляя тело напрячься как перед атакой.

— Малышка, — еле выдавливаю я. — Ты как, все хорошо?

Кто бы сказал, что мне будет трудно подобрать слова в разговоре с женщиной, умер бы со смеху, но это было правдой. Я хотел услышать ее, но, получив желаемое, захотел большего. Я жаждал быть сейчас рядом с ней. Обнять, нет — сжать ее в своих объятиях, смять ее губы в поцелуе. Подмять ее под себя и забыться в ней.

— Все просто прекрасно, — ответила Малышка резко. — Удивительно, что тебя это

интересует.

Что? Это еще что значит?

— Конечно интересует, — отвечаю я, а сам пытаюсь понять, что не так. — Если бы ты знала, как я по тебе соскучился.

— Не знаю и знать не хочу, — перебивает она меня. — Нам здесь и без тебя весело, знаешь ли.

— Кира, что происходит? — спрашиваю, жалея, что не могу сейчас увидеть ее лицо.

— Я же сказала, все прекрасно, — снова обрубает она, а я слышу, как ее дыхание прерывается. — Я, конечно, понимаю, что тебе не хочется, чтобы твое бывшее начальство о тебе плохо думало, — тараторит она, — но звать меня к телефону — это уже слишком.

Что она несет?

— Спасибо тебе, и всего наилучшего. Ты только не подумай, я на тебя ничуть не зла и даже не обижена, наоборот, очень благодарна, ведь я познакомилась с Романом и могу продолжить свое дело, но не стоит повторять сегодняшнее, — заканчивает эта неугомонная. — Прощай, — и отключает телефон.

Секунду плююсь на аппарат у себя в руках. Что это, мать вашу, сейчас было? Что? Благодарна мне? Не сердится и не обижена? Она там совсем с ума сошла?

Снова набираю Романа.

Она что, с кем-то познакомилась?

— Что с ней? — спрашиваю с ходу. — Она там башкой ударилась? И с кем она там познакомилась? Что вообще она несет? — под конец я перехожу на ор.

— Ну вроде он сказал, что они были знакомы, — выдает Роман спокойным, даже задумчивым тоном, в то время как я жду, что он опровергнет слова Малышки. — А что она сказала? — спрашивает он как ни в чем не бывало. Будто это не он только что петарду у моего лица взорвал. — А что насчет того, что с ней происходит... — через несколько секунд странного шебуршания я наконец с трудом, но разобрал чьи-то рыдания.

Товарным поездом в грудь: это что, Кира так плачет?

Лучше бы не слышал.

Малышка плакала. Так, наверное, только дети плачут. Ее горькие всхлипы заставили мое сердце сжаться до размера горошины, так что пришлось ухватиться за стену, чтобы удержаться на ногах.

— Кира, — прошептал я, желая быть сейчас рядом с ней, утешить ее.

— Она тебя не слышит, — отрезает Роман. — Она вряд ли сейчас кого-нибудь услышит.

— Какого черта там происходит? — спрашиваю я, снова взяв себя в руки. — Расскажи мне все с того момента, как я уехал, — требую я.

— Да ничего не происходит, — отмахнулся Роман. — Девочка у тебя умная-преумная, такую идею выдала мне, — восторгается он. — Ты знал, что она Арсения по системам может выследить и за его состоянием наблюдать? — спрашивает он, а я не могу понять, шутит он или серьезен. — Я решил в долгий ящик не откладывать и взяться, так сказать, основательно за это дело. Тем более что ей отвлечься-то не помешало бы.

— Ты там пьян, что ли? — спрашиваю я недоверчиво. Он, конечно, раньше таким не пренебрегал, но кто знает. А если это так, то возникает вопрос: кому я Киру доверил?

— Нет, конечно, — возражает Роман.

— Тогда что ты несешь? Я спросил, что с ней? Почему она плачет? И с кем она там успела познакомиться, пока меня не было?

— Да откуда же мне знать? — взрывается Роман негодованием. — С тобой поговорила — и в слезы. А насчет знакомств, так я блюсти ее целомудрие вроде не обязан.

Удар под дых.

— Она думает, что ты ее здесь бросил и сбежал, — говорит Роман, а я снова будто с разбегу в стену влетаю.

— Что? — ору я. — С чего бы ей так думать?

— Да откуда же я знаю, — орет в ответ Роман. — Вот приедешь и разберешься, — отрезает он. — А пока не звони и не бреди девке душу, она мне еще проект должна закончить.

Смотрю невидящим взглядом на стену, слушая гудки отбоя.

«Кто он?» — не успел спросить.

Похоже, я тут слишком задержался. Пора возвращаться, да поскорее.

Сава

Два дня. Прошло два безумных дня.

Не могу подвести парней, поэтому после тщательной проверки и составления плана мы наконец собираемся на новое задание.

Было решено штурмовать дом Лисичкина.

— Тихо зайдем и выйдем, — говорит Алекс, тоже настроенный не менее решительно, чем я.

— Очень много лишних глаз, — напоминает Керчь, — подстроить несчастный случай не получится.

— И не надо, — отвечаю я. — С его прошлым неудивительно, что его дружки решили его убрать.

Парни понимают меня без слов.

— Тогда придется убрать всех, — предупреждает Марат.

— А ты собирался кого-то пощадить? — удивленно взирает на него Алекс. — Извини, тут либо мы их, либо они нас.

Решили не откладывать дело и идти ночью.

Плана здания нет. Действовать вслепую тяжело, но не невозможно.

Алекс нас прикрывает, Керчь и Марат берут первый этаж и двор. Павел взламывает систему безопасности. Я иду вниз, в бункер, о котором говорили парни. Главное, как можно дольше оставаться незаметными, чтобы Лисичкин не смог спрятаться в свою берлогу, потому как неизвестно, что там.

Первый этаж очистили за считанные минуты, как только получили добро от Павла. Двое — на верхние этажи, остальные — вниз.

Правду говорят, у страха глаза велики. Бункер представлял собой жалкое подобие погреба, где ни толковой двери, ни оборудования не было. Так что добрался я до Лисичкина без сучка и задоринки.

— Я все расскажу, все, все, — тараторит он, увидев меня. — Только не убивайте.

— Фу, да он обмочился, — слышу за спиной голос Марата. — Ты бы хоть для вида притворился, что тебе не страшно, — обращается он к Лисичкину, который от ужаса не только обмочился, но еще и, кажется, ничего не соображает. Только бубнит под нос мольбы о пощаде.

— Я много чего знаю. Я все расскажу, — причитает, как помешанный.

Если в первую секунду я хотел просто грохнуть его и уже быть на пути к Кире, то сейчас здравый смысл взял надо мной верх.

— Упаковать, — приказал я удивленному Марату и не менее удивленному Павлу, который спустился за нами.

К моему счастью, их профессионализм пересилил их любопытство, и они быстро натянули на голову Лисичкина мешок и, скрутив его, повели наверх.

Черт, создаю себе проблему на ровном месте. Но двигаться наугад уже заколебало, поэтому информация не мешает.

— Он чист, — отрапортовал Марат, как только я подошел к машине. Это была обычная проверка на наличие жучков и всякого рода маячков. Значит, это не подстава и за нами по

его следу никто не двинется.

Остановились мы через три часа, а машина с Лисичкиным поехала дальше круги наматывать, чтобы он потом не смог сориентироваться, если вдруг придется его отпустить. Решил не париться с дознанием труса и отдать его спецам. Точно знаю, что они у Романа есть.

— Лисичкин готов поделиться информацией, — сообщаю я Роману.

— Думаешь, ценная? — тут же оживляется он.

— Нужно проверить, — отвечаю, следя за тем, как мимо проезжает машина Алекса. Мы договорились после задания встретиться на новой квартире.

— То есть ты еще не выяснил? — удивленно тянет Роман.

— То есть я передаю его тебе, если тебе интересно; если нет — обеспечиваю ему легкую смерть, — чеканю я.

— Действуешь неразумно. — Кто бы говорил. — Ну да ладно, его заберут через час, сейчас скину адрес.

Дальше я уже его не слушаю.

— Что насчет Краснова выяснили?

— А что насчет него? Он сбежал, ты же в курсе, — не понимаю я.

— Ну, я надеялся, ты уже придумал, как его оттуда выкурить.

Он прав, план имеется, но пока я им делиться не собираюсь.

— Так, когда ты возвращаешься?

— Как только решу свои дела с Кузнецовым, — бросаю я.

— Я думал, ты решил это отложить, судя по скорости твоих действий, — усмехнулся Роман.

Ничего ему не ответив, я отключился. Скинул Керчи СМС с адресом.

Слова Киры крутились в моей голове, мешая сосредоточиться на главном. С чего она решила, что я сбежал? Разве я дал ей повод? Сам черт не поймет этих баб!

Телефон зазвонил, отвлекая от глупых мыслей.

— Что это?

— Это то, куда мы сдадим нашу крысу.

Через несколько минут передо мной останавливается машина.

— Парни в курсе? — спрашивает Керчь, как только мы отъезжаем.

— Нет, — отвечаю я.

— Это надолго?

— А ты куда-то спешишь? — настораживаюсь я, бросая на него удивленный взгляд.

До этого времени он был немногословен, а тут прям как из рога изобилия. Вот и сейчас не отвечает. Думай, что хочешь.

— Максимум час, — почему-то решаю все-таки ответить.

До доков доезжаем очень быстро. Стоило только остановиться, как из темноты вышел мужик, явно ожидающий нас. Кто в здравом уме будет шататься в это время по пустым докам? Разве что охранник, но на него он был не похож ни разу.

— Посылку привезли? — спросил мужик, как только я вышел, всем своим видом показывая свою расслабленность.

Керчь, который в это время меня подстраховывал, опустил оружие. Он вышел вслед за мной, но все так же держался в тени. Как только пришло СМС-подтверждение от Романа, я полез в багажник за трясущимся и, кажется, еще раз обделавшимся Лисичкиным. Толкнул

его вперед, заставляя сделать несколько шагов, и все так же молча уселся в машину, в которой меня уже ждал Керчь.

— Я выйду где-нибудь здесь, — удивил меня напарник, когда мы уже довольно далеко отъехали от доков. — Нельзя оставлять объект без присмотра, — ответил он на мой невысказанный вопрос. Через секунду до меня дошло, что он о девушке. Знаю, что они ее в другом месте заперли.

— Думаешь, Краснов поведется? — спрашиваю я, сильно в этом сомневаясь.

Керчь отрицательно качает головой.

— Тогда держать ее смысла нет, — решаю я.

— Понял, — неохотно отвечает Керчь.

Что-то с ним не так. Чуйка мне твердит, что не все так просто с этой племянницей Краснова. Высадив его, переодевшись по дороге, заехав в круглосуточный магазин, приезжаю в квартиру, где меня уже ждут парни.

— Керчь не с тобой? — удивляется Марат, сразу протянув свои лапы к пакетам с едой.

— Поехал проведать объект, — отвечаю я, садясь в свободное кресло.

Марат, откинув голову назад, смеется, вызывая у всех нас недоумение.

— Знаю я, как он проведать ее решил, — комментирует он, отдышавшись. — Сразу понял, что он на ней залип и ни о чем, кроме того, как бы девочку примять, и не думает. Хитрый пройдоха, — бросает он, продолжая смеяться.

— Она вообще совершеннолетняя? — спрашиваю я запоздало.

— Вроде как, — отвечает Павел, — в компании же работает, — поясняет он, видя мой недовольный взгляд.

— Я приказал ее отпустить, — сообщаю я, но Марат снова скатывается от смеха.

— Теперь понятно, чего он к ней побежал, — усмехается Алекс.

Едва сдерживая улыбку, качаю головой. И смех и грех.

— Ладно, сегодня отдыхаем, завтра разберемся с Кузнецовым, — бросаю я, заваливаясь на диван.

— Э, только не снова, — стонет Павел. — Давай ты в спальню пойдешь, — предлагает он мне.

— С чего это такая учтивость? — удивляюсь я.

— Не хочу снова слышать твои стенания до утра, когда тут и так мало времени осталось, — отвечает он мне, и, будь я хоть немного скромнее, наверное, покраснел бы, но нет, этим не страдаю, и слава богу.

— А может, это нам удалиться в спальню? — опять противным голосом тянет Марат, отчего парни начинают смеяться под чертыханье и проклятия Павла. Дальше я их не слушаю, поднимаюсь и иду в спальню.

Завалившись в кровать, набираю Романа.

— Слушай, это тебе там нечем заняться, а я тут как бы работаю, — отвечает он мне вместо приветствия.

— Как она? — спрашиваю я, наплевав на его выпад.

— В порядке, работает, — чеканит он снова одно и то же.

Чем она там может заниматься, не могу я понять?

Она, конечно, говорила, что она программист, и вроде хороший, но я ума никак не мог приложить, над чем они вместе с Романом могут работать.

— Твой трофей оказался ценным, — перебивает он мои мысли. — Слил нам штабы в

Северной Каролине и в Бразилии.

— Рад, что не убил его, — отвечаю я, — хотя соблазн был велик. Дай ей трубку, — требую я, возвращаясь к тому, что мне на данный момент интересно.

— Мы это уже обсуждали, — отказывается Роман, — она не хочет с тобой говорить.

— Сделай видеосвязь, — требую я. — Дай хоть увидеть ее.

Ему не понять, как тяжело находиться вдалеке от этой девушки. Я и сам этого до сих пор понять не могу. Вот так сходить с ума по одной конкретной женщине! А после того, как она сказала, что я ее бросил, — вдвойне.

— Просто дай мне ее увидеть.

— Хорошо, — соглашается Роман, тяжело вздохнув. — Ну кто бы мог подумать, что ты станешь таким мямлей, стоит только нужной бабе появиться на горизонте, — бурчит он себе под нос, прекрасно зная, что я его слышу. Но мне все равно, ведь через несколько секунд на экране появляется моя Малышка.

Она сидит за компьютером и что-то печатает. Жадно пожираю ее образ. Такая красивая и моя. Что бы она там ни говорила.

Вдруг она встает и подходит к... Аппарат в моих руках затрещал, в то время как я вскочил с кровати, еще более жадно вглядываясь в экран. Валид собственной персоной сидит на стуле, а Кира, склонившись к нему, целует его в шею. Картинка быстро пропадает. Роман отключается.

Что это, мать твою, было?

Со всей дури швыряю телефон об стену.

Черт! Черт! Черт! Твою мать!

Я его убью.

Выбегаю в гостиную, где парни продолжают о чем-то говорить.

— Дай свой телефон, — требую я у Марата, который удивленно, но без возражений протягивает мне аппарат.

Снова стремглав несусь в спальню. Набираю Романа, но тот не отвечает.

Я их к чертовой матери всех убью. Кира!

Ярость бьется в висках, так сильно, что не сразу замечаю входящий от Романа.

— Я его убью, — цежу сквозь зубы. — И ее тоже. Твари!

Роман снова кладет трубку.

Второй телефон постигает судьба первого.

Как раненый зверь мечусь между стенами.

Как она могла? Она подумала, что я ее бросил?! Как же! Лицемерка! А я идиот!

Я им обоим головы сверну.

— Эй, тут Роман звонит, — открыв дверь, сообщает Алекс. — Что случилось? — спрашивает он, окинув комнату беглым взглядом.

— Наивная и честная, говоришь? — рычу я. — Последняя тварь — вот кто она, — выплевываю я. — Стоило только с члена стащить, как тут же другого пошла искать, и знаешь что? Таки нашла, — продолжаю я в порыве гнева поливать Киру грязью. Алекс смотрит недоуменно, но по мере того, как смысл моих слов начинает до него доходить, на его лице тоже появляется ярость.

Секунда, и мы сцепляемся. Мне прилетает в нос, я отвечаю. Практически вся мебель в комнате превращается в щепки.

— Я тебя предупредил, — кричит Алекс, делая хук правой.

— Ты мне соврал, — я от него не отстаю и врезаю ему под дых, — говорил, что она тебе как сестра, а сам втрескался в нее по уши, — обвиняю я.

— Она этого не знает, — отвечает он, снова набрасываясь на меня.

А я еще сильнее его бью, вымещаю на нем свою злость за то, что не могу добраться до Валида. Сколько проходит времени, не знаю, но в конце концов наши удары становятся слабее. Мы оба выдохлись. Он никогда мне по силе не уступал, а сейчас, подогретый яростью, и подавно. Никто из нас не хотел сдаваться.

Наверное, именно в этом я нуждался в тот момент: дойти до невменяемости. Хотелось стать бесчувственным, непрошибаемым, таким, как раньше.

Сейчас внутри я просто горел. И плевать было на кровотокающие раны и на то, что ребра, кажется, сломал и они не давали нормально вздохнуть. Я ничего не чувствовал, кроме горя, при этом осознавая, что готов ее простить, только бы она осталась со мной.

Такое чувство, будто в открытой на груди ране кто-то без продыху копошится, превращая мои внутренности в кашу.

Мы оба упали на пол напротив друг друга. Алекс смотрел исподлобья, утирая кровь из брови, что заливала ему глаз.

Парни, столпившись у двери, переводили недоуменные взгляды с Алекса на меня, но в этот момент перед ними я просто умирал.

Сука, а это, оказывается, больно — любить.

Кира

После разговора с Савой я просто осыпалась. Как песчаный замок, сбитый волной почти до самого основания. Прорыдав и успокоившись, я наконец собрала себя в кучку.

Нет, боль не отступила и даже не притупилась, но я дала себе слово, что больше не буду позволять ей руководить мной.

— Я больше не хочу с ним разговаривать, — сообщила утром Роману, который что-то жарил на кухне.

— И тебе доброе утро, — поприветствовал он, улыбаясь. Только глаза все такие же серьезные. — Как пожелаешь.

Да именно этого я и желаю.

С головой ушла в работу. Моя система работала, несмотря на небольшие помехи и сбои, которые мы с Романом учились предотвращать. Все было прекрасно, что не могло не радовать.

Но этого было мало, чтобы забыться, и я приступила к улучшению системы Романа. Он, конечно, был против, поэтому начала я это делать тайком, по ночам, когда сон не шел или я просто боялась заснуть. Утром он ругался, потому как не мог понять, что произошло, подозрительно косился на меня. А я что? А я ниче. Делала морду кирпичом, мол, я уж точно тут ни при чем. Правда, очень скоро он меня подловил.

— Попалась, — радостно воскликнул Роман за моей спиной, да так громко, что я подскочила на стуле и чуть не упала. — Что ты тут забыла, а?

— Господи, зачем же так пугать? — выдавила я из себя, когда смогла говорить. — Так же можно и до инфаркта довести, — сделала я возмущенный тон.

— Гляди-ка, она еще меня отчитывать собралась, — не поддался на мою уловку Роман. — Что ты тут делаешь?

Понимаю, что юлить не получится, и прикусываю губу, не зная, с чего начать.

— Ну? — он садится рядом, осматривая новые команды, что я набираю. — Че за абракадабра у тебя тут?

— Ну это... я хотела тебя отблагодарить и...

— Потому решила мне всю систему раскорячить? — выговаривает Роман. — Да еще и молчала как партизан все это время. Поразвлеклась за мой счет?

— Конечно нет, — возмущаюсь уже я, — просто... просто ты меня не спрашивал.

— А, так это я виноват? — недоверчиво приподнимает он брови, сложив руки на груди.

— Конечно нет, — повторяю я. — Извини.

— Додельвай, что начала, — говорит он после долгого молчания, когда я уже готова была сквозь землю провалиться от стыда. Удивленно вскидываю голову. — И чтобы по ночам тут не сидела, поняла меня? А то запирать на ночь тебя буду.

— Так ты не злишься? — спрашиваю я, нарываясь.

— Конечно злюсь, — откатывается он от стола. — Но понимаю.

Мне с ним все-таки очень повезло.

— И не обольщайся, — продолжает Роман. — Я из меркантильных соображений. Надеюсь, и улучшения твои будут ничуть не хуже твоей системы отслеживания, — сообщает он, покидая комнату. — И чтобы утром все работало.

Разворачиваюсь к мониторам, не скрывая широкой улыбки. Все-таки мне повезло. Еще бы деда нашелся для полного счастья.

Я уже не помню свою другую жизнь. Когда все было нормально. Когда работала на нормальной работе, жила в нормальной квартире и была нормальной. Все это сейчас кажется сном.

Как быстро человек привыкает к не зависящим от него обстоятельствам, как легко подстраивается под окружающий мир! Уму непостижимо.

За такое короткое время я излечилась от страха, посеянного моим бывшим. Влюбилась. Себе-то я в этом могу признаться.

И осталась с разбитым сердцем.

Но нашла новых знакомых, увидела столько интересного и теперь вот работаю так, как всегда мечтала. Сложись все по-другому, вряд ли бы это могло случиться.

Только мысли о бабушке не давали покоя. Мы так надолго никогда не расставались.

Да и слова Романа о том, что он... его... Нет, нет и нет! Он жив, и я его найду.

Перепроверяю новые сводки со спутника.

Роман еще не в курсе, что я подключилась к нему.

Боюсь, никакие меркантильные соображения Романа не заставят его, если вдруг он узнает об этом, оторвать мою голову.

Утро вечера мудренее. Расскажу ему утром. Ну или когда будет положительный результат. Может, тогда он не так сильно разозлится.

Сон не шел. Как в замедленной съемке, перед глазами проплывала наша первая встреча с Савой. Вот он появляется в дверях... Он ведь мне сразу понравился.

Меня будто кипятком обдало еще до того, как я встретила с его жадным взглядом.

Боже, как он на меня тогда смотрел. Будто во всем мире я одна для него центр мироздания.

Пожирал меня взглядом. Любой женщине польстило бы такое внимание, тем более неискушенной мне.

Но потом я вспомнила бывшего и очарование момента ушло. Я была в шоке от собственной реакции.

От его слов пришла в ярость.

Его напор на следующее утро меня напугал. Не привыкла я к тому, что мне в лицо говорят, что хотят меня, так открыто, так... бесстыже.

А потом мое тело проснулось для него. Точнее, оно проснулось раньше, но шок от этого пришел после того, как я ответила на его поцелуй и захотела, чтобы он не останавливался.

Боже!

Переворачиваюсь на живот, но от этого легче не становится.

Хочется снова рыдать и кричать от злости.

Я все прокручиваю наш последний разговор. Я так быстро тараторила, не желая его слышать. Боясь того, что именно он может сказать. Страшась боли, которую его слова могут мне причинить. Одно дело — понимать, и совсем другое — когда тебе не оставляют никаких иллюзий. Слишком легко он добирается до моих болевых точек, слишком легко может ранить.

«Вали» и «обуза» до сих пор сидят внутри меня, причиняя дискомфорт.

Так быстро отключила связь, но все же он успел зародить во мне сомнения.

Голос Савы действительно звучал слишком удивленно, и, кажется, его возмущение было

очень даже реальным.

«Если бы ты знала, как я по тебе соскучился».

Я резко его тогда прервала, потому как кипятком обдало от его слов. Так хотелось поверить.

Но он ушел. Ничего не объяснив, ничего не сказав, просто взял и ушел.

Разве тот, кому ты небезразличен, тот, кто собирается вернуться, так себя ведет?

«Если бы ты знала, как я по тебе соскучился».

Заткнись. Все это ложь.

И все равно, что хочется в это поверить.

Под утро, уставшая от борьбы с самой с собой, я наконец заснула.

«Малышка». «Будем наслаждаться, пока можем».

«Тебе понравится».

— Просыпайся, красавица, — заголосил Роман, вытаскивая меня из мутного сна. — Твой пациент тебя уже ждет.

— А? — не могу я никак собрать мысли в кучу.

— Валид пришел, говорю, — повторяет Роман, и до меня наконец доходит смысл его слов.

Подрываюсь с кровати и бегу в ванную комнату.

— Который час? — кричу Роману.

— Уже поздно.

В порядок себя привожу со скоростью ракеты.

— Извини, — прошу я прощения у Валида, который сидит на уже привычном ему месте в ожидании меня.

— Ничего страшного. Правда, я немного спешу, — сообщает он, улыбаясь.

— Мне нужного всего две минуты, — отвечаю, открывая систему с данными его чипа.

— Я предлагал Роману после задания зайти, но он заартачился, — сдал Валид мое начальство с потрохами.

— По ночам надо спать, а днем — работать, — парирует Роман невозмутимо, прежде чем отвлечься на свой телефон.

— Все нормально, — успокаиваю я Валида. — Наоборот, будет отличная возможность проверить твою систему, так сказать, в рабочей ситуации. — Перепроверяю данные. — Жалобы какие-нибудь есть?

— Чешется, — сообщает Валид.

— Почему раньше не сказал? — возмущаюсь я, поднимаясь и делая шаг в его направлении. — Покажи-ка, — требую я, на что Валид, не меняя позиции, просто отворачивает голову, давая мне лучший обзор.

От увиденного волосы на голове зашевелились.

— Роман, сюда, быстро! — кричу я, и тот через минуту появляется рядом. — У тебя реакция на чип идет, — сообщаю ничего не понимающему Валиду.

— Что такое? — Роман заглядывает за мое плечо и, увидев ту же картину, чертыхается. — Это что такое?

— Нужно вынуть, и быстро, — сообщаю я. — Говорила же, что лучше в руку, — возмущаюсь я, готовя инструменты. — Сразу бы заметили реакцию организма.

— Давай сюда, я сделаю, — окликает меня Роман, забирая скальпель.

Вот тебе и раз. А вчера только радовалась, что все работает.

— Переделаем, — говорит Роман будто сам себе. — Нужен гипоаллергенный материал. Есть одна идея, — от его слов почему-то легче не становится.

Валид уходит, я тупо пялюсь на последние данные с его чипа, пока Роман кому-то названивает.

Роман прав. Нельзя опускать руки, не получилось — сделаем по-другому.

Пока занимаюсь новой наработкой, слышу за спиной недовольный голос Романа, который кого-то отчитывает:

— Они что там совсем с ума посходили, — шипит он, понизив голос. — Совсем из-за девки голову потеряли. Хотят все под откос спустить? Решайте вопрос с Кузнецовым без него, а иначе, боюсь, все там поляжете.

Нет, я не подслушивала, но не услышать было просто невозможно.

— Скажи ему, чтобы возвращался, — приказывает он, а я напрягаюсь. — Пусть свою проблему решит и голову в порядок приведет. Толку от него сейчас мало. Да мне плевать, что он там говорит, — рычит он громче. — Я сказал, пускай сюда свою задницу тащит.

Ком встал в горле, и волосы на теле поднялись дыбом. Это ведь не то, что шепчет мне интуиция?

Роман, отложив телефон, демонстративно не смотрит в мою сторону.

Так я и поверила, что он не чувствует моего взгляда!

— Это он? — насильно выдавливаю я из себя.

Роман молчит, но я и так понимаю, что только что он Сава приказал вернуться сюда.

Паника. Самая настоящая, до трясучки в руках. Это я вдали от него могу притвориться, что мне фиолетово и не больно. Но стоит встретиться с ним лицом к лицу...

— Вы рано или поздно встретитесь, — голос Романа пробивается ко мне будто сквозь толщу воды. — Он после вашего разговора совсем там с катушек съехал. Сцепился со своим бойцом, из-за ничего... — он еще что-то говорит, но я ничего не могу расслышать. В голове шум, уши заложило, воздуха не хватает.

Не могу дышать.

— Кира, мать твою, Кира! — шлепки по лицу и знакомый ор.

Открываю глаза и встречаюсь с встревоженным взглядом Романа.

— Что? — не могу понять, какого черта я лежу на полу.

— Ты чего это удумала меня так пугать? — возмущается Роман, продолжая внимательно за мной следить. — Свалилась тут, как куль с овсом.

Я упала в обморок?!

Что-то новенькое в моей жизни.

— Я в порядке, — получается шепотом.

— В порядке она, — качает головой Роман, поднимая меня на ноги, — зато я теперь не в порядке. Напугала до смерти, — сажает на стул. — Достали вы меня, черти. То Сава с ума сходит, то ты тут мозги наизнанку выворачиваешь.

— Воды, — прошу, не желая слушать его слова.

Он, окинув меня снова внимательным взглядом, уходит. Я тут же поднимаюсь на трясущихся ногах и иду на выход. Нужен воздух.

Открыв входную дверь, выбираюсь во двор. Я была-то здесь всего несколько раз, и то с Романом.

Сава возвращается.

Я не смогу жить, если увижу в его газах холод или безразличие. Как же я была наивна,

думая, что легко все вычеркну и забуду. Я даже была ему благодарна за то, что ушел, так и не сказав мне в лицо слова прощания.

Отхожу немного от двери и хватаюсь за стену, чтобы снова не свалиться. Голова кружится.

О чем я думала, вот так выбегая на улицу?!

Надо вернуться.

Ноги налились свинцом, и мне с трудом удастся их переставлять. Слышу за спиной топот.

Роман? Но он в доме.

Голова взрывается болью, заставляя в глазах плясать разноцветные круги.

Кажется, я во второй раз в жизни упала в обморок.

Сава

Ярость как дикий зверь скребется изнутри.

Бросаюсь на всех как дикарь. После Алекса сцепился с Маратом, который вздумал его защищать. Знаю, что парни ни при чем, но остановиться не могу.

Алекс сам подлил масла в огонь, подтвердив мои подозрения и признавшись в том, что Кира ему небезразлична.

— Роман зовет его обратно, — слышу приглушенный дверью голос Павла.

— Вот иди и скажи ему об этом, — шипит Марат, — а меня увольте, навывсказывался уже.

Где-то в глубине души меня, наверное, мучают угрызения совести. Слишком глубоко.

— На меня не смотри, — требует Алекс. Поумнел товарищ.

— Черт вас всех дери, — стук в дверь.

— Я никуда не поеду, — отсекаю, прежде чем Павел откроет рот. — Что там насчет Керчи? Он возвращаться не надумал?

— Будет через час, — выбирает более спокойно тему Павел. — Роман сказал...

— Пошел к черту твой Роман, — грублю я.

— Кузнецов у себя на квартире, — опять перескакивает Павел. — План здания у нас есть. Охраны немного. Алекс провел оценку.

— Тогда какого черта мы ждем? — спрашиваю я, не желая вспоминать, что это я как раз таки к этому лапу и приложил. Правда, парни меня отделали не хуже. — Сегодня проводим последние приготовления. Завтра Кузнецова должны с почестями отправить на постоянное место жительства.

Ничего не ответив, Павел уходит.

— Может, его грохнуть? — предлагает Марат. — Да я в смысле по голове, и пусть он очнется уже проблемой Романа.

— Идиот, — выносит вердикт Алекс.

И я с ним согласен.

Стоит только выйти из спальни, как меня встречают напряженные взгляды парней.

— Давайте проработывать план, а не пороть чепуху, — предлагаю я миролюбиво, тем не менее показывая, что я все слышал. — У нас много работы.

Через минуту на пороге появился Керчь, темнее ночи. Хоть кто-то выглядит злее меня.

— Что-то ты, Ромео, невесел, я-то думал, плясать от радости будешь, — поддел его Марат, за что сразу же получил в нос. — Ауч, да что вы все меня бьете? — пожаловался он гнусавым голосом, прикрыв кровоточащий нос.

— Я надеюсь, ты когда-нибудь поумнеешь, — ответил Павел, открывая на экране телевизора видео с близлежащих камер вокруг апартаментов Кузнецова. Все моментально забыли про стонущего Марата и не довольного Керча.

Через три часа, продумав до мельчайших нюансов наши действия и все возможные варианты развития событий, мы наконец разошлись.

Прохладный воздух и звуки ночного города. Как же хочется сейчас оказаться в лесу, в домике Игоря. Под ковром из звезд, что кажутся такими близкими, только руку протяни. А не на обшарпанном балконе метр на метр.

Тихий стон капитуляции Киры.

Сжимаю в кулаке сигарету, и даже боли от окурка не чувствую.

На пороге молча появляется Алекс.

— Если ты решил продолжить, то мне не до этого, — решаю сразу его предостеречь. —

После задания поговорим.

Он молча садится рядом. Черт, точно будет умничать сейчас.

Мы были друзьями не один год, так что знаем друг друга как облупленных.

— Не хочешь рассказать?

— Я уж думал, ты передумал, — вырывается из меня стон. — Нечего рассказывать.

— Из-за этого «нечего» ты мне ребра помял и фингалов понаставил, — не возмущается, только ровным тоном указывает на факты.

— Что с тобой было? — пытаюсь я перевести тему.

— То же, что и с тобой, — отвечает он спокойно. Это не в его духе, так что бросаю пристальный взгляд на Алекса. Что-то тут не то.

— И что это значит?

— Ревновал.

Что сказать? Помолчали.

— Зря тревожился, — бросаю я горько, — она...

Не могу продолжить. С грустью смотрю на то, что осталось от сигареты. Как же хочется затануться.

— Не знаю, что там у вас случилось, — начинает Алекс, и мне хочется закрыть уши, — но Кируша не из тех, кто предает.

— Ты это моим глазам скажи, — начинаю я заводиться, — которые видели, как она к другому полезла.

— Это не может быть правдой, — качает Алекс головой, и мне вдруг так хочется открыть ему глаза. Нет. Хочется сделать больно. Чтобы так же, как и мне, было. Хреново.

Куда я качусь. Сжимаю зубы, чтобы сдержать готовые было сорваться слова.

Молча иду на выход, точнее, на вход.

Хотел бы я, чтобы он оказался прав. Но...

Целый день готовились к заданию. Экипировка, техника...

Роман пару раз звонил, но я отключил бесполезный телефон и бросил в ящик к остальным. На таком задании они только помеха.

— Начинаем, — приказываю я, и мы наконец выдвигаемся.

Все оказалось проще, чем мы думали. Нам даже в здание не пришлось входить.

— Вижу объект в зоне поражения, — объявил Алекс по рации, как только занял позицию.

— Так и чего же ты ждешь? Убирай, — приказал я.

Буквально через несколько секунд все было кончено.

Менее чем через пару минут мы подобрали его и направились за город.

— Высадите меня тут, — не захотел ехать с нами Керчь. Стебать его никто не стал.

Нам, привыкшим терять друзей на таких заданиях, вернуться всем составом обратно сродни получить новую жизнь, так что парни радовались тому, что все закончилось, не начавшись.

— Роман звонит, — бросил Павел, стоило только освоиться в новом доме. — Да, — не успеваю его предупредить, как он поднимает трубку.

Сослуживец резко поворачивается ко мне, прислушиваясь к словам собеседника.

— Не уверен, что ему не все равно, — бросает он, и мне становится интересно, о чем он.

— Дай сюда, — отбираю у него трубку.

— Пусть потом не говорит, что я не сообщал, просто скажи ему, что я сказал, — говорит Роман в ярости.

— Что ты мне не сообщал?

— Кира пропала, — обухом по голове, — на камерах видно, что ее похитили.

Какого черта он несет? ать.

Бросив телефон Павлу, иду мимо Алекса, когда он хватает меня за плечо.

— Не нарывайся, — цежу сквозь зубы.

— А то что? — продолжает он. — Что с ней?

— Думаешь, примчишься к ней как белый принц на коне и она тебя примет? — ору я, толкая его в грудь.

На секунду от моего напора мы оба опешили. Я не ожидал от себя таких слов, да и он, наверное, тоже.

— Ну ты и придурок, — бросает мне в лицо Алекс, прежде чем развернуться к Павлу. — Думаю, пришла пора мне встретиться с Романом.

Они ушли.

Павел повез Алекса к Роману. Марат, похоже, тоже решил сбежать от греха подальше и напросился с ними.

Не перед кем притворяться и быть сильным.

Пустота помещения была созвучна моей пустоте внутри. Будто выгоревший лес. Наверное, так хреново я не чувствовал себя даже после своего первого убийства. А ведь оно меня преследовало два года, заставляя просыпаться в холодном поту.

Хочется нажраться до потери пульса и все забыть.

Кира.

В груди болит и трепещет.

Черт тебя дерит. Распоясался как девица.

Сам не понял, как оказался на улице.

Светает.

Ловлю такси и еду в сторону парковки, где оставил запасную машину на всякий случай.

Запах сигаретного дыма заглушает воспоминания о ее аромате, но абсолютно не помогает забыть ее стоны.

Врубаю музыку на всю катушку.

Я спасу ее в последний раз. В последний раз. А потом пусть катится ко всем чертям.

Только бы не убить ее до этого.

В доме меня встречает Роман. Он даже не оглядывается на меня, продолжая что-то клацать на клавиатуре. Я тоже не спешу открывать свой рот.

— Зачем ты пришел? — его вопрос застаёт врасплох.

— Найти ее, — отвечаю не задумываясь.

— Зачем? — Роман наконец оборачивается и сверлит меня непроницаемым взглядом. — Она тебе никто. Ее и без тебя ищут. Ты здесь не нужен.

— Знаю, — перебиваю его. — Он тоже здесь? — вырывается у меня, но я тут же захлопываю свою пасть. — Не отвечай, — прошу. — Покажи мне видео с камер наблюдения.

Пожалуйста.

Роман смотрит долгим нечитаемым взглядом, а потом просто кивает в сторону монитора.

Но вопреки моему ожиданию там не видео, а карта, на которой мигает маленькая красная точка.

— Что это? — спрашиваю недоуменно, пытаюсь понять, где это. — Это она?

— Это Арсений Лебедев, — удивляет меня Роман.

— Ты его нашел? — не могу я поверить.

— Не я, — качает он головой, — Кира, — сообщает грустно. — Только жаль, что она этого так и не узнает. Я уже отправил отряд его вызволить.

До этого момента в моей голове все никак не укладывалось то, что Малышку похитили. Не знаю, что я там себе думал, но только именно сейчас, когда увидел неподдельное горе на лице Романа, до меня дошло: я могу больше никогда не увидеть Киру. Никогда.

Ноги перестали держать.

— Что? — Роман оглянулся на меня. Не знаю, что он увидел, но тут же зарядил мне по лицу. — Не смей мне истерики устраивать, — заорал он. — Хватит и того, что она тут в обморок свалилась, — еще один удар. — Встань и найди ее.

Голова немного прояснилась, позволяя мне отстраниться от этого осознания.

Она жива, и я ее найду. Обязательно.

Поднявшись, сажусь за стол и открываю систему безопасности Романа, найти видео не составляет труда.

Вот она выбегает во двор. Кира выглядит такой маленькой и потерянной. Она тяжело дышит, будто пытается взять себя в руки. Не могу оторвать от нее взгляда. Малышку шатает, и она хватается за стену, направляясь в сторону двери. В этот миг за ее спиной появляется тень. Определенно мужчина. Немаленького роста, чуть ниже меня. Коренастый. Держится уверенно, несмотря на то, что спешит. Он в спецовке камуфляжной. Судя по тому, как прячет лицо и избегает камер, он точно знает их расположение. Получив удар по голове, Кира падает, а похититель, быстро закинув ее на плечо, исчезает в ночи. Там есть камера, но она не дает ничего понять, потому что слишком темно.

— Работал спец, — Роман пришел к тем же выводам. — Пришел за ней, выжидал и забрал, как только представилась возможность.

— Где парни? — спрашиваю, не желая думать о том, что могло с ней приключиться за то время, пока я корчил из себя обиженного.

— Прочесывают местность.

— Они ничего не найдут, — отвечаю зло, понимая, что они уже перетоптали все следы, помогая похитителю уйти.

— Мои уже патрулируют вокзал и дороги, — сообщает Роман.

— Обьездные?

— Тоже.

— Он спрятался недалеко, раз следил за тобой, — сообщаю я, впрочем, зная, что Роман в курсе. Направляюсь к его шкафу с арсеналом.

— Что ты собрался делать? — Роман встает за спиной.

— Вернуть ее, — бросаю я, прежде чем закинуть оружие в сумку и выйти.

Кира

Голова болит, и все будто в тумане.

Голос из прошлого.

С трудом открываю глаза.

Где я? Что со мной?

Незнакомая комната. Волосы мешают все рассмотреть, и я протягиваю руку, чтобы их убрать.

Точнее, пытаюсь это сделать, но не получается. Осматриваю себя.

Я связана. Вот прямо натурально так связана.

Тут накатывает осознание, что болит не только голова, но и тело, а некоторых своих конечностей я вообще не чувствую.

Уже более осознанно осматриваюсь.

Небольшая комнатка с двумя дверями. Кровать, шкаф, пара тумбочек и пуфик рядом с углом, куда меня, грубо говоря, свалили.

Больше всего убили шторы в цветочек.

Слишком сюрреалистично они выглядят.

Вся эта комната никак не вяжется с тем, что в ней сидит связанный в углу пленник. То бишь я.

Скорее, я могла бы ожидать какую-нибудь добрую женщину с милой улыбкой, входящую в комнату с противнем, источающим прекрасный аромат выпечки.

Последнее, что я помню, — что Сава возвращается. Собственную панику.

Боль в голове.

Меня похитили. Кто? И, главное, зачем?

Те, кто пришли за мной в дом Сtima, шли убивать, а не похищать.

Тогда кто?

А больше ведь некому, или я опять непонятно где умудрилась снова кому-то дорогу перейти? Такое может только со мной приключиться.

Не позволяю себе задуматься о самой ситуации. Сейчас мне нужно выбраться отсюда, а истерика ничуть мне в этом не поможет.

Несмотря на увещевания, паника внутри растет, мешая нормально дышать, заставляя черные пятна расцветать перед глазами. Из-за чего я не сразу понимаю, что в комнате уже не одна.

С удивлением и ужасом наблюдаю за тем, кого меньше всех ожидала здесь увидеть.

— Ну, здравствуй, милая, — улыбаясь, как в старые времена, говорит Артем Новиков, подпирая дверной косяк. — Не ожидала меня увидеть?

Да уж, от слова «совсем». Мой бывший жених собственной персоной. Какого черта тут происходит?

— Тёма? — получается слишком хрипло даже для моих ушей.

Он медленно подходит ко мне и присаживается рядом. Резкий выпад, и его пальцы больно хватают меня за подбородок.

— Сколько раз тебе говорил, не называй меня так, — цедит он холодно сквозь зубы.

Смотрю на него и не узнаю. Никогда его таким не видела.

Всегда спокойный и улыбочивый, он легко завоевывал доверие, куда бы ни пришел. При этом сказать, что не бросался в глаза, — это ничего не сказать. Я всегда гордилась тем, что смогла разглядеть в нем то, чего другие не видят. Оказалось, все наоборот. Это я была слепа.

Тогда для меня стало большим шоком известие, что изначально ему нужна была не я, а то, что может предложить мой дед моему будущему супругу.

— Ты навлекаешь на себя опасность, находясь рядом со мной, — сообщаю я ему, несмотря на то, что прекрасно понимаю, что не все здесь так просто. — За мной...

— Говорю же, — перебивает он, смеясь, — глупая баба, — шокирует Артем меня. — Это я тебя преследую.

Что это значит? Это ведь неправда?! Я, конечно, могла думать, что готова к чему угодно, но не к этому.

— Что, начинает наконец доходить? — спрашивает Артем, холодно. — По глазкам твоим блядским вижу, что да, — противная усмешка расплзается по его губам. — Как же я мечтал засадить тебе пулю в лоб, — откровенничает Артем, — каждый раз, когда ты называла меня «Тёма», — тянет он противно. — Каждый раз, когда хвасталась мной как своей игрушкой на этих проклятых вечерах, что устраивал твой дед, — бросает на меня взгляд. — Этот старый хрыч все время следил за мной. Куда бы я ни пошел, чтобы я ни делал — он всегда был в курсе.

Артем замолкает на несколько секунд, прежде чем снова продолжить:

— Так хотелось сдвинуть твою тонкую шейку, когда ты пыталась избежать со мной близости, — теперь он смотрит пристально. — Что? Думаешь, я не знал? — его губы кривятся в усмешке. — Да все на твоём лице было написано, — смеется он, издеваясь. — Стоило только дать тебе понять, что я хочу тебя трахнуть, как в твоих глазках включалась вся вселенская скорбь, — продолжает он, ужасая меня своими словами. — Если бы ты только знала, как мне нравилось ломать твое сопротивление и нагибать тебя, в то время как ты мечтала сбежать.

Мне хочется заткнуть уши, чтобы его не слышать, но я могу только прикрыть глаза. Тут же вспоминаю момент, когда он поймал меня в женском туалете. Тряхнув головой, впиваюсь в него взглядом, не желаю вспоминать, не желаю воскрешать в своей памяти моменты с ним.

Он сошел с ума. Все это неправда.

— Ты всегда меня бесила, — вдруг признается Артем, отталкивая мое лицо. — Строила из себя крутую и умную, а на самом деле ты глупая баба. Да еще и давалка, как оказалось.

Страх вытесняет злость. Она помогает мне взять себя в руки.

— Как удобно врать самому себе и свято верить в собственную ложь. Это ты по себе судишь? Давалка у нас как раз таки ты, — бросаю я ехидно. — Давал всем, кто мог хоть что-то для тебя сделать. Шел по головам, чтобы только взобраться повыше, — все, что тогда я не смогла ему высказать, сейчас выливается из меня как из рога изобилия.

— Заткнись! — орет Артем, снова слишком близко придвигаясь ко мне. Вся его хваленая выдержка слетает с него, как осенние листья опадают осенью от сильного порыва ветра. — Все ты, тварь проклятая, со своими истериками, пожаловалась своему деду, и он в два счета меня выкинул. Вместо того чтобы быть мне благодарной, ты уничтожила мою карьеру. И думала, будешь жить себе припеваючи? — все больше заводится он, но мне почему-то не страшно, наоборот, я прихожу в еще большую ярость от его попытки повесить вину на меня. — Ты сам виноват в собственных проблемах, — шиплю я в ответ. — Это я должна быть благодарна? За что? Я, что ли, тебя по бабам толкала?

— Твоя неполноценность меня толкала, — орет он мне в лицо.

Маску спокойствия сменило безумие. Теперь я его действительно разозлила.

— Но знаешь, когда я больше всего тебя возненавидел? — спрашивает Артем, с маниакальным блеском в глазах. — Не тогда, когда ты бросила меня, нет, и даже не тогда, когда твой дед уничтожил мою карьеру, — его ладонь ложится мне на колено, отчего я снова дергаюсь. Страх того, что он может сделать, немного притупляет боль в голове. — Я захотел тебя убить после того, как услышал твои стоны, — его пальцы больно впиваются в мою плоть, заставляя меня вскрикнуть. — Под ним, — подытожил Артем. И да, чистая ненависть смотрела на меня из его глаз.

Я знаю, что он видит в моих панику, но ничего не могу с этим поделать.

— После того, как я засадил в тебя пули, я понял, что должен увидеть ту вселенскую скорбь на твоём лице ещё раз, — говорит Артем таким тоном, будто обсуждает со мной что-то обычное, а не попытку моего убийства. — Тогда, — он нежно погладил другой рукой меня по щеке, — и только тогда я смогу стереть из своих воспоминаний твои стоны. Ты мне за все ответишь, — предупреждает он, вдруг касаясь большим пальцем моей нижней губы.

Сжимаю зубы, мешая ему проскользнуть мне в рот, и качаю головой, пытаюсь избежать с ним контакта.

— Смотрю, брать в рот он тебя тоже не смог научить? — от его пошлых слов становится тошно, и я кусаю его за палец.

Артем в одно движение хватает меня за бедра и заставляет свалиться на спину, отчего я больно ударяюсь головой о стену.

— Знаешь ли ты, что я испытал, когда ты стонала под ним? — его ладонь обхватывает мою грудь, причиняя мне боль. — Я захотел увидеть тебя такой.

Меня начинает трясти уже от омерзения. Подтягиваю колени повыше к груди, пользуясь тем, что он нависает надо мной сбоку, и бью что есть сил в его бок. Артем замирает на несколько секунд. По его почерневшему взгляду понимаю, что точка невозврата пройдена. Откатываюсь в сторону, когда он нападает, потом еще. Успеваю встать на колени, когда он меня настигает.

— Куда-то собралась? — издевается Артем, схватив и потянув меня за ноги. Падаю лицом вперед, но в последнюю секунду умудряюсь приземлиться на бок, дергаю ногами и попадаю ему в бедро.

— Пошел ты, — шиплю я, извиваясь, не позволяя ему повалить меня на живот, но безуспешно.

— Как пожелаешь, — Артем наваливается на меня со спины, тем самым заставляя меня задохнуться от нехватки воздуха.

Резкая боль ошеломляет, и я не сразу понимаю, что он рвет на мне одежду. Бью головой назад, слышу характерный хруст и его вскрик, но не успеваю этому обрадоваться, как он бьет меня головой об пол.

Пока я пытаюсь превозмочь боль и не упасть в обморок, он успевает стащить с меня штаны до колен. Связанные ноги мешают ему сразу добиться своего.

— Нет, — кричу я, почувствовав его руку у себя между ног.

Он причиняет боль, пытаюсь проникнуть в меня пальцами.

Господи, как же противно.

— Всегда мечтал тебя трахнуть, — шипит Артем мне в ухо. — Представь мое разочарование, когда вместо огненной страсти я обнаружил бесчувственное бревно в своей

кровати, — его действия не дают мне возможности вслушаться в его слова. — Как я ни старался тебя возбудить, все было напрасно.

Я снова бью его головой и попадаю, но Артем даже на секунду не замедляется, продолжая оголять меня.

— А потом я научился получать удовольствие от тебя по-другому, — он приподнимается, но тут же тянет мои бедра к себе, пропихивая свое колено между моих ног, раздвигает их. — Единственное мое утешение было в том, что твоего красивого до безумия, сексуального тела до меня никто не касался, — шипит он. — Но ты меня и этого лишила, — его обвинение тонет в моем крике.

Его голые бедра касаются моих, и я чувствую, как его твердый член ищет вход в меня.

До последнего я пыталась спрятаться в иллюзию, уговаривала себя, что он так со мной не поступит, не хотела верить в то, что со мной может такое случиться.

Он меня сейчас изнасилует.

Осознание этого сметает весь мой разум. Я сражаюсь с ним как дикое животное, загнанное в угол. Пусть лучше убьет, чем это.

Царапаюсь, кусаюсь, бью чем могу и туда, куда могу дотянуться. Работаю локтями, ломаю ногти, пытаюсь перевернуться и стащить его с себя. Мне удастся в конце концов оказаться с ним лицом к лицу. Не человек — монстр. Пропускаю удар по лицу, и он снова умудряется меня оседлать.

— Твое сопротивление мне даже больше нравится, чем твой страх, — смеется он как ненормальный.

Повернув голову, впиваюсь в его ладонь, что удерживает мое плечо, зубами.

— Дикая сучка, — говорит он почти нежно, снова ударяя меня головой об пол.

Сознание путается, и я понимаю, что если сейчас отрублюсь, то меня уже ничто не спасет. Пользуясь тем, что мои руки свободны, бью наотмашь, не видя куда, но, судя по недовольному стону Артема, все-таки попадаю. Его ладонь смыкается у меня на горле, мешая вдохнуть.

«Хорошо, что я ничего не почувствую».

Сава

— Куда ты? — откуда ни возьмись, появляется Алекс. — Я с тобой.

Легче согласиться, чем с ним спорить, поэтому я ничего не говорю, когда он запрыгивает на соседнее сиденье.

— Павла заберем, — предлагает Алекс, показывая рукой на кромку леса, — вон он идет. Задумываюсь над тем, откуда начну. Павел садится на заднее сиденье, и я трогаюсь.

— Куда мы? — спрашивает Павел, пересаживаясь на середину и облачиваясь на кресло.

— Не спрашивай, — отвечает вместо меня Алекс, — все равно не ответит.

— Сядь нормально, — осаждаю я Павла, и он безропотно откидывается назад. — Мы возвращаемся туда, где наш стрелок ее подстрелил, — неожиданно для себя поясню я.

Алекс косится на меня, но, на мое счастье, никак не комментирует мои слова.

В таких городках никогда ничего не меняется, так что я направляюсь к магазину строительных материалов, что находится напортив того интернет-кафе, где Кира выходила в сеть.

Я тогда мельком заметил видеокамеру, спрятанную под козырьком входа в это здание.

Через пятнадцать минут разговора с хозяином мы уже всматриваемся в видеозапись с этой камеры.

Но это нам ничего не дает.

— Мы осмотримся, — бросает Алекс, прежде чем испариться на выходе.

В тот день никого подозрительного, кроме нас с Кирой, не было. Я тогда не видел смысла таиться, ведь, даже если бы кто-то просмотрел видео, нас бы уже и след простыл. Задерживаться я тогда тут не собирался.

Черт. Тупик. Нужно найти парней.

Запоздалая мысль пришла в голову, когда я уже поднялся.

Быстро сажусь обратно и перематываю на две недели назад, до нашего с Кирой появления в этом городе.

Кажется, я зря понадеялся. На экране в быстром режиме пробегает монотонная жизнь маленького городка, но того, кого я ищу, нет.

В тот момент, когда я готов был уже отключить запись, на экране появляется он. Моя рука замирает над клавишей «Выключить», пока я всматриваюсь в силуэт мужчины.

Вроде бы ничего странного в нем нет, простой обыватель, никто бы и не заметил, но только не я.

Слишком профессионально он двигается, осматривается, не озираясь, держится в тени и избегает камер. Скорее всего, эту камеру он не заметил, потому что красный огонек на ней прикрыт козырьком.

— Ты его знаешь? — раздается вопрос Павла за спиной.

— Нет, — качаю головой, продолжая всматриваться в нечеткие черты лица, которые хоть и плохо, но все-таки видно, — но он точно один из наших.

— Сейчас пробью по базе, — бросает Павел, садясь на соседнее кресло и приступая к делу.

— Вы еще долго? — спрашивает делано недовольный голос хозяина, и я оборачиваюсь к

нему. Очень любопытный тип по имени Степан Михайлович. И как от его зоркого взгляда в этом городке могло что-либо укрыться?

Он стоит у входа и смотрит на фото нашего подозреваемого на экране.

— Это ж мужик Павловны, — кивает хозяин в сторону экрана. — Жил он у нее, — поясняет он, видя наши недоуменные лица.

— Ты продолжай, а я переговорю с ней, — сообщаю я Павлу, поднимаясь.

— Так ваш уже с ней толкует, — радуется меня хозяин. — Ну тот, молодой, — продолжает он, и я слышу за спиной смешок Павла.

Да уж, хозяин магазина уже в том возрасте, когда мы все для него молодые.

— Спасибо, что позволили нам посмотреть, — говорю я, косясь на Павла. — Еще пара минут, и мы уйдем.

— Та это... объяснили бы, в чем дело, я мог бы и помочь, — с надеждой тянет Степан Михайлович.

— Нашел, — сообщает Павел, и я возвращаюсь к нему. — Некто по имени Артем Новиков.

— Кто это? Впервые слышу. Он у нас служил?

— Нет, — отвечает Павел, — до наших ему далеко.

Понимая, что у нас есть лишние и очень любопытные уши, решаю, что здесь не место и не время это обсуждать. Тем более что мы уже все посмотрели.

— Скачай все, что на него есть, и по дороге обсудим, — прерываю я Павла, и тот без лишних слов понимает, о чем я.

— Парни, что я нашел! — с радостной моськой на пороге появляется Алекс, но, заметив мое состояние, замирает на секунду, переводя недоуменный взгляд с меня на Степана Михайловича и обратно.

— Подгони машину, — бросаю я ему ключи.

Через двадцать минут мы уже мчимся из города на всех парах. Хозяин оказался понятливый, и нам после этого не докучал. Правда, визитками своими обеспечил нас всех и раз сто повторил что, если что, он всегда и ко всему готов.

— Молчаливый и странный, — передает услышанное Алекс. — Завтракать у нее отказался, и вообще, днем она его не видела. Уходил с утра пораньше и возвращался поздно ночью.

— Конечно, рыскал, тварина, — злюсь я, вспоминая, как он пальнул в Киру.

— Короче, ушел он до того, как вы появились в городе, — подытоживает Алекс. — Не выдержал, видать, натиска любвеобильной хозяйки, — его смешок раздражает меня.

— А что, думаешь, она на него наседала? — спрашивает Павел, прежде чем я успеваю осадить Алекса. Недовольно кощусь на Павла, но он продолжает пялиться в экран ноута, и я сдерживаю грубые слова, готовые сорваться с языка.

— Да она меня чуть не изнасиловала, пока на вопросы отвечала, — бросает Алекс серьезно, и тут уже даже я не выдерживаю и начинаю смеяться вслед за Павлом. — Вам смешно, да? — возмущается Алекс. — Ниче, что она под сотку весит, а? Посмотрел бы я на вас, потяни она своим липкие пальчики к вам. Чуть штаны с меня не сняла, пытаюсь залезть в них. Будь я менее понятливым, подумал бы, что ей штаны мои приглянулись, — улыбается он под конец.

— Ну это же не нас удостоили такой чести, — выдает Павел, за что получает тычок от Алекса и новый взрыв смеха.

— Никогда не думал, что доживу до того дня, когда мне придется чуть ли не убегать от женщины, — подливает масла в огонь нашего веселья Алекс.

Смех Павла резко прерывается, и я недоуменно оборачиваюсь на него, но тут же возвращаю свое внимание на дорогу. Все же успеваю заметить взгляд, брошенный Павлом на Алекса.

— Что ты нашел? — спрашиваю я, не желая гадать. — Просто скажи. — Вы знали, что у девушки был жених? — спрашивает он напряженным голосом. И я его не виню. После моих неадекватных наездов на парней этого следовало ожидать.

— Да, знал, — отвечаю я. — А что?

Ловлю на себе взгляд Алекса. Какого черта он не сел назад?

Не обращаю на него внимания, продолжаю ждать ответ.

— А то, что это и есть ее жених, — выдает Павел, заставляя меня резко затормозить.

— Какого черта? — орет Алекс, который ударился головой о лобовое стекло от моего выкрутаса.

— Что ты сказал? — разворачиваюсь к Павлу.

— Это ее жених, — повторяет он. — Бывший, — поправляется. — Только с чего ему там шастать?

— С того, что он и есть наш стрелок, — говорю я, сам не до конца веря в это. — Пробей-ка, кто он и откуда? — разворачиваюсь обратно и завожу машину.

— Может, я поведу, а то твое вождение оставляет желать лучшего, — бросает Алекс, но я его не слушаю.

Бывший жених.

Черт, а это охренеть как неприятно. Одно дело — знать, что где-то есть гипотетический бывший, и совсем другое — увидеть этого самого бывшего. Не вживую, но и этого хватило, чтобы пожелать разбить ему голову.

— Слишком мелкий, — сообщает Павел. — Считаю, никто, — слышу осуждение в его голосе. — Не дослужился даже до мелкого чина. Это, конечно, не показатель, но за пять лет службы... — тянет он. — Либо слишком ленив, либо не годен.

В армии, как ни странно, меньше чем за год становится ясно, кто есть кто. Тут не спрячешься за родителями или деньгами. Либо ты мужик, либо, как сказал Павел, не годен.

— После расставания его освободили даже от той должности, что была подарена ему генералом, — усмехается Павел.

— Точно не годен, — смеется Алекс. — И что Кируша в таком нашла?

Его слова режут по больному. Что она тогда во мне нашла? Или в Валиде? Не дремлет внутренний голос.

— Адрес, — напоминаю я Павлу, чтобы не отвлекался и нас не отвлекал. Точнее, меня.

— И адрес, и часть, где он служил, и даже друзья-товарищи, — говорит Павел, щелкая по клавиатуре.

— Не думаю, что он ее к себе повез, — говорю раньше, чем успеваю обдумать эту мысль.

— Точняк, — соглашается Алекс. — Разделимся. Ты — к нему домой, я — в часть, а Павлуша с друзьями потолкует, — командует он.

— Ты меня не слышал? Я сказал, что он не повез бы ее к себе, — злюсь я.

— Да все я слышал, только вот от твоей рожи сейчас толку мало, — не соглашается Алекс. — В часть тебе нельзя. Если не забыл, ты сейчас у наших в розыске, — напоминает

он мне. — Друзья Новикова вряд ли захотят с тобой добровольно инфой делиться, а драка нам сейчас не нужна, — поясняет он. — Хотя, согласен, тебе бы это не помешало.

— Да ладно тебе, — встревает Павел, — в этот раз хоть не на нас отыгрался бы.

Хоть я и не хотел это признавать, но все-таки в словах Алекса был резон. Дом Новикова все-таки стоит проверить. Вряд ли бы он там задержался, но перекантоваться мог. А это значит, что мог и крошки за собой оставить, по которым я смогу его найти.

— Хорошо, — соглашаюсь я, не давая себе передумать.

— Только тебе лететь придется, — радуется меня Павел с заднего сиденья. Повезло ему, достать не могу, а то насладился бы его хрустнувшим носом. — Просто так быстрее, — кажется, он понял мои не очень добрые намерения на его счет.

— Не бойсь, и я с тобой, — хлопает меня по плечу Алекс. — Часть его в том же районе находится.

К великой радости Алекса, Роман подогнал нам вертолет, по просьбе Павла. Так что до нужного места мы все-таки добрались быстро.

— Если что, на связи, — бросаю Алексу, прежде чем мы расстаёмся.

— Не убей его, если найдешь, — просит он.

— Ничего не обещаю, — бурчу себе под нос, пока вертолет набирает высоту.

Приведя себя в порядок, направляюсь в сторону города. Сели мы в пригороде, так что мне предстояло еще поймать попутку.

Пожилая пара остановилась через полчаса моего пути. Пришлось придумать небылицу про ссору с друзьями и выслушать лекцию о ценности дружбы. Потом тема перешла к внукам, и уже через десять минут я был готов выброситься из машины на ходу.

— А у вас есть дети? — вопрос застал меня врасплох. Я как раз раздумывал, как эта парочка себя поведет, если я все-таки решусь выйти из машины на ходу. Воистину муж и жена — одна сатана.

Поэтому и не ожидал каверзных вопросов и перевода стрелок на меня.

В другой ситуации, наверное, отшутился бы, но сейчас почему-то так явно себе представил Малышку с ребенком на руках. Маленькая девочка, очень похожая на нее, но глаза, которые смотрят мне в душу, напоминают мои. Кира улыбается мне и подмигивает.

Отгоняю это странное видение. Слишком реальное и настолько же невообразимое. Как такое могло прийти мне в голову?

— Ну что, ты не уверен в количестве и мысленно их считаешь, что ли? — поддевает меня мужик, хитро поглядывая на меня через зеркало заднего вида.

— К сожалению, пока нет, — отвечаю я.

И мне действительно жаль.

Малышку я потерял. Как и девочку, которая могла бы у нас когда-нибудь быть.

Кира

Даже сквозь ускользящее сознание я слышу странный писк.

Вмиг Артем с меня скатывается, давая мне возможность вздохнуть свободно.

Вместе с воздухом ко мне возвращается и ясность мысли. Еще не придя в себя, я дрожащими руками натягиваю обратно штаны с бельем, оглядываюсь в поисках того, чем могла бы прикрыться, но моя футболка валяется тряпками поодаль, так же, как и бюстье.

Артем, на ходу застегнув штаны, быстро подходит к шкафу и вытаскивает оттуда большую спортивную сумку, бросив ее у входа, тихо ругаясь себе под нос, обувается и, натянув футболку, устремляется ко мне.

— Черти сраные, быстро опомнились, — бормочет он.

Я напрягаюсь и пытаюсь отползти от него, но у меня плохо получается.

Быстро настигнув меня, Артем легко заламывает мои руки и связывает их за спиной. Рывком поднимает меня, как тряпичную куклу, и закидывает на свое плечо. У меня голова кружится, и тошнота снова подступает к горлу.

В себя прихожу уже на улице. Когда Артем бросает меня, как куль с мукой, на заднее сиденье. Я, кажется, снова теряю сознание.

Открыв глаза, понимаю, что мы уже куда-то едем.

Не могу пошевелить ногами: их он тоже связал.

Слава богу, он не смог закончить начатое. Но долго ли продлится мое везение?

Проверить я не хочу. Нужно сделать все, чтобы сбежать.

Не знаю, сколько мы едем, мне кажется, что целую вечность, и в то же время будто всего несколько секунд.

И опять Артем вытаскивает меня из машины и, закинув себе на плечо, тащит в какое-то здание. Рассмотреть ничего не успеваю: очень близко припарковался. Может, в этом здании есть люди? На миг возникшая надежда тут же умирает: слишком свободно он идет, не крадучись. Да и вряд ли бы он оставил мне не завязанным рот, будь вероятность, что меня сможет хоть кто-то услышать.

В этот раз он кладет меня на кровать. Привычная тошнота.

К тому моменту, как я прихожу в себя, Артем уже стоит у кровати и собирает оружие. Снайперская винтовка. Из нее он меня ранил?

Да какая разница. Нашла, о чем задуматься.

Как можно было быть такой глупой? Не знать, кто он? Что он? Не понять. Насколько нужно было быть заикленной на себе, чтобы не понять, что за человек рядом со мной.

Закончив свое занятие, Артем складывает все обратно в сумку.

Обойдя кровать, он садится рядом со мной. Увидев мою попытку отодвинуться от него, зло усмехается.

— Как бы мне ни хотелось продолжить, прежде я должен решить одну назойливую проблему, — говорит он серьезно, обведя мою голую грудь кончиком пальца.

Будто насекомое ползает. Ежусь от его ласки.

Наклоняется ко мне в явном желании поцеловать.

Резко отворачиваюсь. Обойдется.

Но Артема так легко не остановить. Его влажный язык касается моей щеки.

Прикусываю ее изнутри от невозможности стереть его касания.

Не знала, что могу так сильно ненавидеть другого человека.

Жесткий хват его пальцев, и его губы накрывают мои. Сжимаю зубы. Пошел ты.

— С этим разберусь, когда вернусь, — угрожает Артем, быстро заклеивая мой рот скотчем.

И когда он только успел его взять?

Он наконец-то оставляет меня в покое.

Артем идет к выходу, и я свободно выдыхаю. Насилия сейчас не будет. У меня есть время на побег.

— Не шали тут без меня, — приказывает он вдруг, оглянувшись через плечо. — Я вернусь, как только всажу пулю в лоб твоего хахаля, который возомнил себя крутым Рэмбо, — последние слова Артем говорит, уже закрывая дверь.

Щелчок не оставляет никаких сомнений в том, что он меня запер.

Через пару секунд до меня доходит смысл его слов. Моего хахаля? Сава?

Артем хочет убить Саву! Господи!

Он что, направился сейчас с этой винтовкой за Савой?

На секунду тело замирает в неверии. Такого просто не может быть.

Только не Саву. Я смирюсь со всем, но только не с этим.

Пытаюсь встать, несмотря на то, что связанные за спиной руки затекли и при каждой попытке ими пошевелить причиняют боль. Если бы они не онемели и я их хоть немного чувствовала, то я бы перетасила их через ноги вперед. Не раз так делала. Только вот на тренировках не учла, что руки могут онеметь.

Как контролировать то, чего ты не чувствуешь?

Перекатываюсь на живот и встаю на колени. Несколько раз падаю на нос, радуясь, что Артем все-таки оставил меня на кровати. Будь я сейчас на полу, разбила бы себе нос.

Кое-как умудряюсь встать с кровати.

Переждав секунду, делаю маленькие шажочки в сторону шкафа. Мне нужно что-нибудь острое, чтобы срезать с себя шнур. Пока открываю шкаф и обшариваю тумбочки, чувствую, что ноги истерлись в кровь. Шнур впился в кожу. Судя по той влаге, что я чувствую на пальцах, руки тоже в плачевном состоянии.

В комнате пусто. Одежда не в счет. Она мне не поможет.

Артем, будь он неладен, не оставил мне ничего, чем я могла бы себя защитить.

В тот момент, когда я принимаю решение дойти до второй двери, надеясь, что там ванная и она окажется мне более полезной, спотыкаюсь о собственные ноги и падаю, больно ударяя головой об пол.

Не могу дышать. В глазах темно. Не знаю, сколько я была без сознания, но за окном стемнело.

Сава. Господи, пожалуйста, не дай Артему убить его.

Пытаюсь встать, не хватает точки опоры. Несмотря на боль, ползу в сторону двери. Еще некоторое время уходит на то, чтобы сесть, а потом и встать. Дергаю дверь онемевшими пальцами, которые то и дело норовят соскользнуть с ручки. Она закрыта.

Пытаюсь ударить ее плечом. Возможно, замок не такой крепкий и не выдержит удара. Но после третьей попытки чувствую, что удара не выдержала я. Начинаю заваливаться на спину и ничего не могу с этим поделать.

Никогда, даже после самых суровых тренировок, я не чувствовала столько боли. Не могу

дышать. Черные пятна расцветают перед глазами. Руки болят так, что кажется, я либо вывихнула их, либо сломала. Хорошо хоть, онемение пока не дает мне в полной мере осознать и эту боль.

Пытаюсь пошевелиться. Со стоном перекатываюсь на бок.

Все тело, начиная от кончиков волос и заканчивая пальцами ног, как один оголенный нерв.

Уткнувшись носом в пол, признаю свою беспомощность.

Чего боялась, называется...

Артем прав: строила из себя крутую, а на самом деле просто слабая обуза.

Рыдания вырываются вопреки моей воле.

Господи, помоги мне. Спаси Саву.

Не знаю, сколько времени я потеряла на жалость к себе, но приступ проходит, и я успокаиваюсь.

Терять мне нечего. Переворачиваюсь на спину и подтягиваю к себе колени. Не знаю, сколько я так мучаюсь, периодически делая короткие перерывы, чтобы перевести дыхание, но в конце концов мне удастся перетащить ноги через связанные руки вперед. Пальцы не сломаны, но, похоже, растянула я их конкретно. Нужно избавиться от пут и соорудить что-то наподобие гипса, пока не прошло онемение. Иначе потом я сделать ничего не смогу.

Вытаскиваю из тумбочки полку. Приходится изловчиться, чтобы расположить ее у стены так, как мне надо. Парочка крепких слов и несколько ударов ногой, и мне удастся ее сломать. Зажимаю между ног большой обломок и тру о его рваные края веревку. Она слишком тугая, и иногда вместе с веревкой дерево проходится и по моему запястью, но я уже начинаю чувствовать в кончиках пальцев легкое покалывание, и страх заставляет меня действовать, не обращая на это внимания. Через, казалось бы, вечность мои руки наконец свободны. С ногами уже проще.

Щепки от все той же полки пригодятся мне для того, чтобы зафиксировать пальцы.

Одну, самую длинную, оставляю себе как оружие на всякий случай, если Артем вернется в самый неподходящий момент.

Руки трясутся, но все-таки мне удастся с горем пополам выровнять пальцы. Фиксирую их между двумя деревяшками и связываю куском веревки.

Больно. Но страх сильнее.

Сжимаю в здоровой руке свое импровизированное оружие, несмотря на то что в ладонь впиваются занозы.

Пытаюсь сдержаться и не заплакать. Сейчас нет времени на жалость.

Мне нужно сбежать до того, как Артем вернется. О том, что это будет означать, стараюсь не думать.

Вытаскиваю несколько вещей из шкафа. Натягиваю огромную футболку, радуясь, что она доходит мне почти до колен.

Открыть дверь не получается, и я иду к окну. Артем поднимался недолго, так что я, скорее всего, на втором, ну или на третьем этаже.

Ура, на втором!

Будь я в порядке и имей здоровые пальцы, спуститься вниз не составило бы труда, но сейчас держаться за что-нибудь левой рукой я не смогу, а это значит, что придется прыгать. Вероятность того, что я переломаю себе ноги, слишком велика.

Оглянувшись, цепляюсь взглядом за постельное белье на ней. Чем черт не шутит. Все

лучше, чем прыгать. Стягиваю простыню и пододеяльник и связываю их между собой за углы. Онемение почти прошло, и каждое движение дается мне с трудом. Привязываю кончик простыни к ножке кровати. Она большая и вслед за мной в окно не влезет. Главное, чтобы я смогла удержаться.

Сбрасываю свое сооружение из окна — слишком далеко от земли.

Подвигаю кровать ближе к окну. Вроде бы сойдет.

Свесив одну ногу с подоконника, на миг поддаюсь сомнению: смогу ли? Но есть у меня выбор?

Либо рискнуть, либо сидеть безропотно и ждать, когда Артем вернется и завершит свое дело.

Саву надо предупредить. Нужно успеть раньше Артема. Пусть лучше пристрелит меня.

Уже более твердо перекидываю вторую ногу. Обматываю простыню вокруг правой кисти до самого локтя. Надеюсь, хватит.

Отступаю, позволяя этой неидеальной конструкции принять мой вес. Кровать с противным скрипом подается еще ближе к окну, отчего я рывком опускаюсь ниже. От неожиданности чуть не отпускаю. Успокоившись, продолжаю свой путь вниз. Все-таки сверху мне казалось, что край ткани почти у земли, но на самом деле оказалось, тут еще приличное расстояние. Руки от усталости дрожат, да и болит все так, что удержаться уже не могу. Разжимаю руку и падаю на землю.

Боль.

— Дыши, — приказываю себе, — просто дыши. Все пройдет.

Если я выживу, и моя голова будет работать после всех этих ударов по ней, это будет просто чудо. Мне кажется, что каждая косточка, что есть в моем теле, сломана.

Сава. Нужно найти Саву. Предупредить.

Поворачиваюсь на бок, и меня скручивает новая волна боли. Что это?

Кажется, я повредила внутренние органы.

Внутри болит так, что дышать не могу.

Мне кажется или я слышу голос? Разлепив мокрые глаза, вижу смазанный силуэт. Нет. Только не это. Только не так. Разве я для этого почти себя убила, чтобы он меня так легко снова поймал? Господи, за что? За что?

Сава

Он не здесь.

Слишком спартанская обстановка. Не для того, кто ради положения охмурил наивную девчонку. И шел по головам, чтобы получить свое.

— Он здесь не жил, — сообщаю я Павлу, набрав его сразу же, как только попал внутрь этой хибары. — У него есть другое место.

— Я проверю еще раз, — успокаивает он меня.

Многоэтажка, каких здесь много. Требующая ремонта от крыши до крыльца. Я бы сказал проще, что ей только снос поможет.

Служить в войсках специального назначения, вернуться живым оттуда, откуда не все возвращаются, чтобы потом встретить свою старость в таком месте? Нашему брату не позавидуешь.

У подъезда напоролся на сухую старушку, которая пыталась открыть дверь.

— Спасибо, — поблагодарила она, когда я придержал ей дверь, но не спешила пройти внутрь, оглядывая меня сверху донизу с большим любопытством. — А ты никак в седьмую квартиру заселился?

Она назвала номер квартиры, что числилась за Новиковым.

— Пока еще нет, только присматриваюсь, — улыбнулся я, но, судя по нахмуренному лицу, старушке я явно не понравился.

— А ты не смотри, — отрезала она. — Хватит с нас солдат и их оргий. Развели срамоту, — покачала она недовольно головой. Уверен, могла бы — сплюнула бы мне под ноги. — Другое место подыщи. Сюда только семейных пусть отправляют, — продолжила он резко, проходя внутрь.

— Так я семейный, — ляпнул не подумав, чтобы хоть как-то ее остановить. — А что, в этой квартире до нас плохие люди жили?

— Ну как тебе сказать... — сразу изменилась старушка, по-доброму улыбнувшись. — Ты это... давай я тебя чайком угощу, а то налетела как сорока.

— Да ничего страшного, я не в обиде, — улыбнулся я. — Так и что?

— Да был тут один, — скривилась она. — Таскал сюда девок целыми караванами, а по ночам как устроят ор, хоть на стенку лезь. Приходилось Матвеева, участкового нашего, вызывать. Оказалось, что они тут непотребствами занимались. Наркоманы, — вещала старушка, найдя благодатные уши. — Я многих солдатусек видела, но этот совсем не такой, окаянный. Глаза как у дьявола, огнем горят. — Она вдруг опомнилась и даже тон сменила: — Но его давно уже здесь нет, ты не переживай. Умотал он к бабке своей, теперь ее голова пускай болит. Жалобу мы написали, вот его отсюда и убрали. Остальные в доме все старики, да Орловы с детками, — махнула она рукой. — А ты-то давно женат?

Звонок мобильного позволил мне удрать от каверзного вопроса. Тем более что я узнал, что хотел.

— Ты что-нибудь нарыл?

— Если позволишь вставить хоть слово, то расскажу, — усмехнулся Алекс. — Друзей у него в части не было. Нелюдимый и дёрганый, — сообщает он. — Начальство его не любило. Ни к чему не годный. Парни, мягко говоря, ненавидели. Если коротко, доносчик, трепло и

трус.

— Я знаю причину его дерганности, — усмехаюсь я. — Наркоман он, а значит, неуравновешенный и непредсказуемый.

— А что, у нас теперь уже анализы не берут?

— Думаю, что он подкупал или еще как-то влиял на врача, — предполагаю я.

— Или покровительство генерала ему помогало скрыть свое пристрастие, — озвучивает мои мысли Алекс. — Был тут один парень, с кем он больше всех общался, хочу к нему наведаться.

— Я думал, ты уже?

— Нет. Его в изоляторе держат.

— Понятно. Будь на связи.

— Есть, мамочка.

Несносный.

Набираю Павла, нужно проверить информацию о бабушке Новикова. Хотя боюсь, что в таком состоянии он вряд ли бы к ней поехал, но чем черт не шутит.

— Померла она, полтора года назад, — перезванивает Павел буквально через двадцать минут. — Но только вот странное дело, свидетельство о смерти так и не получили, и пенсию за нее до сих пор кто-то стабильно получает.

— Думаешь, он?

— Не уверен. Его одноклассник и бывший сослуживец поведал мне одну занимательную историю. Новиков наш — тот еще отморозок. На одном из первых заданий мирную... — Павел замер на секунду, будто не зная, как сказать. — Короче, насильовал он всех женщин, что попадались ему на пути, и даже девочек, — выдал из себя Павел. — Но в тот момент, когда всем казалось, что он достиг дна, его не только из армии не выкидывают, а, наоборот, вдруг дают чин. И откуда ни возьмись, у него и денежки появляются. Как-то раз, нажравшись в хлам, он похвастался в клубе, что теперь он элитный боец и теперь-то уж его все уважают, и тем более какой-то там Арсений, — на секунду Павел замолкает. — Мне одному кажется, что он о нашем общем знакомом?

— Генерал Лебедев, — подтверждаю я и жду продолжения.

— Именно, только вот что мне кажется странным: слишком уж по-панибратски называет он Лебедева, — выдает он свои сомнения. — Ты так не считаешь?

— Заикливаться на этом не будем. Давай адрес, проверю дом его бабки.

— Еще большую странность хочешь?

— Ты издеваешься? — рычу недовольно я. — Выкладывай уже все, что у тебя есть.

— Бабка его жила недалеко от того поселка, что мы проверяли, — быстро рапортует он, заставляя меня заскрежетать зубами. — А, вот еще, у него есть дом на побережье. Куплен недавно. Место сейчас скину, — тараторит он и кладет трубку.

Увидев адрес, понимаю, что не успею. Слишком далеко.

— Мне нужна группа, чтобы проверить дом Новикова, — сообщаю Роману, как только тот поднимает трубку. — Адрес я тебе скинул, отправь кого-нибудь.

— Я что, твоя личная гвардия парней на побегушках? — злится Роман. — Мои ребята, вообще-то, заняты на операциях.

— Мне плевать, где и что у тебя занято, я поручил ее тебе, а ты ее проворонил, — цежу я сквозь зубы. — Ты обязан ее найти.

— Черт, — он быстро кладет трубку.

Легко бросать в него обвинения, когда сам виноват.

Не уберег. Не удержал. По моей и только моей вине Малышка сейчас непонятно где. В порядке ли она? Мысль, что Новиков мог причинить ей вред, врывается в мозг, и мне хочется согнуться будто от боли. Это как удар под дых.

«Она в порядке. С ней все будет хорошо», — уговариваю себя, но не особо помогает.

Возвращаюсь на место встречи. Ждать просто невыносимо. Желание хоть что-то сделать распирает изнутри. Мысли не дают покоя.

Если бы не Валид... Жгучая ревность сжигает мое нутро, но при этом и тупая боль не дает вздохнуть свободно.

Кто бы сказал, что любовь такая, я бы лучше застрелился, чем позволил себе во всем этом утонуть.

Глаз сомкнуть не могу. Сны о ней меня преследуют. А днем еще хуже. Отсчитываю время до захода, чтобы снова окунуться в свой собственный мираж, где только и слышу ее плач и зов о помощи.

— Эй! — голос Алекса вырывает меня из моих мыслей. — Ты в порядке?

— В полном, — отрезаю я, не желая, чтобы он в это лез.

— Да по тебе сразу видно, — усмешка друга заставляет подняться в груди что-то темное и жгучее.

Отхожу от него, подальше от греха. Как же хочется сделать больно. Ему, себе, всему миру. Но только это Кире не поможет. Я и так отнял у нее слишком много времени своими заскоками.

Звонок от Романа немного разрядил обстановку.

— Там чисто, — бросает он. — Вряд ли там кто-то жил.

— Что-то еще?

Но Роман, ничего не ответив, отключается. Я понимаю его, хоть и не хочу. Дать слово и не выполнить обещанное — это не для него. Вот и мучается он, так же, как и я. Зря я на него наехал.

— Узнал что-то новое? — спросил я у Алекса, как только он появился.

— Да почти ничего, — покачал он головой. — Дружбан из СИЗО утверждает, что Новиков связался не с теми людьми. Слишком богатые и влиятельные. Новиков с ума сошел от радости, что ему так подфартило. Сорил деньгами налево и направо. Судя по тому, что ты сказал, он подсел на наркотики.

— Боюсь, подсел он на них давно, — качаю я головой. — Употреблял еще на своей старой хате, а ее назвать мечтой денежного парня никак нельзя.

— Получается, что у нас по нему ничего нет? — спрашивает разочарованно Алекс.

— Только дом бабки не проверили, — напоминаю я, не желая думать о том, что мы топчемся все на том же месте.

— Роман хотел туда Валида направить, — бросает Павел. А у меня все тело непроизвольно напрягается от его слов. — Так что... — от тычка Алекса он резко замолкает.

— Мы сами проверим, — бросаю я, отворачиваясь.

Решив спуститься на тросах, а не лететь на ближайшую опушку, откуда вертушка нас забирала, мы сэкономили себе время и уже через пятнадцать минут были у села в двадцати четырех километрах от того поселка, что мы обследовали до этого.

Если четыре дома можно назвать селом.

Причем из них лишь два дома стоят, а от остальных только бревна остались, да и то не

езде.

Уже на подступах к хибаре я знал: его здесь нет и никогда не было.

Вдруг передо мной выбежал мальчуган с отгрызенным яблоком в руках.

Он встал истуканом и уставился на меня не мигая. Хорошо, что мы с парнями разделились.

Миг, и вот малец уже пришел в себя и дал деру. Я бежать за ним не спешил, но скорости прибавил. Продолжая наблюдать косым взглядом за окрестностями, все-таки не упустил пацана из поля зрения. Сколько ему? Четыре, пять? Ушлый малец. Проскользнул через щель в заборе, точнее куске ограды, пробежал до перевернутой брочки, перелез через нее, как обезьянка, и тут же попал в руки Алекса.

Как ни странно, пацан не кричал, только брыкался. Алекс держал его на вытянутой руке, пока тот пытался его укусить.

— Отпустите его, — потребовал тонкий голосок за моей спиной.

Я обернулся и наткнулся на дуло дробовика, который танцевал туда-сюда в руках девушки-подростка. Тонкая как тростинка, с длинными, светлыми, собранными в косичку волосами, в старом огромном платье в цветочек, с завязанным на талии платком, она переводила наполненный ужасом взгляд с меня на Алекса. Видно было, что ей не по силам держать тяжелое оружие, тем более она пыталась натянуть горловину платья обратно, так как та все время норовила оголить ее острое плечико.

— Алекс, отпусти мальчика, — сказал я ровным тоном, не желая ее пугать, а то еще пальнет с перепугу. — Мы не собирались причинять вам вред, — отбрасываю свое оружие за спину и поворачиваюсь к ней лицом. При этом держу руки так, чтобы она видела, что я не опасен.

— Зачем тогда пожаловали? — она впивается взглядом в Алекса, который продолжает держать пацана.

Секунда, но мне ее хватает, чтобы одним движением успеть отобрать у нее ружье.

Взгляд у нее как у ребенка, которому не дали сладкое, о котором он мечтал долгое время. Полоснув меня им и тут же опомнившись, она кидается... на Алекса.

— Отпусти его, — кричит девушка, но Алекс, бросив парня мне, хватает ее.

Ловлю пацана на лету. Тот глазками вытаращил, и на лице мальчика расплывается довольная улыбка. К моему удивлению, он хлопает в ладоши и, кажется, требует еще. Главное, брыкаться перестал. Подбрасываю его вверх и ловлю. Видно, что ребенок радуется, но из его открытого, как у рыбки, рта не выходит ни звука. Что это с ним?

Перевожу взгляд на девушку, которая продолжает сражаться. Она вцепилась в руку Алекса, который зажал ее между ног и спеленал в своих объятиях. Смотрелось это со стороны немного комично. Но, судя по лицу Алекса, ему было не до смеха.

— Ты закончил? — не мог я его не поддеть.

— Успокойся ты, дикая кошка, — ответил он, но не мне. — Не собираемся мы тебя убивать. Успокойся. Кому сказал?

— Убери от меня свои лапы, — продолжает она сопротивляться, и я решаю вмешаться. Пацан у меня на руках уже освоился и всю пытался пощупать мое оборудование.

— Тихо, — гаркнул я, прижимая мальчика к себе, чтобы тот не испугался. Тому, похоже, было все равно, так как он дорвался наконец до своей цели. — В селе, кроме вас, есть люди?

Своего я добился, девушка испугалась и замерла. Она впилась взглядом в мальчика, потом уставилась на меня и быстро отрицательно покачала головой.

— Хорошо, а теперь успокойся, и мы поговорим, — предлагаю я, кивая Алексу, чтобы тот ее отпустил. — Кто вы? Что вы делаете в этом заброшенном месте? — спросил я, погладив пацана по спине, пока тот самозабвенно разглядывал бинокль в своих руках.

— Я Варвара Новикова, а это Анатолий, мой сын.

Встречаюсь взглядом с таким же ошарашенным Алексом.

Она что, тётя этого утырка? Не может быть!

Сава

— Кто тебе Артем Новиков? — спрашивает Алекс, немного тряся девушку, так как все еще держит ее за руку.

— Он мне никто, — кричит девчонка.

— Не ври, — продолжает давить на нее Алекс. — Кто он тебе? Он здесь? Говори.

Прежде чем я успеваю ему сказать, что пора бы остыть, девочка начинает плакать.

— Он здесь? — спрашиваю я, подходя ближе.

— Нет, — качает она снова головой. — Если бы только он посмел сюда явиться, я бы сама его убила, — продолжает она через всхлипы, и не только я слышу в ее голосе ненависть. Так, что-то здесь явно нечисто.

— Вы его ищете? — она вскидывает голову, встречаясь со мной взглядом. — Что он опять натворил? — спрашивает она обреченно.

— Он похитил... близкого мне человека, — не скрываю я. У меня нет времени, и нужна ее помощь. Я чувствую, что она может нам помочь.

— Скорее всего, он у себя в берлоге, — выдает она после долгого молчания. — Это далеко отсюда. Отпустите нас, и я покажу где.

— Она врет, — Алекс продолжает ее держать.

— Я не вру, — Варя смотрит на меня и говорит только со мной, игнорируя Алекса, что того не на шутку злит.

— Хорошо, — соглашаюсь я под молчаливое неодобрение друга. — Я гарантирую вам безопасность. Покажи нам дорогу. Сейчас.

— Долго ты собираешься еще наслаждаться концертом? — спрашивает Алекс громко, куда-то вбок, откуда вылезает довольно улыбающийся Павел.

— Я думал, вам и без меня весело, — хмыкает он. — Не хотел, чтобы вас пристрелили из-за меня, — обращается Павел ко мне, — а потом и надобности во мне не было.

Я согласно киваю. Он все правильно сделал.

— Отведи мальчика на базу, — прошу я товарища.

— Нет! — кричит Варя. — Вы сказали, что отпустите, — возмущается она, снова начиная вырываться из рук Алекса.

— Ты хочешь тащить с нами ребенка? Сама же сказала, что далеко, да и там кто знает, что нас ждет? Уверена, что хочешь этого? — спрашиваю я, и она, наконец успокоившись, отрицательно качает головой. — За ним присмотрят и здесь, но на базе его покормят, его осмотрит врач, да и ему будет интересно увидеть что-то новое, — объясняю я Варю ситуацию, передавая ошарашенному Павлу мальчика. — Да и мы чем быстрее дойдем, тем быстрее вернемся.

— Хорошо, — соглашается она после долгого молчания, — но потом вы нас отпустите.

— Конечно. Я же обещал.

— Отпусти меня, — рычит она в сторону Алекса.

— Ага, чтобы ты рванула как гончая? — не отстает от нее Алекс, чем удивляет меня.

— У вас мой ребенок, куда мне бежать? — пытается вырвать руку девушка, бросая на него яростный взгляд.

— В это-то я как раз и не верю, — отрезает Алекс, подтаскивая Варю к себе

поближе. — Сколько тебе лет? Пятнадцать? И у тебя ребенок? Ты когда его родила, в десять? — насаждает мой друг, а девушку начинает трясти.

— Алекс, отпусти ее, — приказываю я, делая шаг в их сторону.

— Ой, — в этот же момент Алекс сгибается, а девушка отскакивает от него, как от прокаженного.

— Так, кажется, вам тут и без нас весело, так что мы пошли, — бросает Павел, — да, малой? Что-то ты у нас не больно говорливый.

Варя застывает от его слов.

— Подождите, — кричит она Павлу, и тот останавливается. Варя подходит к нему и забирает сына. Что бы ни было, девочка любит этого ребенка, и это видно невооружённым взглядом. А вот мать ли она ему, это надо еще выяснить. Алекс прав, слишком она молода, чтобы иметь ребенка. Да и кем она приходится Новикову, она так и не сказала.

Что-то тихо сказав пацану и обняв его, Варя предала его Павлу. Малец, к счастью, не капризничал.

— Он не говорит и даже звука не издает, — предупредила она его. — Не задавайте ему вопросов, хорошо? И он боится громких звуков.

— Все будет хорошо, у меня полно братьев и сестер, — успокаивает Павел ее и уносит ребенка.

— Туда идти больше десяти часов, — говорит она деловито. — Мне нужно захватить из дома вещи, — предупреждает Варя. — Не уверена, что до темноты успеем. Придется заночевать в лесу.

— Ты нас этим не пугаешь, — усмехается Алекс, продолжая следить за ней недовольным взглядом.

— Я не пугаю вас, идиот, это вам не просто лес, — разводит она руками, — там чаща непроходимая. Не пройти, если троп не знать, ну или прорубать себе дорогу.

— А можно все ускорить и взять вертушку, — отрезает Алекс.

— И предупредить его о вашем приходе? — бросает Варя, двигаясь в сторону одного из домов.

— Кажется, этот раунд остался за ней, — хлопаю я Алекса по спине, двигаясь вслед за девушкой.

В домике, в котором она живет, чисто и сухо. Видно, что она за ним ухаживает. Что-то покрашено, что-то вкривь и вкось, но приколочено. Пахнет хлебом, и у меня в желудке вдруг громко начинает урчать. Когда я в последний раз ел?

Девушка двигается быстро и собирает все нужное в огромный рюкзак.

Я засматриваюсь на фотографию на стене. Там бабка с дедом в обнимку на лавочке перед домом сидят. А перед ними девчушка на велике. Уж очень она похожа на Варю.

Перед моим носом неожиданно появляется кусок хлеба с маслом, кощусь на девушку, что протягивает мне еду.

— Берите, а то всю живность распугаете в лесу своим урчанием, — говорит она серьезно, протягивая мне вслед за хлебом еще и два вареных и уже очищенных яйца. Беру все и сразу запикиваю одно яйцо целиком в рот. Вкуса не чувствую, но подкрепиться стоит.

— А мне ничего не сообразишь поесть? — спрашивает Алекс Варю, как только мы появляемся на пороге.

— Не нанималась бесплатно тебя кормить, — отрезает девушка, закидывая рюкзак себе на плечо. Она переделалась в штаны и водолазку и теперь выглядела еще более худой и

слабой, а рюкзак на ее спине казался слишком огромным для нее.

Алекс одним движением отобрал у нее ношу, закинул себе на плечо и зашагал вперед, несмотря на ее сопротивление.

— Все равно кормить тебя не буду, — крикнула ему вслед Варя, покраснев от злости.

— Куда ты денешься, — бросил, не оглядываясь, Алекс, продолжая шагать.

— И ты не туда идешь, — зарычала девушка.

Алекс остановился и посмотрел на нее, приподняв бровь.

Варя демонстративно развернулась и пошла в противоположном направлении. Услышав смешок Алекса, я поспешил за девушкой.

Чувствую, это будет незабываемое путешествие.

И чего Алекс к ней прицепился? Мне уже начинает казаться, что ему это нравится.

Шли долго, даже в темноте продолжали следовать за Варей. Она была права: не лес, а джунгли. Огромные деревья с широкими кронами, такими, что и света дневного не видно было, а в темноте и подавно хоть глаз выколи. Каждый шаг давался с трудом из-за густого подлеска.

Варя явно устала, но все-таки продолжала идти. Алекс прошел вперед меня и схватил девушку за плечо.

— Нам нужно остановиться, — сказал он, хотя я был против.

— Что, храбрый солдат не может осилить такой короткий путь? — поддела его Варя.

— Тебя шатает последний час, — не отреагировал он на ее издевку. — Тебе нужно передохнуть, как и нам, — последние слова Алекс сказал с нажимом. — Или ты собираешься упасть тут в обморок? Так-то ты точно сможешь своему другу сбежать.

— Ничего я не собираюсь, — пробубнила девушка, оглядываясь.

До этого момента я видел, что она прекрасно ориентируется в лесу, поэтому даже не подумал возмущаться, когда она пошла в другую сторону, только пометку в голове сделал, что шли мы на запад, а теперь идем на север.

— Ты куда? — зато Алекс был тут как тут.

— Нам придется переночевать в лесу, — пояснила девушка. — Здесь опасно, любой зверь может застать нас врасплох, — она прошла еще немного вперед и остановилась у небольшого холма. — А я знаю место, где мы можем быть в безопасности.

У склона холма оказалась не то пещера, не то яма, в которую мы смогли заползти. Места здесь для троих было явно мало. Отказавшись от еды, решил прикорнуть, если получится, перед тем, как взять дежурство. Все равно уснуть не смогу. Но все-таки прикрыл глаза, слушая разговор Алекса с Варей.

Задела она моего друга, кажись, за живое.

— Сколько тебе лет?

— Тебе какое дело?

— Раз спрашиваю, значит, есть.

— Отвали. Идиот.

— Я тебе рот с мылом помою, если не перестанешь ругаться и обзывать меня.

— Себе помой. Не лезь ко мне.

— Я тебе задал вопрос, ответь мне.

— Чего ты прицепился-то?

— Варвара, — от тона Алекса я чуть не усмехнулся. Точно задела.

— Не смей меня трогать, — поцедила девушка.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать, — прошипела Варя дикой кошкой, явно не желая меня будить. — Отпусти.

— Врешь, — цедит Алекс не так тихо, он-то знает, что я не сплю. — Откуда у тебя пятилетний ребенок?

— Ему не пять, а три. Отпусти.

Решаю, что хватит с меня интригующих историй на сегодня, поэтому, чтобы не смущать Варю, тянусь, будто просыпаюсь, и встаю. Видно, по красным лицам обоих, что я не вовремя, но если друг бросал на меня досадливый взгляд, то Варя явно была благодарна.

— Я подежурю, — бросаю я, выползая из ямы-пещеры.

— В этом нет необходимости, — говорит Варя просительным тоном, — наоборот, привлечете хищников.

— Все равно не усну, так что хоть с дичью позабавлюсь, — отмахиваюсь я.

— Ты не ответила, — за моей спиной Алекс снова начинает на нее наседавать. Похоже, спать сегодня никто не будет.

Хочется закурить, да только на задании это практически то же самое, что повесить себе на лоб мишень.

Потому обхожу периметр и начинаю делать разминку. Чтоб меньше думать.

Удачи мне в этом.

Варя напоминает мне мою Малышку. Такая же бойкая, бесстрашная и смелая.

Господи, пусть с Кирой все будет в порядке. Я готов на все, только бы с Малышкой все было хорошо. Пусть будет с другим, но живая и счастливая.

Господи, я никогда тебя ни о чем не просил, но сейчас умоляю, пусть она вернется ко мне живая и невредимая. Отдай мне то, что уготовил ей. Пусть это ничтожество не сможет причинить ей вреда. Позволь мне найти ее, позволь спасти. Умоляю.

Впервые, с тех пор как мне исполнилось десять, и я перестал верить в то, что мама за мной вернется, я молился. От всего сердца и до слез в глазах.

Сердце в груди ныло. Тоска по ней и ужас оттого, что Кира не в порядке, убивали меня.

Никогда ни к кому так не относился, никого так не любил. И никогда не чувствовал себя настолько беспомощным. Она где-то там, одна, во власти конченого наркомана, который может выкинуть все что угодно, и я не могу ничего сделать. Даже на шаг не приблизился к ней. Чувствую, будто трепыхаюсь на одном месте, как в болоте, в которое сам же и угодил.

Я не смогу жить, зная, что ничего не сделал. Не смогу жить без нее.

Прошла целая вечность, прежде чем из пещеры вылезла Варя, а за ней и недовольный Алекс.

— Ты не разбудил, — пробурчал он больше для проформы.

Было еще темно, но мы двинулись в путь. Солнце стояло в зените, когда наконец Варя остановилась.

— Мы почти дошли, — предупредила она тихо. — Лес там резко кончается, и на несколько километров голый участок, — Варя посмотрела на меня. — Подумала, вам будет это важно, — пожала она плечами. — Там две пятиэтажки и восемь домов. Он тусовался в том, что из красного кирпича с черными окнами, — она перевела дыхание. — Второй этаж, но он мог занять любой, потому что здесь давно никто не живет, даже животных не осталось.

Сердце бьется в горле от надежды, что эта тварь здесь. Что я нашел Малышку и могу

спасти.

— Останься здесь, — приказал Алекс Варя, — спрячься где-нибудь, — на что девушка демонстративно громко фыркнула, но все-таки осталась.

Хорошо, что Варя предупредила нас о поляне, так что мы быстро двинулись в обход, подстраховывая друг друга.

Здание определили быстро. Еще на подходе к нему я заметил белый и очень странный трос, свисающий с окна.

«Черт возьми, что она делает?» — успел я подумать, когда увидел женскую фигурку, вылезавшую из окна.

Кира. Малышка. Это она!

У меня дыхание перехватило и сердце замерло в груди, когда я понял, что она спускается с окна по простыне. Она не достает до земли. Господи.

Но, прежде чем я успел, приказав Алексу прикрывать меня, добежать до нее, она уже упала с приличной высоты и не двигалась.

Что же ты творишь, Малышка?

Я не могу ее сейчас потерять, только не когда только нашел. Господи, это несправедливо.

Сава

Кира лежит без сознания.

Господи, какая же она маленькая и похудевшая. Роман ее что, голодом морил?

Увидев ее перевязанную руку, прихожу в ужас. Кажется, она ее сломала.

Желание узнать, где эта тварь, что причинила ей такую боль, сметается желанием унести отсюда Киру, туда, где она будет в безопасности. Он все равно от меня никуда не денется.

— Вызывай вертушку, — приказываю я Алексу, поднимая Киру на руки, сейчас не до конспирации.

Невесомость Киры вызывает во мне безумное, до дрожи, желание распороть себе грудь и спрятать ее там от всего мира. Странное и пугающее чувство.

Несу ее на поляну, но в последний момент меняю направление, ближе к кромке леса. Не хочу давать Новикову шанс нас пристрелить, если он вдруг вернется или спрячется где-то в лесу.

А он вернется, в этом я почти уверен.

— Периметр чист, — отзывается Алекс. — Вертушка на подлете. Она в порядке?

— Я бы так не сказал, — шепчу я, убирая с лица Киры волосы. — Она справится. Она сильная, — неосознанно шепчу я, пытаюсь поверить в это сам. Малышка не воин, хоть и смелая, как никто.

— Ты прав, она сильная, — приводит меня в чувство голос Алекса, и я наконец осознаю, что все это время говорил в рацию. — Я вызвал парней, чтобы проверить территорию, прятаться уже смысла нет, — продолжает он. — Постараемся перехватить его.

— Его здесь нет. — Поднимаю голову, встречаясь взглядом с Варей, которая тихо вышла из-за дерева. — Он бы уже дал о себе знать.

Я с ней согласен. Проверяю пульс Малышки. Сердце ее бьется тихо, но сильно. Она просто без сознания. Скорее всего, шок от боли или удар головой вызвал сотрясение. Неизвестность меня убивает.

— Ты дождись Алекса, — прошу я Варю, помня, что и о ней должен позаботиться.

Молча держу Малышку на руках. Несмотря на желание прижать ее к себе сильнее, сдерживаюсь, боюсь причинить ей боль. Я не знаю, какие у нее еще могут быть травмы, не видные с первого взгляда.

Выдыхаю, услышав характерный звук вертолета.

— Присмотри за Варей, — напоминаю я Алексу. — Отвези ее к Роману и еды не забудь дать.

— Да все я понял, — отрезает он недовольно.

Знаю, что он выполнит приказ, и потому спокоен.

Летим недолго, до ближайшей больницы. Не желаю размыкать рук, снова оставлять ее, но ей нужна помощь, которую я оказать не в силах. Положив Киру на каталку, замечаю, что ее штаны порваны. От осознания, что это значит, потемнело в глазах. Он надругался над ней? Господи, нет. Но факты говорят об обратном.

Киру увезли, и мне осталось только стоять, уткнувшись в дверь, за которой они скрылись. Саданул пару раз кулаком по стене, оставляя кровавые разводы. Он ее трогал. Он

прикасался к тому, что принадлежит мне. Я убью его за это.

За что ты с ней так? Господи! За что?

Сколько времени я, как раненый зверь, не находящий себе места, мотаюсь по узкому коридору, не знаю, но вечность спустя наконец на пороге появляется доктор. Ну или кто-то похожий на него. Мне все равно.

— Как она? — от моего тона сухопарого докторишку затрясло. — Отвечай.

— С ней все будет хорошо, — заикается он. — Пока мы еще ждем результаты анализов, но она будет в порядке, это точно. Ничего критического не случилось. Сломаны пальцы, и несколько ушибов и царапин.

Что для него «критическое», интересно?

— Она ударилась головой, — сообщаю я вместо вопроса, который хочу задать. Не могу выдавить из себя эти слова, просто не могу.

— Да, ей сейчас делают МРТ, — уже более уверенным тоном отвечает доктор, — вы не переживайте, все будет хорошо.

Как бы я хотел в это верить!

— Я хочу ее увидеть, — требую я, но тут же осекаюсь. — Хотя нет. Когда она придет в себя?

Не смогу смотреть ей в глаза, зная, что не убил того, кто сделал это с ней. Я должен его уничтожить.

— Этого пока я сказать не могу, все будет зависеть от ее состояния, — тараторит врач, но я уже его не слушаю.

Игорь. Ему я могу доверить ее безопасность.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю сразу, как только друг поднимает трубку.

— И тебе здравствуй, — уверен, он злится, но мне сейчас не до этого. — Ты, как всегда, в своем репертуаре...

— Кира ранена, — перебиваю я его. — Ты должен за ней присмотреть. Только тебе я могу ее доверить.

— А сам, интересно, куда? — тон Игоря становится суше.

— Я все объясню, когда приедешь.

— Так это мне нужно... — начинает он, но я не даю ему продолжить:

— Я же сказал, что она ранена и сейчас в реанимации, — злюсь я.

— Говорить надо чётче. Похоже, ты не в себе, сбрось адрес, сейчас буду.

Стены давят, но отойти от двери, которая разделяет нас с Малышкой, не могу. Только увидев в дверях Игоря, начинаю дышать, позволяя мозгу получить кислород и наконец начать работать.

— Ты уверен, что ранена она, а не ты? — спрашивает Игорь, подходя ближе. — Выглядишь хреново.

— Присмотри за ней, — выдавливаю я из себя.

— А ты куда? — спрашивает Игорь таким тоном, что становится понятно: он не отступится.

— Парни его сейчас выслеживают, я к ним, — уточнять, кого я имею в виду, не нужно, Игорь и так все понял.

Заставляю себя подняться. Ноги как стопудовые гири, будто не желают уносить меня отсюда.

— Давай я к ним, — предлагает Игорь, — ты плохо выглядишь.

— Со мной все в порядке, — отрезаю я, хоть и понимаю, что в лесу Игорь ориентируется лучше меня, но мне нужно сделать это самому. Убить эту тварь.

— Хорошо, — соглашается Игорь. — Она как?

— Много сказали, ничего не сказав, — отмахиваюсь я. — Если не вернусь к тому моменту, заведи ее к себе.

— Хорошо. Держи меня в курсе, — хлопает он меня по плечу.

— Я возьму твою машину, — предупреждаю я, и Игорь молча отдает мне ключи.

Тяжело переставляя ноги, я ухожу.

— Его там нет, — сообщает Алекс, когда я уже на полпути к поселку. — Выставили часовых, но вряд ли он вернется. Слишком на шумели.

Он, конечно, прав, но и поступить по-другому я в тот момент не мог. Кира была важнее его поимки.

— Я забыл, когда тебе в часть? — спрашиваю я, обдумывая план дальнейших действий.

— А я тебе разве не сказал? Я теперь под командованием Романа, так что полностью свободен, — выдает Алекс веселым тоном.

— Ты ушел из подразделения? — переспрашиваю я, не желая в это верить. — Кто с тобой? Знаю, что мои парни в одиночку не ходят.

— Марат, Стим и Сеня.

Ну конечно, кто бы сомневался. Ну хоть не всех у Виктора увели.

— Забыл про Валида, — напоминаю я.

— Не забыл, — не соглашается Алекс. — Как и про тебя. Ты же понимаешь, что тебе обратно путь заказан, даже если и Краснова уберем, о тебе будут помнить, как о нарушителе приказов и ушедшем в самоволку. Нет, конечно, Прохоров тебя отмазал, но, сам понимаешь, такое тебе точно не забудут.

Я молчу. Алекс прав.

Жалею ли я? Нет. Повторись все снова, я сделал бы тот же выбор.

— Встретимся у Романа, — отключаюсь.

Хочу крови и боли своих врагов. Маньяк внутри меня требует мести, и его уже ничто не остановит.

Не доезжая, заворачиваю в лес. Машину оставляю далеко и иду пешком до дома Романа. Лишний интерес никому не нужен.

— Отличная идея — бросить машину в моем саду, — поддевает меня Роман, стоит мне только переступить порог. — Сам додумался или кто подсказал?

— Не парковать же ее у тебя во дворе, — возмущаюсь я. — Тем более она принадлежит другу. Его сюда лучше не привлекать.

— Твои тебя уже заждались, — кивает Роман в сторону узкого коридора, что ведет в его тайную комнату.

— А ты, я смотрю, времени зря не терял? — усмехаюсь я. — Под шумок и моих парней привлек, да и мне местечко приготовил, — следую я за Романом.

— Кто-нибудь знает, за что я терплю этого засранца? — спрашивает Роман у парней, которые, увидев меня, начинают галдеть.

Здороваются. Я тоже рад их видеть, ровно до того момента, пока мой взгляд не цепляется за Валида.

Черт. И сам не понял, как мой кулак заехал в его улыбающееся лицо.

Парни тут же зажали меня в кольцо.

— Какого черта? — бубнит Валид, придерживая кровоточащий нос. — Ты чего?

— Это я должен тебя спросить, какого черта? Тебе что, девок не хватало, что ты на девушку друга покусился? — ору я, пытаюсь вырваться из рук расслабивших свои хватки парней. — Мы же братья.

— Ты что, охерел, что ли? Что ты несешь? — кричит Валид, в ужасе вытаращив на меня глаза. Даже нос перестал держать, таким шокированным он выглядит от моих слов.

— Не играй со мной, придурок, — не ведусь я. — Если уж отбил, то должен был костями за нее лечь, а не бросать, когда ей нужна была помощь, — толкаю Алекса, который попадает под руку. — Где ты был, пока мы ее спасали?

— Что он несет? — Валид разворачивается в сторону Романа, который спокойно все это время наблюдает за нами.

— Он просто глупый осел, да еще и с богатой фантазией, — выдает Роман совершенно спокойным тоном. — Влюбленный мужик как слепой козел, которого нужно вести за бородку, — чешет он затылок и объясняет Валиду. — Он увидел одно, понял другое и подумал третье. Сомневаться в собственной женщине, а еще и в своем, как ты сказал?.. — уточняет он у меня. — «Брате», — вспоминает и без моей подсказки.

Я не могу понять, что тут происходит, но явно что-то не то.

— Не достойно лидера, на мой взгляд, — качает Роман головой, продолжая выказывать недовольство.

— Может, ты уже прекратишь говорить загадками? — зло выдает Алекс. — Нам тут, понимаешь ли, совсем не весело. Что он понял не так? О, погодите-ка, это, часом, не из-за того случая, когда он телефонами швырялся? — Алекс вдруг разворачивается ко мне. — Точно! Я говорил тебе, что Кируша не такая, — его кулак летит мне в нос, но я успеваю уклониться. — Ну ты и придурок.

— Я ничего не понимаю, — перевожу взгляд от Алекса к Роману. — Объясни.

— Пока тебя не было, Кира работала со мной над одним своим проектом. Я говорил, что она гений? — спрашивает Роман и, клацнув по кнопке, вытаскивает на экран схему, данные и картинки.

— Что это? — тычу я в монитор.

— Терпения, — требует Роман. — Это маячок. Точно такой она вживила в телефон Арсения. Он работает на основе структурированного ДНК и частотных...

— А можно человеческим языком? — встречает Алекс. — Что это?

— Боже, перед кем распинаюсь, — качает головой Роман. — Это то, что невозможно отследить, но с помощью чего можно точно определить, жив человек или ранен, а также его точное местоположение.

— Ого, — выдает Марат. — Она точно умная.

— Хорошо, что вы это поняли, — издевается Роман. — Так вот, мы пытались вживить его в тело Валида. Кира говорила, что нужно в руку, но я немного поспешил, и мы имплантировали чип ему в шею. В тот день, когда ты якобы что-то там видел, — говорит Роман, глядя на меня, — у Валида пошла реакция на материал, из которого был сделан чип, и Кира первая это увидела, — заканчивает он. — Мы тут экстренно его спасали в тот момент.

— Этого не может быть, — качаю я головой, не соглашаясь с ним, — я видел...

Замираю на полуслове. Я не мог так ошибиться!

— Помешался на ней так, что уже глюки ловишь? — поддевает меня Алекс. — Надо бы

тебе еще разок врезать.

Я слушаю его вполуха.

— Валид пришел перед заданием проверить данные с чипа и пожаловался, что у него кожа чешется. Естественно, Кира пришла в ужас, увидев, что там у него творится. Она предупреждала меня, но я, старый пень, решил, что умнее ее, — продолжает объяснять Роман. — Что бы тебе там ни показалось, ничего такого не было. И «брат» твой, Валид, невинен как ангелочек.

Дикий ужас смешивается внутри меня с таким же бешеным чувством радости. Она моя. Моя Малышка. Хочется все бросить и кинуться к ней. Обнять, приласкать. Как же я по ней соскучился!

Как топором по голове, перед глазами предстает ее порванная одежда. Я не найду покоя, пока не убью эту тварь.

Кира. Малышка моя. Я все исправлю. Обещаю.

Кира

Мысли путаются. Сознание то возвращается, то ускользает. Белые стены. Тупая боль. Чьи-то разговоры. Мигание лампочки над головой. И холод.

У меня зубы стучат, выдавая странную мелодию.

Пустота становится другом. Она забирает меня и дает покой. Поэтому я все время стремлюсь к ней, как и она ко мне.

Когда же все оставят меня в покое?

Открываю глаза и снова их закрываю.

«Зачем же ты так?!» — смеюсь над своим сознанием, которое нарисовало мне каменный потолок в доме Игоря.

Наверное, это самое хорошее мое воспоминание с тех пор, как началось это бегство.

Вот бы оказаться сейчас там.

Самый прекрасный дом, который я когда-либо видела в своей жизни. Я влюбилась в него с первого взгляда.

Сава так смотрел на меня в тот момент, на мою реакцию, показывая его мне. Нет. О нем лучше не думать.

Как мог Игорь додуматься до такого чуда, уму непостижимо.

— Кира, — мое воображение заставляет меня слышать его голос как наяву.

Несмотря на холод по ночам и отсутствие света, этот дом навсегда останется самым лучшим для меня. Калейдоскоп ночного неба и свежий арктический воздух. Холодный. Но то был другой холод, свой, родной.

Жаль, не узнаю, как решил Игорь вопрос с отоплением. Уверена, это было бы интересно.

Вряд ли Артем оставит меня в живых.

Нет. Об этом тоже не стоит думать.

— Кира, ты меня слышишь?

Как бы я хотела тебя сейчас услышать! Ты так и не рассказал мне до конца историю Савы.

Сава.

Будет ли он меня вспоминать?

Хочу ли я, чтобы он меня вспоминал? Будет ли винить, ведь Виктор поручил меня ему?

Наверное, где-то глубоко моя эгоистичная натура кричит: «Конечно!», но, вспоминая его глаза, его поцелуи, я не хочу, чтобы он страдал, и тем более из-за меня.

Не могу себя заставить даже мысленно пожелать ему быть счастливым с другой.

Пусть будет просто счастлив!

— Кира, — уже громче звучит голос Игоря, заставляя мой мозг взорваться болью. — Давай, девочка, просыпайся, — легкое касание моего лба нельзя ни с чем спутать.

Не хочу приходить в себя. Не хочу. Это все мое воображение. Но что-то оно уж больно реальное.

Снова открываю глаза и встречаюсь взглядом с встревоженным Игорем.

— Ну наконец-то, Спящая красавица, — облегченно выдыхает он. — Напугала же ты меня. Как ты?

Так это не сон? Не мираж?

Протягиваю руку вперед и касаюсь плеча Игоря. Настоящий. Перед глазами все расплылось, и я сама не поняла, как разрыдалась. Будто пружина внутри меня, сжимающаяся до этого самого момента, вдруг резко распрямилась, отпуская меня.

— Сава, он где? С ним все хорошо? — спрашиваю я, заикаясь и периодически прерываясь собственными рыданиями. — Сава?

— С ним все хорошо, не волнуйся, — успокаивает меня Игорь, продолжая стоять рядом. — Чего ты плачешь? Все хорошо.

Он не на шутку напуган.

— Простите, — извиняюсь я, утирая слезы.

Наконец начинаю осознавать окружающий мир. Ладонь в гипсе. Ощупываю голову — она замотана чем-то эластичным.

— Что со мной? — задаю я глупый вопрос. — Прости, я вроде знаю что, но как я оказалась здесь? И где он?

— Сава охотится за Новиковым, — сообщает Игорь, продолжая смотреть на меня настороженно. — Ушел, как только поручил тебя мне.

— Что? Как? — не могу поверить. Он спас меня?

И снова ушел.

— Почему столько неверия в голосе? — усмехается Игорь. — Неужели не верила, что он придет за тобой? Я-то сразу понял, что он на тебе конкретно залип, никогда парня таким не видел, — продолжает говорить Игорь, а я вспоминаю, как Сава бросил меня у Романа.

Да уж, точно залип, еле отцепился.

— Что со мной? — решаю я его перебить. Не могу больше слушать о том, чего нет.

— Ты вроде как упала с высоты и получила небольшое сотрясение мозга, ничего страшного. Пальцы на руке были сломаны и два ребра треснули. Но с тобой и ребенком все в порядке, как заверили меня врачи. Вот я тебя к себе и перевез. Посчитал, что проснуться в знакомой обстановке будет легче.

Я слушала вполуха, а потом меня замкнуло.

Ребенком?

О чем он, черт возьми, говорит?! Не помню никакого ребенка.

— Что за ребенок? Я там была одна.

Игорь смотрит так, будто у меня на голове рога выросли.

— Что? О ком ты? Там еще кто-то был?

— Кира, ты... — замялся Игорь, начиная ходить по комнате. — Как ты могла этого не знать, не понимаю? Ну как бы... — он останавливается и смотрит на меня. — Я говорю о твоём ребенке.

Я что, проснулась в другой реальности?

— У меня нет ребенка, — настаиваю я.

— Нет, конечно, — еще больше запутывает он меня, — но будет. Ты беременна.

У меня разболелась голова, будто тисками сдавили всю черепушку и места в ней не осталось ни для одной мысли.

— Ты меня понимаешь? — спрашивает Игорь, но у меня уже черные точки перед глазами. — Черт, девочка, ты меня пугаешь, — слышу, прежде чем позволить темноте поглотить меня.

На лице играет солнечный блик, и я морщусь нос. Открываю глаза. Да. Я в домике в горах.

У Игоря. Я беременна. Рука сама по себе тянется к плоскому животу. Прислушиваюсь к себе.

Ничего не изменилось вроде. Я чувствую, как у меня ноют руки и спина, болят пальцы и голова, тошнит немного.

Тошнит!

Меня выворачивало еще до похищения. И задержка была. Но у меня часто такое случалось, если перенапрягусь с тренировками или перенервничаю. Последнее время для нервов было предостаточно причин, и я даже внимания на это не обратила.

Беременна. У меня что, будет ребенок? Маленький человечек? Частичка меня и... Савы Господи. А Сава знает?

Вот я дура. Сама же только что узнала, откуда же знать ему! Хотя Игорь мог ему сказать. Как он, интересно, отреагирует? В мечтах я уже видела, как он расплывается в улыбке и кидается меня обнимать, но реальность или мой здравый смысл быстро привели меня в чувство.

Он бросил меня, не зная о ребенке. А теперь... хочу ли я, чтобы он остался со мной из-за ребенка? Нет. Однозначно и категорично. Если ему не нужна я, то я не хочу его рядом с собой только ради ребенка. Он мой. Только мой.

Что скажет дедушка? Господи! Я совсем о нем забыла. От меня никакого толку. Навлекла на нас беду, никому ничем не помогла. Обуза. Самая настоящая. Дедушка был прав.

Я беспомощная и бестолковая. Как я буду растить ребенка одна? Тем более в таких условиях, когда непонятно, что завтра со мной будет?

— Что такое? — встревожился Игорь, зайдя в комнату. — Почему ты опять плачешь? Я тебе водички принес.

Я быстро утерла слезы, но они продолжали стекать из глаз, будто кран открыли.

— Простите, — промямлила я. Добрый человек, еще один, которому я доставила и до сих пор доставляю неприятности. — Я скоро поправлюсь и уйду.

— О чем ты, Кира? Куда ты пойдешь? — вдруг посерьёзnel он. — Я тебя никуда не отпущу, даже думать забудь. Что за глупые мысли? — продолжал он ругать меня, пока я, под его натиском выпив полстакана воды, приводила себя в порядок. — Вы, молодёжь, меня в могилу решили свести? Тоже мне. Как ты себя чувствуешь? — сменил он тон, заглядывая мне в глаза. Ну прям курица-наседка.

— Все в порядке, спасибо, — прикусываю губу.

Не могу себя заставить спросить.

— Тогда сейчас дам тебе супчика, — обрадовал меня Игорь. — Сам приготовил, — похвастался он, и мне стало совестно.

Именно из-за этого чувства я съела суп и выпила чай, а попозже еще и яблоком закусилa. Если так пойдет дальше, то, боюсь, я за пару дней наберу такой вес, что в дверь не вмещусь и застряну, как Винни Пух в гостях у Кролика.

На второй день я взмолилась, чтобы он позволил мне встать, и все-таки, под его неодобрительным взглядом, поднялась с этой уже ненавистной мне кровати. По ночам было холодно, и Игорь, боясь, что я простужусь, заваливал меня одеялами, так что я под ними дышать не могла. На все возражения он отвечал обвиняющим взглядом, мне становилось стыдно, и я молча выполняла все, что он хочет. Кажется, мой дорогой хозяин дома понял это и пользовался вовсю. Возможно, из-за благодарности, а может, потому, что он напоминал мне деда, я не могла ему отказать, как и он мне, как оказалось.

В конечном итоге между нами началось соревнование: кто успеет первым сделать обиженную моську.

Сегодня я была в ударе, и Игорь вывел меня на улицу подышать свежим воздухом.

— Как будто в доме воздуха мало, — возмущенно бурчал он себе под нос, но все-таки укутал меня в плед и принес чаю.

Раньше я ненавидела этот напиток, но теперь не могу вспомнить почему. Стало традицией вечером сидеть перед камином и слушать рассказы Игоря, попивая чаек. Он ведал мне о других странах, в которых побывал. Мне очень понравилась страна Марокко, которую он описывал, я обещала себе, что когда-нибудь я обязательно туда отправлюсь.

О, рассказывать Игорь был просто мастер. От его слов у меня перед глазами, как в фильме, пробегали события, описанные им, я чувствовала, будто путешествую вместе с ним по жаркой пустыне, пью кофе, сваренный на горячем песке, пробираюсь по джунглям. Это было просто волшебно. Игорь дал мне возможность забыть о своих бедах и окунуться в другой мир. Подозреваю, что в его путешествия были включены не только достопримечательности, но он об этом умалчивал, а я не спрашивала.

Днем мне было хорошо. Чего я не могла сказать о ночи.

Ночью мой мир мстил мне за мое временное бегство.

Тоска съедала меня изнутри. Она стала еще больше, еще невыносимее. А когда становилось совсем невмоготу, закусив край одного из тяжелых покрывал, я плакала.

Отпуская свою боль, чтобы утром смотреть на мир радостными глазами.

Наблюдая за облаками на небе, которые были изредка видны в просвете крон, я поняла, что бегать больше не получится. Прошло уже достаточно времени. Единственное, что напоминало мне о произошедшем, кроме моих воспоминаний, — это моя ладонь в гипсе. Пора уже начать думать о том, что будет дальше.

Надо вернуться к Роману и найти деда. Он сможет объяснить мне, что происходит. От чего и от кого мы бежим. Мне надоело, что меня все держат за дуру. Возможно, мне самой удастся что-то выяснить и заглянуть все-таки в ту глубокую нору, которую я столько времени избегала.

Нужно знать, с чем я имею дело. Я сильная, я с этим справлюсь.

С ребенком, конечно, будет тяжелее, но... все будет хорошо. Собственно об этом я этим вечером и сообщила Игорю, на что он отреагировал весьма интересно.

— Нет, — сказал он и ушел в ванную комнату.

— Это просто смешно, — возмутилась я спустя полчаса. — Ты же не думаешь, что, спрятавшись там от меня, ты изменишь мое решение? Мне нужно найти деда, а для этого мне нужно уйти, — я пытаюсь быть спокойной и рассудительной. — Ты же прекрасно понимаешь, что я не могу здесь больше оставаться.

— Почему это? — наконец подал он голос из-за двери. — Меня лично все устраивает.

— Открой дверь и давай поговорим, — попросила я, делая шаг назад.

— Нет, — вот же упрямый...

— Вот и сиди себе тогда в ванной, — разозлилась я и для большей убедительности стукнула кулаком по двери, прежде чем уйти в гостиную. Хотя сейчас она была для меня еще и спальней в придачу.

— Дай мне еще несколько дней, — вдруг раздалось за моей спиной.

— Зачем? — я удивленно разворачиваюсь к Игорю, который стоит на лестнице.

— Просто обещай, что поживешь со мной еще семь дней, — настаивает он.

— Три, — предлагаю я свое решение.

— Пять, — не унимается Игорь.

— Ладно, — Игорь открывает рот, но все-таки, так ничего и не сказав, уходит к себе.

Мне показалось или у него глаза были красные?

Он же не плакал из-за меня?

Сердце разболелось, ведь и я к нему привыкла тоже.

Сава

— Извиниться не хочешь? — спросил Валид, когда все немного пришли в себя. Он сидел, приложив к носу лед.

— Не дождешься, — хмурюсь. Не уверен, что, даже узнав правду, смогу спокойно вынести, если он вдруг появится рядом с Малышкой. — Тебе лучше держаться от нее подальше, — предупреждаю его на всякий случай.

— Ты совсем с катушек съехал, — изумленно таращит глаза Валид. — Я, вообще-то, женат. На фиг мне твоя сдалась?

Теперь уже я шокирован его словами, и, кажется, не только я.

— Ничего себе заява, — комментирует новость Алекс. — Это когда ты успел-то?

— Когда надо, тогда и успел, — отрезает Валид. — Не то что некоторые, — он приподнимает брови, стреляя в Алекса глазами. — Вокруг да около не бегал.

— Что тут происходит? — спрашиваю я, устав от их намеков. Давно причислил себя к тугодумам, никогда не мог понять их подколов. Или я уже стар для этого?..

— Это ты у нашего ловеласа спроси, что у него там с...

— Закройся, — перебивает его Алекс. — Я просто девушку с сынишкой переселил, — объясняет он мне.

— Да, в свою постельку, — подначивает его Валид. — Только разрешения у нее спросить забыл. Вот она и орет ночами напролет.

— Захлопнись ты уже, пока не получил, — рядом с Валидом садится Марат. — Но, в принципе, он прав. Достало ее вопли слушать.

— О чем они? — поворачиваюсь к Алексу, красному от злости.

— Я тебя достану, — бросает он Марату, прежде чем объяснить мне. — Так это... я хотел как лучше. Че ей одной в том лесу делать? Ни одной живой души на многие километры. Вот и... А она уперлась ослихой. Я как лучше хотел. Да и Толику врач нужен. Он жутко умный пацан.

Тут до меня доходит, что речь о Варе.

— Я ей слово дал, что отпущу, — злюсь я.

— Так он и отпустил, — встревает Марат, — но только не далеко.

— Не могу поверить, что ты ослушался приказа. Где они?

— У него в комнате, — вместо Алекса отвечает Валид.

— И где эта комната? Не здесь же?

— Отсюда можно пройти в часть, — отвечает Марат. — Давай провожу, — поднимается он.

— Думаю, лучше ты сам меня проводишь, — смотрю я в упор на Алекса. — Заодно и объяснишь, что с тобой не так.

— Да все со мной нормально, — зудит Алекс раздраженно, но все-таки поднимается и идет на выход. — Сказал же, хотел как лучше.

— Лучше для кого? — спрашиваю я, оглядываясь. Мы обошли дом Романа и, пройдя немного, перешли в часть, где начинается деревня. — Это что, здесь?

— Ага, — подтверждает Алекс. — Умно придумано, — выдает он свое восхищение. — Здесь подземный бункер на всякий случай, и жить можно как все деревенские, с семьями, —

его высказывание заставляет меня внимательно к нему присмотреться. Что-то в нем изменилось или мне кажется?

— А то, что охраны нет, никого не смущает? — осматриваюсь я, подмечая детали.

— Так она есть, — не соглашается Алекс. — Только мы здесь не военная часть, а, так сказать, больше спецотряд, и действуем мы тоже немного по-другому. Поэтому и нет необходимости в более серьезных мерах.

— Я с этим не согласен.

Как Роман мог такое допустить? Без защиты, на всеобщее обозрение!

Нужно усилить и организовать более проработанную базу.

Черт, о чем я думаю?

Спускаемся вниз, в бункер.

— Несемейные пока живут здесь, — рассказывает Алекс.

Как-то он легко принял уход их части, начало, так сказать, новой жизни.

— Ты уверен, что хочешь здесь остаться? — не могу удержаться от вопроса я. — Не слишком ли все радикально меняется для нас?

— А что меняется? — останавливается на полпути в коридоре Алекс и разворачивается ко мне. — Мы всегда выполняли свой долг, и дальше будем. Только теперь над нами нет никого, кто заставлял бы нас служить своим интересам.

— Я не уверен, что мы не превратимся в марионеток, которыми управляет незнамо кто, — не соглашаюсь я.

— Хочешь сказать, что там мы хотя бы знали, кто нами командует? — усмехается Алекс. — Тогда возьми все в свои руки. Стань тем, кем был всегда. Лидером. Ты знаешь, что парни пойдут за тобой куда угодно.

— Сваливаешь всю ответственность на меня?

— Когда ты ее боялся?

— Помогите, выпустите меня, кто-нибудь! — крик Вари эхом отдается по пустому коридору. Алекс морщится, а я не могу удержаться от смеха. Теперь-то я понимаю замечания друзей.

— Пойдем разберемся с твоей зазнобой, — киваю я Алексу.

— Она не моя, — возражает он, но я уже понял, что Варя ему поперек горла встала, прямо как моя Малышка мне.

«Попал ты парень».

Внутри бункер напоминает скорее корабль. Двери, которые отделяют один отсек от другого, ни с чем не спутать. Да и, судя по разветвлению коридоров, он совсем не маленький.

Но, прежде чем я успеваю спросить об этом Алекса, мы подходим к нужной нам двери. Стоит только ей приоткрыться, как тут же нам навстречу выскакивает Варя. Алекс легко ее ловит на лету и заносит обратно в комнату.

— Пора бы уже успокоиться, — бурчит он, пытаясь избежать ее ударов.

— Где мой сын? Отпусти меня, — кричит Варя ровно до того момента, пока не видит меня. — Так вы держите свое слово? — возмущается она. — Где мой сын? — снова Алексу. — Я хочу уйти отсюда, — теперь опять мне. — Прикажите вашей собачке меня не трогать, — она шлепает Алекса по рукам, когда тот пытается ее усадить на кровать.

— Алекс, выйди, — требую я.

Пора разобраться во всем этом, и желательно в тишине. А эти двое друг на друга

действуют похлеще подожжённой динамитной шашки. — А ты сядь, — указываю Варя на то место, куда ее пытался безрезультатно усадить мой друг.

Алекс долго смотрит на меня, но потом все-таки делает, как я сказал.

— Вы обещали мне, что отпустите нас, — взрывается Варя, стоит только двери закрыться за Алексом. — Вы слово дали.

— Если вспомнить дословно, то я сказал, что вы будете в безопасности, — напоминаю я.

И когда только научился пользоваться игрой слов в свою угоду! Чего не сделаешь ради друга, ну или ради себя. Я до сих пор помню признание Алекса, так что пусть у него интересы в другую сторону растут, а я поддержку.

— Шутите, да? — кричит девушка, возмущенно вскакивая на ноги.

— Сядь, — приказываю я уже громче и, дождавшись, когда она выполнит мою просьбу, продолжаю: — Я не отдавал ему такого приказа, — решаю признаться сразу, — но согласен с тем, что в деревне вам одним опасно, — поднимаю ладонь, пресекая ее попытку меня перебить. — Я понимаю, что тебе здесь некомфортно. Правду сказать, мне тоже, но здесь тебе и твоему сыну ничего не угрожает. Вы в безопасности.

— Как же не угрожает, — ее глаза наполняются слезами. — Я хочу, чтобы он не подходил ко мне, — требует Варя дрожащим голосом.

— Ты говоришь об Алексе? — уточняю и продолжаю, дождавшись ее кивка: — Он причинил тебе боль?

Она отрицательно качает головой.

— Пусть не трогает меня, — выдавливает она.

— Он сделал что-то помимо твоего желания? — спрашиваю я, напрягаясь. — Если это так, то я отдам его под трибунал.

Варя тут же вскидывает на меня наполненные страхом мокрые глаза и отрицательно качает головой.

— Хорошо, я понял, — успокаиваю я ее. — Тебе выделяют отдельную комнату, но из базы ни ногой, не уведомив и не взяв разрешения у меня или у Романа. Я его предупрежу. Если что нужно — то же самое: говоришь, а еще лучше, пишешь список, и тебе все доставят. Кто доставляет тебе неприятности — тоже уведомляешь, и я решаю эту проблему. Мне здесь неадекватные не нужны.

— Спасибо, — она смотрит так, будто я ей дом подарил. — Я в нагрузку не буду, только можно мне охотиться в лесу? — от ее вопроса выпадаю в осадок. Охотиться? Видать, я слишком красноречивым взглядом на нее посмотрел. — Я умею. Честно. Меня дедушка всему научил: и силки ставить, и стрелять, и добычу выслеживать.

— Хорошо, — прервал я поток ее слов, — но только в сопровождении. Я хочу, чтобы с тобой и ребенком все было в порядке.

Варя, тяжело вздохнув, кивнула.

— А можно мне сына увидеть?

— Конечно, но я пока не знаю, где он. — Увидев ее округленные глаза, добавляю: — Сейчас все разузнаем. Уверен, что он в порядке, — успокаиваю я ее.

В конце коридора нас ожидает Алекс. Заметив, что Варя идет вслед за мной, он стреляет в меня недовольным взглядом.

— Выдели ей отдельную, — снова цепляюсь взглядом за корабельные двери, — каюту, — продолжаю, смотря в упор на Алекса. — И где ее сын?

— Он у дока, — отзывается Алекс нехотя. — Зачем им отдельная?..

— Потому что я так сказал, — прерываю я его. — Предупреди парней о них и назначь Варю провожатого, когда она захочет охотиться.

— Что? — от его крика у меня чуть уши не заложило.

— Алекс, — одергиваю я его, — ты меня слышал, — настаиваю я. — Мне некогда тут с вами возиться, дел по горло, да еще и Кира в больнице.

Алекс переводит разъяренный взгляд с девушки на меня.

— Ты меня понял? Отдельная каюта и провожатый. Если захочет заниматься еще чем-нибудь, то скажет об этом и ты проследишь, чтобы она получила все необходимое. Варя отдай ему список нужных вещей, — распоряжаюсь я. Ну что поделать, месть, она сладка. — Ты знаешь, где находится доктор? — спрашиваю у Вари, она кивает. — Ну тогда вперед, за ребенком, а мне предстоит поговорить с парнями.

Девушка быстро уходит, провожаемая недобрым взглядом Алекса.

— Везунчик ты, друг, — хлопаю его по спине так, что он от неожиданности делает шаг вперед.

— Ты ее отпустил, — возмущается он. — Да еще и «делай что захочешь», — передразнивает он меня противным голосом. — И везунчик. Ты все испортил.

— Она отказалась на тебя жаловаться, придурок, — бросаю я, направляясь обратно в центр к Роману, — а могла бы заставить меня наказать тебя.

— Ты бы не посмел, — не верит Алекс, идя за мной.

— Еще как бы посмел, — не соглашаюсь я с ним. — И не смей ее больше ни к чему принуждать. — Остановившись, поворачиваюсь к нему лицом, чтобы понял и осознал всю серьезность моих слов. — Я не шучу. Понял меня? Если она пожалуется на тебя, я найду на тебя управу, не сомневайся. Никакого насилия на базе.

— Да не насилывал я ее, — возмущается Алекс, но я уже его не слушаю.

Работы много, а я тут разборками между влюблёнными занят. Если бы не мое слово, и смотреть бы в их сторону не стал.

— Ну что, разобрались? — спрашивает Валид, как только переступаю порог.

— Сегодня ночью можно будет выспаться наконец? — встречает Марат.

— Спасть сегодня мы вряд ли будем, — «радую» я всех. — Намечается охота на Краснова и его ручную крысу — Новикова.

— И где его теперь искать? — спрашивает Сеня. — В свою нору он не вернулся.

— Он не добился желаемого и вряд ли сможет успокоиться, — предполагаю я, садясь рядом с Романом, который внимательно меня слушает, как и парни. — Он думает, что Кира здесь. Умом он не отличается, и я уверен, что он попытается снова ее подловить. Нужно расставить охрану и усилить позиции.

— Думаю, я уже решил этот вопрос, — перебивает меня Роман.

Как и парни, наблюдаю за тем, как он клацает по клавиатуре и на мониторах появляются маленькие живые картинки.

— Это система видеонаблюдения? — уточняю я.

— Причем самая лучшая, — хвастается Роман. — Также по периметру стоят электронные сети, реагирующие на любое движение, — он бросает на меня странный взгляд, но, прежде чем я успеваю понять, что он означает, поясняет: — Кира посоветовала, — добивает он меня.

— Отлично, — откашлявшись, решаю продолжить: — Проблема с выловом Новикова

решена. — Поворачиваюсь к парням. — На очереди Краснов. План действия уже проработан. Пора приступать.

Я безмерно устал находиться вдали от своей Малышки, так что нужно поторопиться.

Сава

Четыре чертовых долгих дня. Четыре еще более длинных ночи.

Ровно столько нам понадобилось, чтобы заставить Краснова вернуться на родину. И одним точным выстрелом снять его прямо в аэропорту. Роман пытался меня уговорить подстроить ему несчастный случай, но я не мог позволить Краснову окопаться у себя в доме и снова ждать и планировать, как его лучше убрать. С помощью хакера из американской группы нам удалось обчистить все его счета за рубежом.

Оставался все такой же неуловимый Новиков. К своему хозяину он, похоже, не вернулся. Или все-таки его наняла не эта братия, а кто-то другой? Ненавижу сомневаться.

Для безмозглого наркомана он слишком хорошо прячется. Будто и не было его никогда.

— Нужно привезти Киру сюда, — предложил Алекс, за что я ему чуть голову не оторвал, благо парни помешали.

Я тоже уверен, что он наблюдает за нами и ждет. И понимаю, что в словах Алекса есть резон, но, стоит лишь представить, что он может ее просто увидеть, меня захлестывает такая ярость, что я готов ему горло зубами перегрызть.

— Да и с Арсением нужно что-то решать, — напоминает Роман. — Думаю, он достаточно наказан.

Вот что, значит, это было. После возвращения, увидев координаты Лебедева, я хотел вызволить его на второй день, но Роман меня отговорил. Мол, так пока безопаснее для всех. Тогда я согласился с Романом. Там пока что его считают неопасным.

А этот старый пройдоха, оказывается, мстил все это время.

Держали Лебедева в тайге, в тюрьме закрытого типа.

Краснов выбыл, и можно вздохнуть свободнее. Никого из тех, кто открыл охоту на Лебедевых, в живых не осталось, кроме Новикова.

— Насчет Киры подумай, — бросает Роман, открывая на экране план здания тюрьмы.

И не собираюсь.

Что хотите говорите, но я люблю бумажный вариант. То, что можно пощупать, а не вот это вот. Черт, его даже потыкать нельзя. Но парни довольны, и я молча опираюсь о стену, готовясь внимать моим спецам.

— Тут делов-то — раз-два и обчелся, — комментирует Алекс. — Всего четыре выхода. Работают в три смены. Лучше всего ночью, они слишком ленивые и много чего пропускают. Закинул им крысу за забор, вой знатный, а этим хоть бы хны, — пожимает он плечами. — Проскочим легко.

— Открой план местности, — прошу я, и на экране тут же появляется карта. Не люблю не видеть путей отхода.

— Я прошелся по нескольким возможным вариантам, самый легкий — это если на машине через аванпост, самый трудный — пешком через болото до зоны высадки. Тут вопрос: в каком Лебедев состоянии? Если сможет идти, то через болото надежней, если нет, тогда только через пост.

— Может, кого из персонала забрать, точно бы узнали, что там и как? — предлагает Сеня.

— А потом что с ним делать? — не нравится мне. — Криминалом пахнет. Лучше

по старинке. Без надобности не стрелять, остаемся незаметными как можно дольше. Хвоста не оставляем. Как всегда.

Долго никто не спорит, все хотят вернуться живыми.

Решаем проработать оба варианта и выступаем на следующий день.

Слаженная работа дает нам преимущество, так что в здание мы проникаем без проблем. Как и говорил Алекс, ночная смена — просто кучка придурков, по которым палка плачет. Они вообще ничего не патрулируют, так что встреча с ними может случиться только из-за безумной случайности.

В узкой камере темно и пахнет плесенью.

— Генерал, вы тут? — спрашиваю я, различая силуэт на кровати. Вдруг чувствую, как мне в спину тычут чем-то острым.

— А кто это к нам пожаловал? — немного сухой, но однозначно сильный голос за спиной. — Плохо защищаешь свой тыл, — бросает Лебедев, позволяя мне развернуться лицом к нему.

— Мы пришли за вами, — говорю я банальность.

— Это-то я уже понял, не настолько я стар. — Он стягивает с кровати куртку и поворачивается ко мне. — Ну так и чего мы ждем?

— После вас, — киваю я в сторону открытой двери.

— Уже поумнел? Похвально, — усмехается Лебедев, выходя из камеры.

«Он важен Кире. Его нельзя пристрелить. Малышка будет горевать по этому старому хрычу», — твержу сам себе.

Из здания вышли и по участку до забора прошли так, будто на прогулку вышли. Надеюсь, охрану накажут.

Судя по тому, как двигается Лебедев, физически он крепкий.

— У вас есть хронические болезни или аллергия на что-либо? — подстраховываюсь я.

— Не твоего ума дело, сынок, — отрезает генерал в своей грубой манере.

Слышу смешки парней впереди.

— Болото, — сообщаю парням по рации, решив, пусть помучается генералишка, раз бравады у него больше, чем ума.

— Что, решил меня сразу прикопать? — усмехается Лебедев.

«Если бы я мог, ты бы сгнил в этой тюрьме за то, что бросил Киру, ничего ей не объяснив».

— Можешь не сопеть так злобно, я не из пугливых, — продолжает Лебедев играть на моих нервах.

— Ускоряемся, — командую я, хоть в этом и нет нужды. За нами никто не гонится, и, судя по всему, сбежавшего заключенного охрана обнаружит только утром. К тому моменту нас уже заберут.

Прерываясь только на попить воды, мы за два часа интенсивного бега добираемся до места встречи, даже немного раньше положенного срока.

— Ну ты и придурок, — пыхтит Алекс. — Чего такой быстрый темп взял? За нами же нет хвоста, — возмущается он, потом переводит взгляд от меня к Лебедеву. — Или ты из-за него?..

— Разленился ты, дружище, — перебиваю я его. — С каких пор такая нагрузка стала для тебя неподъемной? — усмехаюсь я. — Парни не жалуются, даже генерал дал тебе фору, а ты тут ноешь, как маленькая девочка.

Похоже, мои слова услышали не только парни, но и Лебедев. Потому как он впился в меня острым взглядом из-под кустистых бровей и не сводил его, пока не прилетел вертолет.

— А ты у нас кто будешь? — спросил Лебедев, как только мы приземлились. Высадились мы недалеко от основной базы Романа, так что дальше шли более спокойно, но все-таки настороже.

— Будущий зять, — пробурчал Алекс, но у генерала оказался слишком хороший слух, потому как он резанул по Алексу таким взглядом, что тот быстро ретировался. Я пытался отстать, чтобы не начинать эту тему сейчас, но у генерала были другие планы, и он тоже отстал вместе со мной.

— Итак? — от его вступления у меня, кажется, испарина на лбу выступила. — Ты знаком с моей внучкой, — не вопрос — констатация факта, — судя по скабрёзным шуточкам твоих парней.

— Я с ними еще поговорю об этом, — бросаю я сухо. — Кому-то зубы явно мешают.

— Не думаю, что ты подходишь моей девочке, — выдает после долгого молчания Лебедев.

Ничуть не удивлен его выводами.

— Я для себя все решил, — отвечаю я, смотря ему в глаза. Не после того, что с нами случилось и я ее чуть не потерял. Не после того, как она прошла все круги ада. Нет.

— Кира моя, — пусть знает, что я не отступлюсь.

— Я все сказал, — возмущается генерал. — Ты ее недостоин, хватит с нее...

— Господи, что ты тут разорался, как девка на сносях? — за спиной генерала появляется Роман, почесывая ухо. В этот раз он пришел на своих двоих. — Мало того что мы его задницу никчемную спасли, так он тут еще выступать вздумал, — все больше распаляется Роман. — А ты вернись и своих дружков уму-разуму поучи, старый хрыч.

— Это ты, — констатирует спокойно Лебедев. — Не удивлен. Смотрю, спектакль твой окончен, — намекает генерал на любимое транспортное средство Романа. — А что касается внучки, не тебе решать, и, конечно, уж не ему.

— Поздно спохватился ты, старая кляча, о внучке беспокоиться, — отрезает Роман, тоже взяв себя в руки и даже хитро улыбнувшись. — Да и ребенку отец все-таки нужен.

Я не понял его последних слов, но до Лебедева, похоже, смысл дошел быстро, так что он резко обернулся ко мне, испепеляя меня взглядом.

— Что ты сделал? — заорал генерал не своим голосом.

А что я? Судя по лицу генерала, его сейчас удар хватит. И как потом прикажете это все объяснять Кире?

— Ой, напугал, старый осел, своим ором, ты еще на дуэль его вызови, — продолжает подначивать генерала Роман. — Да ты на него посмотри, — смеется он, хлопая себя по коленям, — он же сам еще не в курсе.

— Я ему причиндалы оторву, тогда быстро поймет, о чем речь, — продолжает генерал. — Я тебя под трибунал пушу, ты у меня дальше, чем казарменные туалеты, не продвинешься, — угрожает Лебедев, тыча в меня пальцем.

Перевожу взгляд с генерала на Романа, который продолжает смеяться.

Что с ними не так? Помешательство вроде бы не бывает заразным. Или бывает?

— Ты говори, да не заговаривайся, — вдруг серьезноет Роман. — Арсеньюшка, не забыл, что ты теперь никто и зовут тебя никак? Думаешь, твои дружки простят тебе твое отступничество? Ты должен был гордо встать на эшафот и умереть, перед этим пристрелив

свою внучку, так что... — в этот момент шестое чувство заставляет меня толкнуть Лебедева на землю и прикрыть его собой.

В спину впиалась пуля. Несмотря на то, что я в бронежилете, тело взрывается болью. Новиков. Стрелял со стороны дороги, значит, сейчас передислоцируется.

— Крыса нашла наживку, — сообщаю парням по рации.

Быстро скатываюсь с Лебедева и тащу его в сторону входа в бункер, куда ранее смылся Роман.

Как раз успеваю его толкнуть внутрь, как вторая пуля находит свою цель в виде моего плеча. Черт. Похоже, умник еще не понял, что я в защите, иначе стрелял бы в голову.

— Не выходите, — приказываю я, выскакивая наружу и закрывая за собой дверь.

Бегу что есть сил в сторону леса, откуда был второй выстрел. Только успеваю скрыться, как рядом прилетает еще одна пуля. Ушлый, падла.

Знаю, что Алекс его засек и идет наперехват. Ни к чему лишний раз рацию беспокоить и выдавать ему свое местоположение.

Замечаю Новикова, когда он снова меняет позицию. Двигается быстро, но я, подгоняемый яростью, быстрее. К тому моменту, когда я его настигаю, Алекс появляется перед ним, и Новиков в попытке поменять траекторию бега сам попадает мне в руки.

В себя прихожу, когда парни оттаскивают меня от Новикова, который уже не двигается. Его лицо стало кровавой кашей. В ярости я сам себя не помнил, когда его лупил. За Малышку, за себя.

— Ты его почти прикончил, — обвиняет меня Марат, прощупывая пульс Новикова.

— Он нам нужен живым, — встречает Алекс. — Как его теперь допрашивать?

— Просто грохнем, и все, — выдаю я здравую мысль, вытаскивая пистолет.

Алекс резко выбивает его у меня из рук, а этот пройдоха Марат вместе с Сеней наваливаются на меня сверху, не давая возможности встать.

Алекс с Павлом уже утащили Новикова в сторону базы.

— Все, отпустите, — приказываю я. — Не убью я его. — Не могу не добавить в конце: — Сейчас.

Возвращаемся на базу, где Роман уже всю команду. Лебедев сидит за столом и провожает парней нечитабельным взглядом.

— Что ж, парни, молодцы, — хвалит Роман, — крысу поймали, плохишей пристрелили, теперь пора и немного отдохнуть.

— Что с Новиковым? — спрашиваю я. — Где он?

— Там, где ты до него не доберешься, — отрезает Роман. — Что на тебя нашло? Нет, я понимаю, конечно, но вначале нужно выбить из него информацию, а потом уже душу. А не наоборот.

— Он мой, — повторяю я. — Дай слово.

— Если выживет после допроса, то он твой, — соглашается Роман.

— На, рану зажми.

Оглядываюсь на генерала, который протягивает мне полотенце.

— Если это взятка, то засуньте его себе... сами знаете куда, — выдавливаю сквозь зубы, направляясь на выход.

— Нет уж, спасибо, с меня достаточно возни с детьми, — говорит мне в спину генерал. — Заделал ей ребенка, будь добр, возьми ответственность как настоящий мужик, — от его слов останавливаюсь на полпути. — Роман говорит, ты человек чести.

Медленно разворачиваюсь к нему лицом. Парни смотрят и ухмыляются, Лебедев серьезен.

— И я еще не слышал, как ты просишь у меня руки моей Кире, — требует он.

«Заделал ей ребенка», «Возьми ответственность»...

О чем он, черт побери?

Перевожу взгляд на Романа.

Он хлопает себя по лбу, будто не верит во всю глубину моей тупости.

— Кира беременна, — чей-то голос издали.

Шум в ушах. Комната вдруг начинает кружиться перед глазами...

Сава

— Ты уверен, что он достоин? — спрашивает генерал недовольным тоном. — Гляди, как свалился в обморок, прям барышня из прошлого века, — к концу монолога слышу смех в его голосе.

— Да иди ты, — отрезает Роман, но тоже со смешком. — Я-то помню, как ты бегал с криками «Как это случилось?», когда тебе Маша сказала про сына.

— Заткнись ты, — возмущенно шипит Лебедев.

А чего это они в моей спальне разговоры глупые ведут?

Кира! Беременна!

Как это могло случиться? То есть... Господи! Конечно, я знаю, как это случилось. Но как?

— Кажись, в себя приходит Спящая красавица, — раздаётся над головой голос Алекса.

Резко встаю, и голова взрывается болью.

— Черт, ты что творишь?! — орет Алекс, потирая собственную голову, с которой мы как раз таки встретились на полпути.

Несмотря на головокружение, вскакиваю и, шатаюсь, иду на выход.

— Куда это он? — раздаётся голос Лебедева за спиной, но мне все равно. Я должен пойти к Малышке. Хочу ее просто увидеть.

Ключи от машины Игоря остались в замке зажигания, завожу и через пару секунд уже несусь по трассе. Стараюсь контролировать скорость, но мысли мне мешают.

Малышка беременна. Господи.

Вспомнил лицо девочки, что привиделась мне тогда. У меня будет ребенок! Очуметь можно.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Не помню, как доехал до сторожки Игоря.

Оставил машину и бегом в дом. Пройдя половину пути, встретил Игоря.

— Слава богу, — сказал он и, похлопав меня по спине, быстрым шагом продолжил свой путь.

Что это с ним?

Немного постоял в шоке, но потом побежал в сторону дома.

Я шел так быстро, что не сразу заметил Киру, сидящую на камне у крыльца. Только когда она поднялась, я остановился как вкопанный. Наши взгляды встретились, но я так и не мог понять, что она чувствует.

Все такая же худенькая. Как она родит в таком состоянии? Ужас накрыл с головой. А если с ней что-нибудь случится? Это же больно. А Кира такая хрупкая и маленькая.

Ничего с ней не случится, я не позволю.

— Малышка, — я сделал шаг к ней, когда Кира, резко развернувшись, пошла в дом.

Господи, я же совсем забыл. Она перенесла такое, и я тут со своим... идиот!

Но она нужна мне, и я не могу отступить, только не сейчас. Тем более что она беременна.

Иду за ней в дом.

— Я, конечно, понимаю, что это дом твоего друга и ты имеешь право приходить сюда,

когда тебе вздумается, но это не значит, что ты обязан со мной говорить, — тараторит Кира, носясь по комнате и собирая вещи. — Так что сделай вид, что меня здесь нет. Я уйду, как только соберусь.

— Малышка, что...

— Пожалуйста, не называй меня так, — требует она.

Я вижу, что ей непривычно и трудно с забинтованной рукой.

— Кира, я не понимаю. Что происходит? — спрашиваю я, пытаюсь не подойти к ней и не обнять. — Посмотри на меня, что не так? Я знаю, что тебе пришлось пережить многое...

— Да, кстати, спасибо тебе за спасение, — опять перебивает она меня. — Я, правда, не думала, что Роман пошлет тебя спасать меня.

— Что это значит? — начинаю злиться я. — С чего ты взяла, что меня послал Роман? Кира! — от моего окрика она замерла. Чертов идиот! — Прости меня, я не хотел кричать.

— Нет, ты хотел, — она не испугалась, а, наоборот, разозлилась. — Какого черта тебе надо? Я же сказала, что ты можешь меня просто не замечать. Куда подевался Игорь, когда он так нужен? — бурчит она себе под нос.

— Он ушел. Мы здесь одни.

— Очередной предатель, — зло цедит Кира, прежде чем нагнуться и надеть сапог. Правда, завязать его у нее не получается, и она зло запикивает концы шнурков внутрь. Но стоило ей только подняться и сделать шаг, как обувь тут же соскользнула с ее ноги. — Черт. Ну ладно, — она зло пинает обувь ногой и садится на край постели.

Я оценил то, что мой друг перенес сюда кровать, но ближе к осени она не поможет никому согреться, так что это пустая трата сил и времени.

Да и мне нравилось больше спастись с Малышкой в обнимку на полу.

— Мы можем поговорить? — спрашиваю я, подняв руки, в знак того, что я ей ничем не угрожаю. — Просто поговорить.

— С тобой никогда ничего не бывает просто, — качает Кира головой, но все-таки согласно кивает.

— Ма... Кира, — быстро поправляюсь, — я все понимаю. Мне трудно видеть и не касаться тебя. Я действительно по тебе безумно соскучился, — стараюсь говорить спокойно. — Тебе пришлось многое пережить, и, наверное, это трудно для тебя...

Как это сказать? Господи!

— О чем ты?

— Я знаю, что произошло между тобой и Новиковым, — наконец выдавливаю я из себя. Ладони сами собой сжимаются в кулаки.

— И что? — делает непонимающее лицо Кира.

Зачем она притворяется?

— Я же сказал, что все знаю, — повторяю я. — Но для меня ничего не изменилось.

— Я тебя не понимаю, — не поддается она. — Что ты знаешь? Объясни.

— Он тебя изнасиловал, — смотрю ей в глаза. За секунду понимаю, что да.

До этого самого момента, несмотря на то, что мои губы говорили, что знаю, я не верил, не хотел верить. Но вот сейчас, когда она отвела взгляд и покраснела, до меня наконец дошло, что это значит.

— Ничего такого не было, — говорит она шепотом, но смотрит в сторону.

Боль в руке приводит в чувство.

— Господи, что ты делаешь? — Кира смотрит ошарашенно на мою разбитую о камень

ладонь. Я ее не чувствую. Ничего, кроме того, что сердце в груди ноет, сжигая меня живьем.

— Я же сказала, что ничего не было, — повторяет Кира уже увереннее.

— Посмотри мне в глаза и скажи это снова, — требую я. — Посмотри. Кира поднимает голову, и наши взгляды снова встречаются. Она смотрит уверенно, но в то же время обиженно. Моя Малышка.

— Ничего не было, — повторяет она. — Он хотел, но не успел. Доволен теперь? — Кира вскакивает на ноги. — Я тебе ничего не должна. С чего ты решил, что можешь приходить и спрашивать меня о таком? Какое ты имеешь право говорить со мной об этом? И что значит, что для тебя ничего не изменилось? Для меня изменилось, все и дав...

Секунда, и я уже рядом с ней, сжимаю ее в объятиях, вдыхаю ее запах, сминаю ее губы.

Господи, как же я по ней соскучился!

— Ой, — боль в паху оглушает настолько, что первую часть ее гневной тирады я просто не смог услышать.

— Думаешь, можешь бросить, когда захочешь, а потом явиться, когда тебе вздумается, и я радостно тебя приму? — Кира носится по комнате разгневанной тигрицей. Я на секунду даже засматриваюсь на ее огонь. — Пошел к черту, понял? К черту. Не смей ко мне прикасаться, никогда. Ты потерял это право в тот день, когда меня бросил. Нет, вы поглядите на него, нашел легкодоступную? Почему вы все меня используете?

От ее слов прихожу в ярость. Сам не понял, как подскочил к ней и схватил за плечи, заставляя запрокинуть голову и посмотреть мне в лицо.

— Никогда, слышишь, — трясу ее, — никогда не смей меня с ним сравнивать, — осознаю, что делаю ей больно, расслабляю руки, но не могу ее отпустить. — Я никогда тебя не использовал.

— Конечно нет, мы же просто развлекались, пока могли, — перебивает она меня.

— Не смей так говорить.

— Это не я, а ты так сказал!

Кажется, да, я такое ляпнул в первые дни нашего знакомства.

— Ты реально в это поверила? Ты что, думала, что я все это время с тобой играю?

— Ну, играли мы недолго, — отвечает Кира, но, прежде чем я успеваю спокойно выдохнуть, выдает: — Ровно до того момента, пока ты не бросил меня у Романа. Я тебя не виню. Точнее, не винила, но теперь ты вернулся и решил, что я тебе рада. Так вот, я не рада.

От удивления я делаю шаг назад, но продолжаю ее держать.

— Я никогда тебя не бросал, — выдаю я ошарашенно. — Я просто хотел, чтобы ты была в безопасности, пока я...

— Да, да, об этом, пожалуйста, поподробнее, — перебивает она, толкая меня в грудь, отчего разряды тока разбегаются по телу. — Пока ты меня спасал? Я тебя об этом просила? Ты забыл кое-что сделать, Сава. Спросить меня!

— Я не хотел тебя волновать.

Как ей объяснить?

— Конечно, зачем себя утруждать, что-то мне рассказывать, советоваться? — качает она головой. — Я же вещь, которую можно молча поставить туда, куда считаешь нужным, и она тебя дождетя в целости и безопасности, пока ты решаешь серьезные мужские проблемы. Которые мне с моим скудным женским умом просто не понять.

— В твоих устах мои действия действительно звучат ужасно, но все было не так, — пробую снова ей объяснить. — Да, я не спросил, не посоветовался, но я говорил, что это не в

моем характере — спрашивать. Я хотел тебя защитить. И даже несмотря на мои старания, посмотри, он смог до тебя добраться, посмотри, что он с тобой сделал!

— Не смей говорить, что это все ради меня, — качает Кира головой. — Ты мне ни разу даже не позвонил. Ни СМС. Ничего.

— Я звонил, помнишь, чем это кончилось? — напоминаю я.

— Ты... Ты ушел, ничего не сказав, — она пытается выпутаться из моих рук, но я не отпускаю. — Сколько времени прошло с того момента, как ты меня бросил, и до твоего звонка? Что я должна была думать? Я только убедила себя, что все хорошо, что я справлюсь... и тут твой звонок. Я разозлилась.

— Ты разозлилась? — не верю я.

— Почему ты не перезвонил? — ее вопрос застает врасплох.

— Я звонил, — признаюсь я, делая еще один шаг назад и отпуская ее.

Кира смотрит удивленно.

— Не звонил.

— Звонил Роману, в тот день вы как раз спасали Валида, — запинаясь на имени друга.

— Роман мне ничего не сказал. — Она делает шаг ко мне, а я — от нее. — Почему ты не перезвонил мне потом? И не говори, что был занят!

— Я... — хочется просто солгать, но я знаю, что она обо всем все равно узнает, — я кое-что увидел и не так понял, и, короче, я виноват, но уже все осознал.

Я замолкаю, а Кира продолжает молча смотреть на меня. Она маленькая такая, но сейчас я безумно ее боюсь. Точнее, не ее, а того, что она может сделать. И самое худшее — это если она захочет меня бросить. Кто ей это позволит, конечно. Но сам факт.

— Ты увидел что-то и понял не так? — повторила она медленно мои же слова.

Вначале я даже не понял, что именно слышу. Но потом Кира, запрокинув голову назад, громко рассмеялась. Схватившись за живот, Малышка утирала слезы.

— Ты... ты... — она не могла продолжить, потому что ей не хватало воздуха.

— Кира, тебе нужно дышать нормально, это может быть вредно для вас с ребенком.

От моих слов Кира вначале замерла, потом выпрямилась и посмотрела на меня таким взглядом, что мои внутренности сжались в комок. Что я такого сказал?

— Так ты поэтому сюда примчался? — Кира прикрыла глаза на секунду. — Мне жаль, но ты примчался зря. Никакого ребенка, — заявила Кира. — Ты можешь спокойно выдохнуть и ехать дальше. В твоей ответственности здесь никто не нуждается.

Она ушла наверх, пока я истуканом стоял и пытался переварить услышанное.

Роман сказал, что она беременна, но, черт возьми, откуда ему об этом знать? Возможно, он хотел таким образом образумить Лебедева?

Но что это меняет для меня? Ничего. Малышка моя. Если у нас нет ребенка сейчас, то я это исправлю. И все.

Успокоившись и приняв новые реалии, я ждал, когда же она покинет свое укрытие.

Ее долго не было.

Кира спустилась практически бесшумно, но я ждал ее с таким нетерпением, что ощущал ее движения всеми фибрами своего тела. Увидев меня, она резко остановилась, потом перевела взгляд на окно, за которым уже стемнело.

Так мы и стояли, молча смотря друг другу в глаза.

Как два незнакомца.

А ведь ими мы, по сути, и являемся.

Эта женщина стала мне безмерно дорога, но я ее практически не знаю, как и она меня.
Пора бы это исправить.
— Поужинаем?

Кира

Не могу поверить, что он вернулся. В первые минуты мне даже подумалось, что это мираж. Но вот он сделал шаг ко мне, и я поняла, что никакая он не иллюзия.

А этот Игорь бросил меня тут наедине с ним. Сговорились, не иначе.

Я не обязана встречать его с распростертыми объятиями.

Сава говорил, а мое безумное сердце трепетало в груди, просто от осознания, что он здесь, что он рядом. Что держит меня в своих руках.

А поцелуй? Я чуть не сдалась, от этого такого родного и слишком знакомого чувства. Чуть не позволила ему творить что вздумается.

Глупая дура. Именно тогда, когда я решила, что он меня приревновал, он сказал истинную причину своего возвращения.

Удар под дых. Так больно мне еще не было.

Сбежала в ванную комнату, чтобы зализать свои раны.

Что ж, Игорь не просто предатель, но еще и трепло.

Поздравляю, Кира, ты опять доверилась не тому. Когда я уже научусь думать головой?

Долго сидела в своем маленьком укрытии, не желая возвращаться и видеть пустоту там, где раньше был он.

Я без конца прокручивала наш разговор. Будто пытаюсь укоренить нашу встречу в воспоминаниях, запомнить все до мельчайших деталей.

Не могу уместить в голове все, что с нами произошло. Почему нам так трудно было понять друг друга, почему?

Он не бросал меня, но обида от этого меньше не становилась почему-то.

А теперь он ушел. Конечно, зачем ему я без... ребенка.

На секунду, после того как я ему солгала, я захотела признаться. Умолять его не бросать нас. Но только на секунду. Минутная слабость прошла очень быстро.

Наверное, все это гордыня... Или я просто дура.

Каково же было мое удивление, когда, спустившись, я увидела Саву, спокойно ожидающего меня.

Хотя снова я туплю. На улице темно, куда он пойдёт на ночь глядя?

Это все-таки дом его друга.

— Поужинаем? — предложил он, и я согласилась.

— Без ссор и выяснения отношений? — спросила я и сама себе чуть подзатыльник не дала. Мы все выяснили. О чем еще нам говорить? Дура.

— Конечно, — согласился Сава, улыбнувшись. — Просто ужин и просто разговор, если захочешь.

Я только кивнула, потому что, когда я открываю рот, это плохо заканчивается.

— Я готовлю, а ты помогаешь, — предложил Сава, и я снова согласилась.

Я чистила и резала, и мне было все равно, что делать, главное — мы сейчас вместе.

Я просто мазохистка. Какая же я слабовольная идиотка!

— Ты не такая, — перебил меня Сава, смотря на меня серьезно, я бы сказала, даже зло. — Не говори так о себе, никогда.

— Я что, это вслух сказала? — ужаснулась я. Осознав, что именно сделала, закрыла

лицо руками от смущения. Найти бы дырочку и спрятаться туда, а лучше вообще удавиться, чтобы больше так не глупить.

Он и так был обо мне невысокого мнения, теперь-то уж и подавно.

— Ты самая умная из всех, кого я знаю, — услышала я.

Он это не серьезно, конечно. Просто решил меня утешить. Или просто шутит? Но нет, вроде серьезен.

— Роман говорит, что ты просто гений с большой буквы, — Сава продолжает смотреть, а я еще больше краснею. — Парни считают, что ты самая красивая женщина в мире. И несмотря на то, что мне хочется им всем выколотить глаза, я с ними согласен.

У меня от его слов сердце запнулось. Глупая, очнись, опять на те же грабли наступаешь.

— Спасибо за твои слова, — отвожу взгляд, — но я в порядке. Извини за это.

— Ты мне не веришь, да? — Сава делает шаг ко мне, но это слишком для меня, и я отступаю. — Кира, тебе не нужно меня благодарить. Все, что я сказал, — это чистая правда, — Сава, похоже, понял мой маневр и остановился. За что я была ему безмерно благодарна.

Не уверена, что смогу пережить еще одну порцию обнимашек. Хотелось оставить себе хоть немного самоуважения.

— И все равно спасибо, — не согласилась я с ним. — А что мы готовим? — решила перевести тему.

— Мое любимое блюдо, — улыбнулся Сава. — Это паста по-итальянски в соусе болоньезе.

Такого ответа я точно не ожидала.

— Ты действительно любишь макароны? — не смогла я удержать удивление. — В томатной пасте?

— Не спеши меня судить, пока не попробуешь, — сощурил Сава глаза. — Еще пальчики оближешь.

— Вот уж не думаю, — покачала я головой, но все-таки не смогла не улыбнуться. Он выглядел мальчишкой с озорным взглядом, делящимся своими секретами.

Мысленно шлепнула себя по голове. Опять не туда думаю.

Сава был прав, я действительно облизала все пальцы, настолько это было вкусно. Остановилась, заметив, каким потемневшим взглядом Сава смотрит на меня. Смущенно отвела глаза, но и меня полыхнуло его желанием. Между ног стало мокро, так что я заерзала от страха, что мужчина поймет, какое влияние на меня оказывает.

— А какое твое любимое блюдо? — спросил он, давая мне возможность успокоить свои мысли, но что еще важнее — эмоции.

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Я всеядная.

— Такого не бывает, — не согласился Сава. — Я тоже всеядный, но если мне дают выбор, то я готов сутками есть одни макароны. От чего ты никогда не устанешь?

— Наверное, от супа, — ответила я, подумав. — Любого.

Увидев его удивленный взгляд, решила объяснить:

— Деда всегда был то на тренировках, то на совещаниях, и мы с ним перебивались пирожками, бутербродами, сэндвичами и тому подобным, — пожалала я плечами, — поэтому от супа, наверное, я никогда не устану. Тем более если каждый раз разный, — улыбнувшись, поиграла бровями, чтобы вернуть веселое настроение. Уж слишком жалостливо на меня посмотрел Сава. Уж она-то мне точно от него не нужна. — А что из напитков ты любишь? Я

— чай.

— Ты же вроде кофе любила? — удивился Сава. — Я помню, как ты меня им чуть не окатила в первый день.

— Я хотела тебе на голову чашку натянуть, — вспомнила я. — Пока ты не сбежал.

— Я благоразумно ретировался, — поправил он меня, вызвав новую волну смеха. — Так и что случилось с той, что лучше всех готовит латте?

— Я полюбила чай, — сообщила я, с грустью вспомнив Игоря. — Теплые вечера с чашкой чая у камина...

— Звучит просто фантастически, — потер руки Сава. — Я тоже не откажусь от чашки чая и от теплого камина под боком.

— Тогда я заварю, — предложила я.

— А я все уберу, и без возражений, — не позволил он мне предложить помощь.

Когда я принесла чай в гостиную, Сава уже затопил камин и смотрел книжки в шкафу Игоря, но, увидев меня, бросился ко мне и забрал поднос.

— Нашел что-то интересное? — спросила, чтобы не чувствовать себя неловко, пока он ставил все на столик.

— Да, мою любимую книгу, — улыбнулся Сава. — Не знаю, ты читала или нет. Маленький принц.

— Конечно читала, — заверила я, разливая чай, пока Сава не вернулся с книгой к камину. — А почему эта книга любимая?

— Она похожа на мою жизнь, — ответил Сава. — Каждый раз перечитываю и нахожу то, что не смог понять в прошлый раз.

— Интересно, — задумалась я. — Я читала ее ребенком и потом ни разу к ней не возвращалась.

— Тебе понравится, поверь, — заговорщически сообщает Сава, склонившись ко мне.

— Уговорил, перечитаю, — улыбнулась я. Я готова была на многое ради того, чтобы он был рядом со мной вот так, как сейчас. Смотрел на меня, разговаривал, делился своими мыслями. Захотелось разрыдаться, но в то же время я, как губка, хотела впитать в себя эти мгновения, все эти эмоции, чтобы потом лелеять их в своей памяти.

— Ты, кажется, не впечатлена моей любимой историей, — подозрительно покосился на меня Сава. — Хорошо, твоя любимая история?

— Я мало читала. Моби Дик? — ответила я.

— Ты меня спрашиваешь? — засмеялся Сава. — Не верю, что ты не читала книг. Такая умная. Даже я читал, как видишь. Давай, колись, обещаю не смеяться, если это женский роман.

— Ты что-то имеешь против женских романов? — возмутилась я. — Забери свои слова обратно.

— Хорошо, каюсь, я был не прав, — засмеялся Сава, откидываясь на спинку кресла. — Так и все-таки, какая история твоя любимая?

— Зеленая миля, — призналась я. Никогда этого никому не говорила.

— Ого, мне понравился фильм, а вот книгу я не читал, — сознался Сава, — нужно будет наверстать.

— Кино — это чужое воображение, — поучительно выдала я.

— Ты права, — быстро согласился Сава. — Всегда легко идти по прямому пути, не напрягаясь, — сказал он, и я почувствовала, что мой иллюзорный мир сейчас рассыплется

как карточный домик. — Кира...

— Не надо.

— Чего не надо?

— Не порть наш последний вечер. Все идет так хорошо. Мы за долгое время не ругаемся. Не злимся. Давай это время замрет хоть ненадолго, — позорно прошу.

«На вечность», — проговариваю про себя.

— Посмотри на меня, — просит Сава, и я не могу ему отказать.

Наверное, в моих глазах мольба, но что мне делать, если все, что я сейчас чувствую, — это сожаление, что у нас все случилось не так, как надо, с самого начала.

— Я люблю тебя.

Я смотрю на него и не могу. Просто не могу. Все это... Зачем?

— Не любишь, — отрицательно качаю головой, слезы уже сами по себе стекают по щекам. — Зачем ты это говоришь? Из-за ребенка? Я же сказала, что ты свободен, я не обременю тебя им, ты о нас даже не услышишь. Я сама его выращу. И ни о чем тебя не попрошу. Не захочу просить.

— Так ты все-таки беременна? — удивленно и в то же время гневно спрашивает Сава. Он так смотрит, будто я не оправдала его надежд. Мне так знаком этот взгляд. Дедушка, Артем... Но, Господи, я не хочу, чтобы Сава на меня так смотрел. Только не он.

— Ты собиралась отнять у меня моего ребенка? Я правильно понимаю?

— Мне решать, рожать его или нет, — как только слова сорвались с моих уст, я сразу же захотела вернуть их обратно. Забрать, спрятать. Но уже было слишком поздно.

Сава изменился в лице.

— Скажи, это хоть мой ребенок?

Я сама не поняла, как зарядила ему пощечину. Испугавшись собственных чувств, закусил ребро ладони до крови.

— Кира, — Сава делает шаг ко мне, но я не хочу, чтобы он приближался.

— Зачем ты испортил все? Я же просила тебя. Все было так хорошо. Мы не ругались, шутили. Ты все испортил.

Я вскочила и метнулась к двери. Но мысль о ребенке меня остановила. Я не могу им рисковать. Он единственное, что имеет значение в этом мире.

Забралась на кровать и спряталась под одеялами. Как в детстве, когда мама еще была жива. Я не могла удержать слез. Не в этот раз.

Немного успокоившись, я высунула голову из своего укрытия. Страшась, что Сава ушел. Несмотря на ночь, покинул меня. Но я слышала, как он моет чашки на кухне. Притворилась спящей, когда он вернулся в комнату.

Трусливо.

И когда я уже и сама поверила в то, что сплю, Сава лег рядом со мной. Не колеблясь притянул меня в свои объятия. Я затаила дыхание, впитывая его тепло.

— У меня только одно сердце, и оно твое, — прошептал вдруг Сава.

У меня, кажется, и сердце перестало биться от его слов.

— Сжался надо мной, Малышка. Я не смогу без тебя жить.

Больше я не могла притворяться.

Только одну ночь. В последний раз хочу ему поверить.

Сава ослабляет свою хватку, позволяя мне развернуться к нему. В полумраке комнаты, озаренной только отсветом огня от камина, я не могу разглядеть выражение его глаз, но мне

это и не нужно.

Касаюсь его слегка царапающей щеки, ласково запускаю в его волосы ладонь и притягиваю к себе.

Поцелуй со вкусом горьких слез, горечи расставания и боли от разбитого сердца. Но сейчас, только на одну ночь, я хочу его страсти.

Сава тут же забирает контроль. Целует властно, жадно, именно так, как я хочу. Голова кружится, и я теряю остатки здравого смысла. К черту летят мысли о том, что я пожалею, что завтра мне все вернется сторицей.

Сейчас я хочу быть его. А его сделать моим.

Отвечаю не менее жадно, ласкаю его кожу на шее, выбивая из него хриплые стоны, что меня заводят. Это ведь я, от меня ему так сносит крышу, что он не может контролировать себя. Хочу еще.

Сава переворачивается на спину, позволяя мне жадно исследовать его тело. Облизываю его кожу, втягиваю в себя его запах. Его терпение заканчивается, как только я достигаю его живота, который от моих действий ходит ходуном. Я наслаждаюсь его стонами и его вкусом, и вот, в один момент, меня нагло затягивают вверх и впиваются в рот поцелуем. Впрочем, я не против.

— Не могу больше, — шепчет он между поцелуями, заставляя меня оседлать его. — Хочу тебя, Малышка. Господи, — его вскрик и мой стон сливаются вместе. Я почти забыла, как хорошо мне бывает с ним. Мой мужчина. Мой Сава.

Его губы ласкают мою грудь, а ритмичное движение члена во мне заставляет увидеть космос и самой рассыпаться на небе миллиардами звезд.

Но, даже достигнув пика, Сава не останавливается. Дав мне перевести дыхание, он опять крадет его новым поцелуем. И подмяв меня под себя, снова и снова возносит меня на небеса. Сколько длится наша ночь? Так много и так мало.

«Я люблю тебя».

«Я никого так никогда не любил».

«С ума чуть не сошел, пока искал тебя».

«А когда увидел, как ты падаешь, я думал, что умру там, рядом с тобой».

«Поверь же мне, Малышка».

«Я весь только твой».

«Мне нужна только ты».

«Только ты, моя Малышка».

«Только ты».

Сава

Не знал, что можно проснуться настолько счастливым, с широкой улыбкой на все лицо. Но это так.

Еще не открыв глаза, ощущать ее ладошку у себя на груди, чувствовать ее аромат, тепло ее тела.

Черт возьми, это самое лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь. Ну, кроме того, что я встретил Киру.

Спасибо тебе, Господи, за нее.

Сегодня ночью я раскрыл ей свои чувства, ничего себе не оставил. Не смог.

Уверен, она ни слову не поверила. Моя упрямая Малышка.

Желание спрятать ее от всего мира стало еще больше.

Наблюдаю за тем, как спит моя девочка. Ее ресницы дрожат. Малышке снится сон.

— Ты даже не осознаешь, насколько ты умная, смелая, добрая и безумно красивая, — шепчу я ей, убирая с ее лица волосы. — Одним своим взглядом покорила меня и превратила в полного глупца.

— Ну, предположим, что ты и до меня был не шибко умным, — сонным голосом отвечает Малышка, — но просыпаться, слыша такие прекрасные слова, очень приятно.

— Готов вечно тебе их говорить, только бы ты вот так же мне улыбалась, — не лукавлю я.

Наклонившись, целую ее прямо в смеющиеся губы.

— Я тебя люблю, — шепчу я между поцелуями, — Очень-преочень сильно.

Шутки заканчиваются, страсть набирает обороты. Не могу ею насытиться. Мне кажется или ее грудь стала чуть больше и чувствительнее?

— Ты такая мягкая, — вырывается из меня, — как зефирка.

— О, спасибо, что обозвал меня толстой, — напрягается подо мной Кира, — и таким изысканным способом.

— Разве? Ты себя в зеркало видела? — спрашиваю, накрывая ее грудь ладонью, отчего она выгибается мне навстречу. — Ты похудела. Такое чувство, будто тебя голодом морили. Тошная, как ходячий скелет.

— Вот уж спасибо, — шепчет прерывисто Малышка, — но, думаю, тебе пора умолкнуть, если не хочешь меня обидеть.

— Очень миленький скелетик, — целую ее. — Я имел в виду, что ты стала нежнее, что ли, — не знаю, как ей описать свои чувства, — как маленькое и очень мягкое облачко.

— Можно я все-таки потом подумаю, обижаться мне или нет, — шепчет Кира, запуская свои пальчики в мою шевелюру, — а сейчас заткнись и поцелуй меня.

Малышка однозначно стала очень чувствительной.

Если раньше она горела, то сейчас просто полыхала. Это потому, что она соскучилась так же, как и я? Да какая, к черту, разница!

Переворачиваю нас, подминая ее под себя.

— Откройся мне, — приказываю, толкая ее ногу своим коленом, показывая, чего именно я хочу.

Запрокидываю ее ножку себе на предплечье, потираясь членом о ее клитор. Разрываю

поцелуй и нахожу ее опьяненный страстью взгляд. Боже, как она смотрит. Я могу наблюдать горящую в ее глазах страсть вечность.

Не отрывая от нее глаз, медленно заполняю ее собой. У нас обоих перехватывает дыхание.

Я дрожу оттого, что пытаюсь сдержаться. Мне этого мало.

Хочу ее всю, не просто прикасаться, а вобрать в себя, чтобы мы никогда больше не смогли разъединиться.

— Отпусти себя, — шепчет Кира, — не понимая, что я едва сдерживаюсь, чтобы не взять ее, как животное, до потери пульса. Я на грани. А она, глупая, шепчет: — Я хочу этого.

Ее ногти скользят по моим ягодицам, и это становится последней каплей.

Сжимаю ее сильнее. Беру ее на грани боли и наслаждения.

Выплёскиваю весь свой страх за нее, за себя.

Показываю в этом диком танце тел свою беспомощность и свою уязвимость перед ней.

Заставляю ее запрокинуть голову и отдать мне свой рот. Сминаю ее губы не менее жестко. Хочу, чтобы Малышка поняла, приняла один-единственный факт: она моя.

Хочу ее по-другому. Больше, сильнее, жестче.

Выхожу из нее и заставляю перевернуться на живот. Господи, ну что за вид! Сексуальная, как сам ад. Я никогда не смогу устоять перед этой женщиной.

Оглаживаю ее ягодицы, не удержавшись, шлепаю эти прелестные булочки.

— Ай, — шипит Малышка, но я уже тяну ее за бедра к себе, получая самый незабываемый вид на свете.

— Господи, — кричит Кира, когда я резко заполняю ее собой.

Прикусываю ее плечо, чтобы удержать рвущиеся наружу вопли.

Несколько быстрых, глубоких толчков, и бедра Киры начинают мелко дрожать, предупреждая меня, что сейчас моя Малышка кончит.

Она сжимает меня как в самых нежных, но в то же время крепких тисках, горячих и влажных.

— Господи, боже, — крики Малышки смешиваются с моими хриплыми стонами. Никогда не был шумным, но эта женщина сжигает все мои предохранители. — Боже мой, — откат Малышки длится дольше, отчего ее внутренние мышцы вибрируют вокруг моего члена, тем самым продлевая и мое удовольствие.

Сжимаю ее дрожащее тело в своих объятиях. Я ее люблю. Безумно.

— Боже, — выдыхает Кира, пытаясь отдышаться.

— Просто Сава, — переворачиваю нас на бок. Не желаю покидать ее тело.

Малышка начинает смеяться.

— Ты просто невозможен, — шепчет Кира, отсмеявшись.

Беру ее за подбородок и, повернув ее личико к себе, накрываю ее рот своим. Такая сладкая. Самые нежные губы на всем белом свете.

Не могу насытиться.

— Сава, — зовет она, пытаясь отвернуться, но я не позволяю.

Слишком долго был вдали от нее. А теперь я хочу наверстать упущенное.

— Помогите, — пищит эта невозможная женщина. Моя женщина. Вызывая у меня улыбку.

— Кого ты зовешь? — спрашиваю между поцелуями.

— Твой здравый смысл, — отвечает Кира. — Мне, вообще-то, в ванную надо.

Замираю с ее нижней губкой во рту. Прикусываю ее чуть сильнее, выбивая у моей девочки стон. Облизнув напоследок, с сожалением отпускаю. Откидываюсь на спину, давая Малышке немного свободы.

— Давай, только недолго, — прошу я.

— Вот уж спасибо, — ёрничает она, быстро слетая с постели.

В следующий раз привяжу ее к кровати и заклею ей рот скотчем. Хотя нет, мне эти губы еще понадобятся. Я уже мысленно представил себе, что именно хочу с ними сделать. Слетаю вслед за Малышкой с кровати и бегом в ванную Игоря.

Еще один раунд не за горами.

Принимаю быстрый, но холодный душ. Я так возбужден, что это меня ничуть не остужает.

Возвращаюсь в спальню, но Киры все еще нет. Что-то не так.

Слышу характерные звуки. Ее тошнит. Я бы сказал, выворачивает.

— Малышка, ты в порядке? — спрашиваю я банальность. Конечно не в порядке, идиот. — Кира, — открываю дверь. Она уже чистит зубы. — Ты как? — Кира что-то мычит, типа в порядке, но меня это никак не успокаивает. — Заканчивай, и поедem доктору покажемся. Кажется, ты отравилась.

Наши взгляды в зеркале встречаются.

Она слишком спокойна.

— Это нормально, — отвечает наконец она, вынув щетку изо рта.

— Что, по-твоему, нормально?

— Такое бывает при беременности, — ошарашивает она меня.

В смысле? Это что, она теперь постоянно вот так будет?

Наверное, мои вопросы написаны на моем лице, как и мой шок, потому что Кира разворачивается ко мне с лукавой улыбкой на лице.

— В первые три месяца такое считается нормой, — успокаивает она меня, — потом все пройдет.

— А нельзя это вылечить? — не могу я удержаться. Я не смогу смотреть, как она мучается. Три месяца? Это же целая вечность.

— Насколько я знаю, нет, — отрицательно качает головой Кира, вытирая руки.

— Поедем к доктору, пусть он что-нибудь придумает, — не соглашаюсь я. — Ты не можешь каждый день выплёвывать все, что ешь, тем более три месяца подряд. Ты и так тощая, а тебе еще рожать.

— Вот спасибо.

Малышка идет в спальню, и мой взгляд цепляется за ее покачивающиеся под моей футболкой бедра. Черт возьми, чувак, о чем ты думаешь? Твоей женщине плохо! Ей врач нужен, а не твой член.

— Кира, я серьезно, — повторяю я, — одевайся.

— А если нет, то что? — разворачивается она, уперев руки в бока. Вот это она зря. Футболка задирается, оголяя ее бедра.

— Так поедешь, — отвечаю я. — Тебя должны осмотреть. Вдруг это опасно не только для тебя, но и для ребенка. Об этом ты не подумала?

За секунду ее глаза вспыхивают гневом, а лицо превращается в маску.

— Не пошел бы ты к черту, — говорит она холодно. — Кем ты себя возомнил? Решил, что имеешь право мне указывать?

Развернувшись под моим недоуменным взглядом, Кира начинает одеваться. Я следую ее примеру.

— Я хочу как лучше для тебя, — пытаюсь успокоить ее, но, кажется, добиваюсь обратного эффекта.

— Для меня или для твоего ребенка? — цедит она сквозь зубы. — То, что мы переспали, ничего для нас не изменило, — говорит Кира уверенно. — Ничего. Был приятно, и только. Дальше ты налево, я направо. Ни мои проблемы, ни мое здоровье, ни мой ребенок тебя не касаются, — бросает она.

Киру трясет от злости. Но я никак не могу понять, что я такого сказал или сделал.

— Все, что касается тебя, — мое дело, — отрезаю я, начиная злиться.

Что она там себе напридумывала? Что устроит скандал и сбежит под шумок?

Дала и в кусты, значит? А вот фигу тебе, милая, а не свободу.

— С чего вдруг? — Кира швыряет в меня мою футболку, которую я ловлю на лету. — Потому что ношу твоего ребенка?

— Нет, — натягиваю дурацкую ткань на себя. — Потому что я так сказал, — отрезаю я. — Ты принадлежишь мне. И заботиться о тебе — моя обязанность и привилегия.

— Ты себя хоть слышишь? Мы не в каменном веке, слава богу, — возмущается Кира. — Я не вещь, понятно тебе? И я не твоя. Не смей мной командовать.

— Можешь беситься сколько влезет, — отвечаю я, делая шаг к ней, — но ты моя. Твое тело, эмоции, улыбки, ярость — все мое. И да, ребенок, которого ты носишь, тоже мой.

— Вот это, я понимаю, другой разговор, — голос генерала Лебедева раздается от двери.

Кира в шоке переводит взгляд с меня на своего родственника.

— Деда? — неверяще шепчет она, прикрывая рот ладонью. — Дедушка, — Кира бросается к нему в объятия. — Господи, ты жив. Слава Богу, я так боялась за тебя. Как ты? Все хорошо?

Можно ли ревновать свою женщину к ее собственному деду? Еще как!

Меня прямо выворачивает от того, как она смотрит на него, улыбается ему сквозь слезы, осматривает его на предмет ранений, так сильно, что кулаки сжимаются сами собой. Перевожу взгляд к двери, чтобы отвлечься, и вижу на пороге еще двоих любителей прерывать чужие разговоры — хозяина дома и Романа.

Что тут, вообще, происходит?

— Я так понимаю, вы знакомы? — решаю перевести свое внимание на что-то более безопасное, чем моя ревность.

В разговоре с Малышкой у генерала даже голос меняется. Надо же, как запел, соловей. Стал мягче, что ли, и эти его поглаживания ее по голове меня просто бесят. Так и хочется отбросить Малышку себе за спину и зарычать на ее деда, чтобы лапы убрал. Думаю, Киру такое мое поведение не обрадует, она и так на меня свои зубки точит, так что...

Что скрывают два этих интересных персонажа?

— Ну и? — спрашиваю, переводя взгляд от Романа к Игорю.

— Я руководитель другой группы, — сообщает тот.

Ничего себе.

— Теперь понятно, что за секретная работа у тебя, — пожимаю я плечами. — И давно?

— Со смерти сына.

— А здесь ты как замешан?

— Никак. Но вашу с Кирой историю я разузнал, еще когда вы у меня в первый раз

гостили. Ну и следил за развитием событий, сам понимаешь.

Ничего я не понимаю. Как можно было все это время о таком молчать?! Но от ответа ему меня отвлекает кое-что другое.

— Я хочу уехать отсюда, — слышу за спиной голос Киры.

— Ты уверена, милая? — спрашивает генерал, и желание заехать ему в его холеную рожу становится с каждой секундой только сильнее.

— Да, — не сомневается ни секунды, маленькая злючка. — Хочу домой, пожалуйста.

— Хорошо, как скажешь, милая, — соглашается Лебедев, чем выводит мою ярость на новый уровень.

— Одну секундочку, — поворачиваюсь я к ним.

Оба застывают на месте. Генерал смотрит с едва заметной усмешкой. Мол, и что ты будешь делать теперь? В то время как Кира — с гневом и облегчением.

— Ваша внучка меня обесчестила. Я требую, чтобы она взяла на себя ответственность за это. Сегодня, вот прямо сейчас.

Что ты на это скажешь, милая?

Как там говорят? В любви и на войне все средства хороши?

Вот и посмотрим.

Сава

На меня уставились четыре пары ошарашенных глаз. Кира еще и ротик свой сладкий сложила в букровку «о».

Соблазняет, зараза мелкая.

Игорь улыбается, Роман явно в шоке. А генерал даже прыснул от смеха, но тут же спрятался за старательным покашливанием. Именно из-за него Кира наконец приходит в себя.

— Что ты несешь? — возмущенно шипит моя Малышка.

— А что такого? Или ты что думала, отымеешь меня, а потом свалишь в закат с моим ребенком в животе? — отвечаю я холодно. — А как же мои чувства? Что прикажешь делать с моральной травмой, которую ты мне оставила? — гну я свое. — Нет, я требую возмещения ущерба. Я всегда был человеком чести и всегда держал свое слово, но ты и это у меня отняла. И тебе все еще мало? — выпаливаю я на одном дыхании. — Ты не посмеешь никуда отсюда деться, пока не сделаешь меня снова честным человеком, — ставлю я последнюю точку.

— Ты сошел с ума? Совсем крыша поехала? — взрывается Кира через несколько минут звенящей тишины после моего монолога. — Ты себя хоть слышишь? Я тебе ничего не сделала.

— А как же мое доброе имя? И моя поруганная честь?

— Я тебя сейчас просто придушу, — она делает шаг ко мне, но я отступаю. Еще рано.

— Это только отяготит твою вину, — бросаю я, уворачиваясь от ее рывка в мою сторону. Бьет Малышка больно, лучше не попадаться под ее кулачок. Но сейчас она еще и беременна и, похоже, не до конца осознает этот факт. Потому что она продолжает повторять свои попытки.

— С меня достаточно этого фарса, — воздерживается она от следующего броска, наконец поняв всю тщетность своих стараний. — Я уйду. Это просто смешно.

— Я разве сказал что-то веселое или комичное? — не отступаю я, делая шаг к ней, заставляя смотреть мне в глаза. — Ели бы на моем месте была ты, то мы бы уже расписывались в ближайшем загсе под дулом твоего деда.

— И не только его, — вставляет Роман.

— Вот именно, — поддакиваю я. — А когда дело касается меня, значит, можно вот так использовать, как одноразовый презерватив, и просто выбросить?

— Деда, мы уходим, — бросает Кира, не сводя с меня своих колдовских глаз. — А ты прекращай уже, понятно? Никто тебя не использовал.

— Прости, Кира, но я на данный момент с ним согласен, — вдруг выдает Лебедев, заставляя Киру перевести внимание с меня на него.

— Что? — такого предательства она явно не ожидала.

— Он прав. Если бы он сделал то, в чем тебя обвиняет, вы бы уже были женаты, иначе я бы отстрелил ему яйца.

— Ты не можешь говорить это всерьез? — наконец осознав, что горячо любимый родственник ей не поможет, Кира оглядывается на моего бывшего начальника: — Роман?

— Прости, милая, — пожимает тот плечами.

— Вы сговорились, да? Точно! Ничего у вас не получится, ясно вам? Разыграли тут

целый спектакль. Голливуд по вам всем плачет, а меня увольте. С меня хватит, — зло тараторит Кира, пытаясь обуться.

— Генерал, я думаю, у вас найдутся знакомые в загсе? — спрашиваю я Лебедева, не отрывая взгляда от Малышки, которая вот-вот вспыхнет от ярости, как настоящий факел. — Не терпится снова стать честным и достойным уважения человеком, — не скрываю я улыбки.

— Я тебя удавлю, — Кира, забыв своем желании обуться, делает новый выпад чтобы меня достать, но в этот раз я ловлю ее на лету и, повернув спиной к себе, фиксирую ее руки и вжимаю в свою грудь. Так, чтобы она не смогла причинить себе вред. Да и мне тоже.

— Ну так что? — спрашиваю я генерала, игнорируя возмущенное пыхтение Малышки и ее попытку меня ударить ногой или укусить.

— Документы будут готовы в течение пары часов, — бросает генерал, проследив за нашими с его внучкой манипуляциями. Усмехнувшись, он направляется на выход.

— Что ты делаешь?! — орет Кира, уже не сдерживаясь. — Да вы издеваетесь. Деда? Не смей меня с ним бросать. И помогать ему тоже не смей. Дедушка, я серьезно. Я больше никогда с тобой не заговорю, — угрожает Кира, но Лебедев уже вытолкнул Игоря и Романа за дверь.

— Я в этом сомневаюсь, — оглядывается он на нас. — Береги ее, — приказ и просьба в одном.

— Всенепременно, — отвечаю я, — как только она вернет мне мою честь.

Расплывшись в улыбке, генерал подмигивает и уходит.

— Ну, конечно. Я же для тебя никто, — кричит Малышка. — Наконец-то сможешь выдохнуть спокойно. Избавишься от такой обузы. Ты только и мечтал отмахнуться от мен... — затыкаю моей девочке рот ладонью. Сейчас в гневе скажет много чего лишнего, а потом будет переживать из-за этого.

Поднимаю ее и несу в постель.

Она что-то злобно мычит в мою руку, но отпускаю я ее только после того, как насильно укладываю нас на кровать.

— Я тебя ненавижу, — шепчет она, как только я убираю руку с ее рта. Переворачиваю ее на спину и склоняюсь над ней. Моя Малышка обижена и очень зла. Обвожу ее губки большим пальцем.

— А я тебя люблю, — целую. Несмотря ни на что, она тут же раскрывается для меня позволяя углубить поцелуй.

— Ауч, — распахиваю глаза и встречаюсь с ее злым взглядом.

Она укусила меня за язык, и мало этого, так еще и продолжает сжимать свои зубки. Вот же злюка. Накрываю ладонью ее между ног, специально целясь в ее волшебную кнопочку.

— Ах, — Кира тут же забывает обо мне и выгибается. — Мерзавец, — стонет она, пытаясь сжать ноги.

— Конечно, — соглашаюсь я, целуя ее в подставленную для меня шею, — но я твой мерзавец, Малышка.

Только я уже собрался перейти к более близкому контакту с моей любимой, но злобно пыхтящей Малышкой, как ее урчащий от голода живот заставил меня остановиться.

Ну я и идиот. Похоже, мне все мозги спермой залило от долгого воздержания. Ни о чем, кроме ее тела и сладких стонов, думать не могу.

Вжавшись носом в ее висок, начинаю смеяться.

— Это не смешно, — рычит Кира, пытаясь оттащить от себя мою ладонь.

— Да это я над собой смеюсь, — объясняю я. — Пойдем завтракать, а?

Кира на секунду замирает и смущенно отводит взгляд.

— Убери руку, — требует она, и я нехотя, но подчиняюсь, напоследок мазнув по ее чувствительному местечку.

Едва сдерживаю стон. Она уже готова, судя по жару и влаге, что я ощущаю. Я от нее просто дурею.

Малышка закусывает нижнюю губку, похоже мучаясь так же, как и я. Это хоть немного, но помогает мне смириться с тем, что секса сейчас не будет. Ключевое слово «сейчас».

Быстро поднимаюсь и под ошарашенным взглядом Киры беру ее на руки.

— Не брыкаешься? — не могу удержать свое удивление. Я-то ждал новой волны ярости, а она как кроткий ягненок. Только я вот прекрасно знаю свою Малышку, у этого ангелочка припрятаны пара рожек и хвост дьяволенка.

— Это ты виноват в том, что я до сих пор здесь, так что носи, корми, холь и лелей, — отвечает Кира сухо. — Когда-нибудь ты устанешь, — бормочет она едва слышным шепотом себе под нос.

Моя упертая Малышка.

— Готов всегда быть твоим носильщиком, если ты останешься такой, как сейчас, — предлагаю я, сажая ее на стул. — Сиди, я приготовлю. Яичницу?

Кира кивает. Она продолжает смотреть на меня нечитабельным взглядом, пока я достаю нужные продукты и стараюсь для нее.

— Ты же понимаешь, что у нас ничего не получится? — говорит она, когда я, накрыв на стол, сажусь напротив нее.

— Я отвечу тебе после завтрака, — предлагаю я компромисс.

— Я знаю, что ты мне ответишь, — злится Кира. — Ты просто упертый осел, — грубит она, но все-таки подтягивает к себе тарелку и приступает к еде. — Не могу поверить в то, что ты разыграл весь этот фарс, — бормочет она с набитым ртом. — А дедушка? Предатель. Я ему это еще припомню, — угрожает Малышка. — Давай доедим и приберемся здесь, а тс перед Игорем стыдно, приютил нас, а мы ему такой бедлам оставим, и поедем отсюда по домам, хорошо? Забудем все это как страшный сон, — продолжает Кира, а я начинаю злиться.

Когда она уже перестанет быть такой упрямой. Я шучу? Устраиваю фарс?

Она что, реально думает, что я вот так ее отпущу?

«Малышка должна поесть». «Если откроешь рот, она останется голодной назло тебе».

Несмотря на все увещания, мой гнев набирает обороты. Малышка еще не понимает, что никуда ей от меня не деться. Так, мне сейчас нужно выиграть время. Уверен, генерал не подведет и документы будут здесь в ближайшие часы, а до этого нужно Киру отвлечь. А там она все подпишет, и мы выйдем из этого дома уже женатой парой.

Она сказала убраться? А чем черт не шутит.

— Хорошо, я все уберу, если ты будешь паинькой, посидишь спокойно в кресле и попьешь чайку, хорошо? — предлагаю я сразу после завтрака, чтобы она не успела опомниться и передумать. — Я тебе заварю.

— Хорошо, соглашается Кира, и я отношу ее в гостиную, сажая на диван и приношу чай туда же.

— Если что, сможешь вытянуть ноги, — объясняю ей свой выбор, хотя она и не

возмущается.

— Так, ты говори что куда, а я буду выполнять, — предлагаю я. — Что мне делать?

— Нужно снять белье с кровати, — говорит Кира, отпивая из чашки и прикрывая от наслаждения глаза. — А ты, оказывается, умеешь заваривать чай.

— Сколько удивления! — возмущаюсь я. — Немножечко уважения, я не только это умею. Что делать с бельем? В шкаф?

— Нет, конечно, его нужно постирать, — заявляет Малышка, — оно же грязное, — качает она головой. — Давай я, — вскакивает в мгновение ока с дивана.

— Сидеть, — требую я, указывая на нее пальцем. — Мы же договорились.

— Хорошо, — соглашается Кира, садясь обратно.

— Это я потом... — кидаю грязное белье на пол. — А сейчас?

Я знаю, что должен сделать, но для того, чтобы выиграть немного времени, спрашиваю и переспрашиваю каждый свой следующий шаг.

В голову приходит мысль, что от этой игры может быть и другой плюс.

— Нужно отнести кровать наверх, — говорит Кира, ерзая на диване, будто не находя себе места. — Игорь поставил её здесь ради меня.

— Хорошо, — киваю я, прежде чем поднять кровать.

— Что ты делаешь? — возмущается Кира.

— Ты же сказала отнести это в спальню, — делаю недоуменное лицо.

— Для этого нужно же сначала матрас убрать, разобрать кровать и наверху её собрать обратно, и только потом уже отнести матрас и заправить его свежим постельным бельем, — тараторит Кира. — Так же можно и спину подорвать, совсем глупый, что ли?

Прикусываю щеку изнутри, чтобы не улыбнуться. У моей Малышки доброе сердце.

Да мне вообще не внапряг отнести все наверх одним заходом, но раз она сама предлагает мне способ тянуть время, то кто я такой, чтобы отказываться.

— Ты за меня переживаешь? — играю бровями, делая шаг к ней.

— Совсем, что ли? Вот еще, — закатывает Кира глаза. — Я за собственность Игоря переживаю. Уронишь еще, — вещает эта невозможная, попивая свой чаек.

— Жестокая женщина, разбила мне сердце, и хоть бы хны, — бормочу я так, чтобы она все прекрасно слышала.

— Оно слишком глубоко, отсель не видать, не то что достать, — парирует Малышка, вроде бы не обращая на меня внимания. Но жилка на ее шейке уже сообщила мне своим трепетом, что мои слова достигли цели.

«Какая же ты еще маленькая и наивненькая».

Несмотря на предательство и боль, что ей причинили, моя Малышка сохранила в себе возможность верить людям и любить.

Когда-то давно в одной книжке, названия которой я не запомнил, я прочитал одну теорию. Мол, если человек однажды полюбил, то его сердце навсегда запомнит, каково это. И в будущем оно сможет быстрее и легче поддаться этому чувству снова, чем то, которое никогда не знало любви.

От этих мыслей портится настроение. Получается, Кира действительно любила Новикова? Нет. Бред. Она только моя и только меня любит.

А любит ли?

Разве она хоть раз призналась мне в своих чувствах? Только и твердит, что мы не подходим друг другу и что она хочет уйти.

Мне кажется, что в моем мире отключили свет — вот как я себя чувствую.
Оглядываюсь на Малышку, которая даже не подозревает о моих мучениях.
Любит ли она меня?

Кира

Господи!

Сава, он сделал это! Обвинил меня на глазах у деда, и не только его, в том, что я его использовала.

Да как он мог!

И тут же сшибает чувство вины. Возможно, где-то в глубине души я могла бы сказать, что в чем-то он все-таки прав. Если бы Сава сказал мои же слова мне, решил бы отобрать у меня ребенка, я бы очень разозлилась. Но — это пресловутое «но» — быть с ним, зная, что все это только ради ребенка, я не смогу.

Да, он клялся мне в любви. Господи, как же хочется поверить в его слова, надеть снова свои розовые очки и жить, ничего не замечая. Только вот они давно сломались и носить их я больше не хочу. Так слишком больно.

А значит, разум правит балом.

Целых два часа он мотал мне нервы, следуя моим наставлениям и делая все не так.

— Ты что, издеваешься? — спросила я, когда он таки уронил кровать и ее пришлось разбирать. Как я и говорила изначально. — Я же предупреждала.

— Жестокая Малышка, — бубнит он обиженно себе под нос. — Нет бы меня пожалеть, а она о кровати переживает. Даже не спросила, ушиб я себе что-нибудь или нет?

Знаю, что он делает это специально, знаю, что пытается мной манипулировать, но — Господи, помоги! — не могу не вестись на его тон. Это глупое сердце в моей груди начинает биться как сумасшедшее, когда он говорит так, будто его любовь — это правда, и замирает каждый раз, когда он смотрит на меня.

— Ты не ушибся? — спрашиваю я как можно более нейтральным голосом.

— Я рад, что ты спросила, — его улыбка, и я снова замираю, как кролик перед удавом. Глупая дура, да приди ты в себя! — Я рад, что я тебе безразличен.

«Да ты просто заставил меня об этом спросить!»

— Зачем все это, Сава? — не могу выдержать я груза собственных сомнений.

Сава смотрит на меня недоуменным взглядом. Отвожу глаза. Не могу на него смотреть, глупая радость от того, что он рядом, мешает думать.

— Скажи мне, зачем ты это делаешь? Я просто тебя не понимаю.

— Ты просто меня не слышишь, — качает Сава головой.

— Мы можем хоть раз сказать друг другу правду? — прошу я. — У нас будет ребенок, и растить его во лжи — это нечестно по отношению к нему.

— Так все-таки у «нас» будет ребенок? — Сава садится напротив и, облокотившись на собственные колени, наклоняется ближе ко мне, тем самым лишая меня покоя. — Хочешь честности? Хорошо. Давай. Скажи мне, если ты поступишь, как хотела, и я позволю тебе забрать нашего ребенка, что ты ему или ей расскажешь обо мне?

— Ну конечно правду, — отвечаю я не задумываясь.

— Какую правду, Кир? — мое имя режет слух в его устах. — Какова она, твоя правда?

— Это-то я и хочу выяснить, — возмущаюсь я его напору. — Что между нами было?

— Ответь на собственный вопрос! — требует Сава, сверля меня взглядом. — Кира, что между нами, по-твоему, было? Кто я для тебя?

— Это нечестно, — слезы подступили к глазам, и ком собрался в горле. — Ты припираешь меня к стенке.

— Нечестно? — переспрашивает Сава. Его ладони сжимаются в кулаки. — Я говорил тебе не раз, что ты для меня значишь. Твержу это, как полный идиот, но ты ни разу не ответила мне. Знаешь, теперь я хочу, чтобы ты ответила на собственный вопрос, и ты не можешь, почему? Нечестно?!

— Ты говорил все это только потому, что я беременна, — уже кричу я. Меня всю трясет. Будто я сейчас стою на краю обрыва и вот-вот упаду. — Из-за того, что ты просто ответственный человек.

— Это плохо? С каких пор то, что человек берет ответственность и отвечает за свои действия, это плохо? Если ты забыла, то я напомню, — от ярости в его голосе я непроизвольно сжимаюсь. — Это я, блять, тебя соблазнял! Это я, мать его, тебя трахал без резинки! И да, это я в тебя кончал! Представь себе, я знал, что от этого бывают дети. Приходило ли в твою такую умную и в то же время такую глупую голову, что я и до тебя, знаешь ли, трахался, и ни разу, Кира, ни разу я не забыл натянуть резинку. Она всегда со мной, и даже сейчас, — от его слов удивленно вскидываю голову и встречаюсь с его потемневшим взглядом. — Думаешь, у меня выводок детей, разбросанных по всему миру? Подумай уже, наконец.

— Звучит разумно, если бы не одно но, — и снова это «но» — Роман рассказал, что ты знаешь правду обо мне. Ты знаешь, что внучка Лебедева, — обвиняю я его со слезами на глазах.

Если до этого я еще верила в то, что Сава ко мне небезразличен, то после слов Романа о том, что он раскрыл глаза Савы на правду, я поняла, что это конец. Несмотря на боль и разочарование, где-то внутри я все-таки была рада, что он отступил.

— Я все решил для себя еще до этого, и этот факт ничего не поменял, — Сава смотрит на меня с яростью. — Для меня это скорее минус, чем плюс. Знаешь, сколько раз я себе напоминал, что этот старик для тебя важен и что его нельзя просто пристрелить? Он просто невыносим. Но ты не сможешь поменять тему разговора. Скажи мне, кто я для тебя, Кира?

— Сава, я... — не знаю, что сказать.

— Отвечай мне, кто я? Твоя интрижка? Твой грязный секрет? Кто я тебе? Ты хоть раз хоть что-нибудь ко мне чувствовала? Хоть раз открыла мне свое сердце, пока кончала подо мной? Ответь мне. Отвечай.

— Да! — закричала я, пряча лицо в ладонях. — Да, да!

Почему я плачу? Не знаю. Но сдержаться выше моих сил. Меня прямо сносит волной отчаяния и смятения. Я знаю, что я к нему чувствую, но разве можно требовать от меня признаться в своих чувствах, когда в его я не уверена?

— Прости. Ну, что ты? Все, не плачь больше, — шепчет Сава, нежно поглаживая меня по спине. — Прости меня, Малышка, я идиот, — чувствую его губы на своем лбу. — Просто мне нужно было это от тебя услышать.

Я сижу у него на коленях, как маленький ребенок. Но, несмотря на смущение, покидать свое место не хочу. Не знаю, сколько мы так сидим, но в себя меня приводит стук в дверь.

— Ты полежи, я посмотрю, кто там, — говорит Сава, укладывая меня на диван.

Как бы не так. Вспомнив угрозу бабушки, я утираю слезы и тут же поднимаюсь, но и шагу сделать не успеваю, как он уже входит обратно с бумагами в руках.

Ничего немогу сказать, просто неверяще наблюдаю за тем, как Сава направляется ко

мне. Проходит мимо меня к шкафу с книгами и достает оттуда ручку. Прислоняет бумажку к дверце, и, как в замедленной съемке, я вижу, как он размашисто ставит на ней свою подпись. Все происходит будто не со мной. Мозг совершенно не хочет анализировать происходящее. Мой нервный срыв сработал против меня.

— А теперь ты, — поворачивается Сава, а я никак не могу разобрать смысл его слов. — Малышка, ты как? — спрашивает Сава, подходя ко мне.

— Ты ведь не всерьез, да? — вырывается у меня. — Шутишь же, да?

— Я не шучу, — становится он вмиг серьезным. — Подпиши, и мы закончим весь этот, как ты сказала, фарс.

Злость накачивается с новой силой. Как он может вот так со мной?!

— Я никогда это не подпишу, — упрямо выдаю я, качая отрицательно головой.

Знаю, во мне говорят гормоны и смешанные чувства, в которых я никак не могу разобраться.

— Ничего не закончится. Все только начнется, — пытаюсь до него достучаться. — Я буду требовать, чтобы ты со мной считался, а ты не привык давать кому-либо отчет. Ни ты, ни я не изменимся. Понимаешь ты или нет? А страдать будем все вместе из-за того, что ты сегодня вбил себе в голову сделать...

— Сделать что? Скажи это, Кира, скажи, что я хочу сделать тебя своей, назвать тебя женой, любимой моей... — перебивает он меня.

Сава вмиг оказывается рядом со мной, заставляя меня запрокинуть голову.

— Ты любишь меня? — спрашивает он и смотрит так, будто самую мою душу хочет через глаза разглядеть. — Ответь мне, Малышка.

Его пальцы нежно касаются моей щеки. Хочется прикрыть глаза и прижаться к ним. Избежать его вопроса. Убежать из этой реальности, где мы друг другу не подходим.

— Кира, ты любишь меня? — его тон становится тверже.

— Любви недостаточно, Сав, — шепчут мои губы против моей воли.

— Так, с меня хватит, — говорит он, и у меня в груди будто мини-бомба разрывается, принося жгучую боль.

Не успеваю я опомниться, как Сава поднимает меня на руки и несет наверх. В спальне чуть ли не бросает меня на кровать, а сам быстро достает что-то из комода. Не успеваю рассмотреть что, как он уже деловито привязывает мою руку к изголовью. В первую секунду от шока я просто смотрела на его действия, даже не думая сопротивляться. Но когда он взялся за другую, до меня наконец дошло.

— Что... ты делаешь?! — кричу я, стараясь достать его коленом.

Сава же уже берется за мою ногу.

Трясу рукой, но ткань еще плотнее обвивает мое запястье. Паника накрывает с головой. Начинаю дергать ногами, но слишком поздно брыкаться: одна нога уже привязана, Сава с лёгкостью ловит вторую и все так же молча привязывает и ее.

— Пожалуйста, не надо, — не могу сдержать страх в собственном голосе. Несмотря на это чувство, я знаю, что Сава не причинит мне вреда, но воспоминания еще слишком свежи, и мое тело само по себе напрягается, а дыхание перехватывает. Я чувствую свою беспомощность слишком остро.

Сава ложится рядом. Он прижимается носом к моему виску. Я слышу его дыхание, которое он, как и я свое, пытается взять под контроль.

— Я никогда не смогу причинить тебе боль, — шепчет он. — Ты же знаешь? Да?

— Знаю, — почему-то тоже шепотом отвечаю я.

— Тогда не бойся меня, — он целует, едва касаясь, мою щеку. — Никогда меня не бойся.

Отодвигается и заглядывает мне в глаза. Мой собственный страх плещется и в его глазах.

— Но я тебя предупреждаю, — Сава касается кончиками пальцев моей щеки, — Малышка, ты будешь умолять меня дать тебе подписать эти документы, — угрожает он мне.

— Ты же сказал, что не сделаешь мне больно, — напоминаю я.

— Конечно нет, — на его губах расплывается улыбка, от которой мое тело напрягается еще больше и между ног начинает тянуть. — Только удовольствие.

Он наклоняется ко мне и впивается поцелуем в губы.

Сжимаю рот, пытаюсь осознать, что это значит. Он что, собирается заняться со мной сексом? Глупый вопрос. Упирающийся мне в бедро твердый член уже подтвердил его намерение. Но каким образом это заставит меня подписать документы?

От его ласки мысли запутались, а потом и вовсе покинули мою глупую голову. Осталось только желание.

Сава окунул меня в рай и ад одновременно.

Он никуда не спешил, будто в его распоряжении находилось все время мира. Действуя медленно и систематично, ласкал, облизывал и даже немного покусывал — Господи! — забирая мой разум по крупицам и подчиняя себе мое тело, которое снова и снова предавало меня.

Я сходила с ума, желая, чтобы все это уже закончилось, и в то же время безумно боялась, что он отступит, не толкнув меня через край.

Кира

У меня все тело как оголенный нерв, грудь болит и ноет от его жестких ласк. А между ног просто потоп.

И мне этого мало, я хочу еще. От разума остались одни воспоминания.

— Открой рот, Малышка, — требует Сава, протискивая в мои приоткрытые губы указательный палец. — Полижи его.

Каждый раз Сава, будто чувствуя, что я собираюсь перешагнуть последний рубеж, отступает, сводя меня этим с ума. Разочарование и желание смешиваются внутри меня в странный калейдоскоп, сменяя друг друга и доводя меня до иступления.

Я горю. Чувствую, что подо мной уже лужа, но ничего с этим поделать не могу. Для стыда во мне просто не осталось места.

Сава раньше не касался меня так, как сейчас, будто до этого момента сдерживал себя, а теперь сорвался. Он клеймил. Не спрашивал, хочу я или нет, просто дарил наслаждение так, как считал нужным. Я принимала и хотела большего. И мне нравилось ему подчиняться.

Он продолжал ласкать мою чувствительную грудь, пока я ощупывала его шершавый палец языком.

Под напором собственного возбуждения я стала сосать его как леденец, облизывая.

В один момент это был палец, в другой — головка его горячего члена уже толкается в мой рот.

— Открой рот, — приказывает Сава, смотря на меня сверху вниз почерневшим взглядом.

Даже мысленно не возмутилась, мой язык сам потянулся попробовать его на вкус.

Пока я пытаюсь разобраться в своих чувствах и понять, нравится мне то, что я делаю, или нет, Сава совершает слабое движение бедрами. Распирая мой рот, заставляя его принять.

Прикрываю глаза, прислушиваюсь к себе. Мне не противно, нет, но как-то странно. Непривычно.

— Полижи его, как мой палец, — приказывает Сава хрипло.

Я поднимаю глаза и вижу его напряженное лицо. Безумный взгляд, который он не может оторвать от того, что я делаю. На секунду представляю, что именно он видит, но вместо стыда еще больше возбуждаюсь. Облизываю головку, и его живот начинает дрожать от моих действий. Пьянею от этого чувства.

Я снизу, я принимаю, но в то же время ощущаю, что именно я владею этим мужчиной сейчас. И это я им управляю.

— Господи, — стонет Сава. — Еще раз. Сделай так еще.

Его голос настолько хриплый, что его практически невозможно понять, но мне уже и не нужны его приказы.

Я, как последний наркоман, крепко под села на его реакцию и хочу еще.

Мне определенно нравится его терпкий вкус, которым он делится со мной, не жалея.

— Малышка, запрокинь голову, — приказывает Сава и, не дожидаясь, запускает ладонь в мои волосы, заставляя меня делать, как ему надо. — Я больше не могу. Просто держи рот открытым, милая, дыши через нос.

Это единственное предупреждение, прежде чем он глубоко заполняет мой рот своим

членом.

— Господи, — шипит Сава, закатывая глаза.

Обхватываю член губами, чтобы хоть как-то контролировать глубину его проникновения, но, кажется, добиваюсь обратного эффекта и он проникает еще глубже. Меня немного подташнивает. Пока я пытаюсь совладать со своим рефлексом, Сава уже ритмично проникает в мой рот, забыв обо всем. С каждым разом все глубже. В какой-то момент мне в горло течет теплая, терпкая жидкость, и я думаю, что он кончил, но Сава продолжает таранить мой рот. Мне кажется или его член стал толще и длиннее?

С громким хриплым криком Сава кончает.

Я не успеваю глотать и чувствую, как сперма стекает с уголка моих губ.

«Вот теперь он кончил».

Черт, я только что сделала ему минет. И мне, кажется, понравилось.

Сколько Артем ни пытался меня склонить к оральному сексу, я так и не смогла себя пересилить. Мне было противно.

Сава с первого дня показывал мне, что в сексе есть много вещей, которых я и вообразить себе не могла, но которые доставляли такое удовольствие, что сравнить просто не с чем. Он снимает с меня собственные запреты, один за другим, не спеша.

Сава откатывается от меня, но буквально на несколько секунд.

Я еще до конца прийти в себя не успеваю, как он уже касается моих губ, изумляя меня. Я все еще чувствую вкус его спермы во рту, а он целует так, будто ему не противно.

— Прости, — шепчет Сава между поцелуями.

— Мне понравилось, — успеваю пробормотать, прежде чем он вбирает мои губы. Но он тут же вскидывает голову, всматриваясь в мои глаза, будто не верит.

— Ты серьезно? Я просто не смог сдержаться. Никто не может лишиться меня разума так, как ты, Малышка, — шепчет он, снова набрасываясь на меня. — Но теперь я готов приступить к основному нашему блюду со свежей головой, — продолжает он бубнить, облизывая мою шею.

Это меня только радует, хоть я и не совсем понимаю, о чем он.

— Сава, пожалуйста, — бесконечное время спустя взмолилась я, — я больше не могу. Ну, пожалуйста.

Еще раз медленно облизав мой живот, он наконец поднимает голову.

— Так ты готова подписать документ? — спрашивает он хриплым голосом.

Что? О чем он?

Видя мое непонимание, Сава протягивает руку куда-то вниз, и перед моим носом появляется белый лист бумаги.

Разочарование накатывает как волна. Противное чувство, что меня тупо использовали, как цунами сносит здравый смысл, которого и так практически не осталось. Неудовлетворенность перерастает в гнев.

— Пошел ты к черту, — выплевываю я. — Отойди от меня.

— Значит, еще нет, — спокойно говорит Сава, снова кладет ненавистную бумажку на пол и возвращает свое внимание на меня.

— Не прикасайся ко мне! — кричу я, пытаюсь избежать его настойчивых губ. — Не смей.

Стоит только ему приласкать меня между ног, как приглушенное гневом желание вспыхивает с новой силой. Моему телу плевать на мое возмущение и обиду, оно хочет его.

Прикусываю губу, чтобы не начать молить его, потому что я на грани. Его ладони накрывают мою грудь, и кончики пальцев сжимают соски, а язык медленно обводит клитор, заставляя меня выгнуться ему навстречу. Не могу сдержать стонов. Так нечестно.

— Ты готова, милая? — спрашивает Сава, приподняв голову.

Да готова я, готова! Черт тебя дер.

— Ну, пожалуйста, — шепчу я, сама не понимая, о чем его прошу.

Сава приподнимается и склоняется над моим лицом. Руки чешутся, так сильно мое желание запустить ладони в его волосы и притянуть к себе.

Снова этот чертов листок.

— Нет, — стону я, отворачивая лицо.

Слегка приподнявшись, Сава касается средоточия моего желания своим членом.

Господи, ну возьми же ты меня.

Но, к моему великому сожалению, он просто меня касается, и даже не там, где я хочу. Я хнычу от бессилия. Пытаюсь приподнять бедра и поймать его, но безрезультатно.

— Получишь, когда подпишешь, — смеется Сава. — Всего одна маленькая подпись, и я весть твой, Малышка, — шепчет мне в ухо это искуситель.

Тем временем головка его члена кружит вокруг моего входа, а большой палец полирует мой клитор. Меня трясет так, что, если бы не вес Савы, уверена, кровать бы ходуном ходила.

— Сава, Савушка, — шепчу я, не разбирая смысла собственных полустонов и просьб, — пожалуйста. Я хочу тебя.

Честно, я и сама не поняла, как он отпустил мои руки и я подписала этот чертов документ.

Я накинулась на него, едва дотерпев, когда он развяжет мои ноги. Опрокинула его на спину и залезла на него, доведенная до отчаяния, сама насаживаясь на его член.

Потом я буду краснеть, но сейчас я просто хочу его.

Больше никаких нежностей — только бешеный секс.

Сава более не пытался меня контролировать, но и от моего темпа не отставал. Я кончила практически сразу. Даже обидно как-то стало. Но не успела я перевести дыхание, как Сава перевернул нас, продолжая такие восхитительные движения. Его бедра таранили меня, заставляя непроизвольно отползать от его напора. Но он снова и снова притягивал меня обратно к себе.

И новая волна оргазма унесла меня за грань. Тело бьется в конвульсиях так сильно, что я почти теряю сознание.

Прихожу в себя, лежа на животе, уткнувшись лицом в матрас. Подложив под мою попу подушку, Сава снова меня заполняет. И снова бешеный ритм. Сколько раз я кончала за эту ночь, невозможно сосчитать.

Сава побил все мои представления о человеческой выносливости и широко раздвинул мои собственные границы. Для меня после этой ночи вряд ли осталось что-то запретное в сексе. С ним уж точно.

Несмотря на то, что у меня практически все внутри ноет, я хочу еще.

Во что он меня превратил?

Уснула, измотанная, на его груди и в кольцо его рук.

Между ног тянет как перед месячными — это первое, что я ощущаю.

Лежу на животе, а сзади пристроился Сава. Судя по его тяжелой ноге, закинутой на мои бедра, и ровному дыханию в мою шею, он еще спит. Его руки обвивают меня, словно канаты.

Не могу и не хочу двигаться. Мысли медленно протекают сквозь меня.

Что это вчера со мной было? Я была такой... такой... даже подходящее слово, кроме нехорошего, подобрать не могу.

Будто бешенством заразилась.

Рука вокруг меня сжимается, заграбастывая меня ближе к Сава. Тихий стон срывается с моих губ, из-за чего он меня сразу же отпускает.

— Прости, — хрипит Сава. — Тебе больно?

— Глупый вопрос, — шепчу я. Господи, я голос сорвала.

Не позволяя мне выползти из-под него, Сава наваливается сверху, начиная целовать мою спину. Он немного больно прикусывает мою шею зубами, но стоит только стону боли сорваться с моих губ, как его язык нежно облизывает это место, будто прося прощения. Наказывает, зараза!

Почувствовав влагу между ног, начинаю сопротивляться. Я совсем с ума сошла, что ли? Точно больная. Это все он на меня так плохо влияет. Так приятно, но плохо.

— Нет, — решительно отползаю я, но он меня снова тянет к себе. — Да, ты прав, мне больно, да, — тараторю я. Знаю же, что он не отстанет, пока не получит ответ. Вот же упертый баран. — Доволен?

Сава замирает за моей спиной, но не отпускает. Ну, спасибо, хоть ласкать перестал. К новому раунду я точно не готова. Ну или...

— Доволен, — отвечает он и поднимается, оставив мне напоследок поцелуй на плече. — Из кровати ни ногой, — приказывает он.

Но, прежде чем я смогла заставить себя развернуться и высказать в его наглое лицо все, что я о его приказах думаю, его уже и след простыл.

— Тиран, — шепчу я в пустоту.

Бумажка!

Быстро свисаю с кровати в поисках этого злосчастного документа. Но его нет.

Со стоном откидываюсь на спину.

Как же болит мое несчастное тело! Конечно, от хозяйки, превратившейся в нимфоманку, и не такое можно ожидать.

Не успеваю себя пожалеть, как на пороге появляется Сава и без слов поднимает меня на руки.

— Что ты... — не успеваю закончить, как меня затыкают поцелуем.

— Ты такая шумная с утра, — отвечает Сава, забираясь со мной в наполненную горячей водой лохань.

Между ног щиплет так, что, если бы не стальные объятия Савы, я бы выскочила из этого места пыток, только б меня и видели. Но Сава даже не думает отпускать меня, даже несмотря на мое сопротивление.

— Прости, Малышка, — он целует меня в висок, пока я сжимаю губы, пытаюсь сдержать стон. — Сейчас будет легче, — успокаивает меня Сава, слизывая с моей щеки скатившуюся слезу.

Растерев, судя по запаху, мужской гель между ладонями, он начинает меня мягко, практически невесомо массировать. Нежно втирая пахучую жидкость в мою кожу, не пропуская ни одной мышцы. Проходит совсем немного времени, и мое тело наконец расслабляется.

— Я тебя не прощу, — шепчу я, пытаюсь не обращать внимания на то, что его руки

ласкают мои и так чувствительные после безумной ночи груди.

Его ладонь обхватывает меня за подбородок, заставляя повернуть голову и посмотреть ему в глаза.

— У меня будет вечность, чтобы добиться твоего прощения, — говорит он серьезно. — Ты моя, — едва касается моих губ языком, — а я твой.

Кажется, я сошла с ума, раз сама потянулась к нему за поцелуем.

Ну не сразу же после ночного марафона!

Я точно больна, своим мужем.

Сава

Малышка меня удивила. Нет — убила.

Мой план был, конечно, неидеальным, но до безумия простым. Секс. Тем более я чувствую, что и она соскучилась по мне, так же сильно, как и я по ней.

Я ее уговорю, чего бы мне это ни стоило. В любви и на войне, как говорится, все средства хороши. А тем более такие приятные.

Но уже в следующую секунду я забыл вообще, что у меня в голове что-то было, кроме желания ее взять, присвоить, доказать, что ее тело принадлежит мне.

Кира — единственная женщина в мире, которая заводит меня не на шутку. Это мой личный герой высшего сорта. И я вообще не готов от него отказаться, только подсаживаться все больше и больше.

А когда ее сладкий ротик стал обсасывать мой палец, я уже знал, что позорно сдамся ей, лишь бы она не прекращала такие восхитительные ласки, которые заставляют воображать вместо пальца кое-какой другой орган. Сам не понял, как поменял позицию, следуя за своими инстинктами.

Как же безумно красиво было наблюдать за тем, как ее губы растягиваются, принимая мой член в себя.

Боже, я люблю ее нежный, юркий язычок. Моя награда и наказание.

В одну секунду я еще что-то контролировал, а в другую — уже потерял себя в сладком соблазне по имени Кира. Мечтал ли я об этом? О да! Но чтобы вот так, до потери рассудка...

Из меня будто все кости вынули и лишили всех зачатков мозга. Привычна белая пелена и пустота во всем теле.

Сил отстраниться от нее практически нет.

Только увидев дорожку стекающей с края ее губ спермы, я понял, что принудил ее все проглотить.

Откатываюсь от нее. Но страх, что отвращу ее своим действиями от орального секса, быстро заставляет просить прощения. И каково же мое удивление!

«Мне понравилось».

Это не женщина — мечта. Моя мечта. Моя жена.

Малышка и не догадывается, что только что дала мне возможность собраться с мыслями и сломить ее сопротивление.

Конечно, не была бы она моей Кирой, если бы не сопротивлялась до конца.

Я снова возбужден.

Нежная, сладкая и истекающая от желания киска моей Малышки под моими губами заставила бы и святого возбудиться, а я далеко не святой.

Но я своего добился. Малышка была не в себе, когда расписывалась. Надеюсь, небольшая корявость не помешает им принять наш брак как данность.

Это была последняя моя здравая мысль.

Огонь. Трещущий, сметающий все на своем пути. Требующий и берущий свое без спроса. Вот какой была Малышка.

Она лихо меня оседлала, насаживаясь на мой член без моей помощи, зажигая своей безудержной страстью и меня.

Я шел, ведомый ее желанием. Горел для нее и от нее.

Господи, это был самый лучший секс за всю мою жизнь.

Стоило только подуть на ее кожу, как Малышка сразу откликнулась.

Я крутил ее всю ночь, иногда передавая ей бразды правления и наслаждаясь ее неумелой, но в то же время ненасытной страстью.

Малышка так и заснула у меня на груди, не дождавшись, когда я покину ее тело.

Никогда не чувствовал себя настолько опустошенным и безумно счастливым.

Сон не шел, я все всматривался в лицо Киры и не мог удержать от ее тела своих рук.

Пусть буду сволочью, но я уже представлял себе, как снова доведу ее до безумия. Я подсел на то, какой она была в тот момент, когда не могла себя контролировать. Когда полностью отключала свой мозг и лишалась своих защитных механизмов, оставив лишь инстинкты.

Да, такой она должна быть со мной.

Зарывшись в ее макушку, вдыхая ее запах, позволил себе уснуть.

Сразу понял, что Малышка уже не спит: ее дыхание было слишком поверхностным. Член тут же встал по стойке смирно, стоило только сжать свои руки вокруг такого желанного тела.

Стон ее боли заставил меня сразу же расслабиться.

Мы оттянулись с ней, как два животных в сезон спаривания, а Малышка еще и беременна. Ругая себя на чем свет стоит, наполнил лохань в ванной Игоря и перенес мою строптивицу туда.

Кира, как дикая кошка, расцарапала мне руки, пока я пытался окунуть нас в горячую воду.

Я знал, что нужно немного перетерпеть и только тогда боль пройдет. Разминаю ее мышцы и сразу чувствую момент, когда ее отпускает.

Да, вот так, моя Малышка. Позволь мне приласкать тебя.

— Я тебя не прощу, — шепчет Кира своим безумно сексуальным охрипшим голосом.

Но я не боюсь ее слов.

— У меня буде вечность, чтобы добиться твоего прощения, — говорю уверенно, смотря прямо в ее красивые и обиженные злые глазки. — Ты моя, а я твой.

Малышка меня уже простила, но сама пока этого еще не понимает. Иначе не потянулась бы ко мне за поцелуем и не пыталась бы меня снова оседлать. И как бы мне ни хотелось продолжить ночное безумие, ей будет больно.

Только это останавливает меня от того, чтобы сейчас в нее не погрузиться. Ну и то, что у нас гости, конечно, тоже немножечко на это влияет. Кира точно разозлится не на шутку, если кто-то, кроме меня, будет свидетелем того, насколько шумной она может быть. И я-то уж точно ни с кем делиться ею не собираюсь.

— Малышка моя, — целую ее нежно, больше пытаюсь немного остудить нашу страсть, чем продолжить. — Они уже здесь, — сообщаю я, отчего тело Киры застывает в моих руках.

В ее взгляде появляется понимание.

— И давно? — задает Кира вопрос, которого я бы хотел избежать. — Давно, — отвечает она сама себе, пытаюсь встать.

— Они уже были здесь, когда мы проснулись, — выдаю я обвиняющее, желая направить ее гнев на тех, кто внизу, а не на меня.

Прежде чем Кира сорвется с места, я быстро укутываю ее в большое полотенце,

спеленав ее, как ребенка.

— Что ты делаешь? — спрашивает она шепотом.

— Хочу еще разочек тебя поцеловать, — отвечаю ей в том же духе и, не дожидаясь ее возмущения, сминая пухлые губки своими. Не хочу, чтобы от сегодняшнего утра у нее осталось чувство разочарования.

Отношу ее в спальню.

Хорошо, что, поняв, что мы не одни, и застав на кухне Игоря с Лебедевым, я додумался перенести вещи Киры в спальню. Так что, счастливо улыбаясь, наблюдаю за тем, как Малышка, вся в своих мыслях, натягивает штаны, вертя своей задницей перед моим носом, а потом не менее соблазнительно надевает футболку.

— Что? — спрашивает Малышка, уставившись на меня. — Почему ты так смотришь?

— Есть ли другое название сексуальному одеванию? — вырывается у меня.

— Что? Извращенец! — шипит Кира, поняв, о чем я.

— Малышка, я твой извращенец, и все мои помыслы направлены только на тебя.

— Вот уж удивил, — улыбается Кира, и я выдыхаю. Убивать меня сейчас она не собирается.

— Ты такая красивая, — говорю я, незаметно приближаясь к ней.

— Это тебе не поможет, — отвечает Малышка, делая шаг от меня. — Верни мне эту злосчастную бумажку, и я тебя прощу, так и быть.

— Прости, Малышка, но она уже на полпути в ЗАГС, так что не получится, — не могу сдержать счастливой улыбки. — Но, может, я смогу по-другому загладить свою вину? — облизываюсь, вспоминая, какая она сладкая на вкус.

— Ты врешь, — качает она головой, в то же время не забывая сделать от меня шаг назад. — Даже не мечтай об этом, — Кира тычет в меня своим тонким пальчиком и, прежде чем я успеваю сделать рывок и перехватить ее, со смехом уносится прочь из комнаты.

Бегу за ней и ловлю как раз у лестницы, но она снова вырывается, сделав выпад ко мне.

— Как ты можешь покушаться на святое? — спрашиваю ее шепотом, чтобы ненужные уши не услышали и не стали стебаться по поводу ее выходки.

— Тоже мне, святое нашел, — закатывает эта несносная свои глазки, пытаюсь от меня сбежать.

— Да, после того, что ты ночью с ним делала, он не мог не обрести святость, — шиплю я на нее, продолжая подкрадываться к Малышке.

— Что я делала? — возмущается чуть громче Кира, но тут же закрывает рот ладошкой и оглядывается в сторону кухни.

Именно в этот момент я успеваю ее перехватить и зажать так, чтобы впиться поцелуем в ее губки.

Как же хочется проводить пинками незваных гостей и продолжить то, что мы начали.

Теперь, узнав, какой может быть моя девочка, когда отпускает себя, я только и думаю, как бы снова ее зажечь.

— Я так понимаю, вы помирились? — холодный тон Лебедева врывается в мое сознание, стирая мои мечты о продолжении.

— А вы сомневались? — вырывается у меня, прежде чем я отпускаю Киру и оглядываюсь на того, кого меньше всего сейчас хочу видеть.

— Если бы сомневался, то вас бы уже не расписали, — парирует Лебедев. — Ну что, милая, поздравляю со свадьбой. Хоть и такой скоропостижной.

От его слов у меня руки сжимаются в кулаки.

Блин, неужели Кира не простит, если я заеду ему в нос всего лишь разок?

— Вот как? — от тона Киры у меня встают волоски дыбом. Ничего хорошего он не сулит. — Значит, это, по-твоему, свадьба? Я что же, теперь и белого платья не заслуживаю? И торжества никакого? Так ты решил от меня избавиться?

К моему удивлению, голос Малышки дрожит, и я с опаской на нее оглядываюсь. Глаза Малышки наполнились слезами.

— У тебя будет все, что ты захочешь, — тараторю я, наклоняясь к ней.

— А ты не встречай, — перебивает она меня, не сводя взгляда со своего деда.

Смотрю через плечо на старика, который, как и я, в шоке от выходки Киры.

— Я так скучала, волновалась, а ты меня даже не продал, так... безвозмездно подарил, — продолжает она его обвинять. — Что, такая внучка уже не нужна?

Лебедев делает несколько шагов к Кире, но останавливается.

— Что ты такое говоришь? — его голос тоже немного прерывается, от волнения. Видно, что и ему нелегко. Делаю шаг назад, вставая у Малышки за спиной.

— Разве у меня есть кто-то ближе тебя? Ты моя внучка, и никакой твой брак этого не изменит, — наконец собравшись, говорит генерал. — Свадьбу мы, конечно же, устроим, как только обоснуемся где-нибудь и решим, что делать дальше, — напоминает он о нашем положении. — И что значит отдал бесплатно? Он еще тысячи раз за тебя расплачиваться будет, — мужчина окидывает меня насмешливым взглядом, потом подмигивает Кире: — Надеюсь, ты его так легко не простишь?

— Даже не сомневайся, — Кира бросается к Лебедеву обниматься, а я сжимаю ладони в кулаки. Вот же прохиндей. Скинул внимание с себя на меня.

Сжимаю талию Киры и оттаскиваю ее от этого зловредня.

Кира удивленно на меня оглядывается, но попытки вырваться не делает. Знакомая усмешка касается губ Лебедева, но он быстро ее прячет.

— Думаю, сначала отправимся на базу к Роману, — предлагает Лебедев, прежде чем Кира начнет возмущаться. — Только позавтракаем сперва, а то я жуть как голоден, — добавляет он, и в этот момент я его почти прощаю. Уверен, что он не просто так устроил весь этот спектакль для моей Малышки. А то она бы точно заартачилась.

— Конечно, — быстро соглашается Кира, направляясь в кухню. — Как там Роман?

Наши понимающие взгляды с генералом пересекаются. Эта девочка крутит нами как хочет, но и мы можем найти к ней подход.

— Думаю, тебе лучше об этом спросить у него, — отвечает Игорь, накладывая в тарелку жареное мясо.

— Рада тебя видеть, — зайдя вслед за Кирой, замечаю, что она раскраснелась и смотрит на Игоря извиняющимся взглядом. — Прости, что оккупировала твой дом.

— Вот уж глупости, — отмахивается Игорь. Он бросает на меня растерянный взгляд. — Это дом Савы так же, как и мой, а теперь и твой тоже, так что тебе незачем переживать.

Кира оглядывается на меня, но тут же отводит взгляд.

— Так, хватит болтать, — прерывает всех зычным голосом генерал. — Я готов быка слопать, — он отодвигает стул и садится. — Что там с твоим хваленым мясом, Игорек?

— Уже на столе, — парирует Игорь, улыбаясь и незаметно для всех расслабленно выдыхая.

— Что? И это все? — возмущается Лебедев, подтягивая к себе тарелку. — Так это ж мне

на один зуб, и то не наемся.

Он еще что-то говорит, я же смотрю только на Киру, которая ковыряется в своей тарелке, так и не поднося ничего ко рту.

Так не пойдет.

Сажусь рядом с ней, но она продолжает не обращать на меня внимания. Протянув руку, хватаюсь за край ее стула и тяну его к себе. Малышка вскидывает на меня взгляд, но не успевает ничего сделать, как я перетаскиваю его к себе на колени. Генерал на нас только косится, но разговора с Игорем не прекращает.

— Ты что делаешь? — возмущается шепотом Кира, бросая на меня яростный взгляд.

— Как что? Кормлю своих девочек, — пресекаю ее попытку от меня удрать.

— С чего это ты решил, что у нас будет девочка? — замирает она у меня на руках.

— Интуиция, — шепчу, быстро чмокая ее в губы.

Сава

— Отпусти меня, и я поем, — предлагает Малышка, ерзая у меня на коленях.

Я знаю, почему она пытается от меня отдалиться. С того момента, как она почувствовала своей попкой мои твердые намерения, она молча ела то, что я подносил к ее рту, и тихо просила меня ее отпустить. Ее красное личико говорило яснее всяких слов: моя Малышка возбудилась, и ей это не нравится.

Только после того, как она все доела, я позволил ей соскочить с моих коленей.

— Роман хотел с тобой поговорить, — сообщает Лебедев. — Да и мне с ним есть о чем поболтать, так что я с вами.

Ну что сказать такому нахальству? Тем более под гневным взглядом моей ненаглядной. Молча киваю и иду обуваться. Помогаю Кире и собираю наши вещи.

— Всегда, когда захотите, можете прийти сюда, — говорит Игорь Кире, держа ее за руки и заглядывая ей в глаза. — Этот дом ваш так же, как и мой, так что никогда не стесняйтесь. Хорошо?

Кира согласно кивает и обнимает его, а я вспоминаю, как приревновал ее к нему. Сейчас мне тоже не в радость, что он ее трогает, но все-таки желания разбить ему нос у меня нет.

Хотел отнести Киру на руках, но, увидев убийственный взгляд, которым она меня пригвоздила, решил воздержаться. До ночи все-таки дожить хочется, ведь на нее у меня планы.

— Не могу никак поверить в то, что Игорь додумался такое построить. И где? Прямо посреди леса, — восторгается Лебедев.

— Да, я тоже была поражена, когда в первый раз увидела, — восхищенно отвечает Кира. — Впрочем, и до сих пор удивляюсь этой красоте.

— А ты бы хотела жить в таком прекрасном месте? — спрашивает Лебедев, оглядываясь на Киру. — Помню, ты просила меня переехать за город, — напоминает он, а я не могу понять, к чему он ведет. — Но это все-таки более уединенное место, чем просто где-то за городом, — выдает он задумчиво.

— Еще как хотела бы, — радостно сообщает Кира, а генерал стреляет в меня довольным взглядом. — Разве такое можно сравнить?

— Ну, не знаю, ты все-таки к такому не приучена, — пожимает Лебедев плечами, как бы сомневаясь.

— Не научена — так, значит, научусь. Мне что, впервой? — отрезает уверенно Кира.

Этот прохиндей явно что-то задумал.

До базы доезжаем поздно вечером. Не успел я затормозить, как Кира уже выскочила и побежала в дом к Роману. Застал их обнимающимися во дворе.

— Так за тебя перепугался, малявка, — бормочет Роман, неуклюже похлопывая Киру по спине.

— Переживал, точно? — уточняет Кира, смотря на него снизу вверх.

Так, кажется, Роману зубы жмут.

— Ты же меня не научила своей программе, так что, конечно, распереживался, что останусь ни с чем, — усмехается в своей обычной манере Роман.

Быстро оттаскиваю Малышку подальше, под изумленный взгляд Романа и смешок Лебедева за спиной.

— Уже поздно, так что все разговоры утром, — поясняю я.

— Есть вопрос, который я хотел бы обсудить с тобой, точнее, с вами обоими. Сейчас, — настаивает Роман.

— Хорошо, — соглашаюсь я, беру Киру за руку и направляюсь за Романом в дом. Несмотря на сопротивление Киры, не отпускаю ее.

— Я хочу, чтобы ты возглавила нашу лабораторию, — заявляет Роман Кире, как только мы занимаем свободные стулья. — Чтобы ты продолжила работу над своим ИИ и также модернизировала наши системы и следила за ними.

Кира в шоке молчит, так же, как и я.

Она не будет здесь работать.

— Сава, а тебе я бы хотел предложить возглавить наши группы. Я, конечно, слежу за их действиями и помогаю им, чем могу, но этого мало. Групп стало больше, и пора уже координировать, а не полагаться на то, что они сами все сделают, — продолжает Роман, прежде чем я успеваю ему возразить.

Алекс на это мне уже намекал.

— С парнями я уже поговорил, точнее, они со мной, — усмехается Роман. — Они сами решили, что ты нужен им как лидер.

Задумываюсь и встречаюсь с нечитабельным взглядом Малышки. Она обеспокоена, как и я.

— Мы подумаем, — отвечаю я, не сводя взгляда с Киры, — а сейчас нам всем нужно отдохнуть.

— Утро вечера мудренее, — соглашается генерал, поднимаясь. И мы следуем его примеру.

— Да, конечно, занимайте свободные спальни, — согласно кивает Роман. — Я рад, что ты вернулась, девочка.

— Я тоже, — кивает Кира. — Свободные спальни? О чем он? — спрашивает она у меня, так как я, уже приподняв ее над землей, несу на выход и в сторону бункера. — Куда мы?

— Как куда? Спасть, конечно, — не понимаю я. — Я тут уже присмотрел нам спальню, в самом конце, подальше от всех.

— Я не буду с тобой спать, — заявляет Кира, заставляя меня засмеяться.

— Ты моя жена, — напоминаю я. — Конечно будешь. Но это потом, а сейчас у меня немного другие планы.

— Я согласия не давала, — пыхтит Малышка, пытаюсь вывернуться из моих рук.

— Еще как давала, и даже бумажку подписала, — утвердительно киваю я. — Так что ты на все подписалась, милая, и сейчас у нас самое интересное намечается, пора уже супружеский долг отдавать.

— Какой еще долг? Да ты...

— Привет, — из-за своей двери выглядывает Варя. — Вы вернулись? — констатирует она очевидное. Сама же при этом не сводит глаз с Киры, как и та с нее.

— Привет, — здороваюсь внутренне чертыхаясь. — Кира, это Варя, — представляю их друг другу. — Варя, это Кира.

— Привет, — улыбается Варя, чего о моей Малышке сказать нельзя. Кира молча прожигает девушку взглядом, отчего улыбка той сразу увядает.

— Ну, ладно, спокойной ночи, — бормочет Варя, закрывая дверь.

Поднимаю и несу свою добычу дальше. Малышка не сопротивляется, просто застыла изваянием, сложив руки перед собой.

— И что это было? — спрашивает она, как только я заносу ее в спальню и ставлю на ноги.

— В смысле? — не понимаю я.

Обрадованный тем, что разговор не затянулся и я наконец остался наедине со своей Малышкой, я не ожидал такого яростного тона.

— В коромысле, — отвечает Малышка. — «Это Кира», — пародирует она меня. — Правда, что ли? Я Кира?

Не могу понять, что происходит в ее голове, но, судя по тому, что она просто в ярости, явно что-то важное.

— Кто она? — спрашивает Малышка, сощутив глаза.

— Это Варя, я же сказал, — повторяю я медленно. — Она родственница... — тут же затыкаю свой болтливый рот, вспомнив, чья именно она родня. — Просто Варя, — заканчиваю я.

— И что делает «просто Варя» здесь? — спрашивает Кира. — И здесь — это где? — оглядывается она.

Всю дорогу она брыкалась, а потом, встретив Варю, и вовсе от ярости взвилась, так что только сейчас наконец рассмотрела нашу комнату.

— Это база Романа, разве ты здесь раньше не была? — удивляюсь я.

— Нет. Я вообще не выходила из дома, до того вечера, — говорит она, осматривая круглое окно. — Напоминает корабль.

— Я тоже так подумал, — улыбаюсь я, подходя к ней ближе и обнимая ее со спины.

— Руки убери, — требует Малышка, но с меня уже хватит.

— Только после того, как поцелуешь, — требую я и ту же получаю под дых ее острым локотком.

Сжимаю руки еще крепче вокруг нее. Если я знаю свою девочку, то это только начало. И она меня не разочаровывает.

После нескольких приемов, которые мне приходится блокировать максимально нежно, я наконец умудряюсь уложить ее в кровать. Точнее, подмять под себя.

Ее ерзающая попка заставляет мое немного утихшее желание взвиться вновь.

— Я, кажется, уже говорил, что мне нравится этот вид, — шепчу в ее ушко и убираю голову, чтобы не получить по носу, куда она целенаправленно метит. Вот же упрямая крошка. Но такая аппетитная.

Моя девочка заводится с пол-оборота. Стоит только приласкать ее между ножек.

— Хочу в тебя, — шепчу, почувствовав ее влагу у себя на пальцах. Кира с тихим стоном подается бедрами назад. О сопротивлении она уже забыла.

Быстро стаскиваю с себя одежду. Подтягиваю ее за ягодицы и стаскиваю с ее сексуальной попки штаны, но на полпути замираю. Восхитительная картинка. Шлепаю эти сладкие булочки, отчего Кира стонет. Не могу удержаться и, наклонившись, кусаю ее за одну ягодицу.

— Ай, — шипит Малышка, но я уже ласкаю раненую плоть языком.

— Хочу оставить на тебе свои отметки, — бормочу я, отбрасывая ненужную тряпку в сторону.

Поворачиваю Киру на спину и встречаюсь с лихорадочным блеском в ее глазах. Да, Малышка заведена, так же, как и я.

Каждый раз с ней все по-другому. Вчера мне казалось, что лучше уже быть не может, но вот она смотрит мне в глаза и подается навстречу моим движениям. Тянет меня к себе, ласкает своими тонкими пальчиками везде, где может дотянуться. Ищет моего поцелуя, нет, требует его. Стонет громче. Кончает подо мной, заставляя меня вознестись за ней на небеса. Что может быть лучше? Только моя Малышка.

Откатываюсь от нее, но тут же притягиваю к себе, оттаскивая нас на сухую сторону кровати.

Целую ее в висок, прислушиваясь к ее дыханию.

Нежно продолжаю ее касаться, выбивая из нее произвольную дрожь и кайфуя от этого.

— Так чья она родственница? — спрашивает вдруг Кира, и я не сразу понимаю, о ком она.

— Ты ведь не отстанешь, да? — горько вздыхаю, уже зная ответ.

— Просто скажи мне, — настаивает Кира.

— Она родственница Новикова, — нырять — так в омут с головой.

— Артема? — шокировано выговаривает она. — Но он же сирота? — она запрокидывает голову, ища мой взгляд. — Хотя о чем это я, да? Он с самого начала мне врал. Кто она ему?

— Я не знаю, — отвечаю я, желая закончить это разговор. Это ее «Артема?» заставило меня жалеть, что он не жив. Роман поведал мне, что тот рассказал много интересного, прежде чем скончался от нанесенных мной ран. Сожаление было только об одном: что я не увидел этого сам.

Малышка посмотрела мне в глаза, будто проверяя, потом просто кивнула и прижалась ко мне ближе. Отчего мне немного, но стало легче.

— Давай не будем о них говорить, — предлагаю я, зарываясь в ее волосы.

— Хорошо, — шепчет Кира. — Ты примешь предложение Романа?

Час от часу не легче. Эта женщина не может просто обнять меня и заснуть?

— А ты хочешь, чтобы я принял? — сам не до конца осознавая, задаю ей вопрос и, кажется, угадываю, потому что она вскидывает на меня взгляд и даже немного приподнимается, чтобы лучше меня видеть.

— Почему ты спрашиваешь это у меня? — Кира смотрит настороженно, и я чувствую, что сейчас я должен ответить ей правильно, иначе...

— Ты моя жена, — выговариваю каждую букву, чтобы она это сознала. — И, конечно, я спрашиваю у тебя потому, что я буду жить там, где хочешь ты. Я хочу, чтобы ты была счастлива, — глажу ее по покрасневшей щеке, которая говорит мне о том, что хоть и медленно, но я все же движусь в правильном направлении. — А ты хочешь принять предложение Романа? — напоминаю я ей, что не только мне нужно об этом подумать.

— Конечно, — не колеблясь отвечает Кира.

Что, вот так, даже не спросив меня? Но наткнувшись на пристальный взгляд своей Малышки, понимаю, что все это — ее маленькая проверка.

— Тогда и я приму, — киваю я.

— И что, даже возмущаться не будешь? — щурит она глазки.

— У меня только один вопрос, — запускаю в ее волосы пальцы, заставляя ее склониться

ко мне. Нежно целую ее распухшие от поцелуев губы, — ты уверена?

Кира смотрит на меня долгим взглядом, потом сама наклоняется и целует меня. После чего она мирно укладывается у меня на груди.

— Я всегда хотела иметь возможность продолжить работу над своим проектом, — говорит она тихо, практически шепчет. — И когда начала здесь работать вместе с Романом, то впервые за долгие годы я была счастлива. Поэтому мой ответ — да. Я уверена.

Малышка замолкает, а я, еще немного подождав, чтобы убедиться, что она больше ничего не добавит, глажу ее по волосам.

— Я рад, что ты счастлива, — шепчу я своей девочке. — Если что-то не так или ты чего-то хочешь, а я не догоняю, просто говори со мной. Хорошо?

— А ты со мной, — отвечает она, но я уже слышу по ее голосу, что моя Малышка почти заснула.

Сжимаю ее в своих объятиях и не могу поверить в то, как много эта женщина значит для меня.

Не помню своей жизни без нее.

Кира

Прислушиваюсь к дыханию Сава. Он спит. Вот же!

Я проснулась распластанная на спине, ощущая тяжесть его головы на своем животе. Мочевой уже кричит о том, чтобы я наконец обратила на него внимание, но Сава двигаться не собирается.

Медленно, не желая его разбудить, я пытаюсь из-под него выползти уже, кажется, битый час.

С громким вздохом он наконец откидывается на спину, распластавшись как звезда, а я ракетой мчусь в ванную.

Ночью Сава не давал мне спать, он то ходил за водой, то пытался зачем-то меня обтереть. Не переставал, пока я на него не прикрикнула.

Быстро сделав свои дела, иду обратно. Мой взгляд запинается о его торчащий колом член. Присматриваюсь внимательнее к лицу Сава. А он точно спит? Прислушиваюсь к его дыханию — вроде спит.

Мой взгляд продолжает цепляться за периодически вздрагивающий член. Господи, да, что греха таить, я уставилась на него. Несмотря на то, что я брала его в рот, рассмотреть его так и не успела. Он большой, обвитый выпуклыми венами, с крупной грибовидной головкой.

— Малышка, — едва слышный шепот Сава.

А ведь я ему сейчас снюсь. Улыбка расползается у меня на лице. Я, а не какая-нибудь...

Отбрасываю от себя эту мысль.

Заползаю на кровать, ведомая любопытством. Член угрожающе дергается. Бросаю вороватый взгляд на Саву, который спит, не подозревая о моих действиях. Кончиком указательного пальца касаюсь его члена. Кожа такая же, как я помню, но только еще нежнее. Глядя, веду к красной головке.

Стон Сава заставляет меня отдернуть руку и снова бросить в его сторону взгляд. Но любопытство сильнее. Он же мой муж.

Сам же говорил, нет?

Чей мне еще член рассматривать, как не его? Снова, уже более уверенно, касаюсь члена пальцами, обхватываю ими, ощущая твердость и нежность одновременно. Поразительно.

Во рту собирается слюна, которую я произвольно сглатываю. Я помню, как ласкала его ртом. Между ног становится влажно. Наклонившись, касаюсь головки губами. Обвожу языком. На кончике члена выступает светлая капелька, которую я не задумываясь слизываю. Терпкая. Вбираю головку целиком и медленно обвожу языком.

Так занята своим занятием, что ладонь, запущенная в мои волосы, становится неожиданностью.

Почему-то не спешу прекратить свои действия. Поднимаю глаза, встречаясь с почерневшим взглядом мужа.

— Если ты сейчас остановишься, то просто убьешь меня, — шепчет он, а я выпускаю его член изо рта, но продолжаю касаться его языком. — Ах, Малышка, — стонет Сава, подаваясь ко мне бедрами.

— Нет, — толкаю я его обратно, — я сама.

Он впивается в меня взглядом.

— Тогда смотри на меня, — требует Сава, сжимая ладонями простыню по бокам.

Да, именно это чувство я испытываю, пока он имеет меня в рот: я главная, я веду, я здесь хозяйка. И это невероятно круто.

Странно, но меня безумно возбуждает то, что я беру его в рот, смотря ему в глаза. Наверное, потому, что так он не может скрыть от меня свои эмоции. Он силится не откинуть голову назад и не застонать. Но я хочу, чтобы он потерял себя. Хочу слышать, как ему хорошо. Помню его темп и глубину, так что старюсь взять так глубоко, как могу. Помогаю себе руками.

— Да, — стонет Сава, он уже потерялся в наслаждении. — Господи, Малышка...

Он то откидывается назад, то снова впивается в меня взглядом, будто боится пропустить этот момент. Я же не отвожу от него глаз, как он и хотел, начиная сосать его член быстрее и вбирая его глубже.

Между ног невыносимо ноет, и я запускаю одну руку в свои трусики, чтобы хоть так облегчить свою боль. Я безумно мокрая.

Член с каждым погружением становится все толще и длиннее, и я уже узнаю момент, когда Сава собирается кончить.

В последний миг он все-таки запускает в мои волосы свою ладонь, заставляя меня принять его еще глубже. С громким рычанием Сава обильно кончает. В этот раз я смогла все проглотить.

— Покажи, — требует Сава, и я не могу сразу понять, о чем он.

Он кивает на мою руку. Покраснев, вытаскиваю свои мокрые пальцы.

Быстро подтянув меня к себе, Сава впивается поцелуем в мои губы, в то же время, оттянув трусики в сторону и обхватив меня за ягодицы, легко поднимает меня к своему лицу. Стыд и возбуждение смешиваются внутри, но в тот момент, когда язык мужа касается моего клитора, возбуждение побеждает. Оно всегда выигрывает. Несколько движений языком, и я следую к вершине за Савой. Бедрa дрожат. Обессиленно падаю рядом. Сава тут же притягивает меня к себе и целует, делясь со мной моим вкусом. А я, оказывается, вкусная.

— Знал бы, что буду просыпаться так после свадьбы, — женился бы на тебе еще в первый день нашей встречи, — шепчет Сава.

— Размечтался, — отвечаю я, но не могу сдержать улыбку. — Я бы тебе этого не позволила.

— А я и не спрашивал бы, — целует он меня. Да уж, это точно.

— Ты и так не спрашивал, — отвечаю я, запуская свою ладонь в его короткую шевелюру. Но в тот момент, когда я уже практически растаяла под напором его губ, в дверь стучат.

— Не обращай на них внимания, — бормочет Сава, пытаюсь снова меня поцеловать. Как будто назло ему, стук становится громче.

— Так, ты подожди, а я сейчас быстренько прибью того, кто за дверью, и мы продолжим, откуда начали, — тараторит Сава, нехотя поднимаясь. — Да черт тебя дери, иду я! — орет он тому несчастному, что тарабанит в дверь. — Только тебе же от этого хуже.

Я быстренько приватизирую футболку Савы, чтобы хоть чем-нибудь себя прикрыть, пока он, натянув только штаны, идет открывать.

— Какого черта ты ломишься с утра пораньше?! — орет Сава, но я за его широкой спиной пока не вижу, кому именно.

— С утра? Уже обед, — слышу голос Сашки. — Вы тут целый день собрались провести? А я поздравить хотел.

Не могу удержаться, подбегаю к Сава и выглядываю из-за его спины.

— Кируша, привет! — кричит Сашка, хватая меня за руку и вытаскивая из моего укрытия. Опомниться не успеваю, как он уже меня обнимает, приподняв над полом. — Поздравляю.

— Эй, — с грозным окриком муж меня тут же выдергивает из рук Сашки и снова запикивает за свою спину, — грабли убрал, — рычит он на Сашку, надвигаясь на него. — Держись от нее подальше.

— Да понял я уже, понял, — со смехом отступает Сашка, поднимая в знак капитуляции руки. — Я помню, ты у нас от ревности буйненьким становишься, но тебе придется привыкать. Я, вообще-то, думал, что такое хотя бы после свадьбы проходит. Но, видно, я ошибался.

— Это тебе придется привыкать держаться от моей жены как можно дальше, — настаивает Сава. От его поведения мне хочется прыснуть со смеху, что я и делаю. — А с тобой я потом поговорю, — не оглядываясь, бросает он мне.

— Это кто еще с кем, — парирую я. — Спасибо за поздравления, но не с чем, — отвечаю Сашке и напоминаю кое-кому, что это не он тут обиженная сторона. — Меня вообще ни о чем не спрашивали.

— Кира, — возмущенно пыхтит Сава.

— Я тут, так сказать, жертва, — продолжаю я, не обращая внимания на него. — И что Кира? Это что, ложь?

— Так, ты вали, — отрезает явно очень злой Сава.

— Спасите, — пишу из-за его спины, отчего Сашка начинает смеяться.

— Он тебя точно не спасет, — бросает Сава, оглядываясь на меня.

— Ну я, вообще-то, по делу пришел, — подмигивает мне Сашка. — Тебя Роман с Лебедевым ждут.

— Подождут, — бросает Сава. — У меня тут более важные дела нарисовались.

Он явно намекает на меня.

— Ну, они оба жуть серьезные. Думаю, случилось что, — настаивает Сашка. — Боюсь что серьезное. У нас на сегодня задание было, но нам его отменили.

— Черт бы вас всех подрал, — выдает Сава, сжав на секунду переносицу. — Через час, — и захлопывает перед ошарашенным лицом Сашки дверь.

Ой, ой.

— А зачем тебе час? — вырывается у меня.

— Наказать строптивую жену, — выдает Сава, медленно оборачиваясь ко мне.

— За что это? — выпячиваю я упрямо подбородок. — Я правду сказала.

— За то, что кидается в объятия чужих мужиков, за то, что выбегает к ним в чем мать родила, — его голос звучит зловеще, — за то, что жалуется на своего мужа кому ни попадя.

— Все твои обвинения и яйца выеденного не стоят, — отвечаю ему, делая шаг назад и загибая пальчики. — Во-первых, это не я, а он меня обнимал; во-вторых, я в твоей футболке, а не голая; а в-третьих, он не абы...

Одним движением Сава меня настигает, я даже охнуть не успеваю, как он меня уже разложил на кровати, а сам навис сверху.

— Выйдешь за меня? — спрашивает он серьезно.

Такого вопроса я точно не ожидала. Его что, так задели мои слова?

— Тебе не кажется, что для этого вопроса уже поздно? — парируя я, неожиданно испытывая к нему нежность. Ладонь сама по себе тянется коснуться его колючей щеки.

— Нет, — замирает он под моей лаской. — Ответь. Ты выйдешь за меня?

Смотрите, какой упертый!

— Не так ты просишь, — качаю я головой, едва сдерживая улыбку. — Ой не так.

— А как надо?

— А ты у своих парней спроси. Может, они какой совет тебе дадут, — делаю вид, что злюсь. — А теперь слезь с меня, мне в туалет надо, — толкаю его в плечо.

Сава, кажется, не понял моего подкола и с озадаченным лицом сполз с меня. Я тут же ринулась в ванную, принять душ и привести себя в порядок. Надо же обрадовать Романа, что я принимаю его предложение. Точнее, мы оба.

Признаюсь, вчера Сава смягчил мое сердце своими словами. Было приятно узнать, что для него мое счастье важнее его собственного. Что не просто на словах, а на деле он может ради меня поступиться чем-то важным в своей жизни. Уж я-то знаю, насколько важна ему его работа.

Да и своих парней он считает семьей. Вначале Валид, теперь Сашка... Думаю они не единственные из команды Сава решили присоединиться к Роману.

И то, что Сава сказал, что пойдет за мной, если я не захочу здесь остаться, меня просто покорило. На секунду был соблазн сказать, что я в городе хочу жить, но я видела по его глазам, что он сделает, как я хочу, потому быстро передумала.

Едва успеваю почистить зубы и ополоснуться, как в душевую заваливается Сава.

Ну уж нет. Принимать душ вместе с ним я пока еще не готова. Так что, увернувшись от его рук, выбегаю в спальню. Сморщив нос, натягиваю единственные и грязные штаны. Ура, зато у меня есть чистая футболка.

Я расчесываю волосы, когда на пороге появляется Сава и тоже начинает одеваться. Он слишком молчалив, что меня немного напрягает.

Прикусываю щеку, чтобы не начать его расспрашивать, но стоит нам выйти в коридор, как моя выдержка заканчивается:

— Все в порядке? — спрашиваю я, замедляясь.

Сава останавливается и оборачивается ко мне.

— Конечно, — отвечает он, взяв меня за руку и потянув за собой. Но я же вижу, что он мыслями сейчас не здесь.

— Жалеешь о своем решении? — задаю вопрос, прежде чем мое пресловутое женское начало решит обидеться на его молчание.

Его ладонь сильнее сжимается вокруг моей. Подойдя ближе, Сава молча гладит меня по щеке, а я сгораю от нетерпения. Если он скажет, что да, то...

— Конечно нет, — он заглядывает в мои глаза, и я вижу, что он искренен. — Я просто задумался, что я буду делать? Точнее, как? Раньше мы с парнями были как-то на равных, что ли, а сейчас... я просто не знаю еще, как именно все это дело организовать.

Он такой милый сейчас. Новая волна нежности заставляет меня приподняться на носочках и поцеловать его в гладкую щеку.

— Если попросишь, я тебе помогу, — шепчу ему в ухо, прежде чем отпрянуть.

Сава тут же притягивает меня обратно в свои объятия.

— Я согласен, — касается он моих губ. — Ночью. Я тщательно тебя попрошу, —

поцелуй становится глубже. — И спрошу тебя снова.

Прежде чем до меня доходит смысл его последних слов, он тянет меня за собой на улицу.

Мой муж — тот еще хитрец, но такой милый.

Кира

Прошел уже месяц с того дня, как мы вернулись на базу Романа.

Как же он шипел и ругался, когда я переделывала его систему. Обновила все. Внесла много изменений и каждый день продолжала добавлять что-то новое, ведь в мире технологий всегда можно придумать что-то еще интереснее и лучше. Теперь у меня была возможность дать своей фантазии свободу.

— Сам виноват, — смеялась я, когда он, в очередной раз не сумев разобраться в «тарабарщине», начинал кричать и звать меня.

Но все-таки мало-помалу Роман осваивался, а я не могла нарадоваться, что с ИИ у меня все складывается как нельзя лучше. Не скрою, не всегда получалось так, как я хочу, иногда получалось лучше, иногда хуже, но на месте мы не стояли, что не могло не радовать.

С подачи Савы я поставила себе новую цель: суметь без операции вводить свой отслеживающий трекер в человека. Это дало бы возможность использовать его не только нашим, но и любому другому человеку, и даже без его ведома. Огромное преимущество на заданиях для наших мужчин.

Мне не хватало знаний, и я всюю восполняла их на просторах интернета. Ошибка большинства — считать, что образование можно получить только в университете.

У меня в голове роилось множество идей, которые могли бы помочь не только на заданиях и не только в военной сфере, но и многим другим людям в обычной жизни.

Иногда мне казалось, что я сплю, что вот-вот проснусь и вся моя счастливая жизнь превратится в воспоминание.

— Ай, — Сава смотрит на меня с улыбкой. Ведь именно его я и ущипнула, пытаюсь поверить в то, что все это реально.

Смеюсь, пока он ловит меня, и отвечаю на его поцелуй. Можно ли быть счастливее?

— Что, опять проверяла? — спрашивает муж, заставляя меня запрокинуть голову, чтобы углубить поцелуй. Ответ ему не нужен.

Помню, как ущипнула себя в первый раз и зашипела от боли. Сава удивленно поднял голову и уставился на меня.

— Что такое?

— Да так, просто, — я отвела взгляд, не говорить же ему, насколько я с ним счастлива.

— Что просто? У тебя рука покраснела, — указал он на очевидное. — Ты зачем делаешь себе больно? — возмутился он так, будто я ему сделала больно, а не себе.

— Не могла поверить в то, что все это не сон, — прошептала я и расплылась в глупой улыбке.

Сава перетащил меня к себе на колени. Хорошо, что я со стола убрала.

К этому дню я уже дважды переустраивала нашу спальню, а еще мы присоединили к нашему жилищу соседнюю комнату и сделали ее гостиной.

— Нечего в нашей спальне делать всяким пришлым, — заявил мой муж после того, как нас навестил дедушка, потом Алекс, а еще Роман, и Варя.

Ну, короче, теперь мы собирались переделать еще одну комнату, под детскую, по настоянию моего благоверного. Он еще не в курсе, что ребенок будет спать с нами, и она нам не понадобится еще ой как долго. Пусть это будет ему сюрпризом.

— Если еще раз захочешь проверить реальность происходящего, то ущипни лучше меня, — предложил он, не подозревая, насколько часто ему придется терпеть мои нападки. — Так я тоже буду знать, что ты реальна.

— Выйдешь за меня?

— Я подумаю.

Вот так неизменно заканчивалась каждая наша ночь.

Сава никогда не стеснялся признаваться мне в любви даже рядом с парнями, которые в первые дни еще пытались над ним смеяться. Но когда в ответ на их издевки они стали получать затрещины не только от моего мужа, но и от меня, то быстро одумались. Теперь они только улыбались и, кажется, даже немного нам завидовали. Конечно, никто об этом не говорил, но я чувствовала, что некоторые из парней иногда поглядывали на нас с затаенной тоской.

— У тебя грудь, кажется, пополнела, — бросает Сава как бы невзначай, отчего я тут же напрягаюсь. Утром он уже пытался проверить, насколько увеличился мой животик, и это закончилось диким сексом. Еще одного раунда сейчас я не выдержу.

— Думаю, тебе просто кажется, — предполагаю я, сама же пытаюсь соскочить с его коленей.

— А давай я быстренько проверю, — предлагает Сава, окидывая меня мутным взглядом.

— Тебе разве не нужно на совещание? — напоминаю я. — Ты же вроде опаздывал?

— А, черт, — упирается он лбом в мое плечо. — Считаю, сбежала, но через час я вернусь и тогда уже точно проверю. Я уверен, что они стали еще больше, — угрожает Сава, но я не волнуюсь.

У меня встреча с Варей, так что меня к его возвращению дома не будет. Но ему-то об этом знать необязательно. Пусть лучше помечтает.

Встречаемся с Варей у тропинки, ведущей в огород. Ну, так эти поля называет Варя. Она хотела похвастаться мне своим новым урожаем, а заодно и заставить меня наконец покинуть душные помещения и пройтись на свежем воздухе. Несмотря на то, что она моложе, она навряд мамочки меня опекает. Наверное, это из-за того, что она сама уже молодая мамочка.

Вспоминаю, как я приревновала Саву к ней в наш первый вечер здесь...

Господи, что на меня тогда нашло?

Первое время держалась с ней настороженно, все-таки то, что Артем был ее родственником, не давало мне расслабиться.

А подружил нас Толик. Господи, чудо, а не ребенок. Умный и любознательный. Несмотря ни на что, прикипела к нему всей душой. Так и стали общаться с его мамкой. А когда познакомились поближе, то готова была удавиться от стыда. Варя умная, бойкая и очень красивая. Если есть на земле ангелы, то Варя один из них.

Правда, мой друг считает, что она чертовка, но, судя по его взглядам на нее, она ему очень даже интересна. Варя тоже смотрит на Сашку, стоит ему только появиться в поле зрения, однако в ее глазах кроме интереса есть еще и опаска.

Мы с Савой решили, что Сашка уж точно попал в сети любви. Он каждый раз, как мальчик, которому понравилась девочка, пытался издевками и придирками ее задеть, обратить на себя ее внимание. Я же была категорически против такого поведения.

— Нравится — так и скажи, нечего девушку мучить, — требовала я от Сашки.

— Она сама кого хочешь замучит, — возмущался он. — Бегаёт от меня как черт от ладана.

В чем-то друг был прав. Варя его избегала. Даже говорить со мной на эту тему не хотела, но с удовольствием слушала мою историю знакомства с парнями, и с мужем в том числе. Она смотрела так, будто не могла поверить в мой рассказ, иногда смущая меня этим.

Отведав сногшибательно вкусные помидорки Вари, которые я под ее смех уминала прямо с грядки наперегонки с Толиком, мы вернулись в дом к Роману.

Еще издали я услышала голос деда.

— Похоже, у тебя гости, — улыбнулась Варя, беря сына за руку.

— Что-то он последнее время темнит, нужно узнать, что скрывает, — зловеще улыбаюсь я. — Можно я еще разочек наведаюсь к твоим грядкам?

— Конечно, только чур есть их мытыми, — требует она, а я как болванчик киваю.

— Честное пионерское, — клянусь я, прежде чем направиться в логово врага.

Вчера вечером мы с Романом снова повздорили насчет сроков. Он требовал, чтобы я не дожидалась улучшения и использовала ИИ как есть, я же хотела добиться совершенства. Так что выгнал он меня вчера отсюда, бросаясь тапками вслед.

— О, еще одна упертая явилась, — встретил меня возмущенный Роман. — Тебе что, нормированный рабочий график не писан, что ли? Где с утра шляешься?

— Помидорки ела, — улыбаюсь я, обнимая деда. — Привет. — Выглядит он хорошо, я бы сказала даже — отлично. — Варя дала разрешение на еще один рейд в святая святых, не будешь кукситься — и тебе принесу, — обещаю я Роману.

— Негодница, — бормочет он себе под нос.

— Итак, что ты скрываешь? — снова поворачиваюсь к деду. Тот после моего вопроса бросает быстрый взгляд на Романа, и я тут же разворачиваюсь к нему.

— Да не говорил я ей ничего, — возмущается Роман, смотря на деда, а потом на меня. — И чего ты на меня-то уставилась? Я здесь вообще ни при чем. Ну разве что самую малость.

— Итак?.. — снова смотрю на деда.

— Ну, я собирался тебе сказать, — мямлит он. — Просто не знал как.

— Я помогу, — перебиваю я его. — Открываешь рот и говоришь прямо, — приподнимаю брови, смотря ему в глаза. — Без вот этих «я не знаю как» и прочей чепухи. Что случилось? Что ты скрываешь от меня уже недели три?

— Меня вернули на должность, — выдает быстро дед.

— И что? Что в этом такого? Почему ты это от меня скрывал? Или здесь еще что-то есть?

— Ну, я думал, ты отреагируешь немного по-другому, — чешет он затылок.

— Как? Мне поплакать? А, нет, нужно истерику устроить, — понимаю я. — Подожди. — Поворачиваюсь к Роману: — Вызови Саву, а то успокаивать меня некому будет.

— Ладно тебе ерничать, — перебивает меня дед, — я все уже понял.

— Да что ты там понял-то? — возмущаюсь я. — Ты знаешь, что я тут себе напридумывала? — встаю и начинаю ходить из стороны в сторону. — Думала, у тебя неизлечимая болезнь или, еще хуже, что на той лекарше жениться собрался.

— А чем это хуже-то? — вставляет дед удивленно.

— Тебе не понять, но она тебе не пара, — отрезаю я. — Слишком алчная.

— А я тебе говорил, — смеется Роман, хватаясь за живот. — Умница девочка, ничего не пропустила.

— То есть ты болен? — торможу, вперив растерянный взгляд в деда.

— Да не болен я, он просто придуривается, — отмахивается дед. — Я переживал, что ты не захочешь, чтобы я уезжал.

— Ну, это-то я как-нибудь переживу, — расслабленно выдыхаю я. — Ты у меня уже большой мальчик.

— Ну как все прошло? — на пороге появляется Сава.

И вот тут я разозлилась.

— Так ты все знал? — зарычала я на него.

Одно дело, когда деды что-то от меня скрывают, но чтобы муж...

— Я ничего не знал, милая, — поднимает он ладони вверх, делая шаг назад.

— Да? А по вопросу и не скажешь, — надвигаюсь я на него.

— Кира, я клянусь, он узнал сегодня утром, — признается Роман.

— Я после этого тебя и не видел, чтобы тут же их обоих сдать, — откликается Сава.

— Обоих? — разворачиваюсь в сторону Романа. — Ты забыл мне что-то сказать?

— Я женюсь, — выдает Роман.

— Что? Когда? На ком? Только не на лекарше, — стону я.

— На пекарше, — смеется дед.

— Это что же, на Людмиле? Она же тебе в дочки годится? — выпаливаю я.

— Ну, не настолько я и стар, вообще-то, — решает обидеться Роман.

— А она согласна? — выдаю я и тут же ловлю на себе недоуменные взгляды. — А что? Меня-то вон без спроса выдали, — возмущаюсь я, смотря на покрасневшее от негодования лицо мужа.

— Все согласны, и все наконец все узнали, можно праздновать теперь, — оглашает радостно дедушка. — Но, помяни мое слово, ты еще пожалеешь, — кивает он Роману.

— Да иди ты, — отмахивается он. — Завидовать надо меньше.

Вот так вот раскрылись все заговоры и тайны нашего странного семейства.

После обеда, объевшаяся помидоров и наказанная мужем за правду, я наконец улеглась нас вое законное место — на груди у Савы. И мне вдруг так захотелось...

— Хочу домой, — выпалила я, даже не успев подумать.

— Домой? — поперхнулся Сава и даже немного привстал, чтобы заглянуть мне в глаза. — Это, позволь спросить, куда?

— Знаешь, мне здесь все нравится, и работа у меня здесь, но вдруг захотелось свежего воздуха и звездного неба над головой, — пытаюсь я объяснить ему свои чувства.

Наконец поняв, о чем я тараторю, Сава расплывается в улыбке.

— Я тоже чувствую себя там как дома, — соглашается он, расслабленно откидываясь назад. — Иногда и вправду очень хочется отсюда сбежать домой. Давай прям сейчас? Тогда и Игоря застанем, он как раз с задания вернуться должен.

От предложения Савы я тут же подскакиваю и начинаю носиться по комнате, одеваюсь и, оглянувшись, встречаюсь взглядом с ошарашенным Савой.

— Ты чего лежишь? — возмущаюсь я. — Бегом собирайся, мы должны успеть его встретить! — ору я.

Дороги пусты, и доезжаем мы как раз к позднему вечеру. Каждый раз, видя эту сторожку, вспоминаю, как мы приехали сюда вместе с мужем в первый раз. Жестокая шутка Савы, будто вчера... Идем к дому, держась за руки, прислушиваясь к ночным звукам леса. Я так спешу, что иду впереди, ведя за собой Саву. Далекий вой волка, и я оглядываюсь на мужа.

— Так ты не шутил тогда? — спрашиваю почему-то шепотом.

— Не шутил, — кивает он, проходя вперед.

Да уж. Теперь я иду, всматриваясь в темноту среди деревьев.

Неожиданно остановившись, Сава тормозит и меня и притягивает в свои объятия. Муж разворачивает нас, и я замираю от увиденного. Родной дом, залитый лунным светом. Кто-то сказал бы, что выглядит он зловеще, в темноте ночи и под полной луной, но для меня это самое прекрасное место на земле.

— Малышка, — зовет меня Сава.

Оглядываюсь на него. Он протягивает мне раскрытую коробочку с двумя кольцами внутри.

Поднимаю голову и встречаюсь с ним взглядом.

— Ты выйдешь за меня? — спрашивает он, и его голос прерывается от волнения.

Наверное, именно это меня и покоряет: он хотел сделать этот момент незабываемым для нас и очень сильно волнуется.

— Да, — отвечаю я, но тут же добавляю: — А на колени?

— На колени, — говорит Сава серьезно, надевая на мой пальчик кольцо, — только в кровати и только между твоих широко раздвинутых ножек.

Он не дожидается, когда я надену ему кольцо, а делает это сам, с самодовольным выражением лица.

— Вы поспорили на это, да? — понимаю я. — И кто выиграл?

— Ты не доверяешь своему мужу, милая? — спрашивает Сава, притягивая меня к себе в объятия. — Конечно мы выиграли.

Кира

Сава целует меня, сразу врываясь языком в мой рот, но у меня немного другие планы.

— Ауч, — отстраняется он от меня, бросая на меня обиженный взгляд.

— Прости, малыш, я искуплю свою вину, — обещаю, прикусив губу, чтобы не засмеяться, такое у него выражение лица. — Сейчас я хочу наконец домой, — требую, кивая в сторону нашего конечного пункта. — Приготовить ужин, дождаться Игоря и провести восхитительный вечер в кругу семьи.

— Для вечера уже поздновато, — бормочет мой благоверный, но все-таки берет меня на руки и направляется в дом, — и восхитительным он может быть, только если мы будем наедине, и желательно, чтобы на нас ничего не было, — продолжает он бурчать себе под нос.

А я просто улыбаюсь, слушая его голос.

Через полчаса Сава приготовил пасту, а я жаркое, и в тот момент, когда Сава вытащил его из печи, на пороге появился и сам хозяин дома.

— Добро пожаловать домой! — восклицаю я, раскрыв ему объятия. Но, к моему удивлению, Игорь вначале замирает, а потом быстро разворачивается и уходит.

Сава хотел было пойти за ним, но я решила сделать это сама.

— Я сейчас, — опережаю я мужа.

Обнаруживаю Игоря недалеко, стоящим спиной к двери. Он смотрит на небо.

— Ты это, скажи Кире, что я сейчас приду, не хочу ее расстраивать, — бормочет Игорь, думая, что это Сава за ним вышел. Его голос звучит ровно, но я вижу, что с ним что-то не так.

— Ты можешь сам мне все сказать, — обхожу его и заглядываю мужчине в глаза. — Прости, если я тебя расстроила. Я что-то сделала не так?

Быстро утерев щеку, Игорь делает шаг ко мне и обнимает. Его всего трясет.

— Ты в порядке? — похлопываю его по спине. — Я хотела сделать тебе сюрприз и побыть вместе с тобой как семья. Я сделала что-то не так?

— Глупая ты, Кира, но такая добрая девочка, — бормочет Игорь, наконец отстраняясь от меня.

Он плакал. Сердце сжимается от жалости к нему. Одиночество — это всегда плохо.

— Ты не рад мне? Ты сказал, что это мой дом, и я...

— Это, без сомнения, твой дом, — перебивает он меня, глядя по голове. — Ваш дом. И я очень рад, что ты приехала.

— Да? А по тебе не скажешь, — делано возмущаюсь я. — Если из-за тебя Сава сожжет мое жаркое, я очень рассержусь.

Мужчина отодвигается, всем видом показывая, что не может поверить в мою глупость.

— Ты доверила мясо Саве? — улыбается Игорь. — Его точно нужно спасать. Он, кроме своих макарон, ничего готовить не умеет.

Игорь улыбается, и это главное.

— Я уже догадалась, — улыбаюсь, обнимая его за талию и заглядывая в лицо.

— Эй, я не понял, какого черта ты тут с моей женой обжимаешься? — появляется на пороге Сава.

— Если ты сжег мясо, имей в виду, я подам на развод, — угрожаю я, не спеша отодвигаться от Игоря.

— Размечталась, — парирует Сава. — Твое мясо всего лишь прожарилось.

— Сгорело, — констатирует Игорь, едва сдерживая смех.

— Ничего подобного, — возмущается Сава, быстро перетаскивая меня из объятий Игоря в свои. — Совсем чуть-чуть. Кровожадная ты моя.

Сава крепко сжимает меня в своих объятиях и целует в темечко.

— Надеюсь, что так, — улыбаюсь я, — потому что я голодная.

— Я тоже, — кивает Игорь. — Ну, что там у вас от съестного осталось? — поддевает он Саву, направляясь в дом.

— Эй, — возмущается Сава.

Но наш общий с Игорем смех заставляет его замолкнуть.

— Вы как тут оказались? — спрашивает Игорь после того, как постарался спасти хоть что-то от сгоревшего мяса.

Быстро накрыв на стол, мы сели ужинать. Я не врала насчет того, что голодна.

Последнее время я постоянно хочу есть. С ужасом иногда рассматриваю себя в зеркале. Но, кроме того, что живот округлился немного и грудь стала чуть полнее, ничего не говорит о том, что я толстею.

— Да вот, говорит «домой хочу», — сдает меня муж. — Ну, мы на машину и к тебе.

Игорь замирает от его слов, и мы с Савой переглядываемся.

— Я рад, что вы считаете это место своим домом, — говорит Игорь, допивая чай.

— Только не говори мне, что ты болен, — умоляю я дрожащим голосом.

— С чего ты это взяла? — удивленно вскидывает он брови.

— Последнее время все только и делают, что что-то скрывают, — жалуясь я. — Деда вот в звании восстановили, а он в молчанку играл, пока я с ума сходила, пытаюсь угадать, что с ним, — тараторю я. — Роман на Людмиле жениться собрался и тоже об этом молчал, — качаю я головой, показывая, что не особо одобряю сие мероприятие. — А теперь и ты как в темечко пришибленный. С тобой же явно что-то не так.

Мой монолог прерывает смех Игоря. Мы с Савой снова переглядываемся, и я пожимаю плечами в ответ на его недоуменный взгляд.

— Я правда по тебе скучал, — говорит Игорь, отсмеявшись. — Думал, что не вернетесь, что забудете старика, — шокирует он меня. — А вот вы тут, да еще и с сюрпризом, да еще и с хорошими новостями.

— Тогда почему не приезжал? — не могу удержаться я от вопроса. — Если бы Сава не сказал, что ты сегодня с задания домой приедешь, я так бы и ждала от тебя весточки, — возмущаюсь я. — Нет, ну что вы за люди такие! Все самой делать надо. Соскучился — так приходи, нет же... мужики, — заканчиваю я. — Слов нет, одни эмоции.

— Я тебя понял, — улыбается Игорь. — Ты права. Виноват.

— Историю расскажешь — так и быть, прощу, — иду я тут же на мировую.

— А-а-а, — тянет он, улыбаясь. — Теперь я понял, к чему весь это сыр-бор, — смеется Игорь.

— Радуйся, что мне нравятся твои истории, — отрезаю я.

Сава не удивлен моим требованием, потому что я ему уже все уши прожужжала о рассказах Игоря.

После того как мужчины все убрали со стола под моим чутким руководством, мы

устроились наконец перед камином с полным чайником чая.

Судя по тому, с каким упоением Сава слушал Игоря, ему понравилось не меньше, чем мне. Чай допит, и огонь в камине почти затух, история рассказана, да не одна.

— Я схожу за дровами, — предлагает Сава, явно не желая заканчивать вечер, так же, как и я.

Но я вижу, что Игорь устал, поэтому, как только Сава выходит из комнаты, разворачиваюсь к нему.

— Я устала и, несмотря на весь твой шарм и красоту, и, конечно же, завлекательные истории, думаю, нам всем пора на боковую, — предлагаю я, демонстративно зевая.

Знаю, что не смогла его обмануть своим маневром, но он кивает, снова улыбаясь.

— Знаешь, Кир, с того момента, как я познакомился с тобой, моя жизнь изменилась, — говорит Игорь, ставя чашку на столик. — Никогда в жизни не смеялся столько, сколько рядом с тобой. Чего только стоило наблюдать, как мой сын теряет из-за тебя голову.

Замираю от его слов. Игорь даже не осознал, что назвал Саву своим сыном. Я помню историю их встречи и понимаю, что для него значат эти слова.

— Аж жить хочется, — продолжает он.

— Ты это, давай так больше не шути, — отрезаю я делано строгим голосом. — Со мной не заскучаешь, — подмигиваю я ему, не выдержав его улыбки. — Глядишь, и тебя женю.

— Чур меня, — подскакивает он с кресла.

— А что? — возмущаюсь я. — Ты у нас еще молодой и видный, так что найдем тебе красавицу да умницу и будем в гости приезжать, — не отстаю я. — Чем ты хуже Романа? Тот даже в своем бункере невесту нашел.

— Давайте просто в гости и без всяких там красавиц, — бросает Игорь за спину, поднимаясь по лестнице. — И, Кир, спасибо, что приехали.

— Не за что, — улыбаюсь я. — Правда, ты еще об этом пожалеешь.

— Ни за что, — смеется он. — Спокойно ночи.

— Спокойной.

После ухода Игоря, задумавшись о его судьбе, убираюсь перед камином.

Потерять жену, а потом и единственного сына, на его похоронах встретить парня, который, возможно, ему о нем напоминает по сей день... да уж, ему не позавидуешь. Я знаю, что и Игорь важен для Савы, но осознает ли мой муж, насколько велико его значение в жизни Игоря? Не уверена.

Кстати, а где это он?

Застаю его смотрящим на звезды.

— Ты решил полюбоваться на них без меня? — спрашиваю, садясь рядом, но он тут же перетаскивает меня к себе на колени, а я быстро обнимаю его, накидывая на него плед, в который закуталась, прежде чем выйти на улицу.

— Нет, просто задумался, — Сава прижимает меня к себе, окутывает меня краями теплого укрытия.

— О чем? — шепотом спрашиваю я, не желая нарушать атмосферу этой звездной ночи.

— О том, как изменилась моя жизнь, — отвечает Сава, перенимая мою манеру говорить. — Я безумно счастлив, что встретил тебя, — продолжает любимый, заставляя мое сердце сжаться от радости.

— Я знаю, — выдавливаю из себя, прикусывая губы.

— Я люблю тебя, Малышка, — признается он, заглядывая в мои глаза.

Столько сомнений стерлось в одну секунду этими словами.

— А я тебя, — не могу не ответить я.

Сава впивается в мое лицо внимательным взглядом.

— Правда? — в его голосе столько недоверия и затаенной надежды, что мне становится немножечко стыдно.

— Правда.

— А почему не говорила? — требует мой благоверный.

Нет, ну вы поглядите на него!

— А ты почему? — упираюсь я ладонями ему в грудь. — Как жениться, да без согласия, так это мы можем, а признаться в своих чувствах, значит, я первая должна?

С минуту Сава просто смотрит на меня, а потом снова притягивает меня к своей груди.

— Ты меня с ума сводишь, знаешь? — шепчет он.

— Да, есть у меня такая способность, — улыбаюсь я, прислушиваясь к хаотичному стуку его сердца.

— Негодяйка.

— Дурачок.

Сава смеется, заставляя и меня трястись вместе с его ходящей ходуном грудью.

Резко замолкает, прижимая меня к себе еще крепче. Сдавливая так сильно, практически лишая воздуха, но я не трепыхаюсь, потому что чувствую, что ему это нужно. Как и мне.

Еще секунда, и он уже всматривается в мое лицо.

— Обещай, что никогда никуда не уйдешь, — требует он. — Что бы ни случилось, не оставишь меня.

Как много в его глазах страха, нежности и любви.

— Обещаю, — обнимаю я его, скрывая слезы, что полились из моих глаз.

Понимаю его как никто, потому что со мной происходит то же самое.

— Я без тебя жить не смогу, Кир, — шепчет Сава. Его слова эхом отдаются у меня в груди. — Без вас обоих.

— А я без тебя, — отвечаю ему, находя его губы.

Дыхание прерывается, и сердце стучит набатом в груди. Поцелуй со вкусом слез, надежды и страсти становится глубже, и мир теряет свои четкие очертания.

Сегодня, сейчас с нами все хорошо. А завтра?

Что бы ни было с нами в будущем, мы со всем справимся, обязательно.

Сава

Наблюдаю за тем, как моя Малышка уточкой неуклюже переваливаясь идет через двор в сторону не побоюсь этого слова плантаций Вари.

Снова за своими помидорами пошла.

Кира уминает их и днем, и ночью, поэтому я очень благодарен этой девушке за ее труды.

Я ругаюсь с женой только в том случае, когда она их не моет.

Терпения у нее, видите ли, не хватает.

Не могу удержать улыбку.

Малышка изменилась. Она стала такой страстной последнее время. Стоит только посмотреть в ее сторону с желанием в глазах как Кира тут же загорается. А иногда она сама набрасывается словно дикая львица, требуя секса. Потом, конечно, смущенно отводит взгляд и мычит что-то про то, что это ей не свойственно, но я быстро ее затыкаю поцелуем, начиная новый раунд.

Я безумно рад ее желанию, наслаждаюсь ею каждую секунду и не хочу, чтобы оно заканчивалось. Мне всегда ее мало.

Кира стала еще сексуальнее, а еще да не услышит моя любимая женушка — очень плаксивой.

Малышка плачет по любому поводу. От радости, от грусти, от злости. Любая эмоция вызывает слёзы на ее глазах и каждый раз она приходит просто в ярость от своей «слабости» и снова все по новой, но уже из-за гнева.

Меня же трясет каждый раз как я это вижу. Просто физически не могу выносить ее мокрых глаз и мне плевать на причину. Пусть уж лучше злится.

А настроение у Малышки меняется очень быстро, вот она только что рыдала в три ручья, но стоит ее шлепнуть по заднице как она уже горит от страсти или гнева.

Меня влечет исследовать ее тело, точнее изменения что с ним происходят. В начале даже неудобно было как-то из-за того, как мне все время хочется ее рассматривать. Со спины Малышка практически не изменилась, кроме того, что бедра стали чуть-чуть шире, но вот ее животик растянулся будто она шарик проглотила. Мягкая нежная и до охранения сексуальная. Она и сама не понимает, как транслирует свою сексуальность вокруг себя. Зато я прекрасно вижу, как парни ей в след оборачиваются. Пришлось даже нескольким носы попортить чтобы остальные поняли, что так делать не следует.

Ощувив впервые под ладонью первый толчок моей дочки я так растерялся что свалился с кровати. Теперь Кира мне это каждый раз при любом удобном случае припоминает.

Но боже мой, какое же это было странное чувство. Малышка и не догадывается, что мы с дочкой ночами общаемся, когда ее неугомонная мама спит. Я и сам не понял, как стал говорит с дочкой поглаживая Киру по пузику, а дочка пинаться в ответ. Она еще не родилась, а я ее уже люблю.

— Любуешься? — спрашивает, садясь рядом Роман. Кошусь в его сторону. Он изменился.

Выглядит моложе весть подтянулся и чаще улыбается, а самое главное наконец слез со своей коляски. Да любовь творит чудеса. Людмила оказалась очень тихой и скромной

женщиной с милой улыбкой. Вот уж кого бы я не представил рядом с Романом так это такую как она.

— Ты что-нибудь выяснил? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— Пока пробиваем по базам, парни трудятся не покладая рук, — отвечает Роман совсем меня не успокаивая, — Даже америкашки с англичанами присоединились. Уверен, что скоро все узнаем. Думаю, ты зря переживаешь. Ведь всех самолично убрал.

— Я боюсь, — признаюсь я Роману после минутного молчания, — Теперь у меня есть что терять, — оглядываюсь на него, — Ее чип не дает мне покоя ни днем ни ночью, тем более сейчас, когда Арсения восстановили в должности. Как коды доступа к чипу Киры попали в руки Новикова? Сам смог вычислить?

— Слишком глуп, — отрицательно качает головой Роман, и я с ним согласен.

— Я хочу знать как и почему, — напирая я, — Не хочу сюрпризов, только не сейчас. И слова Арсения что он сам выяснить кто предал его меня никак не успокаивают. Я не могу положиться на него в плане безопасности своих девочек.

Молчим.

— Керчь хотел проверить Краснова, — вдруг откликается Роман.

— В смысле? Он же мертв, — не понимающе смотрю на него.

— Он предположил, что убили вы не того, — пожимает плечами Роман, — Я дал согласие, а теперь он на связь не выходит.

— С чего бы он так подумал? И что заучит на связь не выходит? — злюсь я, — Проверь его по ИИ.

— Он не чипировался, сказал, что скоро сделает, но сам не явился, — устало протирает лицо Роман, — Отчитался что проверит один клуб, в котором якобы видели Краснова и все, ни слуху ни духу.

— Даже если бы Краснову удалось выжить он вряд ли бы по клубам разгуливал, — уже в открытую возмущаюсь я, — И почему мне не сообщили?

— Хотели убедиться, — отмахивается Роман, — Ты и так весь на нервах, посмотри на себя со стороны, — усмехается он, — Да парни тебя стороной за километр обходят. Ведешь себя неадекватно.

— Ни черта подобного, — не соглашаюсь я.

— И Алекс твой не лучше, — перебивает меня Роман, — Совсем берега попутал, из-за девки.

— Я с ним поговорю, — после минутного молчания соглашаюсь я, — Но это не значит, что ты соскочил, — угрожаю я, — Какие еще секреты вы там от меня скрываете?

— Это все, — поднимает он ладони, — Ситуация с чипом Киры и меня не на шутку напрягает, — признается Роман, — Да и Арсений тоже на мозги капает, переживает. Если есть подозрение будем проверять. Всем нам легче будет если всю эту сеть подчистую уберем.

— Нужно было мне с Новикова тогда говорить, — жалею я, — Зря вас только послушался.

— Ты его едва не убил, — возражает Роман, — Но про чипирование Киры он нам так ничего и не сказал, — качает он головой.

В этот момент мое внимание привлекает Малышка, которая слишком медленно возвращается по тропе. Что-то не так.

Срываюсь к ней.

— Что с тобой? — подбегаю к Кире, которая смотрит на меня со страхом в глазах.

— Началось, — шепчет она и мир вокруг меня замедляется. Губы Малышки двигаются, но шум в ушах не дает услышат ни слова.

Хлесткая пощечина, приводит меня в себя.

— Но еще рано, — вырывается мое удивленное возмущение.

— Ты это своему отпрыску скажи, — отрезает Кира, — А сейчас бегом за моей сумкой, — приказывает она, — Роман к машине.

Не слушаю ее поднимаю на руки и быстро несю к машине, усадив на заднее сидение бегу за ее сумкой.

— Сава сумку для ребенка, — возмущается Кира отбрасывая от себя дамскую сумочку что я принес.

Черт туплю не по-детски. Нет конечно я знал, что у нас родится ребёнок и мы говорили даже о том, как это произойдет, только вот все слишком быстро происходит, я не готов.

Только успеваю забраться к Малышке и захлопнуть за собой дверцу как машина с визгом срывается с места. Роман похоже тоже нервничает. Тихий стон Малышки заставляет меня забыть о нашем водителе. Кира, прикусив губу, до боли сжимает мою руку. Откуда в ней столько силы?

Что мне делать? Как помочь? Черт ненавижу быть беспомощным.

Кира расслабляется на секунду но тут же снова сжимает мою ладонь еще сильнее.

— Дыши, — говорю я сам себе.

— Я стараюсь, — отвечает мне Малышка начиная громко втягивать в себя воздух, — Мне больно.

— Все хорошо, мы сейчас уже почти приехали, — твержу я больше себе чем ей.

Как только Роман останавливает машину тут же вываливаюсь из нее и вытаскиваю Малышку, которая скрипит зубами от боли.

Вертолет нас уже ждет. Прижав Киру к себе, поближе заносу ее внутрь. Еще дверь не захлопнулась, а мы уже взлетели.

Хорошо, что Людмила одним тихим вечером за разговором упомянула что на машине мы в город отвести Киру не успеем так что мы приготовили вертолет к такому случаю. Роман похоже успел предупредить пилота. Кто же знал, что все завертится так внезапно?

Мне кажется, что меня выпроводили из палаты вечность назад. Точнее Кира настояла на этом. В самом начале я слышал ее крики и думал «господи, когда это закончится» Но вот ее крики затихли и теперь я просто в ужасе не зная, что с ней там происходит. Страшные картинки одна за другой мелькают перед глазами. Не хочу их видеть, но не могу перестать их транслировать.

Я не могу их потерять, не могу. Только не бросай меня Малышка, все что угодно только останься со мной.

Внутри будто все заморозилось и в тот момент, когда я увидел медика в коридоре у меня будто сердце остановилось.

— Как она? — слышу будто сквозь воду вопрос Романа.

— Она в порядке, — смысл этих слов наконец доходит до моего сознания, и я выдыхаю, — Ее готовят перевести в палату. Поздравляю с рождением сына.

В этот момент забившееся в груди сердце снова замирает. Она что-то перепутала, у нас девочка.

— Вы уверены, что мы говорим об одном человеке? — спрашиваю я, схватив ее за

предплечья и начиная трясти как куклу.

— Конечно уверена не каждый день к нам роженицу на вертолете доставляют, — отрезает она, отталкивая меня, — Отпустите меня наконец. Ненормальный что ли?

— Простите его он немного не в себе, — извиняется Роман, пока я стою истуканом.

— Она точно что-то перепутала, — пытаюсь я объяснить Роману качая головой, — Она неправильно поняла.

— Да какая разница сейчас все узнаем, — шлепает меня по плечу Роман, но меня всего трясет, и я даже не замечаю этого.

— Как она? — слышу голос Арсения за спиной, но не могу даже повернуть в его сторону.

— Только что медсестра сказала, что с ней все хорошо, — отвечает Роман, — Ее сейчас переведут в палату.

— Эй ты как? — перед глазами появляется встревоженное лицо Игоря, — Пойдем ка со мной.

Он тянет меня на выход. Я не хочу, но мои ноги просто передвигаются по инерции.

— Смотри не свались снова в обморок, — слышу окрик Арсения за спиной. В другое время я бы его послал, но сейчас все мои тревоги сосредоточены на Малышке. Меня сковывает ужас от страха что с ней может что-то случиться. Роды были какой-то далекой эфемерной ситуацией, которую я себе в деталях даже не представлял, не знал, что меня так накроет.

— Я хочу ее увидеть, — получается у меня произнести, только шепотом, — Мне нужно ее увидеть.

— Конечно, но давай ты в начале лицо умоешь, а то глядя на тебя Кира начнет переживать, а ей нельзя ты же сам знаешь, — говорит Игорь и меня начинает отпускать.

Малышке нельзя волноваться, иначе молоко пропадет. Так доктор говорила, когда мы к ней на прием ходили.

Ополоснув лицо быстро направляюсь обратно. Но перед дверями уже никого нет. Где они?

— Их уже в палату подняли, но туда никому нельзя, — говорит Игорь, но я не хочу этого слышать.

— Я должен ее увидеть, — твержу я.

Скорее всего это Игорь договорился так что меня все-таки пропускают внутрь. Дают халат и шапочку дурацкую на голову и вот наконец я вижу Малышку. Она лежит в кровати и даже улыбается мне. Мое сердце несется вскачь. Только сжав ее в своих объятиях я наконец могу унять свой страх. Она жива. Моя Малышка в порядке. Ведь в порядке?

Отдвигаюсь немного и осматриваю ее лицо. Устала, но вроде все хорошо. Задать вопрос язык не поворачивается.

— Все хорошо, — шепчет Кира, пока я питаю в себя ее запах.

— Ты так кричала, — шепчу я в ее волосы, — Я испугался, — признаюсь я.

— Ну знаешь ли это больно выталкивать из себя три килограмма счастья, — издевается она надо мной, но заглянув в мое лицо сразу же походит на серьезный лад, — Со мной и ребенком все хорошо, — успокаивает она меня, обнимая.

— Милая знаешь ты намного сильнее меня, — смотрю в ее глаза, — Намного. Если с тобой что-то случится, то я просто... Это был последний раз, когда я позволю тебе меня так пугать, — предупреждаю я серьезно, но Малышка только улыбается.

— Скажи еще что любишь меня, — подмигивает она, но я замечаю, что она устала.

Вот же я идиот, она же прошла через такое, а я тут со своей истерикой.

— Отдохни я побуду рядом, — целую ее в сухие губы.

— А вот и вам малыш, — на пороге появляется медсестра, неся в руках пищащий сверток, — Поздравляю с горластым богатырем.

Заправски кладе мне на руки ребенка, который как по волшебству тут же замолкает. Его красное сморщенное личико корчится в рожицах, а я смотрю и не могу понять смысла услышанных мной слов.

— Но у нас дочь, — бросаю я все так же не имея сил оторваться от ребенка.

Такой маленький что просто страшно.

Поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с улыбающейся Малышкой.

— А я ведь говорила, что первым у нас будет сын, — смеется Кира, запрокинув голову. Ее смех товарным поездом врезается мне в грудь.

Не смотря на шок появляется безумное желание ее поцеловать, и я конечно же ему не сопротивляюсь.

— Спасибо, — шепчу Малышке с сияющими глазами, — Спасибо что ты есть.

Больше книг на сайте - Knigoed.net